

І. Введеніе.

Русскій народъ въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ одно цѣлое.

Инородческая, финская кровь, входившая въ обиліи въ теченіе многихъ вѣковъ и входящая даже доселѣ въ сѣверо-восточную отрасль русскаго народа—въ великорусское племя, не сдѣлала русскихъ сѣверянъ ни финнами, ни финно-руссами, какъ увѣряютъ даже въ наши дни, со словъ печальной памяти Духинскаго, нѣкоторые мало знающіе русскій народъ и русскій языкъ иностранцы. Она не оказала ни малѣйшаго вліянія на единство русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли въ русскій языкъ ничего. Когда-то думали, что мы обязаны финнамъ полногласіемъ и аканьемъ, но этого мнѣнія теперь уже почти никто не держится, въ виду его очевидной неосновательности; полногласіе существуетъ вездѣ, гдѣ живетъ русскій народъ, между прочимъ за Карпатами и передъ Карпатами, гдѣ исторія не знаетъ финскихъ поселеній даже въ самыя древнія времена, а аканье отсутствуетъ именно у тѣхъ русскихъ, въ которыхъ течетъ особенно много финской крови,—у сѣверныхъ великоруссовъ.

Исторія русскаго языка, отличающагося сравнительнымъ консерватизмомъ, за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка

вполнѣ сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что лишь о нѣсколькихъ карпатскихъ и закарпатскихъ говорахъ, въ виду ихъ смѣшаннаго характера, возможно вопросъ: слѣдуетъ ли ихъ считать говорами русскими, или же польскими, словацкими. Кое-кто изъ ученыхъ дѣлитъ русскій языкъ на два языка, хотя и близко родственные между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко отличные другъ отъ друга,—великорусскій и малорусскій, причемъ одни причисляютъ бѣлорусское нарѣчіе къ первому языку, другіе—къ второму. Эти лица дѣлаютъ крупную ошибку. Они берутъ для сравненія, на которомъ потомъ строятъ выводы, съ одной стороны тотъ великорусскій говоръ, который по звукамъ наиболѣе отличенъ отъ говоровъ малорусскихъ,—акающій московскій, и съ другой—тѣ говоры малорусскіе, которые наиболѣе удалены отъ великорусскихъ,—украинскій и галицкій, часто имѣющіе *i* на мѣстѣ великорусскихъ *o* и *e*. Сѣверная часть малорусскихъ говоровъ, говоры, имѣющіе *y*, *yo* на мѣстѣ великорусскихъ *o* и *e*, а иногда и *e* на мѣстѣ *ъ*, оставляются ими безъ вниманія; а между тѣмъ эти говоры по своимъ фонетическимъ особенностямъ близки къ великорусскимъ акающимъ говорамъ, болѣе близки къ нимъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому: Въ этомъ можетъ безъ труда убѣдиться всякій: стоитъ только сравнить сѣверно-малорусскія 1) вуль, вуоль, 2) вюль, вюоль съ одной стороны—съ великорусскими 1) воль, 2) вѣль, съ другой—съ украинско-галицкимъ віль. Если мы возьмемъ всю массу великорусскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и бѣлорусскихъ, такъ какъ бѣлорусское нарѣчіе есть, конечно, часть великорусскаго нарѣчія) и сопоставимъ ихъ со всею массою малорусскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основанія видѣть въ каждой группѣ особый, самостоятельный языкъ.

Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напримеръ, XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, — не можетъ быть даже и вопроса.

Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.

Наблюдая исторію языка, мы замѣчаемъ, что онъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи собственнаго опыта, мы удостовѣряемся, что говорящіе вовсе не имѣютъ желанія измѣнять свой языкъ и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи явленій намъ становится ясно, что измѣненія звуковъ бывають двоякаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки измѣняются постепенно, переходя изъ одного отгѣнка въ другой. Это—естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физиологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ измѣненіе *e* въ *o* въ словѣ *мѣдъ*: въ древности здѣсь слышался звукъ *e*; теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчійхъ здѣсь слышится звукъ *o*. Къ нимъ принадлежитъ измѣненіе мягкаго *ж*. въ твердое въ словѣ *жиръ*: нѣкогда оно звучало съ *и* послѣ *ж*; теперь въ великорусскомъ нарѣчій оно звучитъ *жыръ*; и т. п.

Въ другихъ случаяхъ звуки и звуковыя сочетанія измѣняются рѣзко, безъ постепенности. Это—также естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физиологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ диссимиляція плавныхъ (замѣна *p* черезъ *л*) въ словѣ *молубъ*; въ древности здѣсь было два звука *p*; теперь мы произносимъ одинъ *p* и одинъ *л*.

Въ третьихъ случаяхъ измѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствию аналогіи, вліянію однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ однихъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ словѣ другими. Такъ, форма повелительнаго наклоненія *печи* образовалась изъ болѣе древней формы *пѣчи* подѣ вліяніемъ формъ *пеху*, *пехуть* и другихъ, гдѣ издревле слышится звукъ *к*. Измѣненія звуковъ дѣйствиемъ аналогіи находятся въ зависимости не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума, и такимъ образомъ носятъ психологическій характеръ.

Измѣненія физиологическаго характера въ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тождественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *e* въ *o* не въ одномъ великорусско-бѣлорусскомъ мѣдѣ, а во всѣхъ словахъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, въ которыхъ *e* слышалось подѣ удареніемъ передъ послѣдующими твердыми согласными. Такимъ образомъ эти измѣненія подчинены болѣе или менѣе строгимъ законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблю-

дается лишь въ той или другой части тождественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы видимъ замѣну *р* черезъ *л* при диссимиляціи плавныхъ въ пролубь, но не встрѣчаемъ ея при тождественныхъ условіяхъ въ пролѣзь. Особенно много случайности въ сокращеніи словъ (въ выпаденіи и отпаденіи звуковъ), такъ какъ оно имѣетъ мѣсто по преимуществу въ тѣхъ словахъ, которыя употребляются въ рѣчи и очень часто, и безъ желанія со стороны говорящаго обратить на нихъ вниманіе слушающихъ.

Измѣненія психологическаго характера отличаются полною случайностью, хотя иногда мы наблюдаемъ ихъ въ очень значительномъ количествѣ тождественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствию звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *ц* у насъ никогда не переходитъ въ *к*, сохраняется; но благодаря дѣйствию аналогіи мы наблюдаемъ исключеніе—появленіе *к* на мѣстѣ *ц* въ формѣ *неки* и во всѣхъ однородныхъ формахъ повелит. накл.

Должно замѣтить, что законы измѣненій звуковъ въ одномъ и томъ же языкѣ, нарѣчій, говорѣ могутъ быть различны (до извѣстныхъ предѣловъ) въ различныя эпохи жизни этого языка, нарѣчія, говора. Такъ, мы наблюдаемъ въ древнѣйшую, общеславянскую эпоху—законъ смягченія *т* въ русское *ч* (свѣча), а въ эпоху болѣе позднюю, въ области бѣлорусскаго нарѣчія,—законъ смягченія *т* въ мягкое *ц* (свѣциць).

Причины звуковыхъ измѣненій въ языкѣ мало ясны. Наблюдаемая изрѣдка разница въ отдѣльныхъ особенностяхъ языка у старшаго поколѣнія въ селѣ съ одной стороны и у младшаго (взрослаго) поколѣнія съ другой позволяетъ догадываться, что большая часть измѣненій происходитъ при усвоеніи дѣтьми рѣчи родителей. Какъ извѣстно, дѣти лишь постепенно усваиваютъ родительскую рѣчь, и то не всѣ; часть дѣтей превращается въ взрослыхъ, удерживая большее или меньшее количество особенностей дѣтскаго произношенія (картавятъ, шепелявятъ и т. п.). Если въ селѣ всѣ дѣти близкаго возраста, постоянно общаясь между собою, усваиваютъ одну и ту же звуковую особенность и потомъ, выросши, сохраняютъ ее и передаютъ слѣдующему поколѣнію, то получается звуковое измѣненіе въ языкѣ даннаго села.

II. Источники.

Мы имѣемъ огромное количество источниковъ для исторіи русскаго языка: рукописныхъ книгъ за время отъ XI по XIV в. включительно до насъ дошло болѣе 500; грамотъ (документовъ) за то же время сохранилось около 150. Число рукописныхъ книгъ и грамотъ за время отъ XV по XVII в. включительно трудно опредѣлить даже приблизительно.

Главныя хранилища древнихъ русскихъ рукописныхъ книгъ— С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека и Московская Типографская Библіотека. Коллекціи рукописей Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея составились изъ пожертвованій и покупокъ отъ частныхъ лицъ; поэтому въ этихъ учрежденіяхъ мы находимъ древнія рукописи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ основу Синодальной и Типографской Библіотекъ легло то собраніе рукописей, которое было составлено патріархомъ Никономъ предъ началомъ исправленія богослужебныхъ книгъ; тогда было прислано къ патріарху изъ церквей и монастырей московской Руси большое количество находившихся въ нихъ древнихъ списковъ богослужебныхъ и иныхъ книгъ, изъ которыхъ одни вошли въ Типографскую, другіе въ Синодальную Библіотеку. Между прочимъ, въ Синодальной Библіотекѣ теперь находятся рукописи московскихъ Чудова и Новоспасскаго монастырей, Успенскаго и Архангельскаго соборовъ. Сверхъ этихъ главныхъ хранилищъ рукописей, есть еще нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ. Это — библіотеки Духовныхъ Академій: С.-Петербургской, Московской, Казанской и Кіевской. Библіотека рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ коллекцій: 1) новгородскаго Софійскаго собора и 2) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря;

огромная часть находящихся здѣсь рукописей писана или въ Новгородѣ, или на новгородскомъ сѣверѣ, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно однообразнымъ матеріаломъ. Библіотека Московской Духовной Академіи заключаетъ въ себѣ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря, по большей части позднія, XVI—XVII вв., и Троицкой Духовной Семинаріи, куда они были взяты изъ Троицкой Лавры. Библіотека Казанской Духовной Академіи состоитъ изъ рукописей Соловецкаго монастыря; древнихъ рукописей здѣсь также почти нѣтъ. Что касается Кіевской Академіи, то находящіяся въ ея бібліотекѣ и въ состоящемъ при ней Церковно-Археологическомъ Музеѣ рукописи пріобрѣтены въ разное время различными путями и между ними очень немного такихъ, которыя бы имѣли цѣну для лингвиста. Немало рукописей хранится въ бібліотекахъ Виленской Публичной, Троицко-Сергіевой Лавры, Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ (послѣднему принадлежитъ собраніе рукописей купца Хлудова), Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Историческаго Музея (здѣсь, между прочимъ, собраніе П. И. Щукина), старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, Общества любителей древней письменности въ С.-Петербургѣ, Синодальнаго Архива также въ С.-Петербургѣ, Новороссійскаго Университета, Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей, Тверскаго Музея, Ставропигійскаго Музея во Львовѣ (въ Галиціи) и др. и между ними есть очень цѣнныя. Отдѣльныя древнія рукописи хранятся въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, отчасти мало доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ для ученыхъ; такъ, ярославскій Успенскій соборъ владѣетъ Евангеліемъ начала XIII в., кіевскій Никольскій монастырь имѣетъ Евангеліе 1411 г. Наконецъ нѣкоторыя собранія рукописей составляютъ собственность частныхъ лицъ; таковы собранія графовъ Уваровыхъ, И. А. Вахромеева, Е. В. Барсова, Н. П. Лихачева, Е. Е. Егорова и др.

Главными хранилищами грамотъ служатъ Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся почти всѣ древнѣйшіе государственные и дипломатическіе акты, московскіе и нов-

городскіе, и Московскій Архивъ Министерства юстиціи, гдѣ находится значительное количество актовъ юридическихъ. Сверхъ того, грамоты находятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Рижскомъ городскомъ архивѣ, въ Виленскомъ и Кіевскомъ Центральныхъ Архивахъ и въ Археографической Комиссіи въ Петербургѣ.

Изъ указанныхъ собраній рукописей не всѣ имѣютъ печатные каталоги. Хорошіе каталоги имѣетъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей; они для Румянцевскаго собранія составлены Востоковымъ ¹⁾, для другихъ собраній составлены или изданы Викторовымъ ²⁾. Синодальная Библіотека имѣетъ: 1) краткій указатель, составленный архимандритомъ Саввою, и 2) подробное ученое описаніе, не оконченное, принадлежащее Горскому и Невоструеву (пять томовъ) ³⁾. Типографская Библіотека владѣетъ пока лишь четырьмя выпусками подробнаго описанія ⁴⁾. Каталогъ той половины библіотеки Московской Духовной Академіи, которая поступила въ нее изъ Іосифова монастыря, составленъ іеромонахомъ Іосифомъ ⁵⁾, а о другой половинѣ, «фундаментальной», принадлежавшей нѣкогда Троицкой Лаврѣ, сообщены свѣдѣнія архимандритомъ Леонидомъ ⁶⁾. Рукописи Соловецкой библіотеки, принадлежащія теперь Казанской Духовной Академіи, частью уже описаны, частью описываются (вышло два полныхъ тома и часть третьяго тома описанія ⁴⁾). Каталоги рукописей Кіевской Духовной Академіи и ея Церковно-Археологическаго Музея составлены Петровымъ ⁸⁾. Рукописи Виленской Публичной Библіотеки описаны Добрянскимъ ⁹⁾, Троицко-Сергіевой Лавры—іеромонахомъ Арсеніемъ ¹⁰⁾, Воскресенскаго монастыря—архимандритомъ Леонидомъ ¹¹⁾, Никольскаго Единовѣрческаго монастыря (=собранія Хлудова)—Поповымъ ¹²⁾, Флорищевой пустыни—Георгіевскимъ ¹³⁾, Общества любителей древней письменности—Лопаревымъ ¹⁴⁾, Археографической Комиссіи—Барсуковымъ ¹⁵⁾. Сверхъ того, имѣются печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ библіотекъ: Императорской Публичной ¹⁶⁾, Академіи Наукъ ¹⁷⁾, Общества исторіи и древностей ¹⁸⁾, ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря ¹⁹⁾, Ростовскаго Музея ²⁰⁾, Тверскаго Музея ²¹⁾, Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института ²²⁾, Синодальнаго Архива въ С.-Петербургѣ ²³⁾, графовъ Уваровыхъ ²⁴⁾, И. А. Вахромеева ²⁵⁾, П. И. Щукина ²⁶⁾, нѣсколькихъ епархіальныхъ «древлехранилищъ», львовскаго Ставропигійскаго Музея.

Описание грамот одной из коллекций Румянцевскаго Музея сдѣлано Лебедевымъ ²⁷⁾; свѣдѣнія о древнѣйшихъ грамотахъ Архива Министерства юстиціи сообщены Мейчикомъ ²⁸⁾; есть описание грамот въ собраніи графовъ Уваровыхъ ²⁹⁾.

1) „Описание русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“, Спб. 1842.—²⁾ „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго“, М. 1870.—„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева“, М. 1871.—„Собрание рукописей П. В. Севастьянова“, М. 1881.—„Собрание рукописей И. Д. Бѣляева“, М. 1881.—Свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ, поступившихъ въ Музей, находятся въ „Отчетахъ“ Музея.—³⁾ „Указатель для обозрѣнія Московской Патриаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки, составленъ синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Саввою“. Изданіе 2-е. М. 1858.—„Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“, М. 1855—1869.—Рукописи Новоспасскаго монастыря описаны Поповымъ: „Рукописи Московской Синодальной (патріаршей) Библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. М.—Рукописи Успенскаго собора описаны въ „Описи книгъ библіотеки московскаго Успенскаго собора“. Чтенія Московскаго Общества ист. и древн., 1895 г., кн. 3.—⁴⁾ „Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Выпускъ 1-й. Сборники. Описалъ А. Орловъ. Выпускъ 2-й. Сборники и лексиконы. Вып. 3-й. Псалтыри. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ В. Погорѣловъ“. М. 1896—1903.—⁵⁾ „Опись рукописей, перепесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи“. Чтенія Московскаго Общества исторіи и древн., 1881 г., кн. 3.—⁶⁾ „Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.“. Чтенія 1883 г., кн. 1, 1884 г., кн. 3 и 4, 1885 г., кн. 1.—⁷⁾ „Описание рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи“. Казань, 1881—98.—⁸⁾ „Описание рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ“. Три выпуска. М. 1891—1904.—„Описание рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи“. Три выпуска. Кіевъ, 1875—79.—Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ Музей послѣ 1879 г., находятся въ „Отчетахъ“ Церковно-Археологическаго Общества („Труды Кіевской Духовной Академіи“, и отд.).—⁹⁾ „Описание рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ“. Вильна, 1882.—¹⁰⁾ „Описание славянскихъ рукописей библіотеки свято-Троицкой Сергіевой Лавры“. Чтенія 1878 г., кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. Дополненіе (описание рукописей, хранящихся въ ризницѣ Лавры) въ Чтеніяхъ 1880 г., кн. 4.—¹¹⁾ „Описание славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря“. Чтенія 1872 г., кн. 1.—Другое описание той же библіотеки принадлежитъ арх. Амфилохію: „Описание Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки.“

Съ приложеніемъ свивковъ“. М. 1876.—¹²⁾ „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова“, М. 1872. „Первое прибавленіе“, М. 1875.—¹³⁾ „Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе, съ рисунками. Въ приложеніи: Описаніе рукописей, каталогъ старо-печатныхъ книгъ и собраніе грамотъ и актовъ, принадлежащихъ пустыни. В. Георгіевскаго“. Вязники, 1896. Теперь рукописи Флорищевой пустыни находятся въ Владимірскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ.—¹⁴⁾ „Описаніе рукописей Имп. Общества любителей древней письменности. Трудъ Хрисанова Лопарева“. Три части. Спб. 1892—1899.—Въ 1902 г. вышло въ свѣтъ также описаніе принадлежащаго Обществу собранія рукописей (позднихъ) кн. П. П. Вяземскаго.—¹⁵⁾ „Рукописи Археографической Комиссіи“. Спб. 1882.—¹⁶⁾ Находящееся въ Публичной Библіотекѣ собраніе рукописей графа Толстого описано въ книгѣ: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ бібліотекѣ графа Ф. А. Толстого. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ“. М. 1825. „Первое прибавленіе... Издалъ П. Строевъ“. М. 1825. „Второе прибавленіе... Издалъ П. Строевъ“. М. 1827. — Часть сборниковъ собранія Погодина описана Бычковымъ: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки“, Спб. 1882.—Свѣдѣнія о поступившихъ въ Библіотеку собранія и отдѣльныхъ рукописяхъ находятся въ ежегодныхъ „Отчетахъ“ Библіотеки, въ послѣднія сорокъ лѣтъ подробныя.—Новѣйшее крупное приобрѣтеніе Публичной Библіотеки—собраніе Титова—описано бывшимъ ея владѣльцемъ: „Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи... А. А. Титова. Описано собирателемъ А. Титовымъ“. Пять томовъ. Спб. 1893.—М. 1906. ¹⁷⁾ „Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической бібліотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ“, Спб. 1818.—„Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, священнаго писанія... касающимся, въ бібліотекѣ Академіи Наукъ хранящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ“, Спб. 1818.—Описаніе нѣкоторыхъ рукописей академической бібліотеки сдѣлано Востоковымъ: „Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова“, Спб. 1865.—Описаніе новѣйшихъ приобрѣтеній академической бібліотеки, сдѣланное В. И. Срезневскимъ, помѣщено въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“ 1899—1907 гг.—¹⁸⁾ „Библіотека Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Составилъ П. Строевъ“. М. 1845.—Вып. 2-я. Трудъ Е. И. Соколова. М. 1905.—¹⁹⁾ „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ Архіерейскій Домъ. Составилъ рязничій іеромонахъ Владимиръ“. М. 1881.—²⁰⁾ „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церковныхъ древностей. Составилъ А. Титовъ“. Яр., 1886—89.—²¹⁾ „Описаніе рукописей Тверскаго Музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго“. М. 1891.—Вып. 2-я. Тверь, 1905.—²²⁾ „Описаніе рукописей бібліотеки Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Составлено подъ редакціей М. Сперанскаго“. М. 1900.—„Рукописное собраніе

библіотеки Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Приобрѣтенія 1901—1905 гг.“.—Описано М. Сперанскимъ. Нѣж. 1905.—²³) „Описание рукописей хранящихся въ Архивѣ Св. Синода“. Составлено А. Никольскимъ. Томъ I и часть 1-ая тома II-го. Спб. 1900—1906.—²⁴) „Систематическое описание славяно-русскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ. Составилъ архимандритъ Леонидъ“. М. 1893—1894.—²⁵) „А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромееву“, пять выпусковъ. М. 1883—Сергіевъ посадъ, 1906.—²⁶) „Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина“, А. И. Яцимирскаго. М. 1896.—²⁷) „Собрание историко-юридическихъ актовъ И. Д. Вѣляева“. М. 1882.—²⁸) „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства юстиціи. Изслѣдованіе“. М. 1883.—²⁹) „Описание собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные А. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ подъ редакціей профессора М. В. Дознаръ-Затольскаго“. М. 1905.

Наибольшее значеніе при изученіи исторіи русскаго языка принадлежитъ рукописямъ съ XI по XIV ст. включительно, которыхъ, какъ уже было сказано, до насъ дошло болѣе 500. Изъ нихъ огромная часть—списки богослужебныхъ книгъ: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, тріоди и т. п. Далѣе, довольно значительное количество древнихъ рукописей—списки житій святыхъ и твореній отцовъ церкви. Лѣтописи сохранились въ трехъ древнихъ рукописяхъ: въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ 1377 года (лѣтописи Несторова, кievская и суздальская), въ Ипатскомъ лѣтописномъ сводѣ XIV—XV в. (лѣтописи Несторова, кievская и волынская) и въ Синодальномъ спискѣ первой половины XIV в. (1-я Новгородская лѣтопись). Русская Правда дошла до насъ въ одномъ спискѣ конца XIII вѣка и въ другомъ XIV—XV вѣка. Затѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое количество грамотъ XII—XIV стол., увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу XIV в.: къ XII в. относятся только двѣ грамоты, къ XIII—около 15, къ XIV в.—около 100.

При столь значительномъ количествѣ матеріала, изслѣдователь исторіи русскаго языка находится въ затруднительномъ положеніи. Большая часть рукописей XI—XIV вв.—списки богослужебныхъ книгъ, твореній отцовъ церкви и т. п. произведеній, переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій языкъ, ведущіе свое начало отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, привезенныхъ въ Россію въ разное время. Такимъ образомъ въ этихъ рукописяхъ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ языкомъ, а съ церковно-славянскимъ, измѣ-

женнымъ русскими переписчиками, которые внесли въ него въ большаѣ или меньшемъ количествѣ особенности родного языка. Вслѣдствіе этого количество заключающагося въ такихъ рукописяхъ матеріала для исторіи русскаго языка сравнительно незначительно, иногда даже ничтожно; сверхъ того, часто бываетъ трудно отдѣлать въ нихъ то, что принадлежитъ русскимъ переписчикамъ, отъ того, что находилось въ ихъ южно-славянскихъ подлинникахъ. Затѣмъ, огромная часть рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что приходится опредѣлять время ихъ написанія по палеографическимъ даннымъ, которыя вообще не даютъ точныхъ рѣшеній и иногда позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. На основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что такая-то рукопись относится къ XI в.: почерки рукописей XI в. и рукописей первой половины XII в. до того схожи, что между ними невозможно положить никакой границы; приходится говорить, что рукопись относится къ XI — XII в.; точно такъ же приходится опредѣлять рукописи XII—XIII в., XIII—XIV в. и т. д. Что касается мѣста написанія рукописей, то при отсутствіи прямыхъ указаній мы можемъ опредѣлять его только на основаніи данныхъ языка. Но эти данныя таковы, что изъ массы рукописей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и не имѣющихъ датъ, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что они написаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; относительно ряда другихъ рукописей безъ датъ мы только можемъ догадываться, откуда ведутъ они свое происхожденіе. Сверхъ того, данныя языка рукописей иногда бываютъ совершенно безцвѣтны и не позволяютъ дѣлать никакихъ выводовъ, иногда представляютъ странную смѣсь. Писцы, переписывая рукописи, вообще старались сохранить текстъ подлинника въ цѣлости, и поэтому сѣверно-русскій писецъ, списывая съ южно-русскаго оригинала, часто сохранялъ въ своемъ спискѣ южно-русскія особенности подлинника; южно-русскій писецъ, въ свою очередь, сохранялъ сѣверно-русскія особенности, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и свои мѣстныя, и т. д.; отсюда смѣшеніе въ одной и той же рукописи различныхъ данныхъ и, иногда невозможность разобраться въ нихъ.

Что касается грамотъ, написанныхъ почти всегда на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси церковно-славянскаго элемента,—

то хотя до насъ дошло ихъ порядочное количество, особенно отъ XIV вѣка, онѣ имѣютъ сравнительно мало цѣны, ибо по большей части онѣ или очень невелики по объему, или представляютъ матеріалъ болѣе или менѣе однообразный; многія изъ нихъ чрезвычайно сходны другъ съ другомъ и, имѣя незначительныя отличія, заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія.

Изъ древне-русскихъ рукописей особенно важны слѣдующія:

XI вѣка. Остромирово Евангеліе, написанное въ 1056—57 годахъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (Публичн. Библ.) ¹⁾; два Сборника Святославовыхъ, написанныхъ въ Кіевѣ для великаго князя Святослава, одинъ въ 1073 г. (Синод. Библ.) ²⁾, другой въ 1076 г. (Публичн. Библ.) ³⁾; Архангельское Евангеліе 1092 г., названное такъ потому, что найдено въ Архангельской губерніи (Румянц. Муз.); три новгородскія Минеи 1095, 1096 и 1097 гг. (Типографск. Библ.) ⁴⁾.

Къ этому столѣтію или началу слѣдующаго можно также относить Пандекты Антіоха, написанные едва ли не въ Кіевѣ (библ. Воскресенскаго монастыря), 13 словъ Григорія Богослова (Публичн. Библ.) ⁵⁾, Путятину Минею (Спб. Дух. Ак.), Поученія Кирилла Іерусалимскаго и Ефремовскую Кормчую ⁶⁾ (Синод. Библ.).

Сверхъ того, сохранились коротенькія надписи—нѣсколько на монетахъ Владимира Св., Святополка и Ярослава I ⁷⁾ и одна на такъ называемомъ Тмутороканскомъ камнѣ, найденномъ около Керчи; послѣдняя относится къ 1068 году ⁸⁾.

¹⁾ „Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями“. Спб. 1843.—„Остромирово Евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Издавеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова“. 1-ое изданіе, Спб. 1883. 2-е изданіе, Спб. 1889.—²⁾ „Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданіе Общества древней письменности“. Спб. 1880. Неточности этого изданія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, VII.—³⁾ Дважды издано (дурно) Шимановскимъ, въ первый разъ въ книгѣ: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ полного текста Сборника Святослава 1076 г.“ Варш. 1887.—⁴⁾ „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича“. Спб. 1886.—⁵⁾ Изданы (не весьма удовлетворительно) Будиловичемъ: „XIII словъ

Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI в.⁶ Спб. 1875.—⁶) Издава Бенешевичемъ: „Древне-славянская Коричая XIV титуловъ безъ толкованій“. Томъ I. Спб. 1906.—⁷) Снимки въ трудѣ графа Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кievскаго. Нумизматическій опытъ“. Спб. 1882.—⁸) Снимокъ въ приложеніи къ 1-му изданію труда Срезневскаго: „Древніе русскіе памятники языка и письма“, Спб. 1863.

XII вѣка. Мстиславово Евангеліе около 1115 г., названное такъ потому, что написано—вѣроятно, въ Кіевѣ—для Мономахова сына Мстислава (Синод. Библ.) ¹); Юрьевское Евангеліе около 1120 г., написанное — вѣроятно, въ Кіевѣ — для новгородскаго Юрьева монастыря (Синод. Библ.); Галицкое Евангеліе 1144 г., едва ли не западно-русскаго происхожденія (Синод. Библ.); галицко-волинское Добрылово Евангеліе 1164 г. (Румянц. Муз.) ²); изъ двухъ послѣднихъ первое имѣетъ свое названіе потому, что нѣкогда хранилось въ Крылосѣ, около Галича (южнаго), второе — потому, что написано попомъ Добрыломъ; два новгородскихъ Стихираря: 1157 г. (Синод. Библ.) и около 1163 г. (между 1156 и 1163 г. Спб. Дух. Ак.).

Къ XII или къ началу XIII столѣтія относятся также: Успенскій Сборникъ, заключающій въ себѣ, между прочимъ, житіе Θεодосія Печерскаго и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (Синод. Библ.) ³), галицко-волинскій Выголексинскій Сборникъ (Румянц. Муз.) ⁴), галицко-волинское Типографское Евангеліе № 6 (Типогр. Библ.) ⁵), галицко-волинскій Христинопольскій Апостоль ⁶), Пантелеймоново Евангеліе (Спб. Дух. Ак.), Тріодъ, написанная Моисеемъ кievляниномъ (Типогр. Библ.), Слово св. Ипполита объ антихристѣ (Синод. Библ.) ⁷), Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго (Синод. Библ.) и Житіе св. Епифанія Кипрскаго (Спб. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ къ XII в. относятся кievская, великаго князя Мстислава Владимировича, 1130 г. и новгородская, преп. Варлаама Хутынскаго ⁸); сверхъ того, мы имѣемъ надписи на новгородскомъ Стерженскомъ крестѣ 1133 г. ⁹), на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича, до 1151 г. ¹⁰), на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. (эта надпись сдѣлана галицко-волинскимъ уроженцемъ) ¹¹), на западно-русскомъ Роговолодовомъ камнѣ 1171 г. ¹²) и на фрескахъ кievскаго Кириллова монастыря XII в.

- ¹⁾ Описано Карскимъ въ Р. Филолог. Вѣстн. 1895 г., № 4.—
²⁾ Описание этого памятника въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“. Кіевъ, 1884.—³⁾ Половина его издана въ Читеніяхъ 1899 г. (и отд. М. 1899). Сверхъ того, изъ этого Сборника Житіе Θεοδοσία издано въ Читеніяхъ 1879 г., кн. 1. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—тамъ же, 1870 г., кн. 1, вѣсколько другихъ статей— въ „Библиографическихъ матеріалахъ“ Попова (тамъ же, 1879 г. кн. 1, и отд.). ⁴⁾ Описание сдѣлано нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—⁵⁾ Описание въ нашихъ „Очеркахъ“.—⁶⁾ Изданъ Калужняцкимъ: „Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice, ad fidem codicis Christianopolitani saeculo XII scripti.“ Vindobonae, 1896.—⁷⁾ Одна часть издана Невоструевымъ: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка“, М. 1868, другая—Срезневскимъ: „Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ“, Спб. 1874.—⁸⁾ Изданы въ снимкахъ въ приложеніи къ 1-му изданію „Древнихъ памятниковъ“ Срезневскаго.—
⁹⁾ Издана (между прочимъ) въ „Описаніи Тверскаго Музея“, Жизневскаго, М. 1888.—¹⁰⁾ Издана Бычковымъ въ „Запискахъ“ Имп. Археологич. Общества, т. III.—¹¹⁾ Издана въ брошюрѣ: „Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросинія квяжны Полоцкой“, Спб. 1841.—¹²⁾ Издана (между прочимъ) въ книгѣ Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва“, Спб. 1890.

XIII вѣка. Новгородское Милятино Евангеліе 1215 г. (Публ. Библ.); ростовское Житіе Нифонта 1219 г. (Троицкая Лавра); ростовскій Апостоль 1220 г. (Синод. Библ.); новгородская Тріодъ Саввина до 1226 г. (Сп. Дух. Ак.); новгородскій Трефолой 1260 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1262 г. (Хлудова=Никольск. мон.); галицко-волинское (Галицкое Евангеліе около 1266 года (Публ. Библ.) ¹⁾; галицко-волинское (съ южно-славянизмами) Евангеліе 1283 г. (Румянц. Муз.) ²⁾; новгородское Евангеліе 1270 г. (Румянц. Муз.); новгородскій Паремейникъ 1271 г. (Публ. Библ.); новгородская Кормчая, съ приложеніемъ Русской Правды и другихъ русскихъ статей, около 1282 г. (Синод. Библ.) ³⁾; рязанская Кормчая 1284 г. (Публ. Библ.); Псалтырь 1296 года, повидимому, западно-русская (Синод. Библ.); новгородскіе (или псковскіе) Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синод. Библ.).

Къ этому же столѣтію или къ началу слѣдующаго можно отнести также Толстовскій сборникъ (Публ. Библ.); и пять галицко-волинскихъ памятниковъ—Житіе Саввы Освященнаго (Общ. др. письмен.) ⁴⁾, Бесѣды на Евангеліе папы Григорія Великаго (Публ. Библ.), Архивскую Лѣствицу (Архивъ Мин. иностр. дѣлъ) ⁵⁾,

Холмское Евангеліе (Румянц. Муз.) ⁶⁾ и Бучацкое Евангеліе (Староц. Музей во Львовѣ).

Изъ грамотъ къ этому вѣку относятся два договора смоленскихъ князей съ Ригю, одинъ 1229 года (дошелъ въ двухъ экземплярахъ), другой около 1230 г., нѣсколько мелкихъ смоленскихъ и рижскихъ грамотъ, договоры новгородцевъ съ нѣмцами и грамоты ихъ къ нѣмцамъ ⁷⁾, первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями ⁸⁾ и духовная новгородца Климента до 1270 г. ⁹⁾.

¹⁾ Описано въ нашихъ „Очеркахъ“. — ²⁾ Описано нами въ Чтеніяхъ въ историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 12.—³⁾ „Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по новгородской Кормчей книгѣ XIII вѣка. Скопированный съ подлинника... подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго“. Спб. 1888.—⁴⁾ Издано Обществомъ др. письм. (подъ редакціею Помяловскаго).—⁵⁾ Описана нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—⁶⁾ Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—⁷⁾ Нѣсколько документовъ издано въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ, собранныхъ К. Е. Напьерскимъ“. Спб. 1868.—⁸⁾ Новѣйшее изданіе этихъ договоровъ у Шахматова: „Исслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, Спб. 1886 (отгискъ изъ „Исслѣдованій по русскому языку“, Акад. Наукъ, т. I).—⁹⁾ Издана (по литографир. снимку Сахарова) Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“, № XXXV, Спб. 1867 г.

XIV вѣка. Галицко-волинское Поликарпово Евангеліе 1307 г. (Синод. Библ.) ¹⁾; два псковскихъ Апостола, одинъ 1307 г., другой 1306—1312 г. (тамъ же) ²⁾; новгородская Трїодъ 1311 г. (тамъ же); Евангеліе 1317 г. (Академія Наукъ); московское Евангеліе 1339 г. (Антоніевъ-Сійскій монастырь); переяславское Евангеліе 1354 г. (Синод. Библ.); новгородское Евангеліе 1355 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1356 г. (Типогр. Библ.); Евангеліе 1357 года, писанное въ сѣверномъ Галичѣ (Синод. Библ.); Евангеліе 1358 года, писанное въ московской области (тамъ же); новгородское Евангеліе до 1362 года (Типогр. Библ.); суздальскій Лаврентьевскій списокъ лѣтописей 1377 г. (Публ. Библ.) ³⁾; Паремейникъ 1378 г., вѣроятно, московскій (Публ. Муз.); два псковскихъ Параклитика, одинъ 1369 г., другой 1386 г. (Синод. Библ.); псковскій Прологъ 1383 г. (Типогр. Библ.) ⁴⁾; Стихирарь 1380 г., написанный, повидимому, ученикомъ и біографомъ преп. Сергія Епифаніемъ (Троицк. Лавра); московское Евангеліе 1393 г. (Публ. Библ.); оно принадлежитъ тому же писцу, которымъ написана кїевская Псалтырь 1397 года (Общ.

др. письм.); новгородскій Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала (Публ. Библ.); Евангеліе 1399 года, писанное, вѣроятно, въ московской области (Типогр. Библ.); новгородскій Служебникъ 1400 года (Синод. Библ.).

Изъ памятниковъ, не отмѣченныхъ годомъ, относятся къ XIV столѣтію: Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи (Синод. Библ.)⁵⁾; три галицко-волинскихъ Евангеліа: Луцкое (Румянц. Муз.)⁶⁾, Путенское (монастырь Путьна, въ Буковинѣ)⁷⁾ и Верковича (Публ. Библ.)⁸⁾; Мстижское Евангеліе (Виленская Публ. Библ.); Чудовской Новый Завѣтъ, писанный, по преданію (недостовѣрному), митрополитомъ Алексіемъ⁹⁾; Новгородскій Требникъ гр. Шереметева (Общ. др. письм.)¹⁰⁾, Хронографъ Георгія Амартола, повидимому, западно-русскій (Моск. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ этого столѣтія значительная часть приходится на долю Новгорода; онѣ тянутся чрезъ все столѣтіе¹¹⁾; за ними слѣдуютъ грамоты московскія (древнѣйшая — духовная Ивана Калиты около 1327 года, въ двухъ экземплярахъ)¹²⁾, рязанскія (князя Олега), смоленскія, полоцкія; ко второй половины XIV в. относятся грамоты южно-русскія (галицкія и волинскія), западно-русскія, выданныя отчасти литовскими князьями и польскими королями, съ примѣсью польскихъ элементовъ въ языкѣ¹³⁾, и молдавскія (съ южно-русскою примѣсью въ языкѣ)¹⁴⁾; къ самому концу XIV в. и къ первой половинѣ XV в. относится рядъ двинскихъ грамотъ (изъ Двинской области, по нижнему теченію Сѣверной Двины)¹⁵⁾.

1) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“ — 2) Описаны тамъ же.
 3) Мы пользуемся первымъ изданіемъ Археографической Комиссіи 1872 г.—Несторова лѣтопись по Лаврентьевскому списку издана Археографическою Комиссіею въ снимкѣ, Спб. 1872.—4) Эти три псковскихъ рукописи описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—5) Изданъ Археографическою Комиссіею, между прочимъ, въ снимкѣ: „Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку“, Спб. 1875.—6) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—7) Издано Калужняцкимъ: „Monumenta linguae palaeoslovenicae. I. Evangelium Putnani“, Vindobonae. 1838.—8) Описано Никольскимъ въ Р. Филолог. Вѣстн. 1894 г., № 4.—9) Изданъ въ снимкѣ митрополитомъ Леонтіемъ: „Новый Завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Руси“. М. 1892.—10) Изданъ въ снимкѣ Обществомъ др. письм.—11) Значительное число грамотъ XIV в. разныхъ областей Россіи (въ томъ числѣ одна псковская и одна рязанская) изданы въ снимкахъ Археологическимъ Институ-

томъ, Спб. 1903 (подъ редакцію нашею и Пташицкаго).—Новгородскія изданы одни въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ“, другія у Шахматова. —¹²⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I. М. 1813.—¹³⁾ Южнорусскія грамоты (часть) описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—¹⁴⁾ Изданы Уляницкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи... въ XIV—XVI вѣкахъ“. М. 1887. ¹⁵⁾ Изданы Шахматовымъ: „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.“ Спб. 1903.

Если мы теперь обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ писаны рукописи XI—XIV вв., то увидимъ, что по нимъ достаточно характеризуется только одинъ новгородскій говоръ, памятники котораго непрерывно тянутся съ половины XI до конца XIV в. Достоверные памятники кievскаго говора, дающіе впрочемъ очень мало матеріала, имѣются только за XI и отчасти за XII вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора. Галицко-волынкскій говоръ имѣетъ памятники съ половины XI в. до конца XIV в. Смоленскій и половецкій говоры имѣютъ небольшое количество грамотъ за XIII и XIV в. и затѣмъ теряются для изслѣдователя. Для западно-русскаго (=бѣлорусскаго) говора вполнѣ достоверныя данныя начинаются только съ XIV в. Для характеристики средне-русскихъ говоровъ мы имѣемъ матеріалъ отъ начала XIII в. (въ частности для московскаго говора—отъ первой половины XIV в.). Псковъ и Двинская земля оставили намъ по небольшому количеству памятниковъ, первый отъ начала, вторая—отъ самаго конца XIV в. и отъ XV в. Для говора Тмутороканской земли всѣ данныя заключаются въ маленькой надписи на Тмутороканскомъ камнѣ. Что касается до говоровъ Чернигова и Переяслава южнаго, то мы не имѣемъ съ XI по XIV в. никакого ни достовернаго, ни недостовернаго матеріала для ихъ характеристики (кромѣ надписи на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича).

Изъ памятниковъ позднѣе XIV вѣка можно отиѣтить какъ особенно важныя: коложенскую Палею 1406 г., списанную едва ли не съ новгородскаго оригинала и изданную учениками Тихонравова (Троицкая Лавра); псковское Лукіно Ев. 1409 г. (Синод. Библ.; описано въ нашихъ „Очеркахъ“); галицко-волынкскій списокъ поученій Ефрема Сиріяна 1492 г. (Публ. Библ.; описанъ тамъ же); западно-русскую Четью (Минею) 1489 г. (кievскій Церковно-Археолог. Музей; описана Карнияскимъ въ Р. Филол. Вѣстн. 1889 г. № 1); Ипатскій списокъ лѣтописей XIV—XV в., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала (изданъ Археографическою

Комиссією, Спб. 1871); западно-русскія Страсти Господни XV в. изданныя Обществомъ др. письменн. № СХІ, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; Кіевскій Помянникъ XVI в., изданный въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора лѣтописца, кн. 6 (Кіево-Печерск-Лавра); печатную западно-русскую Библию Скорины 1517—1519 гг.; печатный зап.-русскій Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.; печатный зап.-русскій Литовскій Статутъ 1588 г.; печатное зап.-русское Евангеліе, такъ наз. Евангеліе Тяпинскаго, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; зап.-русскую Псалтырь XVI в., на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ, описанную Карскимъ (Рум. Муз. № 335); западно-русскій Познанскій сборникъ повѣстей, описанный Брюкнеромъ и изданный (отчасти) Веселовскимъ; южно-русское Пересопницкое Евангеліе 1561 г., южно-русскую по редѣлку зап.-русскаго текста, находящагося въ Евангеліи Тяпинскаго (библ. Переяславской Дух. Семинаріи; описано и частью издано Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго Съѣзда“ и отдѣльно: „Описание Пересопницкой рукописи XVI в.“ Кіевъ, 1876); московскій Судебникъ 1550 г. (изданъ впервые Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1819); Домострой по списку Общества исторіи и древностей XVI в. (изданъ въ Чтеніяхъ 1881 г., кн. 2); печатную Книгу о ратномъ строеніи 1647 г.; печатное Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г., и Повѣствованіе о Россіи Котошихина, второй половины XVII в. (издано Археографическою Комиссією).

Ссылки изъ поименованныхъ выше памятниковъ — на Остромирово Евангеліе сдѣланы нами по изданію Савинкова, на Сборникъ 1073 г.—по изданію Общества др. письм., на Миней 1095—1097 гг.—по изданію Ягича, на Житіе Θεодосія Печ. и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ — по изд. Попова и Водянскаго, на Слово Ипполита — по изд. Невоструева и Срезневскаго, на Христинопольскій Апостолъ и на Путенское Евангеліе — по изд. Калужняцкаго, на Чудовской Новый Завѣтъ — по изд. м-та Леонтія, на Требникъ гр. Шереметева — по изд. Общества др. письм., на Русскую правду — по изд. подъ руководствомъ Срезневскаго, на Лаврентьевскій и Ипатскій списки лѣтописей — по *печатнымъ* изданіямъ Археографической Комиссіи, на Новгородскую лѣтопись — по фото-литографированному изд. той же Комиссіи, на грамоты и надписи (кромѣ духовныхъ московскихъ князей и молдавскихъ) — по снимкамъ и печатнымъ изданіямъ, на молдавскіе документы — по изданію Уляницкаго. *Здѣсь цифра при ссылкѣ означаетъ страницу изданія.*

Ссылки на другіе памятники (если не указанъ печатный источникъ) сдѣланы нами по оригиналамъ. *Здѣсь цифра означаетъ листъ рукописи или (если памятникъ — старо-печатная книга) подлиннаго печатнаго изданія.*

III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка.

Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой дошли до насъ первые письменные памятники русскаго языка, было не таково, какъ въ настоящее время. Хотя и теперь для русскаго болѣе или менѣе понятна рѣчь серба, словака, поляка, однако онъ встрѣчаетъ у нихъ много формъ, много словъ для него неясныхъ; рѣчь же чеха, лужичанина можетъ считаться для русскаго почти совсѣмъ непонятною. Но въ половинѣ XI вѣка русскій языкъ былъ настолько близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, что русскій могъ свободно пользоваться болгарскими книгами, говорить съ полякомъ и сербомъ. Тѣмъ не менѣе русская рѣчь уже въ XI вѣкѣ имѣла свои характеристическія особенности. Онѣ слѣдующія.

Отсутствіе носовыхъ гласныхъ. На мѣстѣ церковно-славянскаго ж въ русскомъ языкѣ мы видимъ у (ю), которое является также въ языкахъ сербскомъ и чешскомъ; въ польскомъ языкѣ церковно-славянскому ж соотвѣствуютъ носовые звуки *ę* и *a*. Церковно-славянской *л* имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ языкѣ въ *а* (*я*); въ польскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ *ę* и *a* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ чешскомъ языкѣ церковно-славянскому *л* въ настоящее время соотвѣтствуетъ нѣсколько звуковъ, но въ древности ему соотвѣтствовало *a* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ сербскомъ языкѣ церковно-славянскому *л* соотвѣтствуетъ *e*. Не слѣдуетъ однако думать, что отсутствіе носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ есть явленіе исконное. Въ половинѣ XI в. носовыхъ звуковъ дѣйствительно уже не было, но раньше, когда начались у насъ сношенія съ жителями Скандинавіи, съ варягами, когда нача-

лось вліяніе на рускій языкъ языка скандинавскаго, въ то время носовые звуки еще существовали въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если сопоставимъ нѣсколько древне-русскихъ словъ, ведущихъ начало отъ скандинавскихъ, съ этими послѣдними: *варягъ* = старо-сканд. *varingr*, греч. *βάραγος*; *кяблягъ* (названіе народа) = старо-скандин. *kylfingr*, греческое *κούπιγγος*; *Судъ* (названіе пристани въ Константинополѣ, τὸ Στενόν, Золотой Рогъ) = старо-скандинавское *sund* (морской проливъ); *ябетьникъ* — сравни старо-скандинавское *ǣmbiti* (служба). Если бы въ древне-русскомъ языкѣ, когда начались сношенія русскихъ съ скандинавами, не было носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не *варягъ* (изъ *варягъ*), *Судъ* (изъ *сждъ*), а *варенгъ*, *Сундъ* и т. д. Данныя, извлеченныя изъ сопоставленія русскихъ словъ съ скандинавскими, находятъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленіи греческаго, латинскаго и нѣмецкаго названій мадярь съ ихъ русскимъ названіемъ — въ сопоставленіи греч. *ούγγαροι*, *ούγγροι*, латинск. *ungari*, *hungari*, нѣмецк. *ungarn* съ русск. *угре* (имен. п. ед. *угрина*). Названіе *угре* могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно въ началѣ IX в., когда русскіе славяне впервые встрѣтились съ мадярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово *угре* произносилось *жре*. Въ концѣ X в. носовыхъ гласныхъ, повидому, уже не было. Константинъ Багрянородный, писавшій въ это время свое сочиненіе «Объ управленіи государствомъ», приводитъ въ числѣ названій днѣпровскихъ пороговъ слова *Νεασήτ* = *неясытъ* (церк.-слав. *недсытъ*), *Ναπρεζή* = *напрази* (церк.-слав. *напрази*), *Βερούτζη* = *вѣручи* (церк.-слав. *вѣржити*, прич. наст. вр. женск. р.), гдѣ мы уже находимъ чистые гласные звуки. Что въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній: Остромирово Ев. представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церк.-слав. *ж* и *л* черезъ *у*, *ю*, *а*, *я* и наоборотъ (вин. ед. *воду*, вѣру, им. мн. *овьца*, род. ед. *воля*, дат. ед. *сѣдѣщѣ*, род. ед. *мора* и др.), которая показываетъ, что писецъ Остромирова Ев. не имѣлъ понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI в. мы находимъ еще большее смѣшеніе церк.-слав. юсовъ съ *у*, *ю*, *а*, *я*; въ памятникахъ же XII в. *ж*-са уже почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, а *л* по значенію несколько не отличается отъ *л*.

Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ ж и ч. Между тѣмъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ изъ *dj* образовалось *жд*, а изъ *tj* и изъ группы: гортанный+мягкое *t*—*шт*, въ русскомъ языкѣ этимъ *жд*, *шт* соотвѣтствуютъ *ж* и *ч*, при западно-славянскихъ *dz* (*z*) и *s*. Примѣры: церк.-слав. *виждж* (*жд* изъ *dj*)=древне-русск. *вижю*=польск. *widzę*; церк.-слав. *хоитж* (*шт* изъ *tj*)=русск. *хочю*=польск. *chcę*; церк.-слав. *пешть* (*шт* изъ *kt'*)=русск. *печь*=польск. *pec*. Такимъ образомъ русскій языкъ отличается отъ церковно-славянскаго и западно-славянскихъ тѣмъ, что употребляетъ 1) *ж* вм. *жд*, *dz* и 2) *ч* вм. *шт*, *ч*. Должно имѣть въ виду, что въ русскій литературный языкъ вошло изъ церковно-славянскаго языка множество словъ, въ ихъ числѣ и слова съ *жд*, *щ*: *одежда*, *осуждать*, *вождь*, *знающій*, *похищать*, *пища* и т. п.

Церковно-славянскій языкъ смягчалъ зубные не только передъ *j*, но и передъ *rj*, *vj*: *умждряти*, *изоштряти*, *ухштряти*, *умръштвяти* или *умръштвляти*. Русскій языкъ въ подобныхъ словахъ не знаетъ смягченія. По крайней мѣрѣ въ древнихъ памятникахъ мы не находимъ достовѣрныхъ его примѣровъ (*умужряеть*, Архивск. Лѣств. XIII в. 24 об., *изъочрѣніе* паче меча Румянц. Сб. XV в. № 406, 31 об. и т. п. не внушаютъ довѣрія), а современный языкъ имѣетъ *д* и *т*: *умудрять*, *ухитряться*. Находящіяся въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ: *изоштрять*, *ухищрение*, *умерщвлять*—заимствованы изъ церковно-славянскаго языка.

На мѣстѣ церк.-слав. *жд*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *zd* и *z*, въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: а) въ серединѣ словъ въ большинствѣ случаевъ *жж* или *ждж*, въ меньшинствѣ *жч*; въ западно-славянскихъ языкахъ мы находимъ обыкновенно: въ чешскомъ *žd'*, въ польскомъ *żdź*, рѣже: въ чешскомъ *šc'*, *št'*, въ польскомъ *szcz* (*щ*); б) при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами въ древнѣйшихъ памятникахъ—*ж*; старо-польскіе памятники здѣсь имѣютъ *żdź*.

На мѣстѣ церк.-слав. *шт*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *st* или *sk*, въ русскомъ языкѣ является какъ въ серединѣ словъ, такъ и при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами—*щ* (= *шш*, *шч*), причеиъ мы находимъ въ чешскомъ *šc'*, *št'*, въ польскомъ *szcz*.

Примѣры: а) церк.-слав. *ажждж*, *ажждати*=русск. *ѣжжю*, *ѣж-*

жять = польск. *jeżdże*, чешск. *jízdeři*; церк.-слав. *мождѣти* (при мозгѣ) = русск. *можжить*, *можжечокъ* = польск. *móždżek*; церк.-слав. *пуштѣ* = русск. *пушию* = польск. *puszczę*; церк.-слав. *дъждь*, малорусское и бѣлорусское *дожць* или *доць*, древне-чешское *dšiti* дождить (въ Виттембергской Псалтыри XIV в.), *dešč*, *dešt'* дождь, польск. *deszcz*; б) ц.-слав. *имѣдѣти* = др.-русс. *имѣти* = ст.-пол. *ździć*; ц.-слав. *бе-жѣзла* (безъ жезла) = др.-русс. *бе-жѣзла* (Слова Григ. Бог. XI в. 345 об.). Изъ древне-русскаго *жж* уже на русской почвѣ возникли *жж* и *жд*: др.-новгородск. *пригвожѣнъ*, Минея 1095 г. 128, 130; *ѣждю* Ипатскій сп. лѣт. 320, 347, 420; соврем. сѣв.-малорусск. *одъжѣдѣти* и т. п., сѣв.-великорусск. *вожѣдѣться*, *уѣжѣдѣть* и т. п.

Что до *жж* въ соврем. русск. *уѣжжѣть*, *возжжѣ* и т. п., то въ немъ мы имѣемъ дѣло съ неправильностью правописанія.

Мягкое л послѣ губныхъ изъ j. При такъ называемомъ смягченіи губныхъ въ русскомъ языкѣ изъ *j* постоянно образуется мягкое *л*, которое почти всегда отсутствуетъ въ западно-славянскихъ языкахъ и не всегда находится въ церковно-славянскомъ языкѣ; примѣръ: русск. *люблю*, польское *lubię*, церк.-слав. *люблж* и *люблж*, *люблж*. Впрочемъ должно замѣтить, что глаголы *уязвляю* и *умерщвляю* съ своими производными и вообще слова съ нѣмымъ согласнымъ передъ губнымъ въ русскихъ памятникахъ до XV в. обыкновенно являются безъ *л*: *уязвляю*, *уязвѣнъ*, *умерщвляю*, *умерщвѣнъ*. Сверхъ того, слово *земля* иногда является въ памятникахъ въ видѣ *земя*: откуда есть пошла русская *земля*, Лаврент. сп. лѣт.; на тыхъ земляхъ, двинская грамота XIV—XV в.; *земя* и *пожни*, грам. 1518 г. Ак. Юр. 269, 447. Это слово въ древности не имѣло *j* послѣ *м* (сравни литовск. *žemė*).

Отсутствіе d передъ л и н. Въ церковно-славянскомъ языкѣ *d* и *т* передъ *л* выпадаютъ: *молѣти* изъ *модлѣти*, *шль* изъ *шдль*, *плель* изъ *плетль*, *ванджѣти* изъ *ванджѣти*. То же мы видимъ въ русскомъ языкѣ; но въ западно-славянскихъ языкахъ *d* удерживается: польск. *modlić*, чешск. *modliti*, польск. *szedł*, *wiódł*, *plótl*, чешск. *padl*, *pletl*, *čel* (но *šel*, *šla*), чешск. *vadnouti*, *padnouti* и т. п.

Полногласіе. Однимъ изъ видныхъ отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ является сочетаніе гласныхъ съ плавными согласными. Мы считаемъ установленнымъ, что русскій языкъ

имѣть два вида полногласія—такъ называемыя первое полногласіе и второе полногласіе.

Первое полногласіе имѣть мѣсто въ слѣдующихъ явленіяхъ.

1) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала звуковая группа *ǫr* или *ǫl*, за которою находился еще согласный звукъ (согласный+*ǫr*, *ǫl*+согласный), то это *ǫr*, *ǫl* въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ является въ видѣ *ra*, *la*, въ польскомъ языкѣ—въ видѣ *ro*, *lo*, въ русскомъ—въ видѣ *oro*, *olo*. Примѣры: обще-слав. *бѣрда* (сравни нѣмецк. *bart*) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ *брада*, въ польскомъ *broda*, въ русскомъ *борода*; обще-славянск. *гѣлва* (сравни литовск. *galva*) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ *глава*, въ польскомъ *głowa*, въ русскомъ *голова*.

Глаголы въ родѣ *поворачивать*, *выкопачивать*, не встрѣчающіеся въ древне-русскихъ памятникахъ, вѣроятно, —сравнительно поздняго происхожденія, равно какъ и соотвѣтствующіе имъ въ польскомъ языкѣ глаголы съ *ra* (не *ro*): *wracas* и т. п.

Русскія слова съ церковно-славянскою вокализациею, въ родѣ *храбрѣ*, *младѣ*, *сладокѣ*,—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

2) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовало *er*, за которымъ находился еще согласный (согл.+*er*+согл.), то въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ изъ *er* получилось *rt*, въ польскомъ—*re*, въ русскомъ—*ere*; примѣры: обще-славянское *бергъ* (сравни нѣмецк. *berg*) дало въ церк.-славянскомъ *брѣгъ*, въ сербскомъ *бријег*, въ чешскомъ *břeh*, въ польскомъ *brzeg*, въ русскомъ *берегъ*.

Это правило имѣть одно исключеніе. Это—др.-русск. *срѣбро* (встрѣчается нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ: на монетахъ вел. кн. Владимира Св., въ Миней 1096 г. 188, въ Стихирарѣ 1157 г. 40 об., въ Милитиномъ Ев. XII в., въ Житіи Нифонта 1219 года 125 об. и др., въ Галицкомъ Евангеліи около 1266 года, въ Галицкомъ Ев. 1283 г. и др.), современное малорусское *срѣбро* или *срѣбло*; сравни чешск. *stříbro* (изъ *срѣбро*); рядомъ съ нимъ мы имѣемъ полногласное *серебро* (уже въ Святосл. Сборн. 1073 г.).

Русскія слова какъ-бы съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ въ родѣ *брегъ*, *вредъ*, *время*—заимствованія изъ церковно-славянскаго

языка (съ *e* вм. ц.-слав. *ъ*, подъ влияніемъ русскаго *e* въ береть и т. п.).

3) Въ томъ случаѣ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала группа *el*, за которою находился еще согласный звукъ (согл. + *el* + согл.), изъ этого *el* въ церковно-славянскомъ языкѣ обыкновенно является *лѣ*, въ сербскомъ — *ле* и *лије* (изъ *лѣ*), въ чешскомъ — двѣ группы *la* и *lě* (*лѣ*), въ польскомъ — *ło* и *le*; въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ является или *ело*, или *еле*, или наконецъ *оло*. Мы находимъ русское *ело* изъ обще-славянск. *el* исключительно послѣ шипящихъ: въ *желобъ* (обще-слав. *желбъ*, церк.-слав. *жлѣбъ*, сербск. *жлијѣб*, чешск. *žlab* и *žleb*, польск. *żłób*); въ *человѣкъ* (сравни церк.-слав. *чловѣкъ*); въ *шеломъ* (сравни церк.-слав. *шлѣмъ*); въ *шеломя холмъ* (сравни церк.-слав. *слѣма*). Мы находимъ русское *еле* изъ обще-слав. *el* въ словахъ *железа*, *желѣзка* (сравни церк.-слав. *жлѣза*, сербск. *жлијѣзда*, чешск. *žláza* и *žleza*), рядомъ съ *желоза* (Лѣтопись Аврамки 1495 г., Псковскія лѣтописи); *шелемъ племъ* (Требникъ Шереметева XIV в. л. 53; сравни церк.-слав. *шлѣмъ*); *селезень* (сравни польск. *ślizień*); *селезенка* (сравни польск. *śledzioną*, чешск. *slézena*); *пелѣва* (при *полова*, *половель*; сравни церк.-слав. *плѣва*, *плѣвель*, чешск. *příva* и *převa*; пол. *płowa*) и, вѣроятно, *белена* (сравни ново-болг. *блѣнь*, старочешск. *blen*, соврем. чешск. *blín*, гдѣ *i* изъ *ъ*). Что до *оло*, то эта группа является въ русскомъ языкѣ исключительно послѣ не-шипящихъ: въ *полова*, *половель*; въ *волоку* (1 л. ед.; церк.-слав. *вѣлкъж*, чешск. *vleku*, пол. *włokię*); въ *долото* (сербск. *длијето*, чешск. *dláto*, пол. *dłóto*); въ *молоко* (церк.-слав. *млѣко*, сербск. *млијеко*, чеш. *mleko* пол. *mleko* и *młokosъ* изъ *młokosъszъ* = *молокососъ*); въ *полонъ* (церк.-слав. *плѣнь*, чеш. *plen*, пол. *płon* изъ *płen*).

Русскія слова *членъ* (сравни въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в. *челонъ*), *шлемъ*, *плѣнь* — заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

4) Въ самой тѣсной связи съ первымъ полногласіемъ находятся явленія, имѣвшія мѣсто тогда, когда въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ были гласные *ъ* и *e*, за которыми слѣдовалъ плавный звукъ + другой согласный (*ъ*, *e* + плавн. + согл.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ были въ началѣ словъ группы *ър* и *ъл*, въ церк.-славянскомъ и сербскомъ явились *ра*, *ла*, въ поль-

скомъ и чешскомъ—*ro, lo*, въ русскомъ—также *ро, ло*. Примѣры: при церк.-слав. *ладии*, рядомъ съ которымъ встрѣчается *алдии*, лодка, мы находимъ въ чешскомъ языкѣ *lod'*, въ польскомъ *łodź*, въ русскомъ *лодья, лодка*; при церковно-славянскомъ *равнь* мы имѣемъ чешск. *rovnu*, польск. *równu*, русск. *ровный*; церк.-слав. префиксу *раз* соотвѣтствуетъ чешск. и польск. *roz*, русскій *роз*. Надо замѣтить, что когда мы пишемъ этотъ префиксъ (точно такъ же какъ и слова *раки́та, работа, расти* и производныя) чрезъ *a*, то употребляемъ не русское, а церковно-славянское правописаніе. Въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ *роз*, а не *раз*; то же мы видимъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ бѣгущихъ говорахъ и въ малорусскомъ нарѣчьи; въ самомъ нашемъ литературномъ языкѣ мы слышимъ *о* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда префиксъ находится подъ удареніемъ (*рѣ́скошь, рѣ́здыкъ, рѣ́зальни, рѣ́спись*). Великорусск. *рѣ́зумъ* едва ли можно считать исключеніемъ въ виду малорусск. и бѣлорусск. *розумъ* (въ ст.-чешск. также *rozum*); вѣроятно, оно, какъ и *рѣ́спря*,—вошло въ народный языкъ изъ церковно-славянскаго языка книгъ.

Изъ правила о соотвѣтствіи русск. *ро, ло* церк.-славянскому *ра, ла* изъ *ѣр, ѣл* также есть нѣсколько исключеній. Это—существительныя *рало, ратай* (сравни литовск. *arklas* плугъ, *artojis* пахарь) при тождественныхъ польскихъ *radło, rataj* съ одной стороны и древн.-русск. *роля* съ другой; прилагательное *лакомъ* и родственныя, при польск. *łaczny*, чешск. *lačný*; нарѣчье *разѣт*, которое, можетъ быть, вовсе не родственно съ префиксомъ *раз* (сравни ц.-слав. *розѣт* въ Супрасльской рукописи и въ Словѣ Ипполита XII в.).

Первое полногласіе въ главной части своихъ явленій (*борода, берегъ*) свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей. То немногое, что нѣсколько напоминаетъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ (напримѣръ, ц.-слав. *золто* Синайская Псалт. 150, словацк. *čereгу, čereva, čerešňa*), представляетъ съ нимъ лишь случайное сходство и не находится съ нимъ въ связи.

Второе полногласіе, имѣющее мѣсто не только въ русскомъ языкѣ, но и въ языкахъ западно-славянскихъ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ были въ древнѣйшую эпоху группы *ѣр, ѣр, ѣл, ѣл*, а въ болѣе позднюю, въ

эпоху написанія дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ,—гласные плавные, или *рз*, *лз* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ (т. е. сперва согласный + *зр*, *зл*, *ър*, *ъл* + согласный, потомъ согласный + *рз*, *лз* + согласный), въ русскомъ языкѣ могутъ являться группы *зрз*, *ърь*, *злз*, *ълъ* и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ (всего чаще передъ твердыми *д* и *т*, иногда передъ твердыми *з* и *с*)—*ърь*, *ълз*, образовавшіяся вслѣдствіе возникновенія паразитнаго глухого звука между плавнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Слова со вторымъ полногласіемъ мы видимъ уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, и въ сѣверно-, и въ южно-русскихъ; такъ, въ Остромировомъ Ев. мы читаемъ: *мзлнни*, *скзръбъ*, *мзлвоще*, *тзлцѣте*, *напзлнѣна*, *смърьтъ*, *въръгъ*, *зърно*, *испърва* и т. п., *мъртъвъ*, *въртоградъ*, *дерззати*, *пързсть*; Минейя 1095 г. имѣеть: *стзлцъ*, *кърмити*, *испзлняя*, *гърдыню*, *първыя*, *дързость*, *въвърженъ*, *чъртогъ*, *върьста* и т. п., *жъртву*, *пързтьмъ*, *мързтвыхъ*. Надо замѣтить, что эти два памятника, какъ и многіе другіе, имѣющіе слова со вторымъ полногласіемъ, не знаютъ употребленія *з* и *ь* тамъ, гдѣ эти буквы не находятъ себѣ объясненія изъ древне-русской фонетики, вслѣдствіе чего присутствіе въ этихъ словахъ *з* и *ь* послѣ *р* и *л* не можетъ быть объяснено какъ особенность правописанія, а не какъ особенность языка. Въ памятникахъ XII, XIII, XIV в., какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, подобныя написанія встрѣчаются въ однихъ, старшихъ, очень часто (Житіе Θεодосія Печерскаго по Усп. сб. XII—XIII в.: *пзлны*, *дързновеніе*, *чърпоризьць* и т. п., *твърдъмъ*, *милосърдъ*, *мъртву* и т. п.), въ другихъ, младшихъ, рѣже—что вполне естественно—или даже совсѣмъ рѣдко, причемъ въ послѣднихъ—что также вполне естественно—слова съ *зрз*, *злз*, *ърь* встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ слова съ *ърь*, *ерь*, гдѣ второй *ь*, конечно, означаетъ уже не гласный звукъ, а только мягкость *р* (Евангеліе 1355 г.: *отверъзу*, *церьковь*; Евангеліе 1357 г.: *церьковь*, *почерьпала*; Путенское Ев. XIV в.: *отверьгуса*, *растерьгнуть*, *терьплю* и др.). Между прочимъ, слова со вторымъ полногласіемъ встрѣчаются также въ тѣхъ рукописяхъ XII и XIII вв., въ которыхъ текстъ богослужбныхъ пѣснопѣній снабженъ нотами для пѣнія, такъ что для каждой гласной буквы имѣется (падъ нею) особый нотный знакъ. Такъ, мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 года: *обзльценъ* 7, *испзлняя* 181, *пързсть* 184;

въ Стихирарѣ ок. 1163 г. постоянно: *взмъхвъ*; въ Стихирарѣ XII в. Синод. Библ. № 279: *змъзчаньну* 38 об., *обзмъзкъ* 42, *първъая* 120, *първъстъмь* 31 об.; въ Тріоди XII в. Синод. Библ. № 319: *змъзня* 8 об., *взмъною* 10 об., по *дзмъгу* 32, *първъууму* 7, *чърньци* 26, *жъльчи* 66; въ Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: *горвъстю* 152, *дъръзновениѣ* 8,—я 43, 150,—мь 33, *удержиши* 42, *сдъръжашааго* 167 об., *мерътвъца* 174, *мерътвъихъ* 98, 148 об.; въ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ. Q. 32: *църъръькы*=*църкы* 32, и др. Здѣсь какъ надъ первымъ *з*, *ь*, такъ и надъ вторымъ неизмѣнно находятся нотные знаки—доказательство, что эти буквы произносились при пѣніи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ и въ болѣе позднихъ мы встрѣчаемъ на мѣстѣ древнѣйшихъ *зръ*, *змъ*, *зръ*—группы *оро*, *оло*, *ере*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ.: на *вербнич(у)* 61; рядомъ: *нед(ѣля) въръььна* 96 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: *чъренцемъ* 14, *безмоловия* 124 об.; въ новгородскомъ Паремейникѣ 1271 г.: *вербныя нед(ѣлѣ)*, запись; въ галицко-волинскомъ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: *умеретвья* 37; въ псковскомъ Ирмологѣ 1344 г.: в *черемнѣмъ мори* 14 об.; въ Евангеліи 1357 г.: *молонья* 124, *молонии* 154 об., 164; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *молонья* 13 об., 155 об., *молоніи* 16; въ новгородской Минееѣ 1370 г.: *доложьнующе*; въ Евангеліи 1393 г.: *молонии* 182 об.; въ кievской Псалтыри 1397 г.: *молонья* 20 об., 105; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *молонья* 144, 145; въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп.: съ *Торожку* 168, къ *Торожку* 167, *новоторожьскыи* 160, *Търожку* 161, 175, *Поволожьѣ* 168, к *надолобомъ* 243, *церьенцемъ* 35, въ *череньцихъ* 216, *църенци* 235; въ галицко-вол. Путенскомъ Евангеліи XIV в.: *умеретвья* 233; въ новгородскомъ Прологѣ 1400 г. Синод. Библ.: *церьенцю* 9; въ двинской духовной XIV—XV в.: *черенцовъ* Ак. Юр. 433; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: *вербницу* 241, *бороздо*=*борзо* 380; въ печатномъ зап.-русс. Ев. Тяпинскаго XVI в.: *маланья*; въ малорусскомъ словарикѣ к. XVII в., изданномъ Жи-тецкимъ: *веровка* (*о* изъ *ѣ*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчій слова со вторымъ полногласіемъ—не особенная рѣдкость; въ нихъ на мѣстѣ древнихъ *з*, *ь* слышится *о*, *е*: великорусск. *молонья* (Остромирово Ев.: *змъзня*), *пбсолонь* (Остромирово Ев.: *смъзньце*), *солонворотъ*, *золѡвка*, *беревнѡ*

и бревнó (Остром. Ев.: бървьно), верѣвка, смерѣтушка, сумеречный, черѣмный рыжій. Рядомъ съ этими словами, въ которыхъ слышится гласный послѣ плавнаго, въ великорусскомъ нарѣчїи есть цѣлый рядъ словъ, гдѣ гласнаго послѣ плавнаго уже нѣтъ, но гдѣ остался отъ него слѣдъ въ видѣ мягкости плавнаго: верьхъ, церьковь, четверьгъ, перьвый, серьпъ, стерьва и т. п. Остатки и слѣды второго полногласїя существуютъ также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчїяхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ великорусскомъ. Такъ, у угорскихъ русскихъ Марамароша слышится: веревка, верьхъ, дерьгати, перьхати, церьковь; въ бѣлорусскомъ нарѣчїи: маланнѣ, малонка, вярóвка, смярóтный=смерѣтный, смертнѣй.

Съ явленїями русскаго втораго полногласїя близко родственны: 1) употребленіе группъ *lu, lo, ru* въ польскомъ, *lu, lou, lo* въ чешскомъ языкахъ: пол. *tlusty*, чеш. *tlustý*; пол. *slonce*, чеш. *slunce* и *slonce*; пол. *długi*, чеш. *dlohý*; пол. *slup*, чеш. *sloup* (столпъ); пол. *mrugać* (моргать); чешск. *žlutý, člun*, гдѣ *lu, ru* и проч. — изъ неударяемыхъ полногласныхъ группъ *zł, ьł, zř*, въ которыхъ первый глухой исчезъ, а второй перешелъ въ *u* или *o* (срв. съ одной стороны др.-русск. *тълзсть, сълзнице, дьлзгъ, жьлзть, чьлзнь*, съ другой ст.-чешск. *blucha* изъ *блѣхѣ*, ст.-чешск и соврем. чешск. діалект. *sluza, sloza* изъ *слѣзѣ*); 2) употребленіе мягкаго *p* (*rz*) въ польскомъ языкѣ: *wierzch* или *wirzch* (=верьхъ), *wierzba* (=верьба), *wierzgać* (сравни *вьръгж* Остром. Ев.), и мягкаго *p* (*r'*) въ верхне-лужицкомъ: *v'er'ch, v'er'ba*; 3) употребленіе группы *ere, ire* въ древне-польск. *cerekiew* и *cirekiew* (Флоріанская Псалтырь XIV в.) и въ др.-чешск. *čírkev*, род. ед. *cerekve, Cerekvice* (мѣстное названіе; сравни соврем. русск. *церьковь*, др.-русск. *църькы*), и наконецъ 4) употребленіе мягкаго *l* въ польск. *wilk* волкъ, *milszeć* молчать (=вълкъ, мълчать); ничего подобнаго послѣднему въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Сверхъ того, пол. *ar* съ предыдущимъ мягкимъ или—обыкновенно—съ происшедшимъ изъ мягкаго твердымъ согласнымъ является на мѣстѣ др.-русской полногласной группы *ър*: *martwy* (срв. *мърѣтъвь*), *czwartý* (срв. *четвьрѣтъ*) и т. п. и, вѣроятно, находится съ нею въ связи.

Глухіе *з* и *ь* передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковно-славянскій языкъ въ древнѣйшую эпоху имѣлъ группы *зр, ѣр, зл, ьл*, а въ болѣе позднюю—гласные *p* и *l* (т.-е. *рз, лз* церк.-сла-

вянскихъ памятниковъ) съ послѣдующимъ согласнымъ, въ сербскомъ языкѣ мы находимъ плавный гласный *p* и *y* (которое образовалось изъ гласнаго *a*), въ чешскомъ чаще—плавные гласные *r*, *l*, рѣже, послѣ шипящихъ,—*er*, въ польскомъ всего чаще — группы *ar*, *er*, *el*, *ol*; но русскій языкъ (было въ немъ второе полногласіе, или не было) сохранилъ передъ плавными древнія *ъ* и *ь*, которыя перешли потомъ въ *o* и *e*. Примѣры: церк.-слав. *трѣгъ*, *врѣхъ*, *чрѣнь*, *влѣна*, *плѣнь*, *жлѣтъ*—сербск. *трѣг*, *врѣх*, *чрѣн*, *вуна*, *пун*, *жут*—чешск. *trh*, *vrch*, *černý*, *vlna*, *plný*—польск. *targ*, *wierzch*, *czarny*, *welna*, *wełny*, *żółty*—русск. *торгъ*, *верѣхъ*, *чорный*, *волна*, *полнь*, *жолтый*.

Сверхъ этихъ крупныхъ звуковыхъ особенностей русскаго языка, можно отмѣтить нѣсколько другихъ мелкихъ. Это:

1) Смягченіе гортанныхъ передъ *вѣ*, *ви*, *въ* въ свистящіе, свойственное русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, сербскимъ и словинскимъ: *цвѣтъ*, *цвѣлъ* (изъ *цвьль*), *звѣзда*, *свистать* и т. п. Западно-славянскія нарѣчія здѣсь сохраняютъ гортанные: польск. *kwiat*, чешск. *květ*, пол. *gwiazda*, чешск. *hvězda*, *chvístati*. Впрочемъ рядомъ съ *ц* мы имѣемъ и *к*: малорусск. *квітъ*, *квітка*, *квілити* (церк.-слав. и древн.-русск. *цвѣлити*, Слово о полку игор.), великор. *квелить*, *квѣлкій*, *звистъ*;

2) отсутствіе *з* передъ *н*, свойственное главнымъ образомъ русскому языку: *тронуть* (при *трозать*), *двинуть* (при *двизать*), *тянуть*; срв. ц.-сл. *двинѣти*, *тапѣти*, пол. *dzwignąć*, *ciągnąć*, чешск. *dvíh-pouti*, *táhpouti* и т. п. (всегда съ *з*). Оно теперь является только въ нѣсколькихъ глаголахъ на *нуть*, но нѣкогда было распространено значительно шире: *разнѣвався* Святосл. Сборн. 1073 г. 145 об., *Житіе Саввы Освящ.* XIII в. 78, *разнѣвася* Холмское Ев. XIII в. 61 об.; *ражнѣвахся* Свят. Сборн. 1073 г. 99, *ражнѣвася* Архангельское Ев. 1092 г. 44 об., *Златоструй* XII в. 72 об. = *разнѣв-* (*ж* изъ *з*: срв. *иж* него); *разнѣстеся* нозѣ *Житіе Нифонта* 1219 г. 107 об.; *огнь помѣщаеть* Учительное Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. 106 об. То же въ польскомъ: *rozniewać* или *rozniwać*, *zamiesić*, *podmiesić* Шарошпатацкая Библия, соврем. *rozniecać*—*розн-*, и въ чешскомъ: *roznětívše* Святovitскій Сборникъ, *roznětilsé* словарикъ XV в. (Listy Filol. 1893 г. 221).

Но обыкновенно *з* передъ *н* сохраняется: *нѣвъ*, *нои*, *нусный*, *стеино*, *дринуть*, *принуть*, *присянуть*;

3) переходъ группы *сх* (*с* принадлежитъ предлогу-префиксу) не только въ *ш*, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, но изрѣдка также въ *щ*: *ищѣдъше*, *ищѣдше* Остромир. Ев. 65 об., 99, *ращибѣ* Минея XII в. (Ягичъ, 20), *ищель*, *ищѣды* Толстовскій Сборникъ XIII в. 50, 190;

4) близость звука *з* къ *о* (въ *сѣнѣ*, *сѣтъ* и т. п.), свойственная русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ: *сонѣ* ц.-слав. Ассеманово Ев. Въ сербскомъ языкѣ *з* (и слившійся съ нимъ *ѣ*) былъ по произношенію близокъ къ *а* (сербск. *сан*); въ западно-славянскихъ—къ твердому *е* (чешское и польское *sen*);

5) мягкость *з* изъ *г*: др.-русск. *князь*, *пѣнязь*, *колодязь*, *стязя*, соврем. *князь* и т. д. Она была свойственна всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; но въ историческое время церковно-славянскій языкъ утратилъ ее почти совсѣмъ (въ церк.-слав. памятникахъ мы обыкновенно читаемъ *кнѣзъ*, *кнѣзь*, род. *кнѣза*, *стѣза*, *стѣза*, *польза*, *польза*, *истязати*, *истязати*), сербскій, польскій и чешскій совсѣмъ (сербск. *кнез*, род. *кнеза*, польск. *ksiądz*, род. *ksiądz*, чешск. *кнез*, род. *кнега*). Древнія и современные русскія слова съ твердымъ *з*: *польза* (при великор. *полюа*, малор. *пільа*), *тързати* (при ис-тързати), *истязати* (при *тячать*) и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка;

6) болѣе частое употребленіе *ст*, чѣмъ *си*, изъ *ск*. Мы не знаемъ ни одного случая употребленія *си* изъ *ск* въ корнѣ (всегда *ст*: *блิสати*). Случаи употребленія *си* въ окончаніяхъ сравнительно рѣдки; они болѣе свойственны юго-западно-русскимъ (галицко-волынскимъ) памятникамъ, чѣмъ сѣвернымъ, и встрѣчаются въ первыхъ даже въ XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: князи *русци* 578; галицкая грамота 1422 г.: старци *лавровьсци* и *крилошане самборьсци*; молдавскія грамоты 1404 г. и 1454 г., съ малорусскимъ элементомъ въ языкѣ: бояре *молдавсци*, панове *русци*; сравни въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в.: *новгородьстии*, *заморьстии*, *рязаньстии*, *рустии* и т. п.

Таковы главныя и древнія особенности русскаго языка. Одни изъ нихъ свойственны исключительно русскому языку, другія—какъ

русскому, такъ и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. Число особенностей русскаго языка, отличающихъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, въ историческую эпоху, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все увеличивалось и теперь уже гораздо болѣе значительно, чѣмъ прежде. Слѣдующая особенность русскаго языка—мнимая особенность, о которой приходится намъ упомянуть только потому, что нѣкоторые ученые придаютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рядомъ съ такими особенностями, какъ *ж* изъ *д* и полногласіе.

Русское начальное о=церк.-слав. ю. Дѣло касается начальнаго *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ стоитъ *е*, въ такихъ словахъ, какъ одинъ (при которомъ единъ), церк.-слав. ѳединъ, сербск. један, польск. jeden; озеро (при которомъ езеро), церк.-слав. ѳезеро, польск. jezioro; олень, церк.-слав. ѳелень, сербск. јелен; осень, церк.-слав. ѳесень, сербск. јесен; древне-русск. одѣва (при которомъ едѣва), церк.-слав. ѳедѣва; древне-русск. ожъ, ожикъ (у Скорины), малорусск. ожина, при русск. ѣжъ, великорусск. ежевика, новоболг. јеж, словинск и польск. jeż; древне-русск. още (современн. сѣв.-великор. ощо, при ещо), церк.-слав. ѳште, польск. jeszcze; омѣла, пол. jemioła, чешск. jmelna; олово, ср.-болг. ѳелово; орль, нижне-луж. jerel, и т. п. Надо замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ не принадлежитъ исключительно русскому языку; если мы поищемъ въ современныхъ славянскихъ говорахъ, то найдемъ въ нихъ почти всѣ эти слова не только съ *е*, но и съ *о*: такъ, въ ново-болгарскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *одѣва*, *оште*; въ соврем. чешскомъ и словацкомъ есть слова *осей* и *омѣла*, въ ст.-чешскомъ—*оѣпанка* (названіе растенія), въ словинскомъ—*odvaj*, въ хорватскомъ—*omela*; самый церковно-славянскій языкъ имѣетъ слово *амнии олень*, гдѣ *ам* образовалось, вѣроятно, изъ *ѣл*; слово *орль* находится во всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ нижне-лужицкаго. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ соотвѣтствія: для нашего *олень* — въ латышскомъ *alnīs* (церк.-славянскому *ѳелень* соотвѣтствуетъ литовское *elnis*), для нашего *осень*—въ готскомъ *asans*, для нашего *одѣва*—въ литовскомъ *advos*, для нашего *оше* — въ лат. *usque* (*и* изъ *о*), при греч. *ѣсте*=еще, для нашего *омѣла* — въ лит. *amalas*. Такимъ образомъ мы увидимъ, что мнимая особенность русскаго языка

восходить къ глубокой, до-славянской древности. Должно замѣтить, что начальное *e* (безъ *j*) у насъ сохранилось безъ перехода въ *o*: это, эво, эдакъ, бѣлор. гэто и т. п. Сравни сербск. *ето*, *ево*, кашебск. *hevo* и т. п.

Въ связи съ нею нѣкоторые ученые указываютъ, какъ на особенность русскаго языка древнѣйшей эпохи,—на переходъ начального неіотированнаго *e* въ *o* въ цѣломъ рядѣ словъ взятыхъ нами изъ греческаго языка: въ личныхъ именахъ Овдогья (=Евдокія), Овсей (Евсей), Остапъ (Евстафій), Овстратъ (Евстратій), Олпатъ (Евпатій), Олферъ (Елевсерій), Олена (Елена), въ названіи города Олешье (Лаврент. сп., = *Ελισσός*, соврем. Алешки), въ нарицательныхъ: охидна (*ἔχιδνα*), опитемя (*ἐπιτεμία*), оксамить (*ἐξαμίτης*) и друг. Они начинаютъ попадаться въ русскихъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ: Пандекты Антіоха XI вѣка: оклисиастъ 79 об.; Уставъ церковный XI—XII в. (Типогр. Б. № 285): октения 2; Юрьевское Ев. около 1120 г.: племена охиднова 57 об.; надпись на крестѣ 1161 г.: Офросинья; Добролово Ев. 1164 года: Овгенья 250 об.; Стихирарь XII в. Акад. Наукъ: Олены 139 об., Олисѣя 160 об.; Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227): Офреме, зват. п., приписка; Праздники XII в. (Типогр. Библ. № 330): Овстафие 19 об.; Кондакаръ XII—XIII в. Публ. Библ.: Орино 41 об.; Пандекты Никона Черногорца по Яросл. сп. XII—XIII в.: Офрема, опитемя; Житіе Нифонта 1219 г.: Олевѣферія 103 об.; Паремейникъ 1271 г.: Олуфереѣ, им. ед., запись, Олисѣя 206; Кормчая ок. 1282 г.: опитемя, октения, Овдокимъ; Пчела по сп. нач. XV в., изданному Семеновымъ: Опикуръ, Осопъ (*Ἄσωπος*), и друг. Но 1) здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью не только русскаго, но также церковно-славянскаго и средне-болгарскаго языковъ: употребленіе *o* на мѣстѣ классическаго греческаго *e* мы встрѣчаемъ въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ такихъ изъ средне-болгарскихъ, которые не могутъ считаться списанными съ русскихъ оригиналовъ: въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: Оуктимонъ 104 (при Евуктимонъ; сравни въ Рязанской Кормчей 1284 г.: Оутиха, род. ед., 142 = *Εβ-тиха*); въ церк.-слав. Синайской Псалтыри: земля оръмунъскы (=ермон—); въ Болонской Псалтыри конца XII или начала XIII в.: оениощкъ; сравни въ др.-русск. Синайскомъ Патерикѣ XII в.: уболъ, въ Хоженіи Антонія Новгородскаго по сп. XVII в., изд.

Савванитовымъ: *уболь* (и *амболь*)=ц.-сл. *жболь*, ново-болг. *вѣмбѣль* и *вѣбѣль* (*ѣм* и *ѣ* изъ *ж*), греч. *ἐμβολος*; сравни также ново-болг. *охтик*=*ἐχτική*; 2) *о* на мѣстѣ греческ. *ε*, кажется, должно считать возникшимъ не на славянской, а на греческой почвѣ; по крайней мѣрѣ въ ново-греческомъ языкѣ мы находимъ нѣкоторое количество словъ съ начальнымъ *о* вмѣсто *ε* (особенно передъ древнимъ *ε*): *ουτίς* (*ἐβραῖος*), *ομποστία* (*εὐνοστία*), *ὀμορφος* (*εὐμορφος*), *ὀκκερος* (*εὐκκερος*), *ολέθηρος* (*ἐλευθερός*), *ορμίνενο* (*ἐρμηνεύω*), *ὀτίμος* (*ἐτιμος*), *οχιά* (*ἐχία*) и т. п. Подобныя слова мы видимъ и въ средне-греческихъ памятникахъ, на примѣръ, въ Кипрской средневѣковой хроникѣ: *ὀρπίδα* (*ἐπίδα*), "Οκτορ (*ἑκτωρ*), *ὀκτρούς* (*ἐχτρούς*) и т. п. Достоино замѣчанія, что какъ въ русскомъ, такъ и въ ново-греческомъ *о* вмѣсто *ε* всего чаще является передъ *ε* и что русское *о* иногда вполне совпадаетъ съ греческимъ *ο*: *Олферъ* (*Ελεβαερίη*)—*ολέθηρος*, *охидна*—*οχιά*.

Должно замѣтить, что съ одной стороны имѣютъ *о* такія слова, которыя въ живомъ русскомъ языкѣ древней эпохи употреблялись не могли (*оклисиастъ*, *Опикуръ*) и что съ другой не имѣютъ *о* даже столь употребительныя слова, какъ *евангелие*.

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть на *о*=греч. *ε* какъ на отличительную черту русскаго языка.

IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.

Русскій языкъ въ древнѣйшій періодъ своей исторіи не представлялъ полнаго звукового однообразія и въ однихъ мѣстахъ имѣлъ однѣ особенности, въ другихъ — другія; иначе говоря, онъ раздѣлялся на нѣсколько говоровъ. Замѣчательно, что дѣленіе древне-русскаго языка на говоры, сколько мы можемъ судить о послѣднихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ русскаго народа на племена, которое сохранила намъ Несторова лѣтопись.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей или словенъ; это—говоры новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій (вѣроятно, полоцко-смоленско-витебскій); послѣднимъ говорили тѣ кривичи, которые жили по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки и и ч. Ее мы находимъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ и, напримѣръ, читаемъ въ Миней 1095 года: *чрево* (чрево), *владычиче*, *всыацьская*, *чвѣтъ*, *коньчъ*, *паличею* и т. п. Она—обычное явленіе въ псковскихъ памятникахъ, въ родѣ Апостола 1307 г., гдѣ мы видимъ: *съкончашася*, *началника*, *темницьнымъ*, *старчи*, *ръчи*, *нечин*. Она замѣчается въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: *нѣмьчиць* вмѣсто *нѣмьчичъ*, при Романовици, *суличами* вмѣсто *сулицами*, *куноемьчи* (дат. ед.) вм. *-емьчи*. Въ полоцкой грамотѣ начала XV в. есть написанія въ родѣ *немецькии* вмѣсто *нѣмецькии*, *позниччи* вмѣсто *позниччи*.

При этой общей особенности, отсутствовавшей въ другихъ говорахъ, говоры кривичей имѣли нѣкоторыя отличія другъ отъ друга;

такъ, новгородскій и псковской говоры, на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд* и современнаго литературнаго русскаго *жж*, имѣли *жс*: новгородская Минея 1095 года: *дъжсь* 84, *одъжси* 115; Минея 1096 года: *дъжсь* 215, *одъжсаеть* 84, *пригважсаеть* 92; Стихирарь 1157 года: *одъжсивыи* 80 об.; Трїодъ 1311 г.: *пригвожсьнаго* 23; Евангеліе до 1362 г.: *дожсь* 30, *дожсить* 26 об., *рожсье* (=церк.-слав. *рождиѣ*) 21 об.; Новгородская лѣтопись: *дъжсь* 45, 46, 49 и др., *дъжземь* 63, *дъжсєво* 125; псковской Апостолъ 1307 г.: *дожсь*, *надъжсити*, *пригвожсьше*, *рожсья*; псковской Параклитикъ 1369 г. *дожся*, *пригважся*; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: *дожся*, *приѣзя*. Сравни въ современномъ пермскомъ говорѣ *возжаться* = *возжаться*. Въ полоцко-смоленскомъ говорѣ этой особенноти, кажется, не было. Затѣмъ, въ новгородскомъ говорѣ мы находимъ болѣе или менѣе часто приближеніе звука *ъ* къ звуку *и* и въ связи съ нимъ замѣну буквы *ъ* черезъ букву *и*, и наоборотъ, особенно: въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными. Минея 1096 г.: *лицемирьствовавъ* 68, *търъпиниѣ* 78, *претъръпилъ ѳси* 125, *невидѣнїя* 165; Пантелеймоново Ев. XII в.: *всь самариньску* 101, *гробїи невідомїи* 107 об.; Кормчая ок. 1282 г.: *вѣлєричьємь* 606; Евангеліе 1355 г.: *колинома* 60, *запричая* 62, *колиблемы* 64, *человичьскыи* 64 об., 123, *человичь* 81, 127 об., *человикомъ* 105, 120, *имамъ ти ничто рещи* 65, на мѣстѣ *ничкомъ* 70, *иминїя* 71, *жєлизныи* 72, *проповидь*, *внїшнєѣ* 73, *оскудимємо* 85, *лицемири* 121 об., *убижитє* 122 об., *тєло моє* 126 об., *смїшенъ* 141, *смїшенїє* 143 об., *прегрїшенїи* 152 об., *при вечерї* 3, *при пояси* 51 об., *к женї* 59 об., *по ланитї* 103 об., *в закони* 122, *узри* (=узрѣ) 59 об., *исцѣли* (=исцѣлѣ) 74 об., *види* (=видѣ) 93 об., 126, и др.; Новгородская лѣтопись: *обонїжьскыхъ* 160 об., *обонїжаномъ* 320; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (очень часто); Погодинскій сборникъ нач. XV в. № 872 (очень часто). Эта особенность была также въ псковскомъ говорѣ; въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: *свирилникъ*, *свирїли*, *иминїю* (и въ Пандектахъ 1296 г., можетъ быть, псковскихъ: *одмяла* 78, къ Кесарїи Филипови 79 об., *тихъ* = *тѣхъ* 84, *рядомъ съ извѣтїє словєсь* 106 об., *обѣтаеть* 109). Сравни въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже: *стрича*, *свича*, *дилять*, *медвидь*, *полетили* и т. п.; сходныя данныя — въ современномъ псковскомъ говорѣ. Этой особенноти

повидимому не было въ полоцко-смоленскомъ говорѣ. Далѣе, старшій новгородскій говоръ иногда опускалъ *в* передъ мягкимъ *л*. Мы читаемъ въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1270 г.: пристаивати (=пристаивати), въ договорѣ 1314 г.: Жидьслаичъ (=Жидьслаевичъ), въ Новгородской лѣтописи: на Ярославѣ дворѣ, ис Переяслаля, въ Переяслаля, Мьстислалицъ, на Яколи улицы; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: Мьстислаичъ 236, Ивана Радьслаича 358 и др. Та же особенность, въ современныхъ русскихъ говорахъ почти уже не существующая (отмѣчено: оставять въ Новгородскомъ уѣздѣ, засталять въ Ладожскомъ у., кроля=кровля подъ Изборскомъ),—была свойственна псковскому говору: запись Параклитика 1369 г.: испраивающа (=исправливающе); запись Пролога 1425 г.: испраивающе; зап. Трефолая 1446 г.: испраивая; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: посталяша, запсколяне, нероляне (=нероляне); но повидимому была неизвѣстна говору полоцко-смоленскому.

Псковскій говоръ отъ новгородскаго и полоцко-смоленскаго, а также и отъ всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ, отличался тѣмъ, что взаимно мѣнялъ мягкія *ж* и *з*, *ш* и *с*. Апостоль 1307 г.: эдати (=ждати), когоздо, зѣлание, смѣшилъ (=смѣсилъ), искушьна; Параклитикъ 1369 г.: прилезно, зелание, озиве; стежю (=стезю), прожябе, кладяжи; украсение, съгресихъ, сествия (=шествия); донеси (=донеси), вию силу, ношиси (=носиши) и т. п.; Параклитикъ 1386 г.: ноже (=нозѣ), поражи (=порази); козя (=кожа), позру (=пожру); вешъ (=весь), до шего дне (=до сего дне); въпросяти (=въпрошати), васи (=ваши), несося (=несоша) и т. п.; запись Евангелія 1463 г.: птица рада вѣшнѣ; списки 1-й Псковской лѣтописи: кажну вию (=казну), перши (=перси) и т. п.

Изъ кривичскихъ говоровъ вполне сохранился только говоръ новгородскій, который слышится въ настоящее время не только въ Новгородѣ и прежней новгородской области, но и въ новгородскихъ колоніяхъ, т. е. почти во всей сѣверной полосѣ Россіи. Псковской говоръ сохранился около Псковскаго озера да на южной окраинѣ своей прежней территоріи, въ сѣверной части Смоленской губерніи. Полоцко-смоленскій говоръ сохранился до нашего времени въ нѣсколькихъ уѣздахъ Витебской и Смоленской губ. и въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губ.; въ другихъ мѣстахъ онъ вытѣсненъ сосѣдними бѣлорусскими говорами.

Старый западно-русский, или белорусский говоръ—говоръ древнихъ дреговичей, родоначальникъ современнаго белорусскаго нарѣчія. Онъ не имѣлъ рѣзкихъ особенностей и нѣкогда былъ чрезвычайно близко къ средне-русскому, или великорусскому говору. Одною изъ старыхъ его особенностей, впрочемъ очень мелкою, должно считать употребленіе *жч*, *ждч* тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ мы видимъ *жд*, а въ литературномъ русскомъ слышится *жж*. Въ грамотахъ литовскихъ князей мы находимъ. наѣждчати, приѣждчалъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 года; приеждьме, приеждчаючи, наеждчалъ и т. п.; въ печатномъ Евангеліи Тяпинскаго (второй половины XVI в.): дожчь, дожчѣти и т. п. Въ Псалтыри 1296 года, памятникѣ, вѣроятно, также западно-русскомъ, есть слово дъжчѣвнымъ 288. Сравни современн. белорусск. дощчикъ, дощикъ.

Что касается до средне-русскаго говора—говора древнихъ вятичей и ихъ колонистовъ на обѣихъ берегахъ верхней Волги, отъ котораго ведетъ начало та часть великорусскаго нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*,—то онъ, какъ можно заключать на основаніи ростовскихъ памятниковъ первой четверти XIII в., Рязанской Кормчей 1284 г., галицкаго (Костромск. губ.) Ев. 1357 г., переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевскаго списка лѣтописей и друг., не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры. Въ настоящее время потомки древняго говора вятичей дѣлятся на почти тождественные говоры сѣверные, или *ѡ*кающіе (сохраняющіе неудараемое *о*), и на говоры южные, или *ѡ*кающіе (замѣняющіе неудараемое *о* черезъ *а* или другіе звуки).

Галицко-волинский говоръ—говоръ дуббовъ-воляннѣвъ, предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія—въ древнѣйшую эпоху отличался также немногими особенностями: въ немъ мы находимъ то же *жч* на мѣстѣ великорусскаго *жж*, что и въ западно-русскомъ. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. (срв. стр. 13) мы читаемъ: дъжчь 15, ижченуться (=ижженуться) 16, въжчелѣши (церк.-слав. вѣжделѣши) 28 об., рожчьє 215 и друг.; въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: дъжчь, рожчья (род.), измъжчанине, ижчивете, ражчизати, беж чены (=безъ жены); въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: дожчь, бездожчьє, иж-

чену, въжъчелаете и друг.; въ Тріоди XIII в. (Син. Библ. Усп. № 8): одъжчивъшааго, измъжчѣние, пригвожченъ, пригвожчѣние, ижчену, ижчивъ, ражизая и друг.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: рожчье и друг. Сравни современное малорусск. дощъ, род. дощя, ріщя (=церк.-слав. рождие), вищяти и т. п. Сверхъ того, этотъ говоръ очень любилъ ассимиляцію ъ съ послѣдующимъ и: Добролюво Евангеліе 1164 г.: въпросяти и (=въпросать и), осудати и, имути и, съкрушити и, моляхути и, и т. п., которая впрочемъ существовала и въ другихъ говорахъ, и въ кievскомъ (смотри Святославовъ Сборникъ 1073 г.), и въ полоцко-смоленскомъ (смоленская грамота ок. 1230 г.: въсхочети и казнити), и въ новгородскомъ (Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: наричаѣти и, възлюбити и, и т. п.). Потомство формъ 3-го л. на *ти*, подобныхъ приведеннымъ, также формы 3-го л. на *ти*, отмѣчены въ говорахъ Олонецкой, Калужской, Могилевской губерній: кого мнѣ любить будети; жонки йдути, обѣдати несути, и т. п.

О древне-кievскомъ говорѣ, говорѣ полянъ, мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Самые авторитетные памятники этого говора— Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовыхъ 1073 г. и 1076 г. и Тріодъ Моисея кievлянина XII—XIII в. Можно бы думать, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ь* черезъ *и*; по крайней мѣрѣ въ Сборникѣ 1073 г мы читаемъ: ниции вмѣсто нѣции, въ вѣри вм. въ вѣръ, исцмили вм. исцмили; но всѣ эти примѣры свободно можно считать описками, происшедшими отъ небрежности переписчика.

Объ особенностяхъ древняго переяславско-черниговскаго говора, говора сѣверянъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно только упомянуть, что авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами («сѣверо—отъ словенъ»), что малоруссы XVII в. видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова «московскихъ» людей, что всего вѣроятнѣе считать потомками ихъ—сильно акающихъ жителей Брянскаго и Путивльскаго уѣздовъ.

Съ теченіемъ времени, при постепенныхъ измѣненіяхъ въ звукахъ, говоры русскаго языка пріобрѣли новыя особенности, которыя уже несравненно болѣе прежняго обособили ихъ другъ отъ друга.

V. Звуки древне-русского языка.

Попробуемъ опредѣлить, каковы были звуки русскаго языка въ началѣ его историческаго существованія, и укажемъ, какими буквами они означались въ нашемъ старомъ алфавитѣ.

Гласные. Звукъ *a* произносился очень открыто. Онъ означался послѣ твердыхъ согласныхъ черезъ *a*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*—отчасти черезъ *ѡ*, отчасти черезъ *ѡ*. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ двѣ послѣднія буквы употребляются безразлично, но въ большинствѣ—*ѡ* употребляется послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, для означенія *ja*, а *ѡ* только послѣ согласныхъ.

Звукъ *o* также произносился открыто, т. е. близко къ *a*; вслѣдствіе этого въ иностранныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, на мѣстѣ иностраннаго *a* иногда является неударяемое *o*: Ор'када=Аркадія Остр. Ев.; Ондроникъ, Оеонаси Стихираръ XII в. Акад. Наукъ 32, 137 об.; *o* родъ саракинъстѣ огаринѣхъ Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227) 13 об.; Олександрію Житіе Нифонта 1219 г., Олексию тамъ же, запись; Онания, окровустія= *ακροβουστία* Апостоль 1220 г. 3, 19; на онтипасху Погодинское Ев. XIII в. № 13, л. 175, и др., а на мѣстѣ иностраннаго закрытаго *o* (особенно долгаго) встрѣчается и неударяемое, и ударяемое *u*: *tiunъ* = старо-сканд. *thiön*, *укусъ* (Студійскій Уставъ по сп. XII в.)=греч. *ὄξος*, *руга*=греч. *ρόγα*. Онъ передавался на письмѣ обыкновенно буквою *o*, рѣдко буквою *ѡ*.

Звукъ *e*, изображавшійся буквою *e* послѣ согласныхъ и *ѣ* послѣ *j*, звучалъ приблизительно такъ, какъ онъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчій, смягчая предыдущій согласный; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ, какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, въ древнѣйшихъ чаще, въ болѣе позднихъ рѣдко, попадаются случаи употре-

бленія, вмѣсто буквы *e*,—буквы *ie*: Остромирово Ев.: гнѣзятъ 100; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: клѣвета 29 об., умножити 35 об., о имевѣ 247 об.; Минея 1095 г.: камни 24, веселися 70, словесѣ 89, въсѣвильномъ 111, въседрьжити леви 165; Минея 1096 г.: смѣ 11, равнѣчьствѣмъ 84, богатѣ 140, будитъ 159, спаскнѣя 210; Слова Григорія Богослова XI в.: гнѣтуться 167 об.; Путятина Минея XI в.: въсплескаша [12, на комесе 12 об., плитоша 23, апостоли 31, 35, дѣлсемь 34, дѣлсмь 37 [об., възлѣтъ 37 об., въпелѣнавахъ 96, клѣнь 97, Ёлкну (вин.) 87 об., съинитенъ 12 об., в'сеслав'нѣ (зват.) 23, трипетомъ 24 об., посередѣ 81 и др.; Галипкое Ев. 1144 г.: оклѣветаите 119 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: облещѣ, възлѣже, погыбнѣтъ, ставнѣтъ, званикнѣ, будитъ; Пантелеймоново Ев. XII в.: обратнѣкъ 56 об., отъдадите 68, блудите 83, творите 94, возите 94, въврши 111 и др.; Христинопольскій Апостолъ XII в.: прѣведетъ 84; Триодъ Саввина до 1226 г.: клѣветаяху 91 и т. п. (-лѣ- и -нѣ- часто); Луцкое Ев. XIV в.: Филипѣ (зват. пад.), тебѣ, всѣю. Нѣкоторыя рукописи, напр. Триодъ Моисея кѣвлянина XII—XIII в., вмѣютъ *ie* вмѣсто *e* послѣ согласныхъ очень часто. Въ началѣ словъ *e* имѣло передъ собой *j*, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, гдѣ оно произносилось безъ *j*, т. е. такъ, какъ произносится *e* въ нашихъ это, эдекъ. Эти слова, какъ показываютъ рукописи, строго различающія *e* и *ie* (Юрьевское Ев. около 1120 г. и друг.),—слова етеръ, еда, едѣва, еше, езеро, еи (да).

Звукъ *ъ* былъ близокъ къ *e* по своему качеству, но произносился, повидному, болѣе закрыто, приближаясь къ *и*; онъ отличался отъ *e* своей долготою; это былъ, кажется, единственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода. Срв. др.-русск. названіе города Вендена Късь, Кисъ (въ спискахъ 1-й Новгородской лѣтоп.) и лотышск. Cēsis (съ *и* изъ болѣе древняго *к*). Въ древнѣйшихъ рукописяхъ онъ изрѣдка смѣшивается съ *e*. Остромирово Ев.: несть 26; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: веруд, рупе, о господине, свѣдѣтель; Минея 1095 г.: обреть 50, прѣменно 132; Минея 1097 г.: на тѣле 305, посреде 317, възлетела 335, въ утробе 381. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы въ словахъ повторяются согласно тому, какъ они должны были повторяться или протягиваться въ пѣніи, мы находимъ такія написанія, какъ грѣсеховъ (Кондакаръ XII в. Троицкой Лавры, л. 4). Кромѣ буквы *ъ*, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

употребляется йотированный $n=jn$; въ другихъ же для означенія jn пишется или просто n , или $ю$: Архангельское Ев.: $юждь=ъжъ$, $юсти=ъсти$.

Звукъ y звучалъ такъ же, какъ онъ звучитъ теперь. Онъ изображался послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно черезъ ou , рѣже черезъ $ч$, т. е. такъ же какъ и въ греческомъ, и въ церковно-славянскомъ алфавитахъ, рѣдко (только въ древнѣйшихъ рукописяхъ) черезъ $ж$. Послѣ мягкихъ согласныхъ и j для означенія звука y употреблялись буквы $ю$, $ж$ и $ү$ (т. е. $ч$, жица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію отъ y , мы находимъ только въ рукописяхъ XI — XIII вѣковъ (не во всѣхъ): Минея 1096 г.: $лѣвьѣнни$ 7; Архангельское Ев. 1092 г.: $всѣ$ Галилѣю 27; Путятина Минея XI в.: князю 31 об., зарю 39, 43, пустыню 58, земля 55 и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: $сѣтворю$, $узрю$, $морю$; Погодинское Ев. XIII в. (Публ. Библ. № 13): $пустыню$, глаголю, $лѣтъ$, изгону, $лѣбодѣ$ 33 об., 34, 37 об. и т. п.

Звукъ z въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое o . У греческихъ писателей онъ передается иногда черезъ ou , и, напримѣръ, у Константина Багрянороднаго (во 2-й половинѣ X вѣка) мы находимъ названіе днѣпровскаго порога $Νεσσουπῆ$ — наше не сѣпи. Въ началѣ историческаго періода звукъ z въ однихъ случаяхъ звучалъ уже почти такъ же какъ o , въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. Въ рукописяхъ XI в. мы, кажется, иногда уже имѣемъ дѣло съ z буквою, не означающею никакого звука; такъ, можетъ быть, въ Остромировомъ Ев. въ словѣ народъ z уже не что иное, какъ графическій знакъ безъ звукового значенія.

Звукъ $ь$ въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое e . Въ началѣ историческаго періода онъ въ однихъ случаяхъ приближался къ звуку e , въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. У Константина Багрянороднаго онъ или передается буквою $ε$: названіе днѣпровскаго порога $Βερούτζη=βράσμα$ $βερού$ (кипѣніе воды) — наше вѣручи — церковно-славянское вѣржшти, имен. ед. причастія женск. р. отъ глагола $вьрѣти$ кипѣть; или совсѣмъ опускается: $Νεασῆ$ — неясъть, что указываетъ на краткость z въ концѣ словъ. Въ памятникахъ русскаго языка, начиная съ поло-

вины XI в., буква ъ повидимому иногда уже не обозначает звука и есть только графическій знакъ, указывающій на мягкость предшествующаго согласнаго.

Звукъ *и* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчїи, смягчая предыдущій гласный. Въ началѣ историческаго періода, находясь послѣ гласныхъ и *j* (особенно въ концѣ словъ), онъ иногда былъ очень кратокъ и близокъ къ исчезновенію, которое послѣдовало, вѣроятно, одновременно съ исчезновеніемъ *з* и *в*; такимъ образомъ, въ словѣ, напримеръ, *благыи* Остромирово Ев., *и* какъ гласный звукъ, можетъ быть, уже не существовало, а буква *и* означала *j*, который нѣкогда находился передъ *и*; иначе говоря, *благыи* звучало не *благыји*, какъ въ доисторическій періодъ, а *благыj*. Вопросъ о томъ, всегда ли въ періодъ написанія первыхъ дошедшихъ до насъ рукописей *и* въ началѣ словъ имѣло передъ собою *j*, или не всегда, по отсутствію данныхъ, неразрѣшимъ. Случаи замѣны *и* черезъ *ы* въ словахъ съ префиксами въ родѣ *възыграся* (Архангельское Ев. 1092 г. 126 об.; тамъ же: *вы истину* 1 об., *вы имя* 7, 33, *вы истиннѣмь* 66), на нашъ взглядъ, ничего не доказываютъ: *ы* въ нихъ можетъ вести свое происхожденіе изъ *ыи*; *ы* послѣ предлоговъ, въ родѣ *к ѡному царю Пянтелеймоново* Ев. XII в. 114 об.; в *ынѣхъ* областяхъ *Кормчая* XII в. (Син. Б. № 227) 22; из *ыстлѣнія* *Праздники* XII—XIII в. (Типогр. Б. № 331) л. 74 об.; в *ыную* землю *смоленскій договоръ* ок. 1230 г.; в *ыномъ* монастыри *Прологъ* 1356 г. 31, в *Ындѣи*, въ *ынѣ* грѣхъ тамъ же 35, 41; в *ысправу* договоръ *Новгорода съ Тверью* 1368—1371 г.; из *ыстыбы* *Новгородская лѣтопись* XIV в. 11, с *ынѣми* 192; в *ыныхъ* *Измарагдъ* XIV в. (Румянд. Муз.), какъ будто указывающее на произношеніе начальнаго и безъ іотаціи,—относится ко времени не ранѣе второй половины XIII в. и не даетъ никакого права дѣлать заключенія о болѣе древней эпохѣ. Звукъ *и* передавался на письмѣ буквами *и* и *i*, которыя употреблялись съ одинаковымъ значеніемъ.

Звукъ *ы* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ онъ теперь произносится въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчїяхъ, и не смѣшивался съ звукомъ *и*, хотя до извѣстной степени былъ близокъ къ нему. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы повторяются согласно съ ихъ повтореніемъ при пѣніи, весьма обычны

написанія въ родѣ *нышнѣя*, *единомыслию* (Кондакаръ XII в. Троицкой Лавры). Звукъ *ы* означался буквами *ы* и *ы*; изъ нихъ послѣдняя до конца XIV вѣка употребляется рѣдко, въ немногихъ древнѣйшихъ рукописяхъ (Святославовъ Сборникъ 1073 г., Пандекты Антіоха XI в., Реймское Евангеліе XI в.), а съ XV вѣка входитъ въ постоянное употребленіе.

Согласные. Согласные звуки большею частію произносились приблизительно такъ, какъ мы произносимъ ихъ теперь, и означались тѣми же буквами, которыми означаются теперь.

Звукъ *г* въ древности произносился по-великорусски, т. е. какъ латинское *g*, а не какъ *h*. Это видно изъ того, что иностранныя слова, имѣющія *h*, при передачѣ ихъ по-русски, теряли это *h*: ст.-сканд. *Накуп*—въ Несторовой лѣтописи и Печерскомъ Патерикѣ передается черезъ *Якупъ*; срв. подобное же ощущеніе *h* въ сѣвернорусскихъ актахъ: новгородская грамота въ Ригу 1301 г.: *Инчя Олчять*—*Hinze Holtzatus* (*ч* по-новгородски — вмѣсто *ц*). — Когда появилось *h*—что случилось едва ли ранѣе XII вѣка—и такимъ образомъ стали существовать два звука, *g* и *h*, во всѣхъ памятникахъ сѣверной, московской Руси и въ книгахъ юго-западной, литовской Руси ихъ не различали на письмѣ и изображали одною и тою же буквою *г*; но въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей и въ разнаго рода актахъ и памятникахъ юго-западно-русскаго законодательства XIV в. и позднѣе для *h* сохранили букву *г*, а *g* стали передавать черезъ сочетаніе *кг*: *кдѣ*, литовская грамота 1375 года; *Кедроитъскіи* князи, грамота 1392 года.

Звукъ *з*—*дз* въ русскомъ языкѣ старшей исторической эпохи не существовалъ и буква *з*, употреблявшаяся впрочемъ рѣдко (обыкновенное ея употребленіе — съ числительнымъ, а не съ звуковымъ значеніемъ), всегда означала звукъ *з*.

Шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц* въ древности произносились, вѣроятно, всегда мягко, т. е. такъ, какъ они произносятся у насъ въ *дожжи*, *ѣжжю*, *пушию*, *шиявель* и въ малорусскихъ *вулиця*, *Гриць*; вслѣдствіе этого буквы *ж*, *ш*, *ц* въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко сочетаются не только съ буквою *ю*, какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но и съ буквою *я*, даже съ *ю*. Такъ, въ Галицкомъ Ев. 1144 г. и въ Ев. XII—XIII в. Ярославск. Спасо-Преображ. монастыря постоянно послѣ шипящихъ и *ц* пи-

шется я; въ Уставѣ Студійскомъ XII в. Син. Библ., въ новгородскомъ Ев. 1355 г. и въ Новгородской лѣтописи XIV в. — очень часто; въ Минеяхъ 1095—1097 гг. и въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в. мы между прочимъ находимъ: приложение, въ нихъ же, сажения, душевныя, улицю и т. п.

Звукъ ч въ древности звучалъ вполне мягко, т. е. болѣе мягко, чѣмъ теперь въ литературномъ русскомъ языкѣ; вслѣдствіе чего послѣ ч мы находимъ въ старшихъ памятникахъ какъ ю, такъ и я, ѣ.

Сложный звукъ щ въ древности состоялъ или изъ шч, какъ въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, или изъ шш, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ. Въ словахъ Григорія Богослова XI в. мы находимъ написанія имѣше, отвѣшча и т. п.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: шшчють 88 об.; въ грамотѣ Витовта ок. 1392 г.: ловишча, у ловишчехъ; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: есче, отпускаемъ, опусочноу, и др. Современные великорусск. перчатка изъ першчатка (шч, щ изъ ст), чанъ изъ дѣщанъ (отъ дѣска) и др. также указываютъ на существовавшее нѣкогда въ русскомъ языкѣ (въ великорусскомъ нарѣчіи) произношеніе щ какъ шч. Рядомъ мы имѣемъ: ищдѣше (=из-ш-) Остромир. Ев. 99; ищль, ищды Толстовскій сборн. XIII в. 50, 190 и т. п.; съществе Ев. 1357 г. 25; здѣсь щ должно быть=шш.

Звукъ ф существовалъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго историческаго періода только въ иностранныхъ словахъ: греческихъ, скандинавскихъ; при этомъ въ греческихъ словахъ (можетъ быть, согласно съ греческимъ простонароднымъ произношеніемъ того времени) вмѣсто него иногда являлся звукъ п: парусъ φᾶρος. Звукъ ф передавался не только буквою ф, но и буквою е, такъ что обѣ эти буквы произносились одинаково. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ ф вмѣсто е греческихъ словъ и наоборотъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: еилиписиомъ 90, сапѣирѣмъ 104, анѣфракъсъ 121 об., Фермодонты рѣкы 153, сераѣима 242 и др.; Минея 1096 г.: анаѣома ἀνάθεμα 78, Стевана 91; Минея 1097 г.: Пърѣуріе 329, Онисѣоре 330, Филипа и Варѣфоломеа 372; Стихирарь ок. 1163 г.: Еѣрема 38, еевраря 39, Труѣона 39, евникъ 43 и др. Въ нотномъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публичной Библиотеки ф вмѣсто е и наоборотъ пишется даже въ греческихъ фразахъ, написанныхъ славянскими буквами: о фѣос му 114, докса си о

Ѣосъ 116, проѣтїкон 84 об. Сравни въ *средне-болгарскомъ* Евангелїи XII—XIII в. (Румянц. М. № 1690): скоръѣид, газоеилакиѣ, Аетонама, Троѣима. Большинство рукописей XIII и XIV вв. почти не знаетъ буквы е, замѣняя ее постоянно буквою ѣ, за исключенїемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она имѣетъ числовое значенїе (впрочемъ: мѣсяца того же въ .ѣ., въ .ѣ. лѣто царства его, Прологъ 1383 года 106 об., 121 об.).

VI. Исторія гласныхъ звуковъ.

Исчезновеніе глухихъ. Важнѣйшимъ событіемъ въ древней исторіи звуковъ русскаго языка было исчезновеніе глухихъ *з* и *ъ* и чистаго *и* въ концѣ и иногда въ серединѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ—Остромировомъ Ев., Святославовыхъ Сборникахъ—мы находимъ опущеніе *з* и *ъ*: книгамъ вмѣсто *книгамъ*, съгнѣвъ вм. съгнѣжѣвъ, тъкмо вм. тъкѣмо, кто вм. кѣто, створити вм. сѣтворити, все вм. вѣсе, и т. п. Но такъ какъ древнѣйшія наши рукописи суть списки, часто непосредственные, съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, гдѣ опущеніе *з* и *ъ*—явленіе обычное, то на основаніи приведенныхъ примѣровъ и имъ подобныхъ мы не имѣли бы права дѣлать какія-либо заключенія, если-бы эти примѣры не находили себѣ подрѣпленія въ данныхъ памятниковъ XI и XII вв. съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы надписи на Тмутороканскомъ камнѣ (здѣсь читается: князь, не кѣнязь) и Мстиславова грамота; сверхъ того, какъ указано выше, у Константина Багрянороднаго, слѣдовательно, еще въ концѣ X в.,—названіе днѣпровскаго порога написано *Нѣаѣтѣ*, съ согласнымъ на концѣ. Всѣ эти данныя, взятая вмѣстѣ, даютъ основаніе думать, что во второй половинѣ XI вѣка какъ (во многихъ случаяхъ) глухіе, такъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и чистое *и* уже исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ. Глухой *з* исчезъ безслѣдно; *ъ* оставилъ по себѣ слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго; послѣ *и* остался *ј*, который нѣкогда находился между *и* и предшествующимъ гласнымъ.

Звуки *з* и *ъ* исчезли въ концѣ словъ всегда, даже и тогда, когда на нихъ было удареніе: *родѣ*, *мирѣ* (сравни въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *родѣ-сь* 13, *мирѣ-сь* 46 об.), *сынѣ* (сравни

литовск. *sundùs*), *о́стръ* (сравни литовск. *astrùs*), *ночь* (сравни литовск. *nakùs* и соврем. русское *ночѣсь*, которое образовалось изъ *ночь-сь*), *дѣнь* (сравни соврем. *днесь* изъ *дѣнь-сь*). Въ этихъ словахъ и др. мы, конечно, имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи—съ дѣйствіемъ вліянія словъ съ неударяемыми *з* и *ь* въ концѣ на слова съ ударяемыми глухими въ концѣ. — Что касается до глухихъ въ серединѣ словъ, то они исчезли вездѣ, гдѣ были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія гласнаго звука: кто, многъ, все, брати. Срв. броня (Псалтырь 1296 г., запись), блоха, дохнуть (вдохнуть, Псалтырь 1296 г., зап.), доска, мозгнуть, яблоко, нонѣ (Лаврентьевск. списокъ лѣт. 111, 114, 190, 196, 212, 216, 217, 247, 253; Румянц. Измарагдъ XIV в. 97; полоцкая грам. 1478 г.; зап.-русс. Четья 1489 г. 238; — срв. Минея 1097 г.: *нѣнѣ* 306, 398; Путятина Минея XI в.: *нѣня* 68 об.; Христинопольскій Ап. XII в.: *нѣнѣ* 162; Синайскій Патерикъ XII в.: *нѣнѣшнѣ* 58 об.; церк.-слав. Син. Псалтырь: *нѣнѣ* 19), *сосу* — гдѣ *о* изъ *з*—; тревога, пестръ, теща, стекло, звенѣть, гнею (Кормчая ок. 1282 г.; *изгнееть* 558 об.; Паремейникъ 1378 г.: *гнеющъ* 39; Измарагдъ XIV в.: *гнѣемъ*, 1 л. мн., 43; Лаврентьевск. сп. лѣт.: *изгнееть* 80, и др.; срв. Прологъ 1262 г.: *сгнѣеть* 113; Новгородск. лѣт. XIV в.: *гнѣющема* 82 и др.), *остреѣ* (Ев. 1339 г.: *остреемъ* 120; Ев. 1354 г.: *остреемъ* 116 об.; Ев. 1355 г.: *остреемъ* 87, и др.; срв. Добрылово Ев. 1164 г.: *остреѣ* 151; Пантелеймоново Ев. XII в.: *остреемъ* 124, и др.),—гдѣ *е* изъ *ь*. Кромѣ того, есть основаніе думать, что и въ серединѣ словъ глухіе исчезли кое-гдѣ въ нѣкогда ударяемыхъ слогахъ. Вообще можно замѣтить, что при нахожденіи двухъ глухихъ въ двухъ смежныхъ слогахъ въ серединѣ слова, обыкновенно исчезъ тотъ изъ нихъ, который стоялъ ближе къ концу слова: соврем. *нѣмецкій* изъ *нѣмьчскыи*, *собрать* изъ *сзбрати*, *чернецъ* изъ *чѣрньць*.

Звукъ *и* исчезъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ передъ собою гласный $+j$, именно въ концѣ словъ (иногда послѣ удареніемъ): въ формахъ именит.-винит. п. единств. ч. муж. р. (*моj* изъ *моjи*; срв. *моjа*, *моe*), дат.-мѣстн. ед. ч. женск. р., род. мн., 2-го лица ед. повелит. накл., и въ серединѣ словъ — тамъ, гдѣ онъ былъ безъ ударенія и гдѣ группировка согласныхъ не препятствовала его исчезновенію. Памятники письма обыкновенно сохраняютъ здѣсь

букву *и* (какъ сохраняють въ большинствѣ случаевъ и буквы *з* и *ѣ*), которая такимъ образомъ означаетъ уже не гласный *и*, а согласный *ј*; но встрѣчаются изрѣдка и случаи отсутствія буквы *и* и вмѣстѣ отсутствія какого-либо изображенія звука *ј*: Пандекты Антиоха XI в.: поучая *Тимоѡъ* глаголаше 30 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ты же шьдъ *вззѣтъца* царство божіе 116 об.; Ев. XII—XIII в. Моск. Никольскаго мон. № 150: дадите ѡ ѣсти 33; Житіе Нифонта 1219 г.: стаяше бѣдръ на молитвѣ *своѣ* 15 об., чьсо ради, господи *мо*, не възриши 35 об.; Ев. 1317 г.: како ты *иудѣ* сы 12 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: *уботесе* 39 об.; Прологъ 1383 г.: *разумѣте* (повел.) 130 об.; [договоръ вел. кн. Семѣна Гордаго съ братьями: *Олексѣ* Петровичъ.

Должно замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вліянія однихъ словъ и формъ, въ серединѣ которыхъ глухой сохранился и потомъ перешелъ въ *о* и *е*, на другія слова и формы, утратившія въ серединѣ свой глухой,—*о* и *е* появились тамъ, гдѣ мы ихъ не ожидали бы видѣть. Такъ, вслѣдствіе вліянія формъ *собрать* и т. п., мы имѣемъ, рядомъ съ древними *сборъ*, *сбираю* (=сзб-), — новыя *соборъ*, *собираю*; вслѣдствіе вліянія формъ *войти*, *сойти*, *подойти*, *войду* и т. д. мы говоримъ: *вошелъ*, *сошелъ*, *пошелъ* [(сравни *вшить*, *сшить* и т. п.); вслѣдствіе вліянія формъ им. ед. *мохъ*, *сотъ*, *лобъ*, *ротъ*, *лестъ*, *ропотъ* (изъ *мэхъ*, *сэтъ*, *лѣбъ*, *рэтъ*, *лѣсть*, *рѣпѣтъ*) у насъ слышатся формы род. ед. и другихъ падежей *моху*, *сота* (др.-русск. *ста*), *лести* (Лаврентьевск. сп. лѣт.: *лсти* 249 и др.), *ропота* (Христинопольск. Апостоль XII в.: безъ рѣпта 85); малор. и бѣлор. *моха*, *лоба*, *рота*. Появленіе словъ въ родѣ *соборъ*, *совѣтъ*, *совѣсть* (Лаврентьевск. сп. лѣт. постоянно: *сборъ*, *свѣтъ*, *свѣсть*), *содержу*—по памятникамъ относится къ XII в. (гал.-вол. Добрилово Ев. 1164 г.: *соволкъше* 238; гал.-вол. Типографское Ев. № 6), но становится вполне обычнымъ только со второй половины XIII в. Кормчая ок. 1282 г.: *сосудъ* 559 (рядомъ: *сзсудъ*); Пандекты 1296 г.: *совокупления* 26,—*пляи* 32 об.—*пляся* 40 об., *солиявъ* 84. Такъ же произошло *о* въ предлогахъ передъ именами: *великорусск. дѣсенн. во лиру*, *во бесѣдѣ*, *ко матушкѣ*, *со инымъ*, *книжн.* (изъ церковныхъ книгъ) *во вѣки*, *во имя*, *во едино*, *со отцемъ*. Это *о* по памятникамъ относится также къ XII—XIII в.: Добрилово Ев. 1164 г.: *во имя* 65 об.; Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *во*

имя, ко Иисусу; Житіе Нифонта 1219 г.: во истину 65 об.; Кормчая ок. 1282 г.: со Оркадиємъ, со игуменомъ 524; Пандекты 1296 г.: во истину 34 об., во уставныя часы 122 об., во умѣ, со иѣми 139 об., со оружьи 141 об., во имя 142 об., ко обоямъ 144 об. и др.; въ концѣ XIII и въ XIV в. оно уже обычное явленіе; Ев. 1323 г.: во имя 7, 8 об., 30 об., во истину 9, 15 об., 17, и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у однихъ говорящихъ сохранились въ произношеніи глухіе, у другихъ исчезли; вслѣдствіе этого мы находимъ рядомъ формы съ глухимъ гласнымъ (изъ котораго потомъ образовалось *о* или *е*) и формы безъ гласнаго звука; такъ, форма неопредѣленнаго накл. звучала и чѣстити (откуда наше чѣстить), и (чаще) чстити (откуда наше чтить; Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ.: чститъ, чстятъ, почтившаго и т. п.); форма неопредѣленнаго накл. звучала и крѣстити (откуда наше крестить), и крстити (откуда соврем. народное кститъ); названіе города *Пльсковъ* превратилось съ одной стороны въ *Пльсковъ*, откуда *Плесковъ*, съ другой въ *Плсковъ* (съ мягкимъ *л*), откуда *Псковъ*. То же мы видимъ въ *Добрянскъ* (Лаврентьевск. сп. лѣт.) и *Брянскъ* (изъ *Дзбрянскъ*), *Смоленскъ* и *Смолнскъ* (съ мягкимъ *л*; изъ *Смольнскъ*), богатство и богатство (изъ богатъство), пехать, пехнуть (Паремейникъ 1378 г.: пехаеае 72 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: спехнуша 73) и пхать, пхнуть (изъ пхати, пхнуги), бервнд, бернд и бревно (Ев. 1317 г.: бърно, бръвно—ъ=е—30, 74, 74 об.; Ев. 1339 г.: бревно; Ев. до 1362 г. Тип. Библ.: беревна 64; Ев. 1370 г.: бревно 27 об.; Ев. 1399 г.: бревна, бервно 28 об., бревна 68 об.; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: бервена;—изъ бръвно), мѣлния, молнея и молонья (изъ малънѣ). Форма *мзю* (такъ изрѣдка она пишется въ старыхъ памятникахъ: Юрьевское Ев. около 1120 г.: умзж 173 об.; Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: умзють 59; Кормчая ок. 1282 г.: мзѣтсѣя 489, и др.) дала съ одной стороны *мюю* (изъ *мзюю*), съ другой—*мью* (изъ *мзю*; Домострой: мзють 87). Слово *дверь* имѣеть въ однихъ (немногихъ) древнихъ памятникахъ формы косвенныхъ падежей дври, дврехъ (Галицкое Ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), тогда какъ другіе имѣють двери, вѣроятно,—двері (какъ Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.), дврехъ, при современныхъ дври и др.

Къ числу случаевъ, гдѣ еще въ древности сохраненіе или исчезновеніе глухихъ создало варианты словъ и формъ, не слѣдуетъ относить такихъ, какъ формы имен.-вин. п. Полотескъ, Курескъ, Мценескъ (обычны въ древнихъ текстахъ, даже въ великорусскихъ текстахъ XVII в.), при формахъ косвенныхъ падежей Полотска (=Полоцка), Курска, Мценска и т. д. (съ мягкимъ согласнымъ передъ *ск*), такъ какъ современные формы им.-вин. п. Полоцкъ, Курскъ, Мценскъ — позднія, образованныя подъ влияніемъ формъ косвенныхъ падежей. Точно также въ древности, повидимому, не существовало тѣхъ формъ косвенныхъ падежей жреца, жнеца, чернеца, чтеца и т. д., которыми пользуемся мы, а употреблялись только формы жерца, женца, черенца, четца и т. д., изъ жьрца, жньца, чьрньца, чьтца и т. д., при формахъ им.-вин. ед. жрець, жнець, чернець, чтець, изъ жьрць, жньць, чьрньць, чьтць (но уже издревле: кузнеци Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ. 28, им. мн., мертвьца Трїодъ 1311 г. 2 об. и т. п., мудреца, изъ жузньца, мьртьвьца, мудрьца); эти формы всего скорѣе—новообразованія, явившіяся подъ влияніемъ формъ им.-вин. ед. Последнее, кажется, можно сказать и о формахъ теста и т. д., чести и т. д.; во всякомъ случаѣ памятники имѣють отъ *тѣсть* форму род. п. тсти, цѣти, сти, тста, цѣтя (Пандекты 1296 г.: Иофора *сти* своего 38 об.; Ипатскій сп. лѣт.; Скорина, Бытіе, 55; Исходъ, 9 об.; срв. соврем. бѣлорусское *цця, сця*), а отъ *чѣсть* форму того же пад. чсти, чти (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Рязанск. Кормчая 1284 г.: о *чти* 14 об., 53 об., 60; Лаврентьевск. сп. лѣт.: въ *чти*; Домострой: *чти* достойны; во *чти*; Слово о п. игоревѣ).

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ звуковъ и *и* имѣло важные результаты и произвело цѣлый рядъ фонетическихъ измѣненій; эти измѣненія произошли преимущественно въ области согласныхъ звуковъ, но коснулись также и гласныхъ. Въ области гласныхъ произошли слѣдующія явленія.

Удлиненіе о и е. Въ одномъ изъ древне-русскихъ говоровъ—въ говорѣ галицко-волынскомъ—исчезновеніе глухихъ и *и* повело къ образованію долгихъ звуковъ. Когда въ слогахъ предыдущихъ тѣмъ, гдѣ были глухіе или *и*, находились звуки *е* или *о*, эти послѣдніе, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, подверглись замѣстительному удлиненію, и *е* стало произноситься долго, близко къ

древнему ѣ, а о стало звучать какъ долгое о. Въ древнѣйшихъ памятникахъ галицко-волинскаго письма, изъ которыхъ старшіе относятся къ половинѣ XII в. (надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г. и Добрилово Ев. 1164 г.), долгое е изображается буквою ѣ, долгое же о обыкновенно не отличается отъ краткаго о, и только изрѣдка мы видимъ на мѣстѣ его двойное о: оо (которымъ однако могъ изображаться и дифтонгъ уо): Галицкое Евангеліе ок. 1266 г.: воовьця = овца, воовьчихъ = овчихъ; Поликарпово Ев. 1307 г.: воотця = отца; Ипатскій сп. лѣт., новгородскаго письма, но списанный съ гал.-вол. оригинала: воотчину 544. Въ нихъ употребленіе новаго ѣ на мѣстѣ древняго е отличается болѣе или менѣе значительною послѣдовательностью и является въ такихъ словахъ, какъ пѣщъ, шѣсть, сѣдмъ, камѣнь, ремѣнь, перстѣнь, учитѣль, дѣлатѣль, матѣрь, небѣсь, весѣлье, камѣнье, корѣнье, знамѣнье, хвалѣнье, зѣлье, въ нѣмъ, въ нѣи, ѣи, въ всѣмъ, въ всѣи, въ твоѣмъ, въ твоѣи, гдѣ ѣ образовалось изъ е черезъ удлиненіе, имѣвшее своей причиной исчезновеніе конечнаго з, ѣ и и. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился или когда его не было, удлиненія не произошло, и е и о остались безъ перемѣны, такъ что въ памятникахъ мы читаемъ: печи, шести, на камѣни, учителя, матере, небеса и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи [галицко-волинскаго говора долгое е дало въ однихъ случаяхъ і (съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ), въ другихъ, перейдя въ ѣ, образовало тѣ же дифтонги, чтѣ и ѣ изъ древняго о (но съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ): уо, уѣ, уи и др., и монофтонгъ і.

Удлиненіе е и о имѣло мѣсто не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было исчезновеніе глухихъ; такъ, современный языкъ показываетъ, что его не было въ словахъ на *енько, енька, онько, онька* (можетъ быть, здѣсь е и о изъ ѣ и з?), что нерѣдко оно отсутствовало въ словахъ съ полногласіемъ: *волосъ, молодъ, молодний, березъ, передъ, берестъ* (им. ед.). Впрочемъ сохраненіе о и е въ полногласныхъ формахъ легко можетъ быть объясняемо вліяніемъ косвенныхъ падежей (какъ въ *годъ, медъ* и др.).

Кромѣ указанныхъ исключеній, есть еще рядъ исключеній другого рода, явившихся вслѣдствіе дѣйствія аналогіи, вліяніи другихъ формъ.

Въ цѣломъ рядѣ словъ (существительныхъ) въ именительн. пад. ед. ч. глухой звукъ сохранился и потомъ перешелъ въ *о* или *е*; таково слово *ледокъ*, нѣкогда бывшее съ *з* (*ледзкъ*); таково слово *вечерокъ*, нѣкогда также имѣвшее *з* (*вечерзкъ*); таковы же формы род. пад. мн. ч. *дорожекъ*, *березокъ* (*е* и *о* въ концѣ изъ *ь* и *з*), и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился, должно бы ожидать сохраненія краткихъ звуковъ *е* и *о*; но такъ какъ въ формахъ другихъ падежей тѣхъ же словъ образовались долгие звуки, то подъ влияніемъ этихъ формъ явились долгие звуки и здѣсь; такъ, рядомъ съ формою *ледзкъ*, была форма родит. пад. *ледзка*, гдѣ глухой исчезъ, а краткій гласный перешелъ въ долгій (*лѣдка*); рядомъ съ формой *дорожкъ*, была форма именит. пад. *дорожка*, гдѣ вслѣдствіе исчезновенія глухого звука явилось долгое *о* (*дорѣжка*). Такимъ образомъ *о* и *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ удлинены тамъ, гдѣ *з* сохранился. Отсюда получились въ современномъ малорусскомъ языкѣ формы въ родѣ *лѣдокъ*, *пѣвечірокъ*, формы род. мн. *дорѣжокъ*, *берѣзокъ* и т. п.

Въ другомъ рядѣ словъ (всего чаще прилагательныхъ) произошло обратное явленіе. Формы ихъ имен. ед. муж. р. сохранили глухой, и онъ потомъ перешелъ въ *о* или *е*: *отець*, *волень*, *годень*; другія ихъ формы утратили глухой и должны были получить удлиненіе предшествовавшихъ глухому *о* или *е*; но подъ влияніемъ формъ имен. ед. муж. р. въ нихъ сохранились краткіе гласные: *отця*, *вольно*, *годно* и т. п. Точно также рядъ глагольныхъ формъ испыталъ исчезновеніе глухого: *печешъ*, *печеть*, *печемъ*, неопред. накл. *печь*. Оно должно было произвести удлиненіе *е* предыдущаго слога, но его не произвело: *соврем. малор. печешъ* (не *печішь*), *печетца*, *печемъ*, *печь*; впрочемъ въ древнѣйшихъ галицко-волинскихъ памятникахъ (между прочимъ въ надписи на крестѣ 1161 г.) встрѣчается *печьтъ* и т. п., а въ молдавскихъ документахъ XIV—XV в., языкъ которыхъ богатъ малорусскимъ элементомъ, мы находимъ: *слюбуюмъ*, *хочумъ*, *имаюмъ*, *вѣдаюмъ* (Уляницкій; здѣсь *ю* изъ *ѣ*). Причина этого—вліяніе другихъ формъ, въ которыхъ исчезновенія глухихъ не было и *е* сохранилось безъ измѣненія: 3 л. ед. *пече*, 1 л. мн. *печемо*, 2 л. мн. *печете*, 2—3 л. дв. *печета*, неопред. м. *печи*.

Надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ оказало свое дѣйствіе также на предлоги-префиксы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были въ сложеніи съ именами и глаголами, такъ и тогда, когда они стояли отдѣльно. Въ древнихъ памятникахъ есть слово *бъздъна* (*бъздъну*, Галицкое Ев. 1283 г. 51 об.; *бъздень*, род., Триодъ XIII в. Син. Библ. Усп. № 8; *Бъзна*, галицкая грам. 1366 г.) гдѣ *ъ* образовалось изъ *е* подъ вліяніемъ исчезновенія *ь* послѣ *д* въ современномъ украинскомъ говорѣ мы находимъ *підъ* столомъ, *изъ* подъ столомъ, гдѣ *і* изъ *ѡ*; въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г. мы читаемъ: *бъс* печали, гдѣ *ъ* явилось подъ вліяніемъ сочетаній въ родѣ *бъздъна*; въ Сборникѣ к. XVI в. Син. Библ. № 937: *пу-шло*, *дустался* (срв. соврем. галицк. *дістати* и т. п.). Въ послѣднемъ случаѣ (какъ и въ *бъс* печали) мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, съ вліяніемъ однихъ словъ на другія.

Также надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ не осталось безъ дѣйствія на собственные имена, перешедшія къ намъ не ранѣе X вѣка изъ греческаго языка, какъ показываютъ и дапныя памятниковъ: галицкая грамота 1378 г.: *Федуть*, *Нестюръ*, и современные малорусскіе говоры: украинск. *Вівдя* (изъ др.-русск. *Овьдокъя* или *Овьдокъя*), *Хівря* (изъ др.-русск. *Ховъронья* или *Ховъронья*), *Івга* (изъ др.-русск. *Евъгенья*) и др.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить одно слово, гдѣ, вслѣдствіе исчезновенія глухаго, удлинилось *о*—такъ называемый соединительный гласный. Это укр. *макітра*, сѣв.-малор. *макуотра* *макотерка*, изъ *мако-търа*.

Можетъ быть, кромѣ *е* и *о*, въ галицко-волынскомъ говорѣ, при тѣхъ же условіяхъ, подверглись удлиненію и всѣ другіе гласные, не восходящія къ глухимъ; но ни древніе памятники, ни современные малорусскіе говоры не даютъ намъ относительно этихъ гласныхъ достаточно ясныхъ указаній.

Возникновеніе новыхъ глухихъ ь и ъ тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, имѣло своею причиною ослабленіе (а потомъ исчезновеніе) глухихъ звуковъ въ концѣ словъ, результатомъ котораго иногда явились неудобопроизносимыя сочетанія согласныхъ. Новые глухіе мы видимъ въ *огнь*, откуда *огонь* (древн. *оинь*), *угъль*, откуда *уголь* (древн. *уимь*), *вълхъвъ*, откуда *волховъ* (Чудовской сб. XIV в. № 23, лл. 169 об., 172 об.), *мъртъвъ*, откуда *мертовъ* (Ев. 1393 г. 144 об.; древн. *мъртъвъ*), *молитъвъ*, род. мн., откуда *молитовъ*

(Рязанск. Кормчая 1284 г. 80 об., 174; древн. *мслитвѣ*), помысль, откуда помысль (древн. *помыслѣ*), остьръ, остёръ (древн. *остръ*), хытьръ, хитёръ (древн. *хытрь*), тѣсьвъ, тѣсень (древн. *тѣснѣ*), любьзынь, любезень (древн. *любьзнѣ*), дъсъкъ, досокъ, земель, земель, капль, капель, сестъръ, сестёръ (древн. *дѣскѣ, земль* и т. д.), др.-русск. седьмъ (Слово Ипполита объ антихристѣ XI—XIII в.), а также, подъ вліяніемъ подобныхъ словъ и формъ, — въ словахъ и формахъ угольный, уголёкъ, др.-русск. молитовникъ, земельный, земелька, капельный, капелька, др.-русск. седьмый (съ потою наъ, въ Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8), искорка, весельце, весёлко и т. п. Качество новаго глухаго зависѣло отъ вліянія словъ съ сходными окончаніями, имѣвшими древніе глухіе; на-примѣръ, въ *тѣснѣ* возникъ ъ (а не з) вслѣдствіе вліянія *бѣднѣ, плотьнѣ* и т. п. Повидимому, были слова, въ которыхъ вслѣдствіе разныхъ вліяній въ однихъ говорахъ возникъ з, въ другихъ ъ; срв. соврем. великор. узоль и узель, сосонка и сосенка.

Кромѣ глухихъ, кое-гдѣ возникли прямо чистые гласные; по крайней мѣрѣ, объ о въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ происшедшее вслѣдствіе исчезновенія глухихъ стеченіе согласныхъ было неудобно для произношенія, есть основаніе думать, что оно не восходитъ къ болѣе древнему з: Лаврентьевскій сп. лѣт.: в день овторникъ, подъ 1305 г.; бѣлорусск. Познанскій сборникъ XVI в.: на овторокъ, ув овторокъ; современи. сѣв.-великорусск. овторникъ, малор. вѣвторокъ (і изъ о не изъ з), бѣлор. овторокъ.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Исчезновеніе глухихъ повело также къ образованію плавныхъ гласныхъ (сонантовъ). Въ древнерусскомъ языкѣ плавные гласные первоначально были, кажется, во всѣхъ говорахъ, тамъ, гдѣ прежде плавный согласный имѣлъ *посль* себя глухой, т. е. въ группахъ въ родѣ согласный + *ръ* + согласный. Въ великорусскомъ нарѣчій можно указать, какъ на имѣвшія когда то плавный гласный, — на слова *Псковъ, кститъ*, несомнѣнно изъ *Плсковъ* (съ мягкимъ л), *Пльсковъ, крстити* (Лаврентьевск. сп. лѣт.: еси *хрстиль* 243; новгородск. Апостоль 1391 г.: *крстихомься* 79 об.), *крьстити*; сверхъ того, псковской Трефолой 1446 г. имѣеть *воскрсати* 52, изъ *воскрьсати*, а новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434 — *скръжетъ* 44 об., изъ *скръжьтъ*. Можно еще отмѣтить надежныя формы сравнит. степ. *млннн*: лѣвшии, — ихъ и др. въ

Лаврент. сп. лѣт. 241, 242, лѣпшихъ въ Новгородск. лѣт. XIV в., изъ лѣпльшии и т. д. Для западно-русскихъ говоровъ мы имѣемъ данныя въ формѣ *кври* въ Псалтыри 1296 г.: мужа *кври* 6 об., висякая *кври* ихъ 17, отъ мужъ *кври* 115 об., и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: розлитье *кври*, и т. п., и въ словѣ *кравый*, въ томъ же Статутѣ. Впрочемъ примѣры изъ Статута могутъ быть отнесены на счетъ польскаго вліянія (срв. польскую ф. род. ед. *krwi*). Въ древнемъ галицко-волинскомъ говорѣ нѣкогда также были случаи образованія плавнаго гласнаго: Галицкое Ев. 1144 г.: *хр'щахуса* 5 об., *хр'щенье*, *хр'щю* 6 и т. п.; Христинопольскій Апостоль XII в.: *хр'щенье* 30; Галицкое Ев. 1283 г.: *воскрсние* 2 об., въ *ускрш'ньные* 6 об., *въскршю* 10, *вскрси* 69 об.; жена *квроточива* 35 об., на *утрници* 99; Поликарпово Ев. 1307 г.: *крге*, *кври*; Луцкое Ев. XIV в.: *кьнеться*. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій *r* въ *krwi* и т. п. Въ настоящее время плавные гласные въ серединѣ словъ встрѣчаются только на юго-западной окраинѣ территоріи русскаго языка—у галицкихъ лемковъ: *кври*, *крстити*.

Памятники показываютъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ плавные гласные очень рано превратились въ слоги *эр*, *ѣр* и т. д., откуда *ор*, *ер* и т. д. Ростовское Житіе Нифонта 1219 г.: *гѣртань* 43 об.; Апостоль 1220 г.: *гѣртань* 21; Псалтырь 1296 г.: *гортань* 7, 38 об. и др., соврем. великорусск. *гортань* (изъ *гртань*, *гртань*; срв. въ зап.-русск. Четвь 1489 г.: *гьртань*); соврем. великор. *стержень*, при *стрезень* (изъ *стръзень*).

Плавные гласные, образовавшіеся въ началѣ словъ и формъ (если находившіеся передъ ними въ фразѣ слова и формы оканчивались на согласный), иногда превратились въ слоги *ор*, *ол* или *ир*, *ил*: великор. *оржаной*, *ольняной* (или *ольдяной*), *вольготный*, изъ *рѣж*—, *лѣн*—, *лѣг*—; бѣлор. *Орша*, изъ др.-русск. *Рѣша* (Новгородск. лѣт. 7, Лаврент. сп. лѣт. 163); др.-русск. *Ольто* (зап.-русск. Радзивиловск. и Академическ. списки лѣт. XV в., при *Льто* въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 163); малорусск. украинск. *ірвати*, *іржати*, *ільняний*, *Львівъ* (г. Львовъ; срв. въ Ев. 1283 г.: праведнаго *Илва* 133, въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *илвовьскій*), *Ирпа* (рѣка въ Черниговской губ., на которой нѣкогда былъ г. Ропескъ);

бѣлор. *иржа* (ржавчина; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: червьякъ и *иржа* грѣзеть), и др.

Исчезновеніе чистыхъ о и е. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, при склоненіи образовались съ одной стороны—падежныя формы съ такъ называемыми бѣглыми *о* и *е* (изъ *ъ* и *ь*) и съ другой—падежныя формы безъ этихъ *о* и *е*, напримѣръ: сонъ и сна, сну; песокъ и песку, пескомъ; ленъ и льна, льну; конецъ и конца, концю. Чередуваніе большого количества формъ съ *о* и *е* съ формами безъ *о* и *е* повело къ тому, что нѣкоторое количество словъ, имѣвшихъ древнее *о* или *е*, стали выбрасывать эти звуки въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во множеств. числѣ. Такимъ образомъ образовались при склоненіи формы безъ *о* и *е*: ровъ (*о* древнее), старая форма родит. пад. рова, новая—рва; ледъ (*е* древнее), старая форма род. п. леда, новая—льда; камень; старая форма род. п. камене, новая—камня. То же произошло со словами потолокъ (срв. притолока), просторонь (=ц.-сл. пространство; Галицк. Ев. 1283 г.: просторона врата), ремень (духовная Дмитрія Донскаго: безъ ремени, съ ременемъ), гребень (сборн. Имп. Публ. Библ. XV в. Q. I. 1000: желѣзными гребени 104 об.), корень, перстень, плетень, селезень, пепель, хохоль (пол. *chochół*, чешск. *chochol*), шесть, олень, урокъ (на великорусскомъ сѣверѣ род. п. шти, ольня, урка) и т. п. Новыя формы развились въ однихъ русскихъ говорахъ въ большемъ числѣ, въ другихъ въ меньшемъ; легко замѣтить, что великорусскіе говоры имѣютъ ихъ больше, чѣмъ малорусскіе и бѣлорусскіе. Появленіе этихъ формъ относится ко времени недалекому отъ эпохи исчезновенія глухихъ; въ новгородск. Милятиномъ Ев. 1215 г. мы находимъ: *стмне* (род. отъ *стмя*) 62 об.; въ ростовскомъ Житіи Нифонта 1219 г.: на *камъни* 75 об., 131 об. (тамъ же камъниѣ 66, 71 об. и др.; однако сравни въ церк.-слав. Синайской Псалт.: на камнѣ 84, имни 136, камъньѣ 227); въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: въ *рвъ* 31 об., 74; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ *шти* епископъ 132, *шти* на дѣять лѣтъ 177 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ *рвы* 41 об.; въ Псалтыри 1296 г. (вѣроятно, западно-русской): въ *рвъ* 183.; въ Словахъ Григорія Богосл. XIV в. Сян. Библ.: *рва* 139 об.; въ Евангеліи 1358 г.: прежде *штии* (читай: шти) день пасхи 157; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: по *шти* 150 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: стадни *шти* десять 2 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: во *рвъ*, *рваа*, *рва*, 132, 99,

168; въ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: перстънемъ (тв.) 146; въ Домостроѣ: алтынъ пяти — *шти* 118; въ сѣв.-великор. грамотѣ 1571 г.: *уркомъ* Ак. Юр. 56.

Замѣна и чрезъ е. Исчезновеніе чистаго *и* послѣ гласныхъ въ серединѣ словъ послужило къ тому, что при склоненіи одни падежныя формы этихъ словъ стали звучать съ *ј* вмѣсто *и* (точнѣе: вмѣсто *ји*), между тѣмъ какъ другія сохранили древнее *и*. Такимъ образомъ получилось чередованіе формъ съ *ј*: *займа* (род.), *займу* (дат.), *злодѣйска*, *злодѣйску*, *бойця* (род.), *покойна* (женск. р.), *тройка*, *тройкою*, *яйце*, *яйца* и т. д., и формъ съ *и* какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: *займъ* (им.), *злодѣискъ* (им.), *бойць*, *покойнъ*, *тройкъ* (род. мн.), *яйць*, очень сходное съ чередованіемъ формъ безъ *е* и формъ съ *е*, въ родѣ *льна—ленъ*, *Курьска—Курескъ*, *купця—купецъ*, *сильна—силенъ*, *крошка—крошекъ*, *крыльце—крылецъ*. Последнее оказало вліяніе на первое, слѣдствіемъ чего было появленіе въ немъ *е* вмѣсто *и*: *заёмъ*, *злодѣескъ*, *Можанескъ* (духовная Ив. Калиты), *боёць*, *покоенъ*, *строенъ*, *троекъ*, *яёць*. Формы съ *е* появились у насъ очень рано; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: *июдѣескъ*, *самарѣескъ*, *галилѣескъ*; въ Ев. 1317 г.: *июдѣескъ* 3 об., и т. п.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: *переемъ*; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ богоубиецъ 265 об.; въ Измарагдѣ XIV в.: отъ запоецъ 51 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: *отчеубиецъ* 165; въ Ев. 1358 г.: *злые-тъ рабъ* 62; въ Прологѣ XIV в. Син. Б. № 247: *подвижные-съ старецъ* 278 об. Но это не помѣшало нѣкоторымъ формамъ съ *и* сохраниться до нашего времени: московское *яйць* (рядомъ съ великорусск., бѣлор. и малор. *яёць*). Формы съ *е* вмѣсто *и* одного ряда словъ передали это *е* своимъ производнымъ; такимъ образомъ эти послѣднія стали звучать также съ *е* вмѣсто *и*: *великор. заёмный*, *военный*, *троечка*, *яёчко*. Рядомъ мы встрѣчаемъ: *взаимный*, *войнственный*, *яйчко*, *яйчица*. Изъ формъ съ *е* другого ряда словъ это *е* перешло въ ближайшія формы тѣхъ же словъ, такъ что получилось: *великор. приёмъ—приёма*, *приёмы* и т. д., *водоёмъ—водоёма* и т. д.

Переходъ глухихъ въ чистые. Мы указали, гдѣ глухіе *з* и *ѣ* исчезли. Во многихъ случаяхъ глухіе сохранились и потомъ перешли въ чистые: *з* въ *о*, *ѣ* въ *е*. Переходъ *з* и *ѣ* въ *о* и *е* произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ *з* и *ѣ*: памятники XI в.

и начала XII в., имѣющіе сравнительно немало словъ безъ *з* и *ъ*, или совсѣмъ не знаютъ замѣны *з* и *ъ* черезъ *о* и *е*, или даютъ крайне ограниченное число ея примѣровъ, которые всѣ однородны съ находящимися въ церковно-славянскихъ памятникахъ и потому могутъ считаться за перешедшіе въ русскіе списки изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; только Минея 1095 г. имѣетъ такой случай, подобныхъ которому нѣтъ въ церковно-славянскихъ текстахъ: жестосердыимъ 122. Онъ указываетъ, можетъ быть, только на близость *з* къ *о*, *ъ* къ *е*. Данные памятниковъ второй половины XII в. дѣлаютъ несомнѣннымъ, что въ это время *з* и *ъ* уже перешли въ *о* и *е*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Стихирарѣ 1157 г.: църковь, църкови, сладокъ, троицскую, неплодове, вѣртепе, начатокъ, съвокупляеться и т. под.; въ надписи на крестѣ 1161 г.: кровь; въ галицко-волынскомъ Добриловомъ Ев. 1164 г.: исперва, съмерти, плоть, исполнь, весь (vicus), силенъ, агнецъ, темницу, ото съмерти, ко мяѣ, со мною. Рядъ памятниковъ, написанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси съ конца XII по конецъ XIV вв., чаще или рѣже употребляетъ буквы *з* и *о*, *ъ* и *е* безразлично, одну вмѣсто другой; къ нимъ принадлежатъ договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., Галицкое Ев. 1283 г., нѣкоторыя изъ двинскихъ грамотъ XIV—XV в., нѣкоторыя изъ галицкихъ (южно-русскихъ) грамотъ того же времени.

Вмѣсто замѣны *з* и *ъ* чрезъ *о* и *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ, послѣ *р* и *л* (если изъ нихъ почему-нибудь не образовался плавныхъ гласныхъ), мы видимъ замѣну *з* и *ъ* черезъ *ы*; такъ, мы читаемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: кривавый, кривавъ, гдѣ мы видимъ *ы* на мѣстѣ древняго *з* (*ри* надо читать какъ *ры*); въ галицко-волынскомъ Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: яблыко 5 об., 6; въ галицко-волынскомъ Луцкомъ Ев. XIV в.: скрыжетъ (*ы* на мѣстѣ *ъ*); въ галицкой грамотѣ 1424 г.: дрыва, изъ дръва; въ западно-русскомъ Сборникѣ XV в. (Румянц. Муз. № 406), списанномъ съ южно-русскаго оригинала: слъзы, изъ слъзы; въ западно-русской Четвѣ 1489 г.: грътань, изъ грътань, дръжаху, изъ дръжаху; въ западно-русской Псалтыри XVI в. (Рум. Муз.): бръви 14 об., дръжали 16,—ти 18 об.; въ западно-русскомъ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: стривожилса, дрижачи, скришивше скленіцу, бльщачиса, скригичеть зубы своими; въ западно-русскомъ Познан-

скомъ сборникѣ XVI в.: стрѣмя (=стрѣмя), покрышилъ; въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ лѣт. XVI в.: брѣнѣ (=брѣнѣ; Лѣтопись по Ип. сп. 595); въ южно-русскомъ Лексиконѣ Памвы Беринды XVII в.: стрѣжѣнѣ (=стрѣжень). Повидимому, переходъ *з* и *ѣ* въ *ы* первоначально имѣлъ мѣсто только въ неударяемыхъ слогахъ; сравни въ гал.-волын. Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: трость, слезъ, и т. п.

Замѣна глухихъ черезъ *ы*, нерѣдкая въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ, въ памятникахъ сѣверно-русскихъ неизвѣстна; она почти неизвѣстна и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ; срв. въ говорахъ бѣлорусскихъ: кривавый, криві, род. отъ кровь, др.-русск. крѣвъ, крыпка=крошка, крѣшка, проглычу=глочу, глѣчу, трыстинка=трост—, трѣст—, блѣхъ, род. отъ блоха, др.-русск. блѣха; въ говорахъ малорусскихъ: кривавый, чернобрийвий, дрива (дрова), дрижати, крышка и т. п.

Переходъ *е* въ *о*. Древнее *е*, вмѣстѣ съ нимъ и *е* изъ *ѣ*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *ј* мало-по-малу стало переходить въ *о*.

Это новое *о* мы встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII—XIII в., кievскихъ и неизвѣстнаго происхожденія (чоловѣка, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 179, вѣроятно, описка): въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ XII в.: сѣкажомъ 22, блажонъ 99, мужомъ 21, бмвѣшомъ 24, звѣздочьтъпомъ, хытрѣжомъ 5, раздѣливъшомъся (дат.) 40, държажомъ 164; въ Житіи Елифанія Кипрскаго XII в.: врѣжонъ, врежонъ 4 об., сѣврѣшонъ 52 об., отпушонъ 56 об., пушонъ 61, осушонъ 58, движомъ (прич.) 66 об., имущомъ (дат.) 1 об., служащомъ 13 об., путьникомъ пришѣдъшомъ и вино носящомъ 13 об., шѣдъшомъ 21 об., вѣровавъшомъ 33, врачомъ 68 и др.; въ Лѣтствицѣ XII в. (Рум. Муз. № 198): борющомуся 10 об., носящому 12 об., рекшому 14 об., нерасужающомъ (дат.) 6, вѣспрѣщающомъ (дат.) 54 об.; въ Тріоди Моисея кievлянина XII—XIII в.: приемшому 37, стоящомъ 73 об., поживъшомъ 26 об., сѣрящомъ (1 л. мн.) 35 об.; въ Толстовскомъ сборникѣ XIII в.: ѣлиномъ устрѣмльшомъся на Троаду и сѣвъкульшомъся 184 об. Необходимо имѣть въ виду, что изъ приведенныхъ примѣровъ въ значительной части (во всѣхъ формахъ дат. п. ед. и мн.) *о* можетъ быть объясняемо какъ слѣдствіе не перехода *е* въ *о*, а вліянія формъ твердаго склоненія на формы мягкаго склоненія.

Въ памятникахъ галицко-волинскаго говора XII—XIV в. случаи употребленія *o* изъ *e* также встрѣчаются: въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: имущому 85; въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII в.: движущоюся; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: послѣдующою; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. пришедши, чорными, ничого, чоботомъ, у Зудечовѣ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ замѣтно вліяніе официальнаго литовско-русскаго языка стараго времени—бѣлорусскаго нарѣчія, и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *o* могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія.

Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ случаи употребленія *o* изъ *e* (вѣроятно, въ нихъ *o* только подъ удареніемъ звучало какъ *o*); такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV вв. мы читаемъ: нашого, чотыриста, чоломъ, чога; въ одномъ изъ западно-русскихъ памятниконъ XV в.—въ Четѣ 1489 г.—употребленіе *o* вмѣсто *e* встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ оно почти не встрѣчается: поведаячо, даючо, радуючося, молячося, поючо, учинившо, слышавшо и т. п.; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в. употребленіе *o* вмѣсто *e* также очень часто: жоны (род.), чужоложницю (тв.), чотырнадцатъ, мовечого (род.), крѣчачого, серццо и т. п.

Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ *o* изъ *e*, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: вашому, нашому, немьцомъ; въ полоцкой вкладной XIV в. (въ Погодинскомъ Ев. № 12): ажо, и въ полоцкой грамотѣ князя Ануфрія конца XIV в.: Соменьцо озеро.

Въ близкихъ къ этимъ памятникамъ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, рязанскихъ, московскихъ и друг., *o* изъ *e* сравнительно часто. Мы читаемъ въ Учительномъ Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. (вѣроятно, ростовскомъ): съвьрьшонъ 68 об., приключьшомъся (дат.) 79 об., жонъ и дѣтнѣи 81, намъ приступающомъ 82, сущомъ 84 об., вълъзъшомъ 85, крьшонъ 86, вѣрующою 88 об., приходящомъ 89, ѡжо 107 об., чоловѣчьскыи 211, чоловѣка 123; въ Житіи Нифонта 1219 г.: сопущою 125 об., умьршомъ 126 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: вѣставъшомъ 33, вѣрующою 51, творящомъ 64 и др.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: ащо 37 об., триженцомъ 174 (дат. мн.), хотящомъ 63, 97, оскверньшо-

муся 67, мящому 76 (и еще нѣсколько подобныхъ формъ дат. ед.); въ Ев. 1354 г.: ни о комъ жо 68, врачовъ, глаголашо бо, зщо 72 об., шедшо, он жо 74, бѣ жо ядущихъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: рожиою 3 об., лжомъ свѣдителямъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: жонъ; въ московскомъ Ев. 1393 г.: шодъ 47, пришодъ 41 об., 45, 45 об., 68, 95 об., 100 об., 103, 116, пришедше 43 об.; пришедшо 46 об., 72, пришлоъ 42 об., собрашо, одежою 69 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: пришедъшема (дв.) 26, достигнувшо 268; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: жолчью 17 об.; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицк. Лавры № 3): пищою 18 об., нищота 25 об., 36 об., развращоно 31, напишотъ 34, щодръ 35, низъшодъ 46. Сверхъ того, о изъ е мы находимъ въ старшемъ московскомъ памятникѣ — въ духовной Ивана Калиты: Данилищова свободка, Матфѣищовское село.

Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна е черезъ о также встрѣчается: Прологъ 1262 г.: зъвавъшому 49, пришьдъшому 54, пославъшому 67 об., съшьдшому 124; Кормчая ок. 1282 года: лежащому 445 об.; Ев. 1355 г.: жонъ 46 об., шодъ 60 об., 90, шодъше 77, шодъша 83, оподшима 64, жерцомъ 66 об.; договоры Новгорода съ тверскими князьями XIV в.: Торжокъ, рубежомъ, чорныхъ, новгородцовъ; грамота къ нѣмцамъ 1392 г.: купьцовъ, купьчовъ; Сильвестровскій сборникъ XIV в.: пришлоъ ѳемъ 56 об., тяжокъ 164 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: Тържжкъ 161; двинская рядная XIV—XV в.: княжоостровъчовъ (ред.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ е въ о произошелъ только послѣ шипящихъ и ѵ; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя показываютъ, что онъ имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать о послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣемъ передавать и мы), и потому, если рѣшались изображать о, должны были или прибѣгать къ какому-либо особому способу изображенія этого о, или отказываться отъ изображенія мягкости согласнаго. Мы читаемъ въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: днѣотъ=днѣтъ=днѣ-тъ; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: **Юлеоны** 155 = Елѣны, сравни Олѣна; въ коломенск. Палеѣ 1406 г.: **Юлеона**, **Юлеонѣ** 41; въ новгор. Прологѣ 1356 г.: яромъ 83 об.=яремъ; въ новгородскомъ Ев. XIV в. Тип. Б. № 11:

серебро, запись; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: на сомъ Поморьи, по сому доконьцанию; въ полоцкой грамотѣ княгини Андреевой к. XIV в.: князя Семона; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: озора, за моромъ, рубловъ; въ Ипатск. сп. лѣт.: въ Кановѣ 268 (==въ Канѣвѣ). Въ послѣднихъ примѣрахъ *о* передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчїи употребленіе *о* вмѣсто *е* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшимъ количествомъ случаевъ, которые невозможно подвести ни подъ какое опредѣленное правило; можно только сказать, что *о* изъ *е* является наиболѣе часто тогда, когда за *е* слѣдуетъ твердый согласный; его мы видимъ обыкновенно послѣ шипящихъ и іота: украинск. жовтий, нічого, чорний, чобіть, чоловікъ, вчора, шовковий, моѣго (рядомъ: желати, жену, 1 л. ед., Боже, зв., вже, чесати, чепурний, чепкий, більше, шепнути, щепати и др.); но есть случаи употребленія *о* изъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ: украинск. лёнь, слѣзи, трѣма, сѣмий. Въ малорусскомъ нарѣчїи употребленіе *о* изъ *е* не находится въ зависимости отъ ударенія и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударяемыхъ слогахъ.

Въ нарѣчїяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которыя ѡкають, *о* на мѣстѣ древняго *е* въ настоящее время зависитъ отъ ударенія и является лишь тогда, когда находится подъ удареніемъ въ концѣ слова или въ серединѣ слова передъ твердымъ согласнымъ. Впрочемъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ съ неполнымъ ѡканьемъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ сѣрцо, зѣллѣ, перѣѣ.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ употребленіе *о* изъ *е* сходно съ употребленіемъ его въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т.-е. его мы слышимъ постоянно подъ удареніемъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ, когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ *о* изъ *е* въ слогахъ неударяемыхъ, по преимуществу также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримѣръ, слышится въ олонѣцкомъ говорѣ: жонѣ, племѣнничокѣ, крѣстничокѣ, чоловікъ, ёго, ёму, поблѣ, сѣстра, бѣзѣро, игуменѣ (Онежскія былины, записанныя Гильфердингомъ); въ пермскомъ

говорѣ: платьѣ, мѣють, тоскуѣшь, ищѣшь, постой жо; въ говорахъ Тверской и Владимирской губ.: нѣсу, тѣпло, стѣкло, сидѣтѣ, пойдѣм-тѣ.

Если мы сопоставимъ случаи употребленія *о* изъ *е* въ древнерусскомъ языкѣ съ случаями употребленія его въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что первоначально въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчїяхъ *о* образовалось изъ *е*, когда это *е* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовалъ твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ удареніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось аканье, въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *е* исчезло, перейдя въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными. Къ послѣднимъ въ эпоху образования *о* изъ *е* еще не принадлежали шипящїе и *ц* и потому мы имѣемъ великор. мятежь, смежный, чешеть, брешеть, головешка, щебечеть, печь, плещеть, лещъ, отецъ, молодець и т. п.; случаи съ *о* на мѣстѣ *е* въ родѣ платѣжь, ѣжь, ѣжитья, одѣжа (рядомъ: одежда), лепѣшка (рядомъ: лепешка), идѣшь (рядомъ: идешь), тѣща (рядомъ: теща), не смотря на свою многочисленность, почти всѣ могутъ быть легко объяснены дѣйствиємъ аналогїи, получившимъ особенную силу послѣ отвердѣнія *ж* и *ш*.

Изъ правила употребленія *о* изъ *е* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными подъ удареніемъ—есть много исключенїй, которыя распадаются на двѣ группы: въ однихъ мы видимъ сохраненіе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другихъ находимъ *о*, гдѣ ждали бы *е*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *е*, прежде всего относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковнославянскаго происхожденія: вредъ, членъ, пещера, всѣнощная, вертеть, жертва, ковчегъ, крестъ, небо, небесь, блаженъ, шествовать, левъ (хотя собственное имя звучитъ: Лѣвъ), житіе, королева, предметъ (послѣднія два слова—полонизмы, =польск. królowa, przedmiot),—и малоупотребительныя собственныя имена въ родѣ Орестъ, Афиногенъ, Пармень, Мамелфа, Манефа (при Пѣтръ, Олфѣръ, Оксень, Савѣль, Оѣкла, Матрѣна, Олѣна). За этими случаями нужно поставить тѣ, въ которыхъ за *е* нѣкогда слѣдовалъ мягкій согласный

звукъ, теперь въ московскомъ говорѣ уже отвердѣвшій: почтенный (изъ почтеньныи), душевный, плачевный, царевна, любезный, бѣлозерскій, земскій, женскій, судебный, учебный (иногда, впрочемъ, говорятъ и учобный), жемчугъ (изъ жънчюгъ). Сюда же относится рядъ словъ со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *p* теперь въ московскомъ говорѣ звучитъ уже твердо: верхъ, первый, серпъ, стерва, четвергъ, ущербъ (=върхъ, върхъ...). Далѣе слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ отрицаніемъ *не*: неводъ, ненависть, нехотя, недоросль, неучъ, неслухъ; весьма возможно, что здѣсь *e* сохранилось подъ влияніемъ тѣхъ случаевъ употребленія отрицанія подъ удареніемъ, въ которыхъ за *e* слѣдуетъ мягкій согласный, т. е. случаевъ въ родѣ невидаль, нечетъ, нехристь; сравн. великорусск. щелка (рядомъ съ щолка) при щель, щепка; щепы при щепъ, отмстка при мечь, шесть (бѣлор. шостъ), нащетка при шестикъ, бѣлор. елка (рядомъ съ великор. ёлка) при ель. Еще далѣе—слова съ префиксомъ *без*: бѣтолочь и т. п. (срв. бѣзъ году, бѣзъ дыму и т. п.). Наконецъ, передъ нами сѣв.-великор. формы 2 л. мн. на *ѣ*: естѣ, спитѣ, хотитѣ, рядомъ съ которыми обычны формы на *о*: сѣв.-великор: спитѣ, хотитѣ и т. п., стар. сѣв.-великор. естѣ (суздальская грамота 1621 г.: есто—естѣ Ак. Арх. Э. III, 167), бѣлор. стоицѣ, сидицѣ и т. п.; вѣроятно, *e* сохранилось первоначально въ формахъ возвратнаго залога, въ родѣ видитѣся, а потомъ перешло и въ формы дѣйствительнаго залога, въ родѣ видитѣ.

Слѣдующіе случаи сохраненія *e* принадлежатъ къ числу мнимыхъ исключеній, гдѣ мы пишемъ *e*, но гдѣ надо было бы писать *н*: блѣсь (срв. польск. *blask*), бръдъ, бръзгать, трѣсь, трѣскать (ѣсть; срв. малор. тріскать), вѣтхій, вѣтошь (Кормчая ок. 1282 г.: вѣтхыи 588; Ев. 1339 г.: вѣтхы мѣхы, ризѣ вѣтъсѣ 38; лит. *vėtušas*; рядомъ ц.-слав. ветъхъ, сѣв.-великор. вѣтхой, пол. *wiotchi*, лат. *vetus*), ночлѣгъ, (Лаврентьевскій сп. 155: ночлѣгъ; срв. малорусск. ночлѣгъ,—га), опѣка (срв. малор. опіка), пѣкаръ, пѣсть (срв. польск. *piast*), клѣсть (корень тотъ же, что въ клѣть, клѣтка, клѣщи и т. п.; въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находимъ звуки, восходящіе къ *н*: сербск. *клијешти*), мѣлкій (Лаврент. сп. лѣт. 295: мѣлка; срв. церк.-слав. мѣлкъ, малорусск. мѣлкий, польск. *miałki*), вѣкша (срв. др.-русск. вѣкъша), нѣкогда (=нѣтъ времени), нѣкому, нѣкого и т. п. (здѣсь *нѣ*=нѣсть, 3 л. наст. вр.; срв. сѣв.-великор. ёкогда, ёкому = есть когда, есть кому), формы

род. и вин. п. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (здѣсь виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ род. ед. съ *н*: *земль*, *душѣ*), нарѣчіе вообще, *вобчѣ* (здѣсь мѣстн. п.; срв. въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ *обчи*, 33). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которыя у насъ иногда пишутся съ *е*, какъ *безмѣнь* (малор. *безмінъ*, — *іна*, польское *bezmiar* ясно указываютъ на *н*); *лѣса*, *лѣска* (сравни ц.-сл. *лѣса*, рѣшотка, польск. *laska*, вѣтка); *лѣкаръ* (нѣтъ ни малѣйшаго основанія писать *е*). Нарѣчный суффиксъ *дѣ* въ словахъ *гдѣ*, *нигдѣ*, *вездѣ* пишется нами вполне правильно съ *н*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ различный видъ: въ церковно-славянскомъ и малорусскомъ онъ звучитъ *де*, въ сербскомъ и великорусскомъ *дѣ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *е*, всѣ объясняются болѣе или менѣе легко дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *е* въ формахъ *зовѣте*, *идѣте* (2 м. мн.), *зовѣть*, *идѣть* (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ *зовѣмъ*, *идѣмъ* и др.; точно такъ же объясняются случаи въ родѣ на *клѣнѣ*, въ чернозѣмѣ, на *берѣзѣ* (срв. *клѣнѣ*, *чернозѣмѣ*, *берѣза*), *ей*, *моей* (дат.), (при *ей*, *моей*; срв. сѣв.-великор. *ѣму*, *моѣму*), *горшочекъ* (при *горшечекъ*; срв. *горшокъ*), *щочка* (срв. *щѣки*, мн.), *рублѣвикъ* (срв. *рублѣвый*), *тѣтя* (срв. *тѣтка*), *околѣсица* (срв. *колѣса*), *ранѣшенько*, *бѣлор. ранѣсенъко* (срв. *ранѣхонъко*), *бѣлѣшенько*, *бѣлор. бѣлѣсенъко* (срв. *бѣлѣхонъко*); точно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на мѣстѣ *е*, а на мѣстѣ *н*: *еѣ*, *тоѣ*, *самоеѣ*, *всеѣ* (при *еѣ*, *тоѣ* и т. д.; род. и вин. пад.); здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе существовавшія нѣкогда формы род. и вин. пад. *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (а можетъ быть, и формы тѣхъ же пад. на *ою*, *ово*: *того*, *того*). Случаи въ родѣ *звѣзды*, *гнѣзда*, *вѣдра* (то же въ бѣлорусск.), рядомъ съ которыми слышится *звѣзды*, *гнѣзда*, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: чередованія *звездѣ*—*звѣзды*, *гнездѣ*—*гнѣзда*, *ведрѣ*—*вѣдра* были вызваны чередованіями въ родѣ *жебѣ*—*жѣоны*, *сестрѣ*—*сѣстры*, *вѣслѣ*—*вѣсла*. Наконецъ, аналогією объясняется также форма *приобрѣлъ*: чередованіе *приобрѣту*—*приобрѣлъ* было вызвано чередованіями въ родѣ *мету*—*мѣлъ*, *веду*—*вѣлъ*.

Здѣсь должно указать на нѣсколько мнимыхъ исключеній. Въ формѣ сѣдла (мн.), равно какъ въ осѣдланъ, осѣдлый, — о явилось правильно (древн. седло; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусал. XII в.: бе-седла 117 об., въ церк.-славянск. Супрасльской рукописи: оседьлати; ѵ здѣсь писали у насъ уже въ XIV в.: сьдло Лаврент. сп. лѣт. 63; остьдавъ, остьдла Паремейникъ 1378 г. 65 об., 99; остьдають Палея 1406 г. 70), срв. сѣв.-великор. и бѣлор. бесѣда и сѣв.-великор. сусѣдъ (корень *sed-*). Форма цвѣль также правильна, ибо о образовалось изъ е, а е изъ ѵ (цвѣтъ, цвѣль). Въ формѣ бѣгъ (прош. вр. отъ *бѣжати*) о также правильно, ибо восходитъ къ древнему е (срв. сѣв.-малорусск. *бюогъ*, гдѣ дифтонгъ изъ *ѣ, е*). Въ словахъ зѣвъ, позѣвывать, поддѣвка, надѣвывать (при поддевка, надѣвывать) о, можетъ быть, также восходитъ къ е. Въ словѣ рѣдка, какъ оно звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, о образовалось изъ е; срв. въ Пандектахъ Никона Черногорск. 1296 г.: рѣдковъ 82 об., малор. рѣдка, польск. *rzodkiew*, гдѣ о изъ е. Въ сѣв.-великорусск. сверѣпъ о можетъ быть оправдано польскимъ *swierzora*, *swierzorka* кобыла (о изъ е). Въ формѣ ослѣпъ (она слышится въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) о восходитъ къ ѵ: срв. церк.-слав. ослыпѣ; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: око ослыпо 15.

Замѣчательно, что русское е не перешло въ о въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ е не было никакого согласнаго (даже јота), т.-е. въ началѣ словъ; въ великорусскомъ нарѣчій слышится: это, эво, эдакъ, а не ото, ово, одакъ, въ бѣлор.—гэтотъ, гѣтакъ и т. п.

Время начала перехода великор. и бѣлор. е въ о можно опредѣлить приблизительно. Это—та эпоха, когда ѵ еще существовалъ какъ отдѣльный звукъ, отличный отъ е, но когда, послѣ исчезновенія глухихъ з и ѵ или перехода ихъ въ о и е, нѣкоторые изъ бывшихъ передъ ними твердыхъ согласныхъ успѣли ассимилироваться съ мягкими согласными слѣдовавшими за ними и смягчиться; е передъ подобными смягченными согласными не перешло въ о: великорусск. рѣшѣтчатый, изъ рѣшетъчатый (срв. рѣшотка изъ рѣшетъка), лѣхче, изъ лыгче (срв. лѣгкій), шѣпчешь, изъ шьпъчешь (срв. шопоть), умѣршій, изъ умьрѣш-, жѣче, изъ жестгче.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ, кромѣ перехода въ о древняго е и е изъ ѵ, совершился, также передъ твердыми согласными и

јотомъ, переходъ въ *o* — безъ сомнѣнія, долгое—*ē*, или новаго *ъ*. Примѣровъ этого перехода въ памятникахъ довольно много (укажемъ на формы дат. мн. жьрьцомъ въ Ев. XII—XIII в. Никольскаго монастыря № 150 л. 82, извольшомъ, отрѣкающомъся въ Выголексинскомъ сборникѣ, идушомъ въ Поликарповомъ Ев., лъжомъ съвѣдителемъ 127 об., врачомъ 42, отрочишомъ 29, купшомъ 58 об., младѣншомъ 59, жерцомъ 67, 99, 104, старцомъ 133 об., 139 об., 146 об. въ Бучацкомъ Ев. XIII—XIV в., бывшомъ въ Житіи Саввы XIII—XIV в. 411, смущающомъ 327, влѣзущомъ 271, младѣншомъ 126, 141 об., старцомъ 107 об. въ Ев. Верковича XIV в. (Публ. Б.), на формы имен.-вин. ед. ковьчогъ въ Ев. Никольскаго мон. л. 74 об., размѣшонъ въ Поликарповомъ Ев., вечоръ 84 об., блажонъ 28 об., положонъ 6, 139, възложонъ 6, 55, отвержонъ 45 об., прокажонъ 100 об., въпрошонъ 56, свершонъ 73, украшонъ 64 об., смѣшонъ 136, исѣчонъ 139, разврашонъ 51 въ Бучацкомъ Ев., уражонъ въ Житіи Саввы 148, вечоръ, вѣсажонъ, осужонъ, положонъ, прокажонъ, отлучонъ, исечонъ, раздрѣшонъ, смѣшонъ, разврашонъ въ Ев. Верковича, на формы род. мн. врачовъ 10, десять прокажонъ мужъ 66 об. въ Бучацкомъ Ев., врачовъ 125, бѣчоль 150, жонъ въ Ев. Верковича, на формы 1 л. мн. можомъ 98, речомъ 85, хошомъ 90 об., вѣмешомъ 51 въ томъ же Ев. Верковича, гдѣ *o* должно быть объясняемо изъ *ē*), и это *ō* очень рано перешло въ дифтонги и *y*.

Переходъ *ō* въ дифтонги и *y*. Долгое *o*, и ударяемое, и неударяемое, развившееся въ галицко-волинскомъ говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *o* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой—изъ *ē*, или новаго *ъ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *e* (послѣ мягкихъ согласныхъ),—мало-по-малу стало произноситься закрыто и приближаться къ *y*; наконецъ оно перешло въ дифтонги *uo*, *yo* и т. п. и въ *y*. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волинскаго происхожденія: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: вечеръ субутный, шюдръ; Галицкое Ев. около 1266 г.: нюдѣюмъ (дат.); галицкія грамоты XIV—XV вв.: унукумъ (дат.), друздъ, добровульно, торгувля, у Бышкувьскуи граници, Федуть, зу дубровами, по нюи, на свои, по божьюмъ нарожѣнѣ, у нашюмъ, грошювъ, Нестюръ, чтюнъ; молдавскія грамоты XIV—XV в.: при тум-то, быхумъ, слюбуюмъ, хочумъ (1 л. мн.).

Это у мы находимъ въ Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: твуй, стуй, в краснумъ одѣнаніи, нюсьль (ъ=ъ), уздоровлюнь, юй, по суй сторонѣ, женцюмъ (дат.), злодѣювь (род.); въ Сборникѣ конца XVI в. Син. Библ. № 937: звунъ, дустался, пушло, скинюнь съ неба и т. п., а также въ литературныхъ памятникахъ южно-русскихъ XVII и XVIII вѣковъ, львовскихъ и кievскихъ: Наука объ уніи нач. XVII в.: (Рум. Муз. № 376): костюль, по нюй; Плачь альбо ляментъ 1615 г.: въ славѣ добруй, въ дому своумъ, въ нюй, о нюмъ; Вирши Бершнды на Рождество Хр. 1616 г.: свѣдкувь, старцувь, въ нюй, юй, въ всюмъ, и т. п.; Вирши Кассіана Саковича 1622 г.: пулночныи, кролюмъ (дат.), непріятелюмъ,—лювь, въ нюй и др.; интерлюдія Георгія Конискаго XVIII в.: вунъ, постуй, тулко и т. п. Срв. въ Протестаціи запорожскихъ казаковъ 1610 г.: языхувъ, вязнювь (Акты Ю. и З. Р. II). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, какой именно звукъ переданъ здѣсь черезъ букву у: дифтонгъ, или у долгое, кромѣ одного указанія Галицкаго Ев. 1283 г., памятника, къ сожалѣнію, крайне богатаго описками: азъ отьци (=у отьци=въ отьци) 24, 24 об. (три раза), говорящаго въ пользу дифтонга *yo* (срв. въ томъ же Ев.: идѣте угнь вѣчныи 61=*у* огнь). Срв. приведенные выше (стр. 51) случаи употребленія *oo* на мѣстѣ *o*: воовьця=овца Галицк. Ев. ок. 1266 г. и др.

Современные сѣверно-малорусскіе говоры (вмѣстѣ съ сосѣдними бѣлорусскими) имѣютъ и дифтонги *yo*, *уэ*, *уи* (*куонь*, *куэнь*, *куинь*, *своюй*, *своюэй*, и т. п.), и *у* (*кунь*, *муй*, *своюй*), и *и*, *ы* (*мий*, *мый*). Южно-малорусскіе говоры на мѣстѣ *o* имѣютъ *i* съ твердымъ или мягкимъ предыдущимъ согласнымъ (*кiнь*, *мiй*), которое развилось изъ *o* при посредствѣ дифтонговъ, между прочимъ — дифтонга *yi*: *кiнь*, и которое по памятникамъ восходитъ къ XVI в.: Пересопницкое Ев. 1561 г.: *видповѣдаю*; описаніе Черкаскаго замка к. XVI в.: *гакивница*, *макогинь* (Арх. Ю.-З. Р. VII, I).

Кромѣ *у* изъ *o*, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось—повидимому, въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ—*у* изъ неударяемаго древняго *o*: Галицкое Ев. 1283 г.: *скузѣ* 51 об., 57 (изъ *скозѣ*), *убрѣтоша* 51 об.; Луцкое Ев. XIV в.: *скузѣ*; грамота 1378 г.: *мунастырь*. Срв. соврем. сѣверно-малорусск. *угонь*, *гулубка*, *тубі*, *субі* и т. п.—Формы неопред. накл. въ родѣ *купувати*, *таньцювати*, *малювати* сюда не относятся: они обязаны своимъ *у* вліянію формъ наст. вр.: *кучую*, *таньцюю*, *малюю*.

Отжествление ъ съ е. Какъ мы уже сказали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество случаевъ употребленія *е* вмѣсто *ъ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ, какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ъ* черезъ *е* встрѣчается болѣе часто: гал.-волынск. Добрилово Ев. 1164 г.: светъ, веси (2 л.), обретая, некии, бесы, на мѣсте, на мѣстѣ и др.; новгородскій Стихирарь 1157 г.: семѣне, измененіе, обрете, прегрешеніи, теснии, многотърпеливе, на дрѣве, прѣпетии и т. п.; надпись на западно-русскомъ Роговолодовомъ камнѣ 1171 г.: доспень; при этомъ въ южно-русскихъ, въ частности въ галицко-волынскихъ памятникахъ обратная замѣна, замѣна *е* черезъ *ъ*, совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ, а въ памятникахъ новгородскихъ, наоборотъ, *ъ* вмѣсто *е* древняго и *е* изъ *ъ* является столь же часто, какъ и *е* вмѣсто *ъ*. Стихирарь 1157 г.: смърти, коръне, повълѣная, па небъси, тѣзоимънитъница, на кольсници, безмъздника, принъсти, рожьшю (твор.), пьрвъъ, ижъ и друг. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности—въ Новгородѣ, въ второй половинѣ XII в. различіе между *е* и *ъ* было слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ъ* и *е*, прочіе же русскіе говоры пошли по другому пути.

Древніе новгородскій и псковской говоры, вмѣстѣ съ отпурьскомъ перваго—двинскимъ говоромъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ъ* не совпалъ съ *и* или по крайней мѣрѣ не приблизился къ *и* (всего чаще въ серединѣ словъ при послѣдующемъ твердомъ согласномъ), въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ъ* (въ гнвъъ, дълаю и т. п.) и *е* (въ ель, день и т. п.). Отсюда въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ памятникахъ полное смѣшеніе буквъ *ъ* и *е* и употребленіе *ъ* какъ на мѣстѣ *е*, такъ и на мѣстѣ того *о*, которое образовалось изъ *е* (т.-е. *ѣ*); въ другихъ—употребленіе *ъ* только на мѣстѣ *е* (такъ что на мѣстѣ *ѣ*—за очень рѣдкими исключеніями—пишется *е*).

Къ числу первыхъ памятниковъ принадлежитъ первая часть Новгородской лѣтописи (здѣсь, между прочимъ, форма им. ед. ср. р. всъ=всѣ) и новгородскій договоръ 1265 г. (здѣсь, между прочимъ: на всъмъ, на цъмъ=на всъмъ, на чомъ, всъмю=всѣму). Къ числу

вторыхъ, болѣе многочисленныхъ, принадлежать, между прочимъ, новгородскіе Стихирарь 1157 г. (выписки выше), Пантелеймоново-Ев. XII в. (здѣсь ведѣть, 3 л. ед., изидѣть, 3 л. ед., родѣть, зв., и др.), Требникъ гр. Шереметева XIV в. (здѣсь: правѣдѣнь, правѣднѣхъ, двѣрѣць, род. мн., вѣнѣць, смѣрти, тѣрѣпя, одѣрѣжима, сѣдѣража и т. п.), Ипатскій сп. лѣт. (здѣсь: Смолѣнскѣсь, Киевѣць, полочанѣть, изѣь лодѣй, пѣрѣвѣе, умѣрѣшю, грѣкы и т. п.).

Современныя говоры сѣвера Россіи, потомки древнихъ новгородскаго и двинскаго говоромъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ѣ не перешель въ и или не приблизился къ и, имѣють на мѣстѣ ѣ—звукъ е, обыкновенно болѣе или менѣе закрытый; такимъ образомъ ѣ въ сѣв.-великор. дѣлаю и т. п. произносится какъ наше е въ ель, хорошеѣнко и т. п.

Западно-русскій и средне-русскій говоры также въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между ѣ и е. Смоленская грамота 1229 г. имѣеть совершенно безразличное употребленіе буквъ ѣ и е: дѣревѣмъ, останѣться, будѣть, утѣрѣдѣть, дѣрѣжати и т. п.; всемъ, темъ, ѣхати и т. п.; то же можно сказать о западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV вв.; только въ нихъ употребленіе буквы ѣ значительно сокращается въ пользу употребленія буквы е; западно-русскія грамоты XVI в. и печатный Литовскій Статутъ 1588 г. имѣють букву ѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, безъ всякой послѣдовательности. Средне-русскіе памятники XIII и XIV вв. вообще держатся традиціонной (въ главномъ церковно-славянской) орфографіи, въ частности традиціоннаго употребленія ѣ, но представляютъ интересныя исключенія, указывающія на отсутствіе для ихъ писцовъ различія между ѣ и е. Духовныя московскихъ великихъ князей и Лаврентьевскій сп. лѣт., въ большинствѣ случаевъ сохраняющіе ѣ, постоянно имѣють Володимѣрь (имя) и Володимѣрь (названіе города), хотя галицко-волинскіе тексты (Слова Ефрема Сирина 1492 г.: Володимѣра, запись; Ипатскій сп. лѣт., новгородскій списокъ съ галицко-волинскаго оригинала: Володимѣрь 576, Володимѣрь 400 и др.) и данныя сербскаго и чешскаго языковъ дѣлають несомнѣннымъ нахожденіе ѣ во второй части этихъ словъ. Причина постояннаго употребленія е въ Володимѣрь и т. п. заключается съ одной стороны въ томъ, что церк.-славянскіе тексты не имѣють ни этого, ни подобныхъ ему словъ,

съ другой стороны въ томъ, что въ древнемъ Кіевѣ данное слово звучало съ *и* (срв. чара Володимирова въ надписи на чарѣ XII в.; Володимиръ въ началѣ Поученія Мономаха), такъ что писцы московскихъ грамотъ XIV в. и Лаврентьевскаго сп. лѣт., произносившіе его иначе, чѣмъ произносили древніе кіевляне, — должны были при письмѣ руководиться своимъ средне-русскимъ выговоромъ; а послѣдній не далъ имъ указанія на *н* какъ на звукъ отличный отъ *е*. Средне-русскіе памятники XV—XVII вв. (по преимуществу московскіе) вообще не дѣлаютъ различія между *н* и *е*, и мы можемъ говорить о полномъ отождествленіи въ это время *н* и *е*. Надо имѣть въ виду, что многіе изъ средне-русскихъ памятниковъ XV—XVII вв. (книги) удерживаютъ традиціонное употребленіе *н* вездѣ, гдѣ оно указывается церковно-славянскимъ языкомъ (съ незначительными изъятіями въ родѣ брегъ, вредъ, время, членъ, влеку и т. п., при плънь), и допускаютъ употребленіе *е* вмѣсто *н* лишь въ тѣхъ словахъ и формахъ, которыя или совсѣмъ неизвѣстны въ церковно-славянскихъ текстахъ, или встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко: въ деверь (такъ уже въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 12), ее (род.-вин. ед.; такъ уже всегда въ духовныхъ московскихъ великихъ князей и иногда въ Лаврентьевск. сп.), добрые (им.-вин. мн.; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: душевныъ, численыъ, купленыъ; въ Лаврентьевск. сп.: убогыъ, дикиъ, лежачиъ и т. п.) и др. Въ другихъ средне-русскихъ памятникахъ XV—XVII вв. (особенно въ московскихъ грамотахъ) употребленіе *н* и *е* смѣшанное; можно отмѣтить частое употребленіе *е* вмѣсто *н* при отсутствіи ударенія (въ міре, рядомъ: въ селѣ).

Современные бѣлорусскіе говоры и тѣ изъ великорусскихъ, которые не знаютъ ни перехода *н* въ *и*, ни цоканья и вообще не могутъ считаться потомствомъ древняго новгородскаго говора, — уже не знаютъ различія между *н* и *е* и на мѣстѣ древняго *н* имѣютъ подъ удареніемъ — звукъ *е*, то открытый (въ дѣлать), то закрытый (въ дѣлить), а безъ ударенія — тѣ же звуки, которые въ нихъ образовались на мѣстѣ неударяемаго *е*.

Ислѣдствіе того, что традиціонное употребленіе и различеніе на письмѣ буквъ *н* и *е* въ главномъ было сохранено великоруссами XV—XVII вв., мы продолжаемъ употреблять букву *н* въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII вв., за исключе-

ніемъ небольшого ряда словъ: брежжиться (ц.-слав. пробръзгъ), ведро (древн. вѣдро; Р. Правда по сп. ок. 1282 г. 4, Пандекты 1296 г. 112, Лаврентьевск. сп. лѣт. 126), веря (древн. верѣя; Миняя 1096 г. 192), песокъ (древн. пѣськъ), семья (древн. сѣмѣя; Златоструй XII в. 171; Жит. Ниф. 1219 г.), темя (древн. тѣмѣя; Кормч. ок. 1282 г. 590; малор. тѣмѣя), деверь (древн. дѣверь), дремать, дребезгъ, прилежно (древн. прилѣжно), колебать, колеблю (древн. колѣбати, колѣблю), купель (древн. купѣль), колибель и др. (см. еще выше, стр. 64). Въ этихъ словахъ мы видимъ ѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ; сравни сербск. колибати, пијесак, дрѣжмати, польск. wiadro, wierzaja, piasek, drobiazg. Слово древній и т. п. имѣютъ древнее е: др.-русск. древле, древнь звучали иногда съ е, иногда съ ѣ; срв. съ послѣднимъ — і изъ ѣ въ чешскомъ dítve. Сверхъ того, мы несогласно съ традиціею употребляемъ е вмѣсто ѣ въ сѣкира, древн. секира (Лаврент. сп. лѣт. 227); срв. древн. сокира Паремейникъ 1271 г. 80, польск. sokiera, латинск. securis съ ё; и въ брѣю, брадобрѣй, змѣй, змѣя; древнія формы послѣднихъ словъ были брѣю,—брѣи, змѣя, откуда брѣю,—брѣй, змѣя (Обиходъ церковный XIV в. Рум. Муз. № 284: змею 14, Паисіевъ сборникъ XIV—XV в.: змеі 164 об., им. ед., змеова свиста 152, и др.), съ е изъ ѣ, какъ въ пей, вей, бей (повелит. н.), клей (им. ед.). Что до ѣ въ именахъ Алексѣй, Сергѣй и т. п., вмѣсто е, которое въ большинствѣ случаевъ образовалось изъ болѣе древняго ѣ и которое мы пишемъ въ цѣломъ рядѣ сходныхъ именъ: Авдей, Федосѣй, Настасѣй, Мокей, Пелагѣя, Опраксѣя и т. п., то употребленіе его здѣсь объясняется аналогіею: окончаніе ѣй, съ ѣ, именъ въ родѣ Варфоломѣй, Фадѣй, Елисеѣй, Матвѣй (ѣ=греческ. αἰ) перешло въ имена Алексѣй, Сергѣй. Время появленія этого ѣ—очень древнее: церк.-слав. Супрасльская рукопись: Василья 494; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: Иѣремѣемъ 188; Житіе Епифанія XII в.: Дорофѣи 97; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: Иѣремѣю 143; но онъ получилъ особенное распространеніе въ нашей орографіи съ XIV в.: такъ, мы читаемъ въ Румянц. Лѣствицѣ XIII в. № 199: Тимоѣю 20 об.; въ Ев. 1317 г.: Марія Иосѣина 103 об., Иеремѣемъ 104, 114 об., Иѣремѣя 120 об. (при Тиверея 116 об.); въ духовныхъ московскихъ великихъ князей: Патреѣи, Олексеи, Тимоѣи, Аньдрѣи (при Дмитрею); въ московскомъ Ев. 1339 г.: обрѣтохомъ Меисѣю=Мес-

сію 5 об., Меисля 18, Алексля 207, Ієремля 207 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1356 г.: Терентля, Вѣкентля 94 об.; въ грамотѣ Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: Ієремли, Манасля; въ Ев. 1358 г., писанномъ въ московской области: Сергья, Алексля, Ієремля; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Евдокли 400; въ юго-западно-русской грамотѣ 1376 г.: Олексля; въ Паремейникѣ 1378 г.: пророчества Ієремлина 3 об., при Ієремли 117; въ Ев. 1393 г.: Сергья 187 об. (рядомъ Викентя), сына Варахлина 58; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: Сергья, Феодосля, Фалелля, Ієвдокли; въ Новгородской лѣтописи: Тимофью 225, Еремля 244; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: Сергью 149 (но: Мокарей 160 об. и др., Меркурей 150); въ двинской рядной XIV—XV в.: Левонтюю. Сравни малорусск. Олексій, Овдій, Овсій и т. п.

Переходъ њ въ и. Древній њ, сохранившійся въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отождествившійся съ е, сталъ мало-по-малу приближаться къ древнему и. Буква и на мѣстѣ буквы њ, передававшая звукъ, хотя и не тотъ самый, который передавался обыкновенно буквою и, но все-таки до извѣстной степени близкій къ нему,—является въ галицко-волынскихъ книгахъ съ конца XIII в.: Галицкое Ев. 1283 г.: видяше 11 об. (=вѣд—), князь 40 об., ники 57 об. (=нѣкыи); рядомъ: исконь 1 об., 10 об.; Полицарпово Ев. 1307 г.: видинья, окаменило, свидѣные, видивъ; Путенское Ев. XIV в.: при вечера 4, ицѣливша 95 (болѣе раннее и на мѣстѣ њ въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: въ попели 23, въ попеѣи 27, и въ Доброловомъ Ев. 1164 г.: въ сбори и на стегнахъ 187,—внушаетъ сомнѣніе). Галицкія грамоты XIV—XV вв. имѣютъ ее уже сравнительно часто: свидци, пасиками, служи нашему, лисы, привисити; то же можно сказать о молдавскихъ грамотахъ, въ языкѣ которыхъ иногда силенъ малорусскій элементъ: 1393 г.: роздиляючися, дитемъ; 1436 г.: дидичу, намискомъ (=намѣсткомъ), наслуидуючи, виру. Сверхъ того, мы читаемъ въ московскомъ Ев. 1339 г., списанномъ съ галицко-волынскаго оригинала: видихомъ 4 об., видисте 9 об., увидѣвъ отъ кентуриона 10 и т. п., въ законѣ моисѣеви 26 об., заприти 45 об., 55 об., 69 об., колиблемы 93, свидение 106, умикете 108, сквозѣ сиание 147, оприснокъ 166 об., заматеривши 206 об., мнивши 213 об., изволися мни хужьшю 208. Это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что

писцы галицко-волынскихъ памятниковъ XIV—XV вв. произносили *н*-болѣе или менѣе близко къ *и*, можетъ быть, какъ дифтонгъ *іе*.

Новый *н*, т. е. то *ē*, которое въ галицко-волынскомъ говорѣ образовалось изъ *ĭ* вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и которое первоначально было нѣсколько отлично отъ древняго *н* (новый *н*, какъ мы видѣли, передъ твердыми согласными могъ переходить въ *ō*, а древній *н* не зналъ перехода въ *ō*), въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ сохранился, скоро совпалъ съ древнимъ *н* и потому имѣлъ одну съ нимъ судьбу, т. е. подобно ему перешелъ въ звукъ близкій къ *и*. Въ Галицкомъ Ев. 1283 г. мы читаемъ: учинѣе 47, учинѣя 73 (при учинѣе), въ отечествѣи своемъ 134; въ Путенскомъ Ев. XIV в.: о словеси моимъ 26, у дому своемъ 27, 92, на селѣ своемъ 222, во очеси твоимъ 57, крѣнь сильныхъ (=кринъ сельныхъ) 60, нестроинѣя 121, по убынѣи 220; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. шистъ, шистдесять, шистъпятого, нарожинѣе; въ молдавскихъ грамотахъ: 1436 г.: безъ противлѣнѣя; 1448 г.: потвержѣнѣе, гдѣ *ѣ* образовалось изъ новаго *н*; сравни въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: сѣльнаго, шѣсть, въ рожнѣи, знамѣнѣе; въ Типографскомъ Ев. № 6 XII—XIII в.: о имени твоѣмъ.

Въ настоящее время въ одной части малорусскихъ говоровъ на мѣстѣ *н*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, слышится звукъ *і*, т. е. краткое мягкое *и*, очень близкое къ великорусскому *и* и отличное отъ малорусскаго *и*—потомка древняго *и*, если передъ нимъ нѣтъ *ј*. Въ другой части малорусскихъ говоровъ (по преимуществу въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ) и древній, и новый *н* иногда одинаково рефлексировуются или мягкимъ *е*, болѣе или менѣе отличнымъ отъ обычнаго *е*, или дифтонгами *іе*, *іѣ*.

Кстати замѣтить, что въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ *н*=*і*, есть нѣсколько случаевъ появленія *і* не на мѣстѣ *н*, а на мѣстѣ *и*. Таковы, между прочимъ, слова въ родѣ умірати, збірати, ківати, гдѣ *і* замѣнило собою древнее *и* и *ы*, перейдя въ эти глаголы изъ глаголовъ въ родѣ літати, помітати; таковы формы дат. ед. на *ові*, *еві* (въ родѣ волові; сравн. въ Путенскомъ Ев. XIV в.: ерѣвѣъ 59; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: къ королевѣъ, Романовѣъ, Рюриковѣъ 333, 386), *і* которыхъ, вѣроятно, перешло въ эти формы изъ формъ дат. п. на *н* (женѣъ, березѣъ, тобѣъ); таковы слова, заимствованныя изъ польскаго языка, въ которыхъ *і* передаетъ польское *і* или мягкое *е*: паніѣ,

(польск. *pani*, великорусск. панья), *вірша* (польск. *wiersz*), *сокіра* (польск. *sokiera*).

Мы видѣли (стр. 35), что *ъ* въ древнемъ новгородскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближался къ *и* или даже совпадалъ съ *и*. Трудно сомнѣваться въ томъ, что писцы новгородскихъ памятниковъ XIV в. уже произносили въ этихъ случаяхъ *и* на мѣстѣ *ъ*.

Большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ имѣетъ теперь *и* на мѣстѣ *ъ* только въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными: *невѣсте* (дат. п. отъ *невѣста*—*невѣста*), *хотѣть* (при *хотель*). Въ меньшей части этихъ говоровъ, на территоріи болѣе или менѣе близкой къ Новгороду, *и* на мѣстѣ *ъ* болѣе или менѣе послѣдовательно слышится какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными въ серединѣ словъ, а также въ концѣ словъ: *невѣсти* (дат. п.), *невѣста* (имен. п.), *хотиль*.

Звукъ *и*, замѣнявшій собою *ъ* въ старомъ новгородскомъ говорѣ и перешедшій изъ него въ современные сѣверно-великорусскіе говоры, не находится въ непосредственной связи съ малорусскимъ *і*.

Аканье и связанная съ нимъ звуковая явленія. Такъ называемое *аканье*, составляющее отличительную особенность современныхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Древнія неударяемая *а* и *о*, послѣ искони твердыхъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ *а* кающихъ рѣже,—звучатъ глухо и значительно приближаются къ *ы*, такъ что слышится глухой звукъ, который мы можемъ обозначить условно черезъ *ы*: *на дымъ*—*на домъ*, *высыдка*—*высадка*; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется, а *о* (если не сохраняется, какъ въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, послѣ ударенія: *доброто*, при *гаспадарѣ*) болѣе или менѣе приближается къ *а*: *сидѣть*, *сада*, *слава*—*слова*, *дабрѣ*. Тѣ же *а* и *о* (также *о* изъ *е*, т.-е. *ѣ*) послѣ мягкихъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ (въ соотвѣтствіе *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ)—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже—звучатъ какъ *и*: *свитѣй*, *пятѣкъ*, *чысы*; *быру*—*бѣру*, *беру*; *ничывѣ*—*ничовѣ*, *ничего*; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ говорѣ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется и *о* (если не сохраняется) приближается къ *а*: *московск*. *пѣля*—*пѣля* (род.) и *пѣлѣ*, *поле* (зм.-вин. ср. р.); *наша*—*наша* (имен.

ж. р.) и нашо, наше (нм.-вин. ср. р.); курск. и бѣлор. святая, часы, бяру, ничаго.

Различіе въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Напримѣръ, сохраненіе *a* и образованіе *a* изъ *o*: сада (род. п.), слова=слово, бара́на, задо́къ, силача́,—въ московскомъ говорѣ имѣютъ мѣсто тогда, когда *a* находится или въ началѣ словъ, или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ непосредственно передъ слогомъ ударяемымъ; глухое *ы* изъ *a* и *o*: падыль, вдовыль, сыпаги́, зыхатѣль, дыраго́й, является въ серединѣ словъ или непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогѣ второмъ передъ ударяемымъ.

Первые слѣды аканья въ памятникахъ относятся лишь къ XIV в. Смоленская грамота 1229 г., почти совѣтъ свободная отъ традиціонной орфографіи, имѣя рядъ другихъ особенностей смоленскаго говора, не имѣетъ ничего похожаго на аканье. То же можно сказать и о другихъ смоленскихъ грамотахъ XIII в. Рязанская Кормчая 1284 г., придерживающаяся впрочемъ традиціонной орфографіи, равнымъ образомъ не представляетъ такихъ данныхъ, которыя бы можно было связывать съ аканьемъ. Старшій памятникъ съ слѣдами аканья — написанное въ Москвѣ Ев. 1339 г. (списанное съ гал.-волынск. оригинала): кака ты глаголеши 16 об., отъ господа бысть се и ѣсть дивна въ очю нашу 73, 129, аще ожениться, любодѣянья творить 125, въ апустѣвши земли, запись. Ев. 1354 г., написанное въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, представляетъ разнообразныя данныя, между прочимъ нѣсколько случаевъ употребленія *и* вмѣсто *ь* (поновгородски) и нѣсколько случаевъ употребленія *a* вмѣсто *o*: всажанъ 5 об., на вечерехъ 71 об., вечеряю 123, жалаше 130 об. (рядомъ: ни о комъ жо, глаголашо и др.); повидимому, писецъ этого Ев., жившій въ Переяславлѣ, списывалъ съ оригинала новгородскаго письма (изъ котораго взялъ новгородскія особенности), а говорилъ по-московски. Духовныя грамоты московскихъ великихъ князей, написанныя для своего времени грамотно, не даютъ достовѣрныхъ случаевъ аканья. Можно упомянуть только о Брошевую (вин. ед., названіе деревни) въ духовной Ивана Калиты и Брашевая (названіе той же деревни) въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, Дмитрія Донскаго, Василя Дмитріевича; удареніе этого слова, вѣроятно, было не на первомъ слогѣ; о Колуга (корень кал) и о Шагатью (твор-

ед., названіе деревни; рядомъ: Шаготью) въ духовной (второй) Донскаго; сверхъ того: даль есмь князю въ Лопастны мѣста Нови Городокъ, въ духовной Ивана Ивановича. Многочисленные и уже несомнѣнные случаи аканья находятся въ памятникахъ лишь самаго конца XIV в., писцы которыхъ, не различая звуковъ *a* и *o* безъ ударенія, ставили буквы *a* и *o* одну вмѣсто другой: московское Ев. 1393 г.: поклонятся 22, Симанъ 34, къ Симану 81 об., прикаснуса 45, облажать 109 об. (=ложать), даящимъ 113 об., прадающимъ 156, вертаградъ 171, нарицаемая 186, домъ украшенъ и помятенъ 41 об., приступиша фарисѣи глаголюща 46 об., научите крестьяща я во имя 183, ангель мяшася 12, отроковица лежаша 68 об., глаголаша имъ (3 л. ед.) 74, поясашася самъ 28, фарисѣи моляшася 126; Марья облудаша 191 об.; полагають 6 об., 95 об.,—гаху 9 об.,—гахуть 73,—гаю 19 об.,—гають 71 об., влогають 26, предлагаютъ 75,—гаемая 92, възлогая 110, влогалища 82, запада 101, невидяхуть 107 об., привязано 109, 130, 135 об., обязонъ 147 об., посогають 118 об.,—ють 124 об., помазовшия 146, толантъ 126 об., Аримофѣя 9, саморѣискъ 16,—янины 16, 16 об.,—янѣхъ 16 об.,—яне 17 об.,—янинъ 18, отъ Саморія 16 и т. п.; коломенская Палея 1406 г.: мьланьямъ=молоньямъ 3, погарять 17, па роду 20, порящя по въздуху 20, задовити 31; грамота полоцкаго архіепископа Θεодосія 1392—1415 г.: писанія ваша дошло до менѣ. Памятники второй половины XV в. и XVI в. имѣють *a* вм. *o* (и рядомъ *o* вм. *a*) уже нерѣдко, хотя впрочемъ огромное большинство ихъ, и книги, и грамоты разнаго рода, московскія и западно-русскія, упорно придерживаются старой орфографіи; въ полоцкомъ договорѣ съ Ригю 1478 г. мы читаемъ: па веснѣ, пасле (надо читать: паслѣ), абою сторонѣ, стайтъ, да Ильина дня; въ западно-русской Четвѣ 1489 г.: потапталъ, паганый, карабль, наября, радаватися, карамольное, молапья, покояньемъ, удоляимося; въ Ев. 1527 г., написанномъ въ селѣ Новомъ, подъ Вязмою (Публ. Библ.): въ карабли 10 об., караблю 19, карабль 33 об., пророчествава 34, нагама 35 об., врата адова не удалѣють ей 37, никаго 38 об., не до седмь кратъ но да седмьдесятъ 41, каторого 50, какошь 53; отъ востокъ и западъ 18, до западъ 54 об., долече 34; ту будетъ сердца ваши 15, бѣ разрушеніе ея веліа 17 об., призвати на покаянія 20, възде трънія 29, сѣав'шу добрая семѣ 30, въ скончанія вѣка 31, скврь-

явить челоуѣка исходящае изъ усть 34, за невѣр'ствіа ваша 39, он не хотѣша 41 об., продаждь имѣніа твое 43, проповѣсться сие евангеліа 54, явится знаменіа 54 об. и др.; въ Сборникѣ XVI в. Син. Библ. Чудовск. № 264, написанномъ едва ли не въ Москвѣ: чудотворцавъ (род.), избличихамъ, саборнѣ, наугородецъ, бѣ слова паносно, митраполить, совакупи саборъ, паповъ, съ таварыщи, потачиша, арла, яго, яму, сіе настояща средостѣніе, въ послѣднее время и др. (чрезвычайно часто; Русск. Ист. Библ., VI, 785—788; Библиографич. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № XVIII); въ западно-русской Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: на дарозе 7, троскаты, уздаровить 10, така есть 14; зо брата 7 об., коране 8, покладаючие 9 об., закладаеть 13 об., долеко 13, доваль 16 об., мешкоють 16 об., спроведлиность 19 об. и др.; въ зап.-русс. Тайная Тайныхъ XVI в. Виленск. Публ. Библ.: во облаженни 4, облажения 24, здаровье 5 об., пративно 8, дапытывался 19, стрягохъ 6, слияніа сыро 24, будетъ ли слияніа ихъ горяче 28; наказаніе 2,—ю 4, 9, укузаль 9, довати 3, довай 14 об., здовая 9, выдовати 9 об., достовай 9, слышоль 40 об. и др.

Рядомъ съ аканьемъ, южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣють два другихъ явленія: 1) измѣненіе неударяемаго *e* (какъ древяго, такъ и образовавшася изъ *ъ*, *ь*, вообще *e* не перешедшаго въ *o*, *ѣ*) послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и* или звукъ близкій къ *и*; 2) измѣненіе неударяемаго *a* послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и*, *e* или въ звуки близкіе къ *и*, *e*: 1) московск. мичѣя (=иеня), нидѣля (=недѣля), дмилѣть (=дмѣлѣть), ищѣ (=еще), цѣдѣть (=цѣдѣть), на мѣсти (=на мѣстѣ) и т. п.; 2) московск. пмтьѣ (=пмтью), јивить (=јавить), шмгѣть, пмгѣть (=шмгѣть). Акающіе говоры представляютъ здѣсь значительное разнообразіе: въ однихъ, слабо акающихъ,—какъ въ московскомъ—эти явленія широко распространены; въ другихъ, сильно акающихъ,—извѣстно лишь первое изъ нихъ; такимъ образомъ эти говоры ограничиваются измѣненіемъ неударяемаго *e* въ *и*, и то только передъ мягкими согласными (здѣсь: мичѣ, род. јед., нидѣля, но: ямѣ, пмтьѣ, јавить, шмгѣть и т. п.). Памятники, имѣющіе *a* вмѣсто *o*, обыкновенно имѣють и *e* вмѣсто *a*: надпись на монетахъ кн. Андрея Можайскаго конца XIV в.: печать кнежа (=княжѣ); Ев. 1354 г.: видѣща 50; Ев. 1393 г.: истезающемася 2 об., не истезаи 85, истезаю 106, іерусалимленѣ

14 об., плесасте 38, прозებაють 66 об., гражене 107 об., кладезь 117; Палея 1406 г.: кладезю 73; указанный договоръ 1478 г.: рижене, о чесехъ; коломенскій Прологъ 1481 г. Публ. Библ.: почета (=початá), запись; Четья 1489 г.: светого 11, память 255 об., колодези 212 об., везати 229 и др.; Ев. 1527 г.: девети 40 об., по пѣнезу 44 об., пѣнезь 49 об. и т. п.; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: мыслеть, загледають, пенезей и т. п.; зап.-русское печатное Ев. Тяпинскаго XVI в.: мовечи, хотечи, мекина, предуть (=пряд—), ермо (=ярмó), береме, знаме и др.; Литовскій Статутъ 1588 г. Съ другой стороны въ тѣхъ же памятникахъ появляется и вмѣсто е (и наоборотъ); Ев. 1339 г.: Моисѣи на-нь же вы уповаите 6, аще чудесь не видите, не имати вѣры яти 10 об., радости вашия 176 об., губу наполнину от(а) 185, въ пишимыхъ книгахъ 208; Ев. 1354 г.: дондиже (постоянно), ащи 133, и доселѣ ни имать быти 154 об.; духовная Дмитрія Донского: стариший путь, старишего, старишему (удареніе повидимому, на а), Скирменовское, Гуслеца (названія сель; срв. въ духовной Ив. Калиты: Скирминовское, Гуслиця, гдѣ и, по всей вѣроятности, неударяемое); Паремейникъ 1378 г.: аще не послушаите мене, оружье вы поясть 8 об., бесѣдуть 33, вся земля (род.) 45, 55, 55 об., 74 об., отъ земля наша 78 об., взицить (3 л. ед.) 66 об., видѣхомъ и съвидѣтельствуимъ 120 об.; Служебникъ преп. Сергія XIV в.: сирафимомъ 5 об. (при серафимъ 18 об. и др.), хирувими 33,—ъ 5 об., хировимъ 49 (при хировимомъ 5 об. и др.), псмяни градъ в немже жительствуимъ 38 об., ниспослить (съ ó ?) намъ благодать 39 об., мою смерть възвѣщаете, мое воскресение исповѣдаите 60 об., о игумени отъци нашемъ 23; рядомъ: невидъмый 40 об.,—ме (зв.) 56; Ев. 1393 г.: глаголиши 2,—лится 3 об., да вы чюдитися 7, ѡгда възнесете сына тгда разумѣте 15 об., родітила 21, одиржими 30, в змлли 60, Якова Зивидѣова 34, съ Зивидѣомъ 34, —я 61 об.,—ова 82, въ попели 38 об.; рядомъ: из винограда 110 об. (это Ев. имѣеть также и вмѣсто я и наоборотъ: всѣхъ галилѣинъ 101 об., кто ѣсть ударявыи тя 132 об.); Ев. 1399 г.: вы не вѣсте ни помышляите 16, горе вамъ яко възрыдаите и възспачетеса 68; Палея 1406 г.: повешини 19, зижить 29, поглаголитъ 63; духовная в. кн. Василя Дмитріевича: по матери моеи животѣ; полоцкій договоръ 1478 г.: тяглицовъ (имен. ед. тяглець); Четья 1489 г.: клинися 5 об., мертвица 35, лестицемъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія въ XV—XVI вв. имѣли уже значительныя размѣры, близкіе къ размѣрамъ современнаго аканья.

Должно имѣть въ виду, что существованіе аканья засвидѣтельствовано памятниками также для Пскова XIV—XVI в. (псковской Измарагдъ 1500 г. гр. Уваровыхъ: великаго Новограда, при Александрѣ Владимировичъ, запись, и др.) и что кievскій говоръ первой половины XVI в. также есть основаніе считать акающимъ. Во всякомъ случаѣ въ Помянникѣ Кіево-Печерской Лавры этого времени, состоящемъ почти изъ однихъ собственныхъ именъ, мы читаемъ: Анисифоръ, Анисимъ (при Он-), Анофрей (при Он-), Ализаръ, Алиферій, Аксинія (при Окс-), Фатіанъ, Радивонъ, Оликіа (при Алексѣй), Силиванъ, пани Нимила, Елинархъ (при Илин-), рядомъ съ другими яркими слѣдами южно-великорусской фонетики.

Въ XIV и XV вв. нашъ сѣверъ вообще и Москва въ частности уже имѣли опредѣленную ореографію. Аканье оказалось не въ состояніи ее поколебать. Вслѣдствіе этого при помощи нашего правописанія можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить, гдѣ въ древнее время произносилось *o*, *e*, *a*. Однако не всегда. Въ нашу ореографію, при всей ея вѣрности преданію, вкралось не мало ошибокъ, особенно въ тѣхъ словахъ, которыя болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались въ старомъ литературномъ языкѣ.

Мы употребляемъ теперь *a* вм. *o* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка: въ словахъ съ префиксомъ *раз-*, въ словахъ *расту*, *растеніе* (вмѣсто *росту*, *ростеніе*), *работа*, *ракита*, *заря* (последнее слово въ церковно-славянскомъ языкѣ звучало не только *заря*, но и *зоря*; сравни польск. *zorga*, чешск. *zoře*, соврем. сѣв.-великор. *зоря*, южно-великорусск. *зѳрю*, вин. ед., *зѳри*, *зѳренька*, малорусск. *зоря*), въ формахъ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *аю*, *яю*, вм. *ою*, *ею*; здѣсь наше аканье не только не внесло въ нашу ореографію ничего новаго, но и способствовало утверженію старыхъ церковно-славянскихъ написаній. Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія не оправдываемыхъ написаній, именно въ словахъ: *калачъ* вм. *колачъ*, при сѣв.-великор. *колачъ* (Домострой: *колачи*; расходная книга Никона 1652 г.: *колачи*); срв. чешск. *koláč*, сербск. *колач*; *касатка* вм. *косатка* (срв. *коса* и т. п.);

Барсукъ, при др.-русск. борсукъ, срв. польск. borsuk; лапта (название дѣтской игры), срв. чешско-словацк. и хорватск. lopta; стаканъ, срв. др.-русск. достоканъ (духовная вел. кн. Ивана Ив.), стоканъ, сѣв.-великор. стоканъ (о изъ ъ); завтракъ, завтракать, срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп. 128, 149, въ Словѣ о полку иг. и въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ 192: заутрокъ, заутрожать, польск. zajutrek (е изъ ъ), род. пад. zajutrka; карманъ, срв. древне-русск. собственное имя Корманъ въ грамотѣ 1541 г., въ 1-й Псковской лѣтописи и въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей, а также южно-русск. мѣстное название въ актѣ 1424 г.: in villa Cormanice in Premisliensi districtu (Akta gr. i ziemskie, VII, 65), словацкую фамилию Krman, польск. областн. korman покрывка для платья отъ дождя (Rozprawy Akad. Krakowsk., VII), великор. областн. корма мотня у невода; крапива, срв. кропива въ Прологѣ XIII—XIV в. Тип. Библ. № 372, л. 13, въ Домостроѣ 120, Кропивна въ духовной Дмитрія Донского, укропъ и т. п.; тараторить; тароватый; паромъ, срв. чешск. rham; качанъ, срв. кочень; бразда вожжа («бразды правленія»), срв. ц.-слав. бръзда, въ Прологѣ Погодина Публ. Библ. № 59, XIV в.: брозды въ уста вложеше; здѣсь а явилось очень рано (браздами и уздою, Псалтырь 1296 г.), вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого слова со словомъ бразда = борозда; названія: Вазуза, Масальскъ, Кашира и т. п., срв. въ Новгородской лѣтописи: Вазуза 167, Масальскъ 229, въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: Кошира; собственные имена: Алѣна, Авдотья, Алфѣръ и т. п., срв. въ памятникахъ до XVII в. (постоянно): Олена, Овдотья и т. п.; фамиліи: Анучинъ, Апухтинъ, Ахлѣстышевъ и т. п. Слово баранъ имѣеть древнее а, точно также какъ боранъ (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣеть древнее о.

Рядомъ съ а на мѣстѣ о, мы находимъ также о на мѣстѣ а, несогласное съ древнимъ произношеніемъ, въ словахъ: ласковъ, срв. церк.-слав., др.-русск. и малорусск. ласкавъ; Житіе Нифонта 1219 г.: ласкавымъ 121; Апостоль 1220 г.: ласкавую 15; но уже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: ласковъ 444, и въ Паремейникѣ 1378 г.: ласковыи 64; оводъ, срв. въ Житіи Θεодосія Печерскаго XII в.: оваду и комаромъ, овада и комара 11, польск. owad.

Буква е вмѣсто я (а) пишется теперь между прочимъ въ словахъ:

тетива, срв. ц.-слав. татива, въ Амартолѣ XIV в.: тятивы 120 об., въ южно-русс. печатн. Столпѣ цнотѣ 1658 г.: тятива, современн.-великор. (олонецк.) тятива, польск. *cięsiwa*; ястребъ (ястребъ,—а въ Толкованіи на кн. Іова 1394 г. Син. Библ., л. 81; современн.-великор. ястрѣбъ), срв. въ Златоструѣ XII в.: о ястрябѣхъ, въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ястрябъ 21, въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: ястрябъ 25 об., въ Лѣствицѣ 1334 г.: ястрябля вида 136 об., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ястрябомъ 437, ср.-болг. ястрабъ, польск. *jastrząb*; десна́, откуда им. мн. дѣсны, род. мн. дѣсенъ; срв. въ рукописи XIV в. Публ. Библ. Ф. I. н. 42: нивзора, ни дяснѣ 107 об., въ Погодинскомъ сб. XV в. № 852: дясны 232; ст.-чешск. *dásna* (Святovitск. сборн. 313), *dáseň* (а изъ а), ст.-польск. *dziąsna*, *dziąsła*; ремесло, откуда ремѣсла, ремѣсленный; срв. въ сѣв.-великор. грамотѣ 1650 г.: ремясло, ст.-польск. *rzemieślnik* (Шарошпатацк. Библия 147, 213 и др.); колодезный, колодезникъ, при колодець изъ колодезь, подъ влияніемъ словъ на *ецъ*; срв. ц.-сл. кладязь, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: колодязь 125, въ грамотѣ Свидригайла 1403 г.: отъ колодязя до колодязя, въ двинской закладной XIV—XV в.: колодязь; въ ячая, ячѣйка, срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ XIV в.: ячая 131; въ Воронежъ (названіе рѣки и города), срв. въ Академич. спискѣ лѣт. XV в. Вороняжъ (Лѣт. по Лавр. сп. 487); вѣроятно, въ петля и пѣтля; срв. ц.-сл. пѣто. Слово рясница пишется теперь съ буквою ѣ вмѣсто я; срв. ст.-русс. рясница (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. лит. II, 359), ст.-русс. фамилію Рясницинъ (грамота 1556 г. въ Доп. къ Акт. Ист. I. 76), польск. *rzęsna*.

Сверхъ этого, мы пишемъ *и* вмѣсто *е*, *ъ* въ свирѣпъ (постоянно съ *и* уже въ Палѣѣ 1406 г.), при ц.-слав. и др.-русс. свирѣпъ; въ мизинець, при др.-русс. мѣзинъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.: люде мѣзинни 359), малорусск. мѣзинець, сербск. мезимац, чешск. *mezínes*; въ свидѣтель, при ц.-слав. и др.-русс. сѣвѣдѣтель; въ снигирь, при чешск. *sněhula*, польск. *śnieguła*; въ вития, улизнуть, колѣни (съ *и* въ Мстижскомъ Ев. 125 об.), двѣсти и, вѣроятно, въ энклитикѣ *бишь* (срв. наше произношеніе неударяемаго *вѣдь*: *вить*), при др.-русс. бешю Жит. Саввы Освящ. XIII в., бехма Выголекс. сборникъ XII—XIII в., Ефремъ Сиринъ 1492 г., ц.-слав. бѣшижъ, бѣшижъ (Супрасл. рук), бѣхъма. Слова потчивать (=по-

чьщивати, основа та же, что въ чьстити, корень *чьт*; срв. утрачивать, отсвѣчивать и т. п.) и его производныя пишутся нами съ *и* правильно. Въ этомъ глаголѣ мы имѣемъ архаическое образование съ краткимъ гласнымъ (*ѳ*) въ корнѣ, однородное съ нашими выпѣхивать (*e* изъ *ѳ*; кор. *ньх*), расчосывать, вымѣтывать, вылѣтывать, затрогивать, др.-русскими подькопывати (Ев. 1383 г. 14, 14 об.), перекопывати (2-я Новгородск. лѣт. 104), вношивати (Сборникъ XVI в. Рум. Муз. № 2515, л. 183) и т. п. Древняя форма настоящаго времени этого глагола *потчиваю* употребляется великоруссами наравнѣ съ ея сокращеніемъ *потчю* (откуда *потчюю* подьвліяніемъ *тоскую* и т. п.): *потчивается* Григорій Богословъ XIV в. 142 об.; *потчиваху*, кн. Паралипоменонъ въ переводѣ съ лат. Погод. № 84; *потчивай* сосѣдъ сосѣда, Пушкинъ; вынувши изъ кармана табакерку, ты *потчиваешь* дружелюбно; не угощай и не *потчивай* никого, Гоголь, Мертв. Души. Въ XVI, XVII и XVIII вв. она употреблялась почти исключительно: *потчиваетъ*, *потчиваютъ*, Домострой и свадебный чинъ при немъ XVII в. 117, 174, 181, 191 (рядомъ *потчивати* 103, 170); *подчиваетъ*, протоп. Аввакумъ (VIII, 6); *попотчиваю*, Аблесимовъ, Мельникъ (изд. Смирдина, 25), *попотчиваютъ*, Эминъ, Непостоянная фортуна 1763 г. (I, 17), Рабенерь, Сочиненія 1792 г. (I, 141), *потчивая*, Фильдингъ, Томасъ Юнесъ 1787 г. (I, 6); срв. сѣв.-великор. *потшюу*, изъ *потшюу*. Срв. сербск. глаголъ *доткивати*, настоящ. *доткивам*, оканчивать тканье, образованный тождественно съ *потчивать* (корень *тэк*).

Благодаря аканью, въ акающихъ говорахъ вообще и въ сильно акающихъ въ частности явилось значительное число случаевъ чередованія *a* безъ ударенія (изъ *o*) и *o* съ удареніемъ: *акно*—*о́кны*, *сяло*—*се́лы*, *вада*—*во́ды*, *мятла*—*ме́тлы*. Они повели къ возникновенію въ нѣкоторыхъ словахъ *o* на мѣстѣ ударяемаго *a* и къ образованію чередованія стараго *a* безъ ударенія съ новымъ *o* съ удареніемъ: великор. *кайма́*—*коймы́*, *пальто́*—*польты́*, *дясна́*—*дѣсны́*, бѣлор. *крѣсонька* при *краса́*, *штѣоники* при *штаны́* и т. п. Въ формѣ *кѣтитъ* (отъ *качу*, *катить*)—*o* болѣе или менѣе древне; срв. малорусск. *котити*, чешск. *kotiti*, польск. *kocić się*, *rokotem*; то же, кажется, можно сказать объ *o* въ *плѣтитъ* (рядомъ: *плáтитъ*), въ *сѣдитъ* (рядомъ: *сáдитъ*), *брѣнитъ* (отъ *бранѣтъ*), *дѣритъ* (отъ *дарѣтъ*) и т. п., слышимомъ въ великорусскихъ какъ акающихъ, такъ и

окающихъ говорахъ и извѣстномъ въ говорахъ бѣлорусскихъ; срв. древнія чередованія *a* и *o* въ ц.-слав. скачетъ и въскочить и т. п., *ъ* и *e* въ ц.-сл. лъжетъ и лежитъ и т. п.

Къ явленіямъ такъ называемаго *аканья* не слѣдуетъ относить *e* въ словѣ лебедь. Это слово является съ *e* въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.; въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи оно звучитъ лебідь и лебедь, рядомъ съ лебідка, лебюдка; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ лебѣдушка, лебѣдка, гдѣ *ѣ* = *o* указываетъ на древнее *e*. Такимъ образомъ *e* въ лебедь нужно считать древнимъ и если и происшедшимъ изъ *a*, то все таки не имѣющимъ связи съ *аканьемъ* и образовавшимся много раньше появленія *аканья*. Слово лебедь родственно съ польскимъ *łabędź*, чешск. *labut'*, сербск. *лабуд* (*e* и *y* изъ *ж*); въ нашемъ лебяжій я восходитъ къ *л*. Кромѣ этого слова, въ великорусскихъ говорахъ, какъ *аканющихъ*, такъ и *окающихъ*, есть нѣсколько глагольных формъ, въ которыхъ, вмѣсто ожидаемаго *a*, мы имѣемъ *e* и *o* подъ удареніемъ; эти формы—запречь, запрѣтъ, при запряжка и т. п., и трѣсь, при тряска и т. п. Находящаяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ форма *запрюогъ* (при запрягу) имѣетъ дифтонгъ *yo*, который указываетъ на древнее *e*; при великор. трѣсь существуетъ малорусское украинск. *трїсь*, волынск. *трусось* (при трясу), гдѣ *ї*, *yo* происходятъ также изъ болѣе древняго *e*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ звукъ *e* не можетъ быть поставленъ въ связь съ *аканьемъ*. Вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со старымъ явленіемъ, возникшимъ благодаря вліянію такихъ глагольных формъ, какъ лягу—лѣтъ (древнее *лгдль*), лечь, саду—сѣлъ, въ которыхъ чередуются *a* и *e*.

Великорусскіе *окающіе* говоры, какъ мы видѣли, имѣютъ болѣе или менѣе часто *и* вмѣсто неударяемаго *e*, какого бы происхожденія это *e* ни было. Великорусскіе *окающіе* говоры, повидимому не всѣ, но многіе, знаютъ это употребленіе *и* вмѣсто *e* въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными. Памятники XIV в. имѣютъ *и* вмѣсто *e* рѣдко; новгородское Ев. 1355 г.: *бе-щисти* (=безъ чести) 51 об., новгородскій Тактиконъ 1397 г.: *въздиржаніе* 17 (рядомъ: *воздържанія*), *бесчистья* 103 об.; новгородскій Требникъ гр. Шереметева XIV в.: въ *тирпинии* 40, *октинья* (=ектенія) 118 об., -*ия* 121, *предътица* (род.) 40, *твориць* 68 об., *растоциная* 75, *прегрешинья*

118, в. бещисти 139 об.; грамота повгор. посадника въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Ортимью, съ Ортимьюю (то же лицо въ грамотѣ новгор. архіепископа въ Ригу 1418—1420 г. именуется: Ортѣмья); сѣверно-великорусскій Погодинскій сб. нач. XV в. № 872: испирва 228, тырпя 231 об., тырпяхъ 236, до двирии 233 об., двири (род. ед.) 233 об. (дважды), родитилема моима 231 об.; псковской Прологъ 1383 г.: створиниѣ; псковское Лукино Ев. 1409 г.: тритья (род.). Лишь часть приведенныхъ дачныхъ имѣть *и* на мѣстѣ *е* несомнѣнно безъ ударенія; въ прочихъ возможно или необходимо видѣть *и* съ удареніемъ. Это послѣднее *и*, вмѣстѣ съ спорадическимъ *и* въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: щиль (=щель), динь (=день), двирь, либедь и т. п., можетъ быть легко объяснено въ связи съ *и* вмѣсто *е* безъ ударенія. Напримѣръ, *и* въ чисть, двирь могло явиться на мѣстѣ *е* съ удареніемъ подѣ влияніемъ *и* въ чистьной (=честной), двири (=двери, род.-дат. ед.). Но необходимо имѣть въ виду, что новгородскіе, псковскіе и вообще сѣверно-русскіе памятники XIV и слѣдующихъ столѣтій, имѣющіе *и* вмѣсто *ь*, обыкновенно имѣютъ спорадически и *ь* вмѣсто *и* и въ значеніи *и*: *сьла*=сила и т. п. Отсюда возможность, у маловнимательныхъ писцовъ, случаевъ употребленія какъ *и* вмѣсто графическаго *ь*, на мѣстѣ *е*: творидь вмѣсто творѣць=творецъ, такъ и *е* вмѣсто графическаго *ь*, на мѣстѣ *и*: кадельница вмѣсто кадѣльница=кадильница. Срв. въ Трїоді 1311 г.: кадельницу 71 об.; въ Прологъ 1356 г.: пресный другъ 84 об.; въ Прологъ 1383 г.: друженою. Такъ какъ рукописи новгородскаго происхожденія въ XIII—XV вв. обращались въ средней Россіи и здѣсь переписывались, то 1) *и* на мѣстѣ *е* и 2) *ь* и *е* на мѣстѣ *и*, явившіяся графически въ нѣкоторыхъ не народныхъ словахъ, перешли въ памятники средне-русскіе вообще и московскіе въ частности и вмѣстѣ — въ средне-русское произношеніе этихъ словъ. Коломенская Палея 1406 г. имѣть: апрѣль 12 (срв. соврем. великор. апрѣль), кумѣрь 62 и др.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: друженою 150, 219; Кіевскій Помянникъ первой половины XVI в. (о которомъ см. стр. 18): Евгинія (срв. въ Ипатск. сп. лѣт. Офросьня 422; срв. также соврем. южно-великор. Алгінья), Огрофьна, — ена (при Огрофина; срв. соврем. южно-великор. Аграфѣна, малор. Горпїна=Агрипина), Окулена.

Переходъ е въ а. Въ части галицко-волинскаго говора перешло въ а то е, которое звучало послѣ j въ формахъ им.-вин. ед. средн. рода: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: умноженья, курьглашѣнья; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: куроглашенья; Житіе Саввы Освящ.: ослушания наше створи 87 об. (здѣсь еще: Софроньяву чадъ 122); Ев. Верковича XIV в.: умножения 48; Слова Ефрема Сирина 1492 г.: весѣлья; Пересопницкое Ев. 1561 г.: то есть выображеня и написаня, выпло выреченя, нападеня (часто). Оно сохраняется во многихъ малорусскихъ говорахъ и въ настоящее время: каміння, насіння, зілля, весілля и т. п. (—ння, —ля изъ —нья, —ля).

Обще-русское е изъ древняго е и изъ ѣ и сѣверно-русское е изъ ѣ, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—подвести которые подъ общіе законы мы не можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ а, или даже отождествилось съ а. Псковскіе памятники XIV—XV вв. имѣютъ уже значительное количество случаевъ употребленія буквъ е и я на мѣстѣ е, ѣ: Апостолъ 1309—1312 г.: сѣтѣся въ нечестія; Параклитикъ 1369 г.: при посадницѣ при Костромѣ, поите испраливающа (запись), прославихъ твоя божество (почти несомнѣнно: твоѣ), всемирноя слово, на покаяннѣ, солнца омрачашеся, в пучинѣ, въ чревя, въ вратяхъ, лютя, агняца, колясницами; Прологъ 1383 г.: пришьствѣя Христова, оружіе своя, дѣтища сыи, повѣдаша старецъ, срѣтя, идя (аор.), покаяннѣмъ, учителямъ (твор. ед.), на мѣстѣя; Лукино Ев. 1409 г.: имя моя, сердца ваше, юща далеча, ястя (2 л. мн.) и др.; Трефолой 1446 г.: довлѣеть 6 об., ангелы собирающа вся языки 66 об., господне пришествѣя 152 об.; приписка 1468 г. въ Стихирарѣ 1422 г.: въ обитель на Завелицѣя; Палея 1494 г.: при великомъ князи царя (почти несомнѣнно: царѣ) всея Русі, запись. Время перехода псковскаго е въ а мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно; но несомнѣнно, онъ начался задолго до XIV в., въ то время, когда еще не успѣло развиться о изъ е, и въ XIV в. былъ уже законченъ.—Необходимо имѣть въ виду, что псковской говоръ въ XIV—XV вв. былъ акающимъ (см. выше) и что многіе изъ приведенныхъ случаевъ употребленія а, я на мѣстѣ ѣ, е вполне объясняются аканьемъ.

Великорусскіе говоры, можетъ быть, потому что въ нихъ широко распространился переходъ *e* въ *o*, не знаютъ перехода ударяемаго *e* въ *a*, а переходъ неударяемаго *e* произошелъ въ нихъ чрезъ посредство *o* и не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія къ выше указанному явленію псковскаго говора. Звукъ *a* въ формахъ сравнительной степени: Евангеліе 1357 г., написанное въ сѣв. Галичѣ: легчая будетъ 33, дважды; Ев. 1358 г., написанное, кажется, въ московской области: лжѣя ѳему бысть 11 об.; Ев. 1393 г., написанное тамъ же: легчая будетъ 70 об.; Ев. 1399 г., написанное, вѣроятно, тамъ же: легчая будетъ 33, 59; Домострой по сп. XVI в.: множая 76, крѣпчая 124; письма Петра Великаго: скорая; современн. великорусск. крѣпчая, сильная, красная, сильнѣя, краснѣя,—едва ли не есть результатъ ассимиляціи конечнаго *e* съ предшествующимъ *a* (легчая) и послѣдовавшаго затѣмъ дѣйствія аналогіи (лжѣя); срв. сѣв.-великорусск. дѣлать, играть изъ дѣлаеть, играетъ чрезъ посредство дѣлаать, играать.—Звукъ *a* въ великорусско-бѣлорусск. кромѣ, окромѣ (Ев. Типинскаго: кромѣ жон'), въ великорусскомъ опослѣ и въ великор.-бѣлорусск. нельзя (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: нѣлзя 439, нелзя 461; въ зап.-русск. Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: нелзя 154 об.; въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. нѣсколько разъ: нелзя), при крѣмь, пѣслъ, древне-русск. нѣлзъ (Святославовъ Сб. 1073 г. 6, 130; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 188. и др.),—неясень по образованію; срв. съ кромѣ—польск. *kromia*, моравск. *kroma*, съ опослѣ—малорусск. після, съ нельзя—старую форму имен. ед. лзя: Пандекты Антіоха XI в.: каѣ лзя естъ 87 об.; ст.-сербск. не бо ѳ лзя извѣщати, не бѣ лзя жити (словарь Миклошича); ст.-польск. *pieiza* (*Zywot Jozefa*, Рея; *Proteus* 1564 г. и др.); современн. словацк. *lza*, моравск. *jza*—*lza* (Bartoš); срв. окончанія въ ц.-сл. трѣбъ и въ пол.-чешск. трѣба; срв. наконецъ др. русск. нельга—нелзя (Новгородск. лѣт. XIV в.: нелга 24); но въ всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы онъ произошелъ изъ *ъ*.—Формы съ ударяемымъ *a* въ родѣ великорусскихъ сѣмянъ, времяпъ, племянникъ, стреманный, безъимянный (Пушкинъ) обязаны своимъ *a* вліянію формъ им.-вин. на *мя*: сѣмя, время и т. п. Срв. въ новгородскихъ Праздникахъ XII—XIII в. (Тип. Б. № 330): пламянныя стрѣлы 44 об.; въ Ев. 1354 г.: знямянни сахъ 4 об., знамянъ 6 об., 2, знамяна (аор.) 11 и т. п.; въ Ев. 1357 г.: зна-

мянья 123 об., знамянавше 58, 151 об. и др.; въ Ев. 1393 г.: сѣмянь 44, 66 об., сѣмяни 90, времени 101, 126 и др.; въ Ев. 1399 г.: времена 24 об.; въ Лаврентьевскомъ сп.: по времяяѣхъ, времяяныхъ, пламяя, знамяня, имяна, племяни и т. п. Др.-русск. докола (грамота литовскихъ князей 1350 г.), соврем. малор. відкіля имѣють *a* заимствованное изъ формъ род. ед. муж. р. Сравни въ средне-болг. вставкѣ въ Зографскомъ Ев.: отътола 24; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: докола 6 об.

Впрочемъ нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ въ настоящее время начинаютъ склоняться къ произношенію неударяемаго *e* послѣ шипящихъ близко къ *a* или какъ *a*: жанихъ и т. п. (при жонѣ).

Переходъ *a* въ *e*. Звукъ *a* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился послѣ твердыхъ согласныхъ и имѣлъ на себѣ удареніе, сохранился безъ измѣненія во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ остался попрежнему открытымъ звукомъ. Не то было съ *a* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*, какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: оно во многихъ случаяхъ ассимилировалось съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и перешло въ *e*.

Псковскіе памятники XIV и XV вв., имѣющіе нерѣдко *a* вмѣсто *e*, имѣють также рядъ случаевъ употребленія *e* вмѣсто *a*, показывающихъ, что *e* вм. *a* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено. Мы читаемъ въ Параклитикѣ 1369 г.: твоего хвалениѣ, страшнаго помышлениѣ, из истлѣниѣ, яного прибѣжище, ѣдинаго законодавѣце (род. ед.), провѣщель, мѣдвенюю, клятва прибабня; въ Прологѣ 1383 г.: отъ смѣрениѣ, отъ святилице, многа исправлениѣ, своя дѣяниѣ (им.-вин. мн.), стариць (им: ед.), въ стѣльници; въ Параклитикѣ 1386 г.: въпиѣше, кровью излиѣною, смереся, потресеся; въ Трефолоѣ 1446 г.: из истлѣниѣ 113 об., цвѣте (зв.) не увѣдающеи 93 об., доконяе (причаст.) 101 об. и др. Приведенные примѣры показываютъ, что псковское *e* изъ *a* слышалось обыкновенно (по не всегда) или въ концѣ словъ, или въ срединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *a* въ *e*, не можетъ быть нами опредѣлено за неимѣніемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV в.

Старый новгородскій говоръ, повидимому, также зналъ этотъ

переходъ. Данныя старшихъ новгородскихъ памятниковъ: Миней 1095 г.: въѣдая 201, суграженинъ 222; Миней 1097 г.: дивѣщеса 380; Путятина Миней XI в.: большцимъ 98; Стихирарь Академіи Наукъ XII в.: учещую, могли бы указывать на глубокую древность новгородскаго *e* изъ *a*, если бы ихъ можно было считать достовѣрными, т. е. не ошибками и не описками. Данныя новгородскихъ памятниковъ послѣдующаго времени: Трефолой 1260 г.: святого Георгиѣ; Кормчая ок. 1282 г.: освящеѣтъ 462 об.; Ев. до 1362 г.: Ѹмилиѣна 160; Новгородская лѣтопись: до Днѣпръ 197 (сравни. отъ Днѣпря 198, Днѣпрю 158); Ев. XII—XIV в. Публ. Библ. (F. 17): знамениѣ велика (мн.) 42, имѣя притяженія многа 45; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: печаль приѣтъ мя 87, просвѣщеѣтъ 98,—въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ современныхъ потомкахъ стараго новгородскаго говора, и также не внушаютъ довѣрія; только притяженія, освящеѣтъ могутъ передавать особенность живаго языка и указывать на существованіе въ немъ *e* изъ *a*.

Нынѣшніе сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, почти всѣ знаютъ и послѣдовательное употребленіе *e* изъ *a*, въ слогахъ какъ неударяемыхъ, такъ и ударяемыхъ, почти исключительно при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ: петь=пять (но пятой), потерели (но потерялъ), грезъ, печель, хозеинъ. Чередованіе *e* и *a* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ и словахъ (петь и пятой, потерели и потерялъ) повело въ этихъ говорахъ къ появленію *a* на мѣстѣ *e* (*ъ*) въ словахъ въ родѣ развѣртывать, расплѣтывать, прясной, помялышко, по преимуществу въ слогѣ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ.

Нынѣшніе южно-великорусскіе говоры, болѣе или менѣе сильно акающіе, равно какъ и близкіе къ нимъ говоры бѣлорусскіе, знаютъ однородное употребленіе *e* изъ *a*, но не послѣдовательное, а спорадическое, болѣе или менѣе рѣдкое: апѣтъ, глѣдя (глядя), румѣнитъса, пакаѣніе (=покаяніе) и т. п. Срв. въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: непреетелю 206; въ зап.-русск. Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г.: неприятеля 177 об.

Сверхъ великорусскихъ говоровъ, мягкое *e*, или *e*, изъ *a* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* извѣстно въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ: галицк. тежко, жель, им. ед. шабле, род. коне

(отсюда кое-гдѣ *i*: *жіль*, *жѣти*, *чѣсто*=*жалъ*, *жати*, *часто*; сравни въ *Виршахъ* *Кассіана Саковича*, напечатанныхъ въ *Кіевѣ* въ 1622 г.: *молчѣня*=*молчанье*). Здѣсь оно является какъ безъ ударенія, такъ и подъ удареніемъ, безразлично въ слогахъ съ послѣдующими мягкими и въ слогахъ съ послѣдующими твердыми согласными. Время появленія этого *e* мы не въ состояніи опредѣлить; всѣ данныя галицко-волинскихъ памятниковъ, начиная съ *Добрилова Ев.* 1164 г., которыя имѣютъ *e* вмѣсто *a*, не внушаютъ довѣрія.

Ассимиляція гласныхъ. Мы уже упомянули (стр. 87) объ ассимиляціи *e* съ предыдущимъ *a* въ сѣверно-великор. формахъ сравнит. степени *крѣпчаля*, *сильная*; она здѣсь произошла несмотря на нахожденіе между ассимилировавшимися гласными *j*. Однородные спорадическіе случаи ассимиляціи гласныхъ двухъ сосѣднихъ слоговъ слова извѣстны въ русскомъ языкѣ издревле. Уже древнѣйшіе рускіе памятники знаютъ *скърѣбь*, *скърѣбь*, *скърѣбь* (*e* изъ *ѣ*), рядомъ съ *скърѣбь* (=ц.-слав. *скръбь*); *мѣдлити*, *медлити*, *мѣдльнъ* (*Юрьевск. Ев.* XII в. 2 об.; обще-слав. *мѣдль-*; срв. въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. *мѣдчаніе*, изъ *мѣдчаніе*, *замедленіе*); *тѣнъкъ* (*Святослав. Сборн.* 1073 г. 149 об., 150; *Учител. Ев. Константина Болгарскаго* XII в. 242 об., *Житіе Нифонта* 1219 г. 43 об. и др.; ц.-слав. *тѣнъкъ*, ср.-болг. *тенокъ*, польск. *ścienki*); *зѣлоба* (*Святослав. Сборн.* 1073 г. 94, 105, 113 и др.), рядомъ съ *зѣлоба*, обще-слав. *зѣлоба*; *телесе*, -и, -а и т. д., *телесѣнъ* и т. п., при *тѣло* (ц.-слав. *тѣлесе* и т. д.); *делесе*, -и и т. д., при *дѣло* (ц.-сл. *дѣлесе* и т. д.); *бѣсѣда*, -овати (*Святослав. Сборн.* 1076 г., *Архангел. Ев.* 1092 г., *Юрьевск. Ев.* XII в., *Триодъ Моисея кіевлянина* и др.; обще-слав. *бѣсѣда*); *гратаць* (*Лѣствица* XII в. *Рум. Муз.*, гал.-волинск. *Часословъ* XIV в. *Публ. Библ.*), рядомъ съ *грзтань*, обще-слав. *грзтань*; *чалядь*, -инъ *Ев.* 1393 г. 100 об., *Лаврентьевск. сп.* лѣт. 53, 48), рядомъ съ *челядь*.

Галицко-волинскіе памятники XIII—XIV вв. имѣютъ *багать*, *багатьство* (*Указатель ев. чтеній* XIII—XIV в. при *Галицк. Ев.* 1144 г.; *Триодъ* XIII в. *Сян. Б. Усп.* № 8); срв. современн. малор. *багáтий*, *гарáздъ*, *гарáчий* при сѣв.-великор. *богáтый*, *горáздо*, *горáчий*.

Средне-русскіе и западно-русскіе памятники XIV—XVII вв. (особенно московскія грамоты XVI—XVII вв.) имѣютъ *татрать* (между прочимъ въ записи зап.-русск. *Сборника* 1490 г. *Уваров.*

№ 613), при тетрять, Савастьянь (между прочимъ въ Прологѣ 1262 г. 97 об., въ надписи 1344 г. на переплетѣ Ев. XIV в. и въ духовной Дмитрія Донского), Гарасимъ, Ганадей, Маланья; срв. современн. отчасти великорусскія, отчасти обще-русскія имена Савастьянь, Гарасимъ и т. п.

Изъ другихъ случаевъ ассимиляціи гласныхъ стоитъ отмѣтить: обще-русск. *сидишь*, *сидѣть* и т. д., при др.-русск. *сѣзю*, *сѣдишь*, *сѣдѣть* и т. д., ц.-слав. *сѣзлж*, *сѣдиши*, *сѣдѣть* и т. д., неопр. *сѣдѣти*; изъ формъ, гдѣ послѣ ассимиляціи явилось два *и*, *и* послѣ с перешло въ формы 1 л. ед. и 3 л. мн., неопредѣл. накл., причастія и др., такъ что теперь слышится великор. *сѣзю*, *сѣдя* (*сидя* въ Паисіевомъ сборн. к. XIV в., л. 35), малор. *сѣзю*, *сидѣти*;—великор. *тепѣрь*, *тепѣре*, *тепѣре-ча*, малор. *тепѣра*, *тепрѣ*, бѣлор. *цепѣрь*, *рядомъ съ топѣрь*, *топѣре* и т. д., при ц.-слав. *топѣрьвое* (двѣ формы ср. р.; Поученія Кирилла Іерусал. XII в.: *видѣть сего топѣрьвое югоже видѣаше и прѣжде* 27), др.-русск. *топѣрьво*, *топѣрво* (Чудовск. Нов. Завѣтъ 15, Лаврентьевск. сп. лѣт. 119, Ипатск. сп. лѣт. 199, 380 и др.), откуда, по отпаденіи конечнаго *о* и конечнаго *е*, съ одной стороны—*топѣрьвъ*, *топѣрь*, *топѣревъ*, *топѣре*, съ другой, послѣ ассимиляціи *о* съ *е*,—*тепѣрьво*, *тепѣрь* и т. д.;—обще-русск. *цоловатѣ*, откуда современн. сѣверно-великор. *цоловатѣ*, *цѣловатѣ*, *цолую* и т. д., малор. *цѣлуватѣ*, *рядомъ съ цѣлувати*, при ц.-слав. и др.-русск. *цѣловати*; формы съ *о* появляются въ памятникахъ XIV в. (полоцкая грамота 1399 г.) и обычны въ грамотахъ XVI в. (грамота 1547 г.: *цолую*, *-ешь*, *-овавъ*, *цоловалники*; грамота 1568 г.: *цолованью*; Акты Юридич. 51, 294);—великор. *ребѣнокъ*, *рядомъ съ робѣнокъ*, при др.-русск. *робъ*, *роба*, *робенъкъ*; срв. старо-польск. *robionek* (Шарошпатацк. Библия 150).

Ассимиляція гласныхъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что при нахожденіи въ двухъ сосѣднихъ слогахъ слова болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу гласныхъ, одинъ изъ этихъ гласныхъ отождествляется съ другимъ. Обыкновенно болѣе сильнымъ гласнымъ является второй; повидимому, всегда болѣе слабый гласный бываетъ безъ ударенія.

Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ. Кромѣ глухихъ *з* и *ъ*, ослабли и потомъ исчезли изъ произношенія также другіе гласные, неударяемые.

Изъ *начальныхъ* гласныхъ подвергся послѣдовательному отпаденію въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ неударяемый звукъ *и*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, по преимуществу передъ одиночными согласными или легкими для произношенія группами согласныхъ. Несомнѣнно, сначала *и* составляющее слогъ перешло въ *и* не составляющее слога, а потомъ исчезло (срв. ниже переходъ *у* составляющаго слогъ въ *у* не составляющее слога). Юго-западно-русскія и западно-русскія грамоты XIV и XV вв. уже часто имѣютъ *мѣти* вмѣсто *имѣти*, *мати* вмѣсто *имати*, *меновати* вм. именовати и *зѣ, сѣ* (*зо, со*) вмѣсто *изъ* (*изо*): грамота Свидригайла 1422 г.: служити мѣте; грамота Свидригайла 1472 г.: верху менованая мѣста, и т. п. Сверхъ того, можно указать на не мамъ царя, пия крови мью (*з=о*) мать живѣта, мьзды не мате, вѣру мѣте мнѣ въ Галицкомъ Ев. 1283 г. 111 об., 10, 61 об., 24; на нѣ мате= не имате въ галицко-волинскомъ. Бучацкомъ Ев. XIII в. 50 об., и на незмѣнному въ зап.-русской (вѣроятно) Псалтыри 1296 г. 108 об. Современные малорусскіе говоры имѣютъ *мати, маю, маешъ* и т. п. вмѣсто *имати, иміаю, ирати* вмѣсто *играти, ськати* (искать въ головѣ) вмѣсто *искати, іожа* вмѣсто *иголка, наче* вмѣсто *иначе* и др.; сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ слѣдъ отпавшаго начальнаго *и* въ *j*: *мати ѣ* синь (при *и*: отецъ *и* синь). Бѣлорусскіе говоры знаютъ отпаденіе начальнаго *и* въ общемъ въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ и малорусскіе говоры; великорусскимъ говорамъ, за исключеніемъ немногихъ смежныхъ съ бѣлорусскими, переходныхъ, это явленіе чуждо.

Такъ какъ предлогъ-префиксъ *изъ* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ сталъ употребляться въ однихъ случаяхъ безъ *и*, въ другихъ съ *и* и часто звучать одинаково съ предлогомъ-префиксомъ *сѣ*, то произошло полное смѣшеніе *изъ* и *сѣ*, т. е. употребленіе *изъ, зѣ* (*зо*) съ значеніемъ *сѣ*. Мы находимъ въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: другъ къ другу *истязашася* 121; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *иствори, ис* нимъ, не *исъблжнитися*; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: *тагатися ис* королеми, *поити ис* татары; въ галицкой грамотѣ 1371 г.: *божіемъ истворѣньемъ*, *торговля исталася*; въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *з* лѣсомъ, *з* лугами; современн. малорусск. *ісь* тобою, *ізняти* (=сняти) и т. п. Должно замѣтить, что въ галицкихъ грамотахъ XIV в. еще обычно древнее *сѣ* (*со*); такъ, въ грамотѣ 1366 г.: *со* всѣмъ, *с* колодяземъ, *с* мѣстичи.

Изъ другихъ гласныхъ отпали: начальное *e* (*je*) или *o* въ великор. *рябь*, *рябчикъ*, *рябина* и т. п., при малорусск. (галицк.) *орябокъ* (срв. ц.-слав. *ѣрабь*, польск. *jażębina* и др.) и въ малор. *ще*, при др.-русск. *ѣще*, *още*; начальное *o* въ великор. *ружьѣ* при др.-русск. *оружье* (еще у Кантемира и В. Майкова *ружье* употребляется въ значеніи оружіе вообще; печатн. Книга о ратномъ строеніи 1647 г.: *ружье*; московск. грамота 1676 г.: бердыши или иное какое *ружье*, Доп. къ Акт. Ист. VII, 71); начальное *у* въ *серязь*, *серьга*, при др.-русск. *усерязь* (Скорина: *выняль есмь серязи*, Бытіе, 42; печатн. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: по *златой серазе* 92; духовныя московск. вел. князей XIV в.: *серьга*).

Къ числу случаевъ отпаденія *конечныхъ* чистыхъ гласныхъ прежде всего нужно отнести отпаденіе *ь*, или, точнѣе, *e* образовавшагося изъ *ь*, въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ формахъ род. пад. ед. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій жепск. рода, т. е. въ формахъ въ родѣ *доброь* (собственно: *доброюь*), *синеь*, *тоь*, *вашеь*. Его результатомъ было образованіе формъ съ *j* на концѣ: *доброј*, *синеј*, *тој*, *вашеј*, которыя употребляются нами теперь; впрочемъ, формы на *ь* еще сохранились до настоящаго времени, особенно въ языкѣ пѣсень. Когда стали исчезать въ нихъ конечный *ь*, сказать трудно, такъ какъ въ старыхъ памятникахъ *j* передавался буквою *и*, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ *и*=*и* и гдѣ *и*=*j*. Старшій памятникъ, намъ извѣстный, гдѣ мы можемъ указать отсутствіе *ь*,—новгородское Евангеліе до 1362 г.: радости *ваше* никто же *взметъ* 125; здѣсь писецъ не сумѣлъ передать на письмѣ *j* и не означилъ его никакою буквою; новгородская грамота 1392 г.: *кущовъ се* сторонѣ поморья (рядомъ: *безо всякои хитрости*); полоцкая грамота 1465 г.: *ваше милости слуга*. Малорусскіе говоры сохранили здѣсь *i*, *e*=*ь*: *доброі*, *доброе*. Кромѣ формъ род. п., мы не находимъ конечнаго *ь* въ частицѣ *вѣдь*, нѣкогда бывшей формою 1-го л. ед. перфекта вѣдѣ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: то *вѣдь* яла вы *рота* 269. Эта форма употребляется въ значеніи *вѣдь* также въ церк.-славянской Супрасль-ской рукописи; срв. старо-чешск. *vědě*=*epim* (Виттембергская Псалтырь XIV в.: *csa vědě mně*=*quid epim*); съ остаткомъ древняго значенія *вѣдь* является въ современномъ нѣ *вѣдь* какой. Равнымъ образомъ отпалъ конечный *ь*—далеко не всегда—въ нарѣчійхъ *доколь*, *отколь*, *доселъ* и т. п., *сквозьь*; первое изъ нихъ безъ *ь* находится уже въ Новгородской лѣтописи: *доколь* 142.

Формы творит. п. ед. словъ женскаго рода и личныхъ и возвратнаго мѣстоименій во многихъ случаяхъ въ великорусскихъ говорахъ утратили конечное *y*, сохранивъ бывший передъ нимъ *j*: женой, доброй, изъ женою, доброю. Случай, гдѣ отсутствуетъ это *y*, встрѣченъ нами въ Житіи Нифонта 1219 г.: молитво и постъмь 66 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: Христовою сило вѣща 41 об.; въ Ев. XIII в. Публ. Библ. (F. I. п. 9): со мно ѡсте 11; въ Прологѣ 1356 г: он же третѣце пославъ бѣсы 32; въ Лаврент. сп. лѣт.: хочю имѣти миръ с тобо твердѣ 70; въ Прологѣ Син. Библ. XIV в. № 247: постомъ и молитво милостынею смѣрнемь 34; въ Паремейникѣ 1378 г.: приять милоть свою и удари ѡ въ воду 7 об. (срв.: простре Моисѣ руку 6); въ новгородской грамотѣ 1392 г.: за олекѣевои печатью; въ Служебникѣ препод. Сергія к. XIV в.: молитва надъ кутьеи 49 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: дворяпиномъ Матутои Мартынкомъ; въ коломенской Палеѣ 1406 г.: узюю тои держаться 5, съ Захарьеи 11; въ сѣв.-великорусск. сборн. Погодинскомъ нач. XV в. № 872: намерзоша телеса ихъ зимои 189; въ Прологѣ 1432 г.: съ озарьино чадю 151. Въ первыхъ и въ послѣднемъ примѣрахъ писцы не сумѣли изобразить *j*, оставшагося въ концѣ словъ по исчезновеніи *y*; въ остальныхъ примѣрахъ писцы передали *j*, по обычаю, черезъ *и*. Отпаденіе конечнаго *y* имѣло также мѣсто въ двухъ нарѣчійхъ: домою, долою, образовавшихся въ великорусскихъ говорахъ изъ древнихъ домовь (новгородская грам. 1189—1199 г. по сп. XIII в., смоленскій договоръ ок. 1230 г., новгородскій Прологъ 1262 г., Новгородская лѣт.), доловь (срв. малорусск. *domiъz*, *domiъzъ*, чешск. *domiъv*, *doliъv*) по образцу формъ творит. ед. и еще сохраняющихся въ живомъ употребленіи; литературный языкъ знаетъ лишь формы безъ *y*: домой, долой, появившіяся относительно поздно (грамота 1666 г.: домои, рядомъ съ домовь, Акты Юрид. 319). Кромѣ формъ твор. ед. и нарѣчій, отпаденіе *y* мы наблюдаемъ въ *нъ ту* = нѣсть ту; оно произошло не позже XIV в.: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: наряда въ неи нѣтъ; договоръ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: мира нѣтъ, войны нѣтъ; грамота кн. Андрея Полоцкаго до 1399 г.: нѣтъ. То же мы видимъ въ великорусскихъ формахъ 1-го л. ед. наст. вр. чаю (у Хемницера: я чаю, всякій знаетъ), благодарствую, пожалуй, которыя обыкновенно произносятся чай (у Крылова, гр. А. Тол-

стого и др.: я чай), благодарствуй, пожалуй (пожалуй, я это тебѣ сдѣлаю); но пожалуй-ста—2 л. повелит. накл.), и въ малорусской формѣ дат. ед. чому въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма употребляется какъ нарѣчіе, въ значеніи зачѣмъ; сравни съ малорусск. чомъ древне-русское чему, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *чему ты не казаше сыновъ своихъ* 269.

Отпаденіе конечнаго *e* мы видимъ часто въ формахъ сравнительной степени въ родѣ скорѣй, сильнѣй изъ скорѣе и т. д. и въ близкомъ къ нимъ нарѣчій развѣй изъ развѣе. Оно восходитъ къ XIV в. Ев. 1339 г.: не имамъ сдѣ вѣщи 5 хлѣбъ 96; грамота литовскихъ князей 1350 г.: не усчотеть миру далѣмъ держати; Ев. 1354 года: отраднѣи будетъ земли содомьстѣи неже граду тому 37 об., развѣи женъ 53 об., развѣи словеси 63; Ев. 1355 г.: земли содомьстѣи легчѣи будетъ неже тобѣ 34; Ев. 1358 г.: Туру и Сидону легчѣи будетъ 41, церкви болѣи ѣсть сдѣ 42, добрѣи бо ти ѣсть 55, да первѣи насытяться чада 79, что ѣсть удобѣи рещи 88 об., вдовица множаи всѣхъ вѣверже 132, ученикъ тече скорѣи Петра 219 и др. Буква *и* здѣсь означаетъ, безъ сомнѣнія, *j*. Малорусскіе говоры имѣють опущеніе *e* въ формахъ сравнит. ст. въ родѣ бѣльшѣ, бульшѣ, дальшѣ, скорішѣ=великор. больше, дальше, скорѣйше. Кромѣ указанныхъ формъ, конечное *e* отсутствуетъ теперь или всегда, или обыкновенно въ великор. лишь=др.-русск. лише (лише по пятидесять золотникъ Лаврент. сп. лѣт. 48, Ипатск. сп. лѣт. 30), авось=др.-русск. а вose (Ипатскій сп. лѣт.: Изяславу осе его Володимиръ готовъ 270; грамота ок. 1454 г.: а вose приставъ твои; Мейчикъ, 193), здѣсь=др.-русск. сдѣсе (грамота ок. 1461 г.: имешь жити здѣсе, Акты Археогр. Эксп. I, 51), ужъ=уже, въ обще-русск. жъ=же. По памятникамъ, отпаденіе здѣсь *e* относится къ XIII в.: договоръ Смоленска съ Ригю 1229 г.: аж бы (нѣсколько разъ); духовная новгородца Климента XIII в.: было ж бы ми чимъ заплавити; грамота литовскихъ князей 1350 г.: держати исполна жь, тую жь правду; Прологъ 1356 г.: бѣ бо ужь преставилься 7; Ев. до 1362 г.: ѣльма ж другъ ми приде 70. Нарѣчіе прочь, вѣроятно, во многихъ случаяхъ (но не всегда: малорусск. прічь, пол. оргоsz изъ древняго прочь) образовалась изъ проче: грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: пошли прочь, договоръ Полоцка съ Ригю ок. 1330 г.: отступи прочь, Новгородская лѣтопись: прочь 195, 209,

224, 230, рядомъ съ проче 239, 244, 261, 264, 319. Форма 3 л. ед. *дѣ* сначала утратила *e* и превратилась въ *дѣй*, а потомъ потеряла и *j*: *дѣ*, *де* (очень часто въ московскихъ документахъ XVII в.). Нагонецъ должно отмѣтить малорусскія формы 2 л. мн. повелит. н. въ родѣ *идѣте* = идѣте. Данныя галицко-волынскихъ памятниковъ XII—XIII вв.: въ путь не идѣтъ и въ градъ не въходите, отъ смокве научитесь притѣчи, Добрил. Ев. 1164 г. 249, 202, и т. п., не внушаютъ довѣрѣя (въ нихъ встрѣчается употребленіе *ъ* въ значеніи *o*, *ь* въ значеніи *e*); Памва Берында въ своемъ Лексиконѣ даетъ носѣтъ, любѣтъ. Мягкость въ этихъ формахъ *т* говорить за значительную древность отпаденія ихъ *e*.

Отпаденіе конечнаго *a*, обще-русское, мы видимъ въ мѣстоименномъ элементѣ *ся* въ возвратныхъ формахъ глаголовъ: *найтисъ*, *сдѣлалось*, *удалось* и т. п. Исчезновеніе здѣсь конечнаго гласнаго восходитъ къ XIV в.: новгородская грамота 1373 г.: *учинилось*, договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г.: *надеючесь*. Стоитъ отмѣтить еще великор. хотѣ изъ хотя и *пока́мѣстъ* изъ по ка мѣста (вин. мн.), малор. *засъ* прочь (древн. за *ся*; Радзивилловскій списокъ лѣт.: *идите за ся*—Лаврент. сп. лѣт.: опять 83).

Конечное *o* всегда или часто потеряно рядомъ нарѣчій и частицъ: *тутъ* (древн. и соврем. *туто*), *вотъ* (древн. *вото*, *ото*, малор. *ото*), *вонъ* (древн. *воно*, *оно*), *какъ*, *такъ* (древн. *како*, *тако*), *тамъ* (древн. и соврем. *тамо*), *камъ*, *сѣмъ* (древн. *камо*, *сѣмо*), которыя встрѣчаются безъ *o* въ памятникахъ XIV вѣка: договоръ Полоцка съ Ригею ок. 1330 г.: *какъ вѣрхъ*, *такъ исподъ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: *где смолвять*, *тутъ будеть судъ*; Прологъ 1356 г. *створи же такъ єпископъ 11 об.*, *какъ єси дѣлъ 67 об.*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *такъ буди 76*; Ипатск. сп. лѣт.: *позрѣвъ семь и сѣмъ 512*.

Конечныя *и* и *ы* иногда утрачены въ энклитической частицѣ *ми*: двинская рядная XIV—XV вв.: *виноваты ль єсте*; Луцкое Ев. XIV в.: *ты ль єси*; Четья 1489 г.: *видите ль*, *вѣруете ль*, *во мнѣ ль*; въ *бы*: печатн. зап.-русс. Ев. Тяпинскаго XVI в.: *если не были бѣ укорочены*; и въ нарѣчій (изъ вин. дв.) *обаполъ*: Житіе Нифонта 1219 г.: *държаше копіе обаполъ єго 69*; холмская вкладная 1376 г.: *обаполъ Бугу*; Лаврентьевскій сп. л. (срв. старо-чешск. *obapol* въ Святovitскомъ сборникѣ 24). Сверхъ того, конечное *и* могло отпадать въ формахъ дат. ед. личныхъ мѣстоименій *ми* и *ти*: Паремей-

никъ XIII в. Тип. Биб. № 157, списанный съ галицко-волинскаго оригинала: сътвори мь ядь 61 об.; Луцкое Ев. XIV в.: приведите мь и сѣмо, аще не бы ть дано; Ипатскій сп. лѣт.: абы мь даль Богъ, абы мь вѣдомо было, абы мь не зрѣти, досадила мь погань, земля ть опасена, отъ брата ть ото Льва, ци мала ть своя земля 591, 611, 613, 592, 573, 600, 601; Скорина: мало ли ть еще Быт. 54 об. Кажется, формы мь, ть извѣстны только въ галицко-волинскихъ и западно-русскихъ памятникахъ; съ теченіемъ времени они или вышли изъ употребленія, или, можетъ быть, вошли въ составъ сложныхъ частиць. Во всякомъ случаѣ въ составѣ великорусскихъ нѣтуть (Русская Правда по сп. ок. 1282 г.), при нѣгуту, тутотка (Ипатск. сп. лѣт.: тутотъ ю дати 595) можно видѣть потомство формы ть. Современные великорусскія мать, дочь, пустынь образовались изъ древнихъ мати, дочи, пустыни подъ вліяніемъ словъ женск. р. на ъ: кость, ночь и т. п.

Отпаденіе конечнаго и; повидимому, имѣло мѣсто также въ сѣверно-великорусскихъ формахъ творит. п. мн. на ми: новгородск. Милятино Ев. XII в.: грѣшники приемень и съ нимъ ѣсть 26; новгородск. Службеникъ XIV в. Рум. Муз. № 399: со всеми боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя 33 об.; сѣверно-русскій Сборникъ Погодина нач. XV в. № 872: обрѣтоста съ нимъ (съ мучениками) стража 191. Современные говоры сѣверно-великорусскіе (почти всѣ) и бѣлорусскіе (нѣкоторые) знаютъ формы твор. п. мн. на мь какъ нѣчто обычное: дѣлать рукамъ, говорить съ вамъ и т. п.

Выпаденіе гласныхъ въ *серединѣ словъ*, болѣе или менѣе общее всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, очень рѣдко и можетъ быть указано ирежде всего въ словѣ *десять*, которое въ сложеніи съ другими числительными и при потерѣ ударенія, очень рано начинаетъ появляться въ сокращенномъ видѣ: *осять*, откуда *тцять*, *тцать*. Мы находимъ его безъ *e*, между прочимъ, въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: *единого надьсать*, *единого надьсате* (нѣсколько разъ); въ новгородскомъ же Паремейникѣ 1271 г.: *дванадъсать* 62 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: въ третьи надцять главѣ 40 об., штинадцять или семинадцять 177 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *тринадъсать*; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1314 г.: *полу трьтиадчати*; въ Новгородской лѣтописи: *поль пятадъсать* 96; въ галицко-волинской Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8: *обана-*

дѣсять 116, 143 об., тридѣсять 130 об.,—ти 138; въ галицко-волинскомъ же Бучацкомъ Ев. XIII в.: дѣванадѣсяте 2 об., 12 об., два— 32, 32 об., 45 об., 57 об., 67 об., осмьнадѣсяте 49 об., 59, осмою— 59 об. и др.; въ галицко-волинскомъ же Путенскомъ Ев. XIV в.: обѣманадѣсять 22, 57, 66. Въ настоящее время это числительное безъ ударенія звучитъ во всемъ русскомъ языкѣ *тыцать*, *тыцать*. Затѣмъ можно считать обще-русскимъ выпаденіе гласныхъ въ словѣ *четырнадцать*, изъ четыре- или *четыри-*, и въ древнерусскихъ сложныхъ собственныхъ именахъ. Мы находимъ: Святъславъ въ Новгородской лѣт. XIV в. 287, 288 (при Свято-), въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ 1404 г. 31, въ Словѣ о полку игор.; въ грамотѣ 1386 г. князь смоленскій Юрій называетъ себя: Святъславичь; Рославъ, изъ Ростъславъ, Ростиславъ, въ дополненіи къ Новгородск. лѣт. XIV в. (подъ 1402 г.); срв. соврем. названіе города Рославль (=древн. Ростиславль); Выславское (село) изъ Вышесл- въ духовной в. кн. Ивана Ив.; и т. п. Затѣмъ можно считать древнимъ выпаденіе *о* въ древне-русскомъ названіи города Полоцка: Полтескъ, при Полотескъ (между прочимъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 239). Великорусскіе говоры болѣе или менѣе часто опускаютъ гласные въ нынче, нонъче при древнемъ нынѣча (Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ. № 157, л. 57), современныхъ нонеча, нонь, нынѣ; жерло при древнемъ жерело (Прологъ 1262 г., Прологъ 1356 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. Тяпинскаго XVI в.), ц.-слав. *жръло*; скорлупа при древнемъ скоролупа (Сборникъ XIV в. Общ. ист. и др. 75, 83), ц.-сл. *скралупа*; горностаѣй (Ипатскій сп. л. 346) изъ гороностай, срв. ст.-чешск. *hranostaj*, ст.-пол. *gronostaj*.

Выпаденіе гласныхъ въ серединѣ формъ можно отмѣтить въ только бѣлорусскихъ формахъ род. и дат. ед. *моёго*, *моёму* и т. п., изъ моего, моему.

Великорусскіе говоры вообще склонны къ опущенію въ серединѣ словъ неударяемыхъ гласныхъ. Въ южно-великорусскихъ говорахъ въ словахъ въ три и болѣе слога вполне легко опускается гласный во второмъ слогѣ передъ ударяемымъ или послѣ ударяемаго и въ слогѣ слѣдующемъ за ударяемымъ: гворить, млодѣць, понмаря (род.), вертенó, пердавать, Хритóнь, изъ Хар-, йсподволь, кóлколь, хóтца (=хочется), бáчка (=батюшка) и т. п. (В. Майковъ: перрядить, Соч. 314, выграбался 212). Мы всегда или часто

употребляемъ: стойло изъ стѣяло (срв. польск. *stadło* съ *a* изъ *oja*), тыщѣнка (при тыща изъ тысяча), сѣтолка, прѣтолка (при сѣтолока); фамили Кармалинъ изъ Коромолинъ, Карташовъ (Корташъ, прозвище, въ грамотѣ 1631 г. Акты Юр. 181) изъ Короташовъ, и т. п. Нѣкоторые сѣверно-великорусскіе говоры также имѣютъ выпаленіе гласныхъ: веретнѣ изъ веретенѣ, вѣдла изъ видѣла.

Слово заяць во всемъ русскомъ языкѣ измѣнилось въ заецъ (по образцу боець, пропоець и т. п.; Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ Спб. Дух. Ак. ок. 1492 г.: заецъ 488) и стало склоняться какъ большая часть словъ на *ецъ*: зайца и т. д. Это склоненіе существовало уже въ XVI в.: прибавленіе къ Домострою XVI в.: зайцы 144, 146; Житіе преп. Сергія, написанное Пахоміемъ, въ сп. XVII в. (изд. Общ. др. писъм.): зайцы 79. Впрочемъ гласный могъ здѣсь сохраняться до сравнительно поздняго времени: въ припискѣ къ Волоколамскому Часослову XVI в. № 81 (Моск. Дух. Ак.): Игнатія Зацева; у протопопа Аввакума: зайцовъ (VIII, 38); у Суморокова: и много зайцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ (басня «Совѣтъ боярскій»). Малорусскіе говоры еще сохраняютъ формы: заецъ, заеца и т. д.

Кстати замѣтимъ, что древне-русское, весьма обычное въ памятникахъ рѣку, рѣчеша (уже въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. 10 об., 54), рѣка (причаст.), откуда рку, рка и т. п., не имѣетъ ничего общаго съ только что указанными случаями выпаденія гласныхъ. Въ этомъ глаголѣ образованіе ѣ относится къ древнѣйшей, общеславянской эпохѣ; чешскій языкъ имѣетъ ěku, ěka и т. п., ст.-польскій — *rzkaś, rzkomu*; въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в.: рѣче 54 об.—То же можно сказать о предлогѣ *для*, который, вѣроятно, родственъ съ предлогомъ *дѣля*, но восходитъ къ обще-слав. *дѣля*; срв. польск. *dla*.

Стяженіе гласныхъ. Древнѣйшіе случаи стяженія относятся къ до-исторической эпохѣ. Мы не знаемъ въ памятникахъ ни одной формы имперфекта въ родѣ дѣлаяхъ, которую бы можно было считать принадлежащей древне-русскому языку, и всегда находимъ только дѣлахъ, со стяженіемъ *aja* въ *a*. Точно также очень рано мы встрѣчаемъ формы имперфекта въ родѣ имяхъ, со стяженіемъ, рядомъ съ имьяхъ, безъ стяженія.—По всей вѣроятности, стяженіе *ыи*, *ии* въ формахъ членныхъ прилагательныхъ началось въ глубокой древности (почитающихъ—въ записи Остромир. Ев.). Современ-

ныя бѣлорусскія формы им. ед. муж. р. *дѣбры*, *худѣ*, 2 л. повелит *накл. би* (=бей), *бите* (=бейте) должны были получить стяженіе *ми*, *ми* въ *ы*, *и* еще тогда, когда всякое *и* было еще гласнымъ, не исчезало. Обще-русскія формы твор. ед. *дѣбрымъ* и т. п., со стяженіемъ, обычны въ памятникахъ съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ, начиная съ старшаго—съ смоленскаго договора 1229 г. Они теперь господствуютъ въ русскихъ говорахъ. Но рядомъ съ ними въ памятникахъ встрѣчаются и формы безъ стяженія; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., при огромномъ большинствѣ первыхъ формъ, имѣются и вторыя: *священнымъ* (тв.) 437. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ формы безъ стяженія довольно часто: *дѣбрымъ* и т. п.; современные южно-великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ безъ стяженія въ разговорномъ языкѣ, но еще сохраняютъ ихъ въ языкѣ пѣсенъ.—Обще-русскія формы глаголовъ *выму* (неопред. н. вынати), *вымаю* и т. п., со стяженіемъ, находятся въ памятникахъ съ XIV в. (въ духовной Дмитрія Донскаго: *вымутъся*, *вымаль*). Они обычны въ говорахъ (при *вынимаю* и т. п.).—Изъ отдѣльныхъ словъ очень древнее стяженіе имѣетъ нарѣчіе *внезану* съ производными. Церковно-славянскій языкъ имѣетъ это слово въ видѣ *внезаплж*, *внезаплж*; древне-русскіе памятники съ сколько-нибудь обрусѣвшимъ языкомъ (кромѣ нотныхъ книгъ) знаютъ только *внезану* и т. п.; между прочимъ Ипатскій сп. лѣт.: *изнезаны* 360.

Изъ болѣе позднихъ случаевъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить формы род. и дат. ед. притяжательныхъ мѣстоименій *могѣ*, *мово*, *мому*, со стяженіемъ, распространенныя въ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ (часто рядомъ съ *могѣ* и т. д., безъ стяженія); ими пользовался Кантемиръ (Соч. I, 121); въ древнихъ памятникахъ они неизвѣстны (Псалтырь XIV в. Рум. Муз. № 327: чаяхъ спасенія твоего, едва ли не описка). Затѣмъ можно указать на сѣверно-великорусскія глагольныя формы въ родѣ *играть* = *играеть*, *играмъ* = *играемъ*. Древность стяженія здѣсь гласныхъ полежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ относящіяся сюда извѣстныя намъ данныя памятниковъ (Рязанская Кормчая 1284 г.: *подобать* 50; Ев. 1357 г.: *иже на кровѣхъ да не слезать* *взять же еже есть въ храминѣ* 123 об.; Ев. 1358 г.: *моляше и фарисѣи да обѣдать у него* 102; Лаврентьевск. сп. лѣт.: *послушамъ* 181, 1 л. мн.) ка-

жуются намъ не заслуживающими довѣрія, описками. Наконецъ къ числу случаевъ стяженія гласныхъ слѣдуетъ, кажется, отнести 1) южно-великорусскія (калуужск., орловск., курск.) и бѣлорусскія формы род.-дат.-мѣстн. ед. женск. р. тѣй (=той), однѣй (=одной), твор. тѣю, однѣю и т. п., худѣй, слѣпѣй, якѣй, худѣю и т. д., въ основаніи которыхъ легли сравнительно позднія формы тоѣй, одной и т. п. (объ нихъ см. ниже), и 2) малорусскія формы им.-вин. ед. средн. р. те, худе́ и т. п., изъ тое́, худо́е и рядомъ съ тое́, худо́е, откуда подъ влияніемъ нестяженныхъ формъ произошли малор. тее, худе́с; срв. сѣв.-малор. мей=моей (дат.-мѣстн. ед.) и т. п.

Изъ отдѣльныхъ словъ стяженіе гласныхъ наблюдается въ великорусскихъ отчествахъ женск. р. въ родѣ Андрѣвна, Никола́вна, изъ Андрѣевна, Никола́евна, и т. п., въ великор. ба́ринь изъ бо́ринь (рядомъ съ великор. бояры́шникъ), сѣв.-великор. чать (между прочимъ у Ломоносова), чаль изъ ча́ять, ча́яль.

Измѣненія гласныхъ при влияніи однихъ формъ и словъ на другія—въ русскомъ языкѣ издревле обычны. О нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ уже пришлось упомянуть; теперь укажемъ на слѣдующія.

Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *онъ* часто звучитъ *ѣнь, ѣна, ена́, яна́*, множ. ч.—*ѣны́, ены́, ены́, яны́, яны́*; срв. въ звенигородской грамотѣ до 1491 г.: а ень не искаль, Акты Юр. 13. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ влияніемъ на форму *онъ* формъ косвенныхъ падежей: *ѣму, ему, яму, ее́, яе́* и т. д.

Мѣстоименный элементъ *си* въ великорусскихъ глаголахъ часто звучитъ *си*: *сажуси, садиси, попалси*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ влияніемъ однихъ глаголовъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ на другіе. Нѣкоторые глаголы, сочинявшіеся съ дательн. пад., нѣкогда имѣли при себѣ форму дат. п. мѣстоименія *си*: жалити *си*, съжалити *си*, сътужатити *си* Жит. Саввы Осв. XIII в., судити *си* Галицкое Ев. 1144 г., Юрьевское Ев., препинати *си*, прѣтъкнути *си* Лѣствица XII в. (Рум. Муз. № 198) 129, годити *си* Патерикъ Синайскій XII в. 45, угаждати *си* Пандекты 1296 г. 43, съгрустити *си* Амартоль XIV в. 67, сотснути *си* Лаврентьевск. сп. лѣт. 282 (яо: съжалишася Жит. Θεод. Печ. XII в. 41 об., съжалися Ев. 1339 г. 67, съжалишеться Новгородская лѣт. 227). Вліяніе ихъ послужило причиною того, что *си* замѣнило собою *ся* и въ рядѣ

другихъ глаголовъ, сочинявшихся издревле съ винит. пад., напримѣръ, въ възвратитися: възвратиси Лаврент. сп. лѣт. 328.

Малорусскія формы прош. врем. и неопредѣл. накл. имѣютъ звѣкъ *у* на мѣстѣ великорусскаго *ы*: *бувъ*, *була*, *булы*, *бути*, *забувъ*, *забула* и т. п. Въ старшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія подобныхъ формъ не встрѣчается, и только въ Луцкомъ Ев. и въ Ев. Верковича XIV в. мы находимъ причастіе *забувень* (=забвень), показывающее, что формы *буль* и др. въ то время могли уже существовать. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ формъ будущ. врем., имѣющихъ *у*: *буду*, *будемъ* и т. д., на формы съ *ы*.

Древне-русскіе памятники (гал.-волинск. Ев. 1283 г., Лаврентьевск. сп. лѣт. 112, 113, и др.) изрѣдка имѣютъ *Ярусалимъ* вмѣсто *Иѳрусалимъ*, *Ерусалимъ*; въ повгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г. мы читаемъ: *Ярофѣйко* (II, 716); въ сѣверно-русскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. обычно: *Ярофей*, *Ярофій* и т. п. (Акты Юр. 445, 336; Доп. къ Акт. Ист. II, 94; IV, 261; X, 20 и др.) вмѣсто *Ерофей*; въ южно-русскихъ документахъ XVI—XVII вв.: *Ярмола* (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, 1, 591; VII, 2, 143, и др.) вмѣсто *Ермола*, *Яхимъ* (Арх. V, 1, 140, и др.) вм. *Евхимъ*, *Евфимъ*. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ *Ярофей*, *Ярофій*; въ современныхъ малорусскихъ говорахъ слышатся *Ярмола*, *Ярэма*, *Явдоха* (Евдокія), *Явтухъ* (Евтихій) и т. п. Здѣсь передъ нами слѣдствіе вліянія русскихъ словъ съ корнями *яр*, *яв* на заимствованныя слова съ начальными *ер*-, *ев*-.

VII. Исторія согласныхъ звуковъ.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ гласныхъ въ серединѣ и концѣ словъ повело къ цѣлому ряду измѣненій въ области русскаго консонантизма. Значительное количество согласныхъ, прежде отдѣленныхъ другъ отъ друга глухими, по исчезновеніи этихъ послѣднихъ очутились рядомъ и должны были подвергнуться ассимиляціи, диссимиляціи, отвердѣнію и т. п.; многіе согласные въ послѣднихъ слогахъ словъ, раньше имѣвшіе послѣ себя глухіе гласные, когда эти глухіе исчезли, сдѣлались конечными звуками.

Ассимиляція и диссимиляція. Старшіе примѣры ассимиляціи и диссимиляціи по памятникамъ относятся по преимуществу къ XIII и XIV вв., но не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что большая ихъ часть явилась въ языкѣ много раньше.

Должно думать, что согласные глухіе (отзвучные) *с, к, т* и др. во всемъ русскомъ языкѣ перешли въ соотвѣтствующіе звонкіе (звучные) *з, г, д* и др. тотчасъ послѣ того, какъ—съ исчезновеніемъ *з* или *ь*—соприкоснулись съ слѣдовавшими за *з, ь* звонкими (кромѣ *ѣ*):

Прологъ 1262 г.: *здравъ* (изъ *сѣдравъ*); Кормчая ок. 1282 г.: *здѣ, вѣздѣ, здорovie, збирають, з горчицами*; Рязанская Кормчая 1284 г.: *здѣ, зборище, здравѣи*; Пандекты 1296 г.: *здравіе, здо*; Полякарпово Ев. 1307 г.: *здрава, здѣла, збора, збудется*; Ев. 1355 г.: *ведѣ, въ зборищи, здѣ, з горы*; Ев. 1357 г.: *здѣ, здѣла, з безаконники, збудутся*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *зборная, з дѣтьми, з Бѣла озера, з горь, з голода, и т. п.*;

Житіе Пифонта 1219 г.: *идѣ* (изъ *къде*), *нѣдѣ*; Рязанская Кормчая 1284 г.: *иде, нѣдѣ*; Псалтырь 1296 г.: *идѣ*; Ев. 1354 г.: *идѣ*,

нидѣ; Лаврент. сп. лѣт.: ꙗ Дорогобужю; Палея XIV в.: ꙗ дѣдомъ, и т. п. (соврем. великор. *лѣдъ, љ дому*);

Ев. 1354 г.: тадбы (изъ татьбы); Лаврентьевскій сп. лѣт.: свадьбъ (соврем. великор. свадьба, свадебка, рядомъ съ сватьбу Святославовъ Сб. 1076 г., съ свать, сватать);

Амартолъ XIV в.: дважды; Ев. 1355 г.: двожды 103 об.; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. Ф. 2: многожьды (соврем. великор. дважды, трижды и т. п., рядомъ съ дѣвашьды Архангельское Ев. 1092 г.; дѣвашьды Пандекты Антиоха XI в.; тришьды Уставъ Студійскій XII в.; мѣногашьды Святослав. Сборн. 1073 г.);

Ев. 1317 г.: заблушшаго 25 об. (изъ —жьшаго; соврем. великор. нишшій, изъ нижьшій; низшій—ошибочное правописание).

Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится начало перехода согласныхъ звонкихъ въ соотвѣтствующіе согласные глухіе передъ слѣдующими согласными глухими, — можетъ быть, ко второй половинѣ XIII в. (въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы еще находимъ ризкии). Во всякомъ случаѣ въ настоящее время этотъ переходъ свойственъ не всему русскому языку, а лишь великорусскимъ (я то едва ли всѣмъ), бѣлорусскимъ и западно-малорусскимъ говорамъ. Восточно-малорусскіе говоры знаютъ его лишь отчасти.

Поликарпово Ев. 1307 г.: ускими; Ев. 1358 г.: ускими 35, 198, уска 35 об.; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: уску 185 об.; Прологъ 1383 г.: тяшкою 134 об.; Мстижское Ев. XIV в.: уска 31 об.; духовная Дмитрія Донскаго: Желѣскова слободка, ис Торъшку; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: тяшько 21 об., —шкою 33 об.; Измарагдъ XIV в. Рум. Муз. и Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: тяшко; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. Ф. 14: тяшкосерднї 10; Ев. 1393 г.: потькопати 59; Минейя XIV в. Рум. Муз. № 1205: слаткими; Паремейникъ XIV в. Тр. Л.: глатки; Новгородская лѣт.: Блуткиничъ (срв. Блудъ); Палея 1406 г.; рѣтка; духовная в. кн. Василия Дмитр. ок. 1424 г.: королю; Четья 1489 г.: свѣтки 55; Слово о п. иг.: рѣтко; Лѣтопись Аврамки 1495 г.: на Сковороткѣ 90, морткѣ куньи 159; Домострой XVI в. пмѣеть глухіе вмѣсто звонкихъ очень часто: обрѣски, лошки, ношки, пирошки, изрѣтка, житкая; срв. въ Лѣтвицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: недостадку 8; Лаврентьевскій сп. лѣт.: дулѣньскимъ (при дулѣбъ), вительскаго

355 (откуда Витенескъ 392), воеводство 150; Тактиконъ Никола Черног. 1397 г.: *грацьстии* 39; Путенское Ев. XIV в.: *тивѣрьятьскаго* 14; Палея 1406 г.: *соьства* 206 об.; срв. въ Ев. 1393 г.: Юда Скаріодьскыи 34 об.,—*иодьскаго* 63 об.;

Лѣсвица 1334 г.: *пъчела* (изъ *бъчела*); духовная вел. кн. Ивана Ивановича: с *отча* (изъ *объча*); Ев. 1357 г.: *пчель*, *опщеи*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *пароици*, *Зулцевъ*, *тчерь* (= *дъчерь*), *тъщерью*, *мэлотшюю*; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: *пріюштитеся* 156; Мстижское Ев.: *пчель* 22 (соврем. великор. *пчела*, малор. *пчола*, *пчола*); Прологъ XIV в. Син. Библ. № 249: *чернорисца* 91; срв. въ Ев. 1317 г.: *подъщавъшесея* 113 об.; въ Лѣствицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: *въкрадцѣ* 75 об.

Должно замѣтить, что звонкое *с* передъ глухими согласными въ большей части великорусскихъ говоровъ перешло въ *ф*: *ф*торой, *ф* томъ, а въ меньшей части великорусскихъ и во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ или сохранилось, или—что чаще—перешло какъ въ не образующее слога *у*, такъ даже и въ полное *у*.

Случаи измѣненія 1) согласныхъ звонкихъ въ глухіе подъ вліяніемъ предыдущихъ глухихъ и 2) согласныхъ глухихъ въ звонкіе подъ вліяніемъ предыдущихъ звонкихъ очень рѣдки: *колижто* гал.-волынск. Путенск. Ев. XIV в. 205, 220; *куюжъто* землю Ипатскій сп. лѣт. 189; *пожжи* Лаврентьевск. сп. лѣт. 411 (изъ *жъди*); *кне* псковское продолженіе XIV в. ц.-сл. Саввина Ев. и гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 129 об. (изъ *кѣде*); соврем. малорусск. *бжола*, *бджола* (изъ *бъчела*), *рідво* (изъ *рожьство*, *розтво*; въ южно-русск. *грамотѣ* 1387 г. *слуги* Панка: *розтво*, по *розтве*), великор. *глубже*, *слабже*, сѣв.-великор. *несѣшша*, 2 л. ед.

Затѣмъ мы знаемъ еще слѣдующія измѣненія тѣхъ согласныхъ, которые соприкоснулись между собою послѣ исчезновенія *з* или *ъ*.

Звукъ *к* (древній и изъ *г*) передъ *к* диссимилировался и перешель въ *х*: Полицарпово Ев. 1307 г.: *мяжкы*; Ев. 1354 г.: *мяки* (*г* здѣсь=*х*), *мяжкы*, *х* *коѣи* притчи; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: *мяжкы* 30, *мяжка* 23 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *г* *кому* (читай: *х* *кому*), *г* *камени*, *г* *кудеснику*, *г* *Къеву*, *хъ* *киевскимъ* (современи. великор. *мажкій*, *лѣжкій*, *х* *кому*; отсюда *мяжокъ*—сѣ *г*=лат. *g*—вм. *мяжокъ*).

Звукъ *к* передъ *т* диссимилировался и перешель въ *х*: Полицарпово Ев. 1307 г., Лаврентьевскій сп. лѣт.: *хто*; грамота 1542 г.:

дехтярный Ак. Оед.-Чех. I, 88; лоття Книга о ратн. строеніи 1647 г. (соврем. обще-русск. *што*, великор. *х тебѣ, х тому* и т. п., *клотать*, при *клотать*, *козти*, *нозти*, *дѣтя*, *лозти*, род., *алтѣрь*, *тразтирь*; срв. диссимиляцію *г* передъ *д* и переходъ *г* въ *л*: соврем. *тогда* и т. п.).

Звукъ *ч* передъ *т* диссимилировался и перешелъ въ *ш*: Добролюво Ев. 1164 г.: *што* 126; Галицкое Ев. 1283 г.: *што* 33 об.; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *што*; Архивская Лѣтвица XIII в.: *што* (соврем. великор. и бѣлор. *што*).

Группа *чч* (если не сохранилась) въ большинствѣ случаевъ перешла въ *тч*: великорусск. *лазутчикъ* (ст.-русск. *лазука*), *порутчикъ* (при *поруча*, = *поручитель*, Уложеніе ц. Ал. Мих., грамоты XVI—XVII вв.), *кабатчикъ*, *потатчикъ*, *крупитчатый*, *косятчатое* окно (при *косякъ*); въ небольшомъ числѣ случаевъ изъ группы *чч* получилось *шч*, откуда *ш*: великор. *косячатый*, сѣв.-велик. *крупичатой*, *кирпичатой*, *кирпичникъ* (вельская грам. 1619 г. Ак. Юр. 96), *порушникъ* (= *поручитель*, грамота 1636 г. Ак. Юр. 326), великор. *пропашій* (= *пропадъш-*, прич. прош. вр.; документъ нач. XVIII в.: а невѣрка мнѣ въ томъ моемъ пропашемъ попѣ, Русск. Арх. 1887 г., № 11, стр. 422).

Звукъ *ч* передъ *ш* перешелъ въ *т*: духовная новгородца Климента XIII в.: *лутьшии*; Поликарпово Ев. 1307 г.: *вятши* 36; Лаврентьевскій сп. л.: *лутши*, *лутшиѣ*; Новгородская лѣт.: *вятшихъ* 253, 266,—и 274.

Группа *тш*, какого бы происхожденія она ни была, въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ во многихъ случаяхъ перешла въ *тч*: псковск. Палея 1494 г. Рум. М.: *лутче* 15; Домострой XVI в.: *лутчиѣ* (= *лучъши*—) 55, *покрамчи* (= *крадъши*, *кратшии*) 74, *склатчи* 105, въ *ветчаномъ* платіи 71, *ветчаное* полатити, новое и *ветчаное* 86, 89 (рядомъ *ветшана* 89, *ветшаново* 90, сравн. *ветъхъ*), каша съ *ветчиною* 55, *ветчинного* 118 (рядомъ: *ветшиины*, салца — ого 56); грамота 1611 г.: *ветчины* или *свѣжины*, Ак. Арх. Э. II, 247; соврем. великорусск. *лутче*, *пришетчи* (= *шедъши*, *шетши*), *ветчина* (при *ветшати*).

То же произошло въ серединѣ словъ и съ группою *тш*: грамоты XVI—XVII вв.: *братчина* (при *братъшина* въ Кормчей ок. 1282 г., въ Псковской судной грамотѣ и др.; срв. *братшина* въ грамотѣ м.

Кипріяна 1391 г. Ак. Арх. Э. I, № 11), соврем. великор. братчина, потчивать (см. стр. 83).

Группа *тц* въ началѣ словъ отчасти перешла въ *тч* и затѣмъ въ *ч*, отчасти дала *щ*: великор. чапъ изъ *дщань*, *тщань*; грамота XV в.: *тщань* Ак. Арх. Э. I, 29; грамота 1548 г.: *Тщанниково* (название деревни) А. А. Э. I, 207; Домострой: во *тщанехъ* 140, *тщаны* 125; 2-я Новгородская лѣт. XVII в.: *тщаны* 92; современное олонецк. *щань*; великор. чехваль, чивый (разборчивый въ ѣдѣ), вятск. *щивой* (тароватый), малор. *щирий* (срв. польск. *szczyry*) изъ *тъщ*—; великор. *щедушный* изъ *тъщ*—.

Звукъ *ч* передъ *н* во всемъ русскомъ языкѣ перешелъ въ *ш*: запись Ев. 1394—1412 г. (Срезневскій, Св. и з. № XXVII): *клюшникъ*; Домострой: *обышный*, *пшенишный*, *грешневая*, *бруснишная*; соврем. великор. *Ильишша* и т. п., *конешно*, *скушно*, *дѣвишникъ*, *помошникъ* (изъ *помочникъ*), *пустяшный*, *горячешный*, *вѣроятно*, *барышня*; малор. *сердешный*, *безпешный*, *свишникъ*; бѣлор. *вѣшный*, *рушникъ*, *помошникъ*. Но великор. *отличный*, *сочный*, *точный*, *ночной*, обще-русск. *начну*, *качпу* и др. сохранили древнее *ч* подъ влияніемъ родственныхъ словъ съ *ч*: *отличить*, *сочить*, *точка*, *ночь* и др.

Кромѣ этихъ случаевъ ассимиляціи и диссимиляціи, древнихъ и общихъ или всѣмъ, или большей части русскихъ говоровъ, можно отмѣтить еще нѣсколько, сопровождавшихся стяженіемъ или исчезновеніемъ согласныхъ и встрѣчающихся уже въ древнихъ памятникахъ.

Группы *жс* и *шс* (*щс*) во многихъ случаяхъ перешли въ *з* и *с*: смоленская грам. 1229 г.: *ризки*=*рижски*; Новгородская лѣт. XIV в.: *варязская*, *ладозское* (читай: —*зк*—); галицкая грам. 1375 г.: *князьство* (читай: *князьтво*); Ипатскій сп. лѣт.: *мниски*=*мнишски*, *Бозкъ*=*Божьскъ*, название города; галицкая гр. 1409 г.: *розество* (читай: *розтво*; *e*=*v*); современн. малор. *запорозький* и т. п. (съ *з* мягкимъ), *різтво* (съ *д* изъ *т*);—Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: *мъпоствы*=*мъножьствы*; новгородская грамота ок. 1269 г.: *городискимъ* *попомъ*=*городицьскимъ*; Рязанская Кормчая 1284 г.: *мнискии образъ*=*мнишьскии* 153; срв. въ Житіи Нифонта 1219 г.: *худошьствъмъ* 106; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: *мнитии обѣти* 172. Великорусское и бѣлорусское нарѣчія не имѣютъ *з* передъ *к*, *т* и

вообще передъ глухими согласными, и одни изъ ихъ говорювъ на мѣстѣ древнихъ *жс*, *шс* имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскіе: риськой и т. п.), другіе — въ однихъ словахъ одно, въ другихъ два твердыхъ *с* (московскій говоръ: рисскій).

Ч, *т* и *д*, когда за ними слѣдовало *с*, стянулись вмѣстѣ съ нимъ въ *ц*: смоленская грамота 1229 г.: гочкыи=гоцкыи=готьскыи; новгородская грам. 1259—1263 г.: тысяцкымъ, нѣмцкымъ, любцкымъ, гоцкыи, новгородцкыхъ; смоленская грам. 1284 г.: нѣмецкыи, и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: цнѣтася, поведят., =тѣсн— (срв. пол. *spota*=тѣсн—), *цтя*=тѣстя 492, *цтю* 445; грамоты XV—XVII вв.: Цна (название рѣки); срв. Тѣсна въ договорѣ в. кн. Василя Дмитріевича съ Ѳедоромъ Ольговичемъ. А въ формахъ 3-го лица и неопредѣл. накл. *тс* дало *ту*: великор. несетца.

Но мѣстоименіе *чьсо*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію формъ *чему*, *чемъ* и другихъ, сохраняющихъ *ч*, не превратилось въ *цсо*, *цо* (какъ въ западно-славянскихъ языкахъ), а образовало сначала, чрезъ ассимиляцію *с* съ *ч*,—*чшо*, потомъ *шшо*, *шо* (въ великорусскихъ говорахъ), *шо*, *шчо* (въ малорусскомъ нарѣчій). Срв. малор. *вышче*, *крашче*=*вышьше*, *крашьше*.

Но глаголь *чѣстити*, настоящ. *чѣшу*, *чѣстишь*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію словъ *честь*, *почеть* и др. съ *ч*, превратился не въ *цтити*, а въ *чтити* (въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. л. 71 об.), съ новыми формами настоящаго вр.: великор. *чту*, *чтишь* и т. д., малор. *ччу*, *чтишь* и т. д. (срв. древнюю форму *почѣщенъ*=*почтенъ* въ Лаврент. сп. л. 132, вмѣсто которой списки XV в. Радзивиловскій и Академическій имѣютъ: *почтенъ*). То же произошло съ формою род.-дат.-мѣстн. ед. отъ сущ. *чѣсть*: *чти* Кормчая ок. 1282 г. и друг., и съ прилагательными *чѣстивъ*, *учѣстивъ*: нечтивыи Псалтырь 1296 г. 3, 16, 72, *чтивыхъ*, *чтивыи*, *чтивыми* Чудовской Нов. Завѣтъ 68, 70 об., соврем. великор. *учтивый*. Рядомъ, съ *е* изъ *ь*: великор. *честить*, *чещу*, *чести*, *нечестивый*. Срв. чешск. *ctfti*, *úcta*, *ctivý*.

С передъ послѣдующимъ *с* въ серединѣ словъ часто исчезло: смоленскій договоръ 1229 г.: рускии, у руской земли=русьскыи, и т. п. Памятники нерѣдко имѣютъ одно *с* вмѣсто двухъ (одного въ предлогѣ, другого въ началѣ имени; тотъ же договоръ: застанете своєю

женою=съ своєю, и т. п.); но здѣсь, какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ неточностью написанія, а не съ особенностью произношенія.

Должно замѣтить, что въ небольшомъ рядѣ случаевъ, гдѣ послѣ ассимиляціи или безъ ассимиляціи явились рядомъ два *с*, первый мягкій, второй твердый, и гдѣ затѣмъ не послѣдовало стяженія этихъ двухъ согласныхъ въ одинъ, тамъ возникла диссимиляція и переходъ перваго изъ нихъ въ *й*: бѣиство, т. е. бѣйство, изъ бѣжъство, бѣсьство (Ев. XII в. Публ. Библ. F. 10, л. 58; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 41 об.), современн. бѣлор. Логойскъ (название города, др.-р. Логожьскъ); срв. соврем. бѣлор. молодойца, молодойцу (=молодыця, молоцьця, род.; молодью, дат.), молодойчикъ, ойца, ойцу (=отыця; отсюда ойтець), трейти (=третий, третій), сѣв.-малор. петнайцять (=—дѣсять, —цять), польск. сѣса (род. ед.,=отыця), гайса (=радыця) и т. п.

Мягкое *н* передъ послѣдующимъ твердымъ *н*, находясь послѣ согласныхъ, также исчезло: Стихирарь 1380 г. Тр. Л.: пѣсую красотою 37 об.,=пѣсьюмою; кievская Псалтырь 1397 г.: пламы огни 223 об.; Прологъ XIV в. Тр. Л.: злокозмый=козмыйи; Толковый Ювъ 1394 г.: болѣзмамъ душамъ 2 (рядомъ: болѣзьмаго житья), въ бермахъ хлѣвинахъ 3 об. (=берьмахъ); Палея 1406 г.: болѣзмаго сердца 90 об.; сборникъ XV в. Публ. Библ. Q. I. 209: жизная врата 28; соврем. великор. болѣзьный, бязьно (срв. ц.-слав. богобоязьный), вѣроятно, сквермый Молитвенникъ к. XIII в. Ярославскаго Спасск. монаст. 192 и друг., Лаврент. сп. лѣт. 128 и др., Амартоль XIV в. 62 и др., при сквермыйъ. То же *н* передъ твердымъ или мягкимъ *н* послѣ гласныхъ или сохранилось, или перешло въ *й*: сѣв.-великор. байна, уменьшит. баенка (срв. прилагат. бамыйъ, отъ баня), или перешло въ мягкое *л*: великор. остальнѣй (при остальнѣй), пѣсельникъ, священникъ, сотельная бумажка, кухольный мужикъ, москотельный или москотильной (въ грамотѣ 1634 г. Ак. Ист. II, 330; срв. москотимникъ въ грамотѣ до 1491 г. Ак. Юр. 14), десятильникъ (въ грамотахъ XVI в.), послальникъ (въ грамотахъ XVII в.), малор. лемковск. сѣльникъ (=сѣнникъ), нѣзильный палець (=мизильный) и т. п.

Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго *й* произошла въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Она имѣла слѣдствіемъ пере-

ходъ *j* въ мягкіе согласные (послѣ отчасти отвердѣвшіе): малор. суддя (изъ судѣа), зѣлля (изъ зѣлѣе), каміння (изъ камѣнѣе), коріння, збіжжа (изъ збѣжѣе) грязю (твор. отъ грязь), бѣлор. веселля, еллю (=елью), божжю (=божью), овечю (овечью), съ помочцю, даже ззісі=съѣси (2 л. ед.). Послѣ губныхъ согласныхъ *j* обыкновенно сохранился; впрочемъ бѣлор. вороббѣмъ (=—бѣемъ), рыба (=рыбѣя), подлава (=—вѣе). Два согласныхъ послѣ гласныхъ нерѣдко (особенно въ малорусскихъ говорахъ), послѣ третьяго согласнаго всегда,—станулись въ одинъ: весѣля, камѣня; примѣры чего мы находимъ уже въ документахъ XIV—XV вв.: по божіимъ нарожемю (=нароженью) галицкая грамота 1375 г., богомолье (=богомолье) вкладная 1376 г., печать нашуею (=печатью) галицкая грам. 1422 г.; срв. въ Буцацкомъ Ев. XIII в.: печалю и лѣстю б. Это указываетъ на значительную древность ассимиляціи *j* съ согласными.

Ассимиляція согласныхъ и предыдущаго j произошла въ формахъ сравнительной-превосходной степени и въ ихъ производныхъ. Когда *j*, оставшійся послѣ исчезновенія *и*, оказался передъ *ш*, онъ могъ ассимилироваться съ этимъ согласнымъ; такимъ образомъ могло получиться двойное, или долгое *ш*, часто обозначаемое въ памятникахъ черезъ одиночное *ш*: Апостоль 1220 г.: любопривѣше быша 53 об.; Златоструй XII в.: старѣшина 13; Ряз. Кормчая 1284 г.: старешину 110, старѣшны (род.) 160 об.; духовная Димитрія Донскаго: старшны путь, сыну старшому, брата старшого; Ипатскій сп. лѣт.: старшынство 297, т. п.; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы видимъ здѣсь *ш*: любящій (=милый), изъ любѣшю— (срв. форму сравнительной степени любѣе), худящій (=очень худой), немудрящій; малорусскіе говоры имѣютъ формы сравнительной степени скорѣше (=скорѣйше) и т. п. Памятники указываютъ на однородную ассимиляцію *j* съ *с*: Тріодъ 1311 г.: мужи галилѣсцѣи; Ирмолой 1344 г.: моисѣскы 37; Требникъ Шереметева XIV в.: житиская 3, житискыя 2 об., 107,—ую 109 об., мусикискимъ 161 об.; но современные говоры, кажется, не сохраняютъ ея даже въ остаткахъ.

Предлогъ-префиксъ *отъ* (иногда звучавшій и безъ *ъ* на концѣ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно передъ *б*, *г*, *д*, *з*,—ассимилировалъ свое *т* съ послѣдующими согласными и такимъ образомъ измѣнился въ *одъ*. Потомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ предлоговъ-пре-

фиксовъ съ древнимъ *d*, въ родѣ *передъ, надъ, подъ*, этотъ предлогъ въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ сталъ звучать съ *d* и передъ другими согласными и гласными: Архивская Лѣствица XIII в.: оди-нудъ; галицкая грамота 1400 г.: безъ одвукупу; Радзивилловскій сп. лѣт. XV в.: одошла (въ Лаврент. сп. л.: *от*— 141); Ефремъ Си-ринъ 1492 г.: одъ вѣка; печатный Литовскій Статутъ 1588 г.: одыймованье, односити, одъмовити и т. п.

Предлогъ-префиксъ *черезъ* передъ согласными *b, z, d, z* ассими-лировалъ съ ними свое *c* и вслѣдствіе этого измѣнился въ *черезъ*. Потомъ, подъ влияніемъ предлоговъ-префиксовъ съ древнимъ *z*: *безъ, изъ, розъ-, възъ-*, онъ во всемъ русскомъ языкѣ сталъ звучать передъ разными согласными и гласными съ *z*: современн. *черезъ* меня, *черезъ* окно. Это измѣненіе получило начало едва ли позже XV в.: двинская грам. XV в.: *черезъ* наволоки, *черезъ* Овинное озеро (Акты Калачова, I, 440); Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ XV в. № 6—1083: *чрѣзъ* естества 14 об.; срв. въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: *черезъ* Берестіе, *черезъ* Дорогычынъ (рядомъ: *черезъ* Мел-ликъ); въ Четвѣ 1489 г.: *чресо* всю недѣлю 2 об.

Выпаденіе согласныхъ. Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ соглас-ныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ. Примѣры его, отличающіеся древностью:

царь изъ цсарь (не позже XIII в.; но въ Прологѣ 1262 г. еще встрѣчается: цсарьство);

ѣство изъ ѣстьство, Кормчая ок. 1282 г., Ряз. Кормчая 1284 г., Пандекты 1296 г., Прологъ 1356 г. и др.;

муцина изъ мужьщина; срв. женщина, деревенщина и т. п. слова, образованныя отъ прилагательныхъ на *-ска*;

полтора изъ польсьтора, Лаврентьевскій сп. л., Ипатскій сп. лѣт., Палея 1406 г.;

бърно изъ бърьбно, Ев. 1317 г.; берно, Мстижское Ев. XIV в.; возвратится изъ възратитися, Ев. 1354 г., Ев. 1355 г., Лав-рентьевск. сп. лѣт. и др.;

безмолствовати изъ безмълъствовати, Паремейникъ 1378 г.; срв. соврем. великорусск. чувство, здравствуй (безъ *в* передъ *с*);

стокъ изъ състокъ, Лаврентьевск. сп. лѣт. 24; срв. соврем. сѣв.-великор. здохнуть, спогѣть и т. п. (безъ начальнаго *в*);

очнуться, малор. пропнуться изъ -чзнуться; срв. великор. прочухаться и прочзнуться, прочжнуться, нѣмни (молчи) изъ ни чзни, бѣлор. очзнуться;

гончарь (при горьчарь Пандекты 1296 г. 162 об.) изъ горичар-, гърмьчар- (при горнець, польск. gąpięc); срв.: съсуды гърмьчаря въ Житіи Нифонта 1219 г. 132, у горичара въ московской грамотѣ до 1460 г. (Акты Калачова I, 554), Горючарьскій конецъ въ продолженіи 1-й Новгородской лѣтописи (печатн. изд. 355), ст.-пол. Garczarsko, чешск. hrnciř;

сонце изъ съльньце (малор. и бѣлор. сонце, малор. сонечко); малор. срібний изъ срѣбрьни; срв. два хресты серебряная въ галицкой грамотѣ 1393 г.;

стоканъ изъ дѣстьканъ срв. достоканъ въ духовной в. кн. Ивана Ив.; досканецъ (Державинъ) изъ дѣстьканыць;

хорь изъ дѣхорь; сравни дхорѣ, вин. мн., Григорій Богословъ XIV в. Син. Библ. 17, совр. малор. тхірь, польск. tchórz, чешск. tchoř;

берцовый изъ бедрьцев- (срв. бедро);

зга изъ стьга; сравни стьзя;

изба изъ истьба (въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: истобка 56 и т. п. и рядомъ: в избѣ 265; въ Новгородской: лѣтописи: истьба); срв. нѣм. stube;

сверло изъ свърдьло; срв. свѣрьло въ Кормчей ок. 1282 г. 562, ц.-слав. свръдьло;

серце изъ срьдьце, Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 36; Ипатск. сп. лѣт.; соврем. великор. серчать (великор. сердечко и т. п.).

Особенно часто выпаденіе *т* и *д* между предшествующими *с*, *з* (если они принадлежать не префиксамъ) и послѣдующими *к*, *л*, *н*, *ц*, *ѣ*, *ѣ*, которое началось не позднѣе XIV в.: пославъ=постьлавъ Лаврент. сп. лѣт. 63, исныи, исного, исному=истьный въ грамотѣ Ягелла 1388 г., намѣсникъ въ полоцкой грамотѣ 1409 г., прелесникъ въ Четвѣ 1489 г. 223 об., посные, чесно, вмѣсно, лѣсница и т. п. въ Домостроѣ XVI в.; безна=бездъна въ Палеѣ 1406 г. 2, Бѣзна, собственн. имя, въ галицк. грам. 1366 г., звѣзное Ипатск. сп. лѣт. Выпаденіе *т* и *д* передъ *к*, *л*, *н* свойственно, кажется, всѣмъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ (великор. невѣска, шеснацать, склянка, слать=стлатъ, счасливъ, милосливъ, если=

есть ли, поѣска, позно, исца, род., спица, срв. стѣпицамъ колеснымъ въ Успенскомъ Сборникѣ XII вѣка, ст.-чешск. *střice*, при столица, названіе ногнаго знака въ московскихъ пѣвческихъ книгахъ XVII в.,—и т. п.); а передъ *j*—однимъ великорусскимъ (счасје, гбсја, кресјанинъ, старосјю, твор., гвозја).

Можно отмѣтить еще ст.-руск. перь, соврем. перецъ, прывый, пряникъ, изъ древняго *лѣпърь* (срв. бѣлор. *попряный* и т. п.).

Значительное количество случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ представляютъ намъ собственные имена, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ измѣнились, что трудно узнать ихъ первоначальную форму. Въ Лаврентьевскомъ списокѣ лѣтоп. мы встрѣчаемъ названіе города Брянскъ рядомъ съ Дѣбрянскъ (срв. въ грамотахъ московской 1496 г.: Дбрянескъ Сб. Р. Истор. Общ., т. XXXV, 222, и зап.-русской 1504 г.: обрянскихъ Ак. З. Р. I); первая форма образовалось изъ второй чрезъ отпаденіе *д* (срв. *дѣбрь*, *дѣбрь*). Названіе города Псковъ (Новгородская лѣт.) произошло изъ Пльсковъ, Пасковъ; названіе города Снятинъ (въ галицкой грамотѣ 1398 г.: снятиньскии)—изъ Къснятинъ.

Нѣкоторое количество случаевъ отпаденія согласныхъ приходится также на конецъ словъ. Всѣ причастія на *лз* съ согласнымъ передъ *л* во всемъ русскомъ языкѣ утратили конечный *л*: умеръ, несъ, пекъ и т. п. изъ древнихъ *умьрль*, *несль*, *пекль*; срв. формы женск. р. умерла, несла. Древнѣйшій примѣръ причастія безъ *л*, намъ извѣстный, примѣръ впрочемъ сомнительнаго достоинства, находится въ Милатиномъ Ев. 1215 г.: тѣ недуги ваша приять и болѣзні понесъ 23 об. Далѣе, мы читаемъ въ Тріоди 1311 г.: развѣрзи ѳси 21; въ Ипатскомъ св. л.: уверзи еси 180. Въ московскихъ актахъ XV—XVI вв. отсутствіе *л* въ причастіяхъ уже нерѣдко (грамота 1490 г.: тако рекъ посельской, и т. п.), но не постоянно (грам. 1518 г.: сѣкълз тотъ лѣсъ язъ, Ак. Юр.; грам. 1676 г.: настиглз казакъ, Доп. къ А. И. VII, 11). То же произошло съ нѣкоторыми причастіями на *ль* и съ именами на *ль* съ согласнымъ передъ *л*; Ев. 1393 г.: преломъ 89 об.; соврем. великор. *корань* (=корабль), *рунь* (=рубль), *журафь* (=журавль), *Ярослафь*, *зарось* (=заросль). Въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы часто (не постоянно) встрѣчаемъ отпаденіе конечнаго согласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оканчивается двумя или болѣе согласными: *мосъ* вм. *мость*, *поѣсъ* вм.

поѣздъ, шесь вм. *шесть*, стрась вм. *страсть*, боясь вм. *боязь* и т. п. Сомнительно, чтобы оно отличалось древностью; впрочемъ мы читаемъ у Скорины: шерсь козью=*шерсть*, Исходъ, 66 об. (опечатка?). Къ числу словъ, утратившихъ конечный согласный, едва ли не принадлежить великор. *рысь* (бѣгъ); срв. зап.-русск. *ристію* (твор. ед.) въ Сборникѣ XV в. Публ. Библ. Q. I. 391, л. 10 об.

Вставка согласныхъ. Рядомъ съ выпаденіемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ серединѣ словъ и ихъ вставку. Случаи ея рѣдки и ограничиваются очень небольшимъ количествомъ словъ. Это — глаголь *съртати* съ родственными. Прологъ 1262 г.: *устрѣтоша* 2 об., *устрѣте* 114 и др.; Ев. 1339 г.: *стрѣтоша* 10 об.; Ев. 1354 г.: *стрѣте*, *стрѣтоста*, *стрѣсти*; Ев. 1355 г.: *стрѣте*, *устрѣтение*; Путенское Ев.: *стрѣтѣнье* 149; Новгородская лѣт.: *устрѣте*. *устретоша*, *устретение* и т. п. Срв. современн. великор. *встрѣча*, *струбъ*, *строкъ* (XVII в. Ак. Калачова III, 307), *стражаться* (XVI в. Ак. Юр. 132; при срывать и т. п. безъ *т*), малорусск. *стритати* и т. п. Сверхъ этихъ случаевъ, звукъ *т* былъ у насъ вставленъ въ церковно-славянскомъ словѣ *срамъ* съ производными, въ которомъ глухаго между *с* и *р* никогда не было. Мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 г.: *постравила* 23 об.; въ Лѣствицѣ XIII в. (Рум. М. № 199) *страмъ* 12 об.; въ Прологѣ 1262 г.: *пострамяся* 32 об., *пострамлени* 60,—нѣ 67, *пострами* 70, 70 об. и др.; въ Псалтыри 1296 г.: *пострамите*, *пострамлени*, *страмота* и т. п.; въ Молитвенникѣ к. XIII в. Ярославск. Спасск. монаст.: *страмотою* 199; въ Троици 1311 г.: *пострамити*; въ Ев. 1339 г.: *устрамляютъ* 157 об., и т. п.

Кромѣ *т*, въ русскомъ языкѣ кое-гдѣ произошла вставка *д*: галицкія грамоты к. XIV в.: *узоздрять*—*възъзрять*; Пересопницкое Ев. XVI в.: *уздрѣль*, *поздрѣль* и т. п. (*ъ=з*); бѣлозерская гр. 1667 г.: *взоздря* (Ак. Калачова II, 453); Котларевскій: *уздрѣвши* (Энеида; срв. соврем. великор. *зря*, *взрѣться*), современное галицк. *здріти* и т. п.; соврем. сѣв.-великор. *ждрать*; Кормчая ок. 1282 г.: *доброндравіе* 584 об.—*нравіе*, соврем. великор. *ндравъ*; великор. грамоты XVI—XVII вв.: *кость индрогова* (=инорогова; срв. въ кн. Іова 1394 г.: *инзрогъ* 79 об.); соврем. великор. *индрикъ-звѣръ*. Въ словѣ *нравъ*, перешедшемъ въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго, глухаго послѣ *н* никогда не было. *Здракъ* въ Толстов-

скомъ Сборникѣ XIII в. 21, можетъ быть, не принадлежить русскому языку. Срв. въ Ряз. Кормчей 1284 г.: нозри 161 об., современн. великор. нозри, безъ *д*.

Смяченіе и отвердѣніе согласныхъ. Твердые согласные, соприкоснувшись, послѣ исчезновенія слѣдовавшаго нѣкогда за ними *з*, съ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались мягкими; наоборотъ, мягкіе согласные, когда, вслѣдствіе исчезновенія *з*, соприкоснулись съ слѣдовавшимъ за *ѣ* твердымъ согласнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались твердыми. Вполнѣ достовѣрные примѣры отвердѣнія и смяченія согласныхъ мы находимъ въ памятникахъ XII—XIII вв. и особенно XIV в.: въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: нивъныхъ, взяа, взяти; въ Житіи Θεодосія Печ. XII в.: пѣхашети и 3 об., въ Пантелеймоновомъ Ев.: животъныи 16; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: прискъръбьнъ 120 об.; въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: снѣдно, равны, темъны, правды, болъзна, довольно, альчьна, альчьща; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: послѣдствууетъ 12 об.; въ Псалтыри 1296 г.: роощють; въ Бучацкомъ Ев. XIII в. кинисъную 112; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: мзда, царство, любве, роощють; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: ятъство; въ Прологѣ 1356 г.: гнѣвъную 51; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: хрестънаго, -ымъ 353; въ московскомъ Ев. 1393 г.: животъныи 29, богатства 43 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: окрестная 82; въ Палѣ 1406 г.: громъныи, зимъныя, умъному и т. п. (часто); въ записи Лѣтописи Аврамки 1495 г.: смоленъского, и т. п. Духовная Дмитрія Донскаго даетъ рядомъ: Орининьское (село), Фоминьское, Напрудьское, съ рудьскими, Устьмерьско, въ братствѣ (съ мягкими согласными) и Малаховъское, Островъское, московскихъ, Милолюбъскіи ѣзь (съ отвердѣвшими губными) и т. п. Московскіе памятники XVI—XVII вв. еще имѣють: Оболенскіе, казаньскіе, мещерьскые, государство (Царственная книга).

Постановка въ приведенныхъ словахъ *з* и *ѣ* показываетъ, что въ нихъ произошло измѣненіе качества согласныхъ: одни, прежде мягкіе, отвердѣли; другіе, прежде твердые, смягчились. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что старые русскіе писцы мало заботились объ обозначеніи мягкости и твердости согласныхъ въ серединѣ словъ передъ согласными, и даже въ лучшихъ московскихъ рукописяхъ XVII в. мы находимъ: волный, сильный и др. (постоянно безъ *ѣ* послѣ *л*).

Данныя современныхъ русскихъ говоровъ (главнымъ образомъ великорусскихъ, отчасти бѣлорусскихъ) дополняютъ данныя памятниковъ и даютъ намъ кое-какія указанія на счетъ времени отвердѣнія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ. Такъ, обще-русск. душевный, любезный, подземный и т. п. своимъ *e* свидѣтельствуютъ, что въ эпоху перехода *e* въ *o* твердое *m* еще не успѣло превратить предыдущихъ мягкихъ согласныхъ въ твердые; малор. волний, бѣше, тѣло, бѣлор. болный и т. п. своимъ *л* (не *ѣ*) показываютъ, что отвердѣніе *л* совершилось послѣ перехода твердаго *л* въ неслоговое *у*. Число случаевъ употребленія твердыхъ согласныхъ на мѣстѣ древнихъ мягкихъ въ серединѣ словъ и мягкихъ на мѣстѣ древнихъ твердыхъ въ современномъ русскомъ языкѣ очень велико. Можно замѣтить, что южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ больше отвердѣвшихъ согласныхъ, чѣмъ сѣверно-великорусскіе и малорусскіе. Можно также замѣтить, что твердые губные оказываются наиболѣе неспособными дѣйствовать на предыдущіе мягкіе (мы сохраняемъ мягкіе въ судьба, просьба, Вязьма и т. п.), а мягкое *л*—наиболѣе упорно сохраняющимъ свою мягкость.

Сверхъ того, мы имѣемъ нѣкоторое количество случаевъ отвердѣнія согласныхъ въ концѣ словъ.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка въ окончаніи формъ 1-го л. ед. ч. (дамъ), творит. и мѣстн. ед. ч. мы иногда видимъ *з* вмѣсто *ъ*, но этотъ *з* можетъ быть причисленъ къ числу особенностей правописанія церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ болѣе позднихъ памятникахъ, съ XIII в., *з* вм. *ъ*, конечно, имѣетъ другое значеніе—указываетъ на отвердѣніе конечнаго согласнаго. Его мы видимъ въ формахъ въ родѣ дамъ (1-е л. ед.), волкомъ (твор. ед.), въ томъ (мѣстн. ед.), и, на примѣръ, въ новгородскомъ Милятиномъ Евангеліи 1215 г. мы читаемъ: прѣдъ отцьмъ вашимъ небесьнымъ 9 об., прѣдъ олтарьмъ 11, съ братьмъ твоимъ, съ супрьемъ твоимъ 11 об., чимъ ся одежемъ 14 об., съ Зеведѣомъ 16 об., о друзьмъ 20 об., на камени семъ 48 об., въздамъ 50 об., дамъ, прѣдамъ 80, и т. п. (часто). Находящіяся рядомъ формы съ *мь* (запись Галицкаго Ев. ок. 1266 г.: умомъ грѣшнымъ; рядная Тѣшаты XIV в.: Якымомъ, на томъ, и т. п.) свободно могутъ быть объясняемы орфографическою традиціей. Въ настоящее время большая часть великорусскихъ говоровъ знаютъ конечное мягкое *м* только въ формахъ

именит.-вишит. ед. (семь, восемь, озимь), благодаря вліянію формъ другихъ падежей съ мягкимъ *м*; а большая часть говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ имѣютъ конечное *м* всегда твердое (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: семз; у Скорины: семз, осмз, и т. п.).

Къ нѣсколько болѣе позднему времени относится отвердѣніе конечныхъ мягкихъ губныхъ въ русскихъ говорахъ, особенно въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ: Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: влюбозъ 26 об., церковъ 27, 31, не удобзъ 34 об. и т. п. (должно имѣть въ виду, что этотъ новгородскій памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); Ипатскій сп. лѣт.: кровзъ, любозъ; Четья 1489 г.: въ церковъ 8, 14, создана бысть церковъ 10 об., кровзъ 35, ослабзъ, ся не противзъ, повелит., 33 об., 58 об. и т. п.; Познанскій сборникъ XVI в.: кровзъ=кровь; Скорина: кровзъ, голубзъ; печатный Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: любозъ, церковъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго; соврем. малор. и бѣлор. голубзъ, кровзъ, любозъ и т. п. Впрочемъ, конечное *оз* могло произноситься какъ *ѣ*.

Съ конца XIII в. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр., вмѣсто *ь*, съ *з* на концѣ, показывающимъ, что конечное *т* этихъ формъ тогда произносилось уже твердо: Паремейникъ 1271 г.: расышетъ 238, чтутъ 241 об.; Рязанская Кормчая 1284 г.: възметъ 122 об.; Ев. 1323 г.: живитъ 7 об.; Ев. 1339 г.: пиетъ, възглаголютъ, исцѣлитъ 147 об., 149 об.; Ев. 1354 г.: стоитъ 2, достоитъ 17 об., 42 об., 43, успѣтъ ти ся 49 об., напоитъ, погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., спитъ 103 и др.; Ев. 1355 г.: просятъ 76, искусятъ и 89, смѣрятся 98, уморятъ 103, отпустятся 151; Ев. 1357 г.: судитъ; Паремейникъ 1378 г.: родитъ, безмольствитъ, щадитъ, зритъ, учитъ, избѣжитъ и др.; Ев. 1393 г.: поиметъ 55 об., слѣзетъ 106 об.; духовная Дмитрія Донскаго: вѣдаетъ, перемѣнитъ, имутъ, потянутъ; договоръ Полоцка съ Ригю 1405 года: казнятъ, емлютъ. пустятъ; Палея 1406 г. (часто). Можно еще отмѣтить въ галицкой грамотѣ 1378 г. (Владислава Опольскаго): лежитъ. Въ настоящее время твердое *т* въ формахъ 3-го л. слышится во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ части южно-великорусскихъ говоровъ, а также во многихъ говорахъ малорусскихъ (единственное исключеніе—форма *сутъ*, вѣроятно, уже не существовавшая въ живомъ языкѣ въ эпоху отвердѣнія конечнаго *т* и потому сохранившая въ литера-

турномъ языкѣ свой древній видъ; срв. книжную форму имать, па-
ходящуюся въ церковныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ и совре-
менныхъ).

Одновременно съ формами 3-го л. на *тз* начинается встрѣчаться союзъ *атъ* (чтобы) въ видѣ *атз*: атъ ходитъ Кормчая ок. 1282 г., атъ ны спляшетъ, атъ самъ есть (=ѣсть) Лаврентьевскій сп. лѣт. и др.

Кромѣ того, въ западно-малорусскихъ говорахъ отвердѣло конечное *т* въ формахъ 2-го л. мн. повелит. н.: галицк. беріть (при украинск. беріть; см. выше, стр. 96).

Много новѣе отвердѣніе конечнаго *н* въ великорусскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ формахъ род. мн.: пѣсемъ, башемъ и т. п. (при деревемъ и др.).

Приведенныя данныя указываютъ на отвердѣніе конечныхъ мягкихъ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предшествовали гласные. Конечные мягкіе *м* и *т* съ предыдущимъ *с*, также безъ сомнѣнія мягкимъ (срв. погыбнетъ Архангельское Ев. 1092 г. 132), благодаря вліянію этого *с*, сохранили свою мягкость, и мы имѣемъ форму 1-го л. есмъ и формы 3-го л. естъ, вѣсть. Конечно, вліяніе формъ съ отвердѣвшими согласными не осталось безъ послѣдствій: началъ есмъ писати, кончалъ есмъ, запись Лаврентьевск. сп. лѣт.; снѣсть, ястъ Ев. 1339 г. 147 об.; ѣсть Ев. 1354 г. 107 об.; есмъ даль, есмъ благословиль, дастъ (рядомъ: дастъ) духовная Дмитрія Донскаго; вдасть Палея 1406 г., и т. п.; современн. великор. дастъ, ѣсть.

Къ числу случаевъ смягченія согласныхъ звуковъ принадлежать случаи смягченія подъ вліяніемъ предыдущаго мягкаго согласнаго звука, случаи, имѣющіе мѣсто, между прочимъ, въ двухъ памятникахъ галицко-волинскаго говора XIV в. — въ Поликарповомъ Ев.: жидовьскы, и въ Луцкомъ Ев.: галелѣискую, сидоньскыя, гдѣ *с* смягчилось подъ вліяніемъ предыдущихъ *ј* и мягкаго *н*. Подобные случаи теперь встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчій и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ въ словахъ на *скій* и на *ство*.

Въ большей части случаевъ смягченіе согласныхъ было непреходное, т. е. состояло только въ измѣненіи качества звука; но въ нѣкоторыхъ мы имѣемъ смягченіе переходное, т. е. такое, которое имѣло результатомъ измѣненіе сущности звука. Обще-русскимъ мо-

жетъ считаться только одинъ случай переходнаго смягченія—*шлю*, древняя форма *сьлю*; *ш* встрѣчается здѣсь съ XIII вѣка: грамота рижанъ ок. 1284 г.: *шлите*; Ев. 1339 г.: *пошлю* 12 об., 29 об.; Ев. 1355 г.: *пошли* 69 об., *пошлю* 134; Ев. 1357 г.; *пошлю* 22 об., 70; Ефремъ Сиринъ 1377 г. Кромѣ этого глагола, переходное смягченіе мы находимъ въ прилагательномъ *ошль*=*осьль* (срв. въ Юрьевскомъ Ев. постоянно *осьль*, *осьля*); Ев. 1357 г.: на жребяти *ошли* 122 об.; Палея 1406 г.: челюсть *ошлю* 181; и, вѣроятно, въ словахъ *шляться* (въ курскомъ говорѣ еще *сляться*; корень тотъ же, что въ *шлю*) и *шти*=*сьти* (срв. ц.-слав. Похвал. слово Кириллу и Мео. по сп. XII в.: *сьти* медвѣнни словеса ваю; др.-русск. *сьтъ*, *сьта* и т. п.); грамота ок. 1510 г.: Иванъ *Шти* (прозвище; Ак. Калач. II, 416); Домострой и другіе великорусскіе памятники XVI и XVII вв.: *шти*, *штѣй*, *штямъ*; современн. великор. *шти* или, при ассимиляціи послѣдующаго согласнаго съ предыдущимъ,—*ши*.

Переходъ конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе. Конечные звонкіе согласные *б, в, г, д, ж, з* съ теченіемъ времени во всѣхъ почти великорусскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малорусскихъ говорахъ перешли въ глухіе, и такимъ образомъ явились: *п* вм. *б*: *лопъ*; *ф* вм. *в*: *лофъ* (образованіе *ф* имѣетъ мѣсто только въ великорусскомъ нарѣчій и чуждо бѣлорусскому и малорусскому, гдѣ *в* или сохраняется, или звучитъ какъ не образующее слога *у*: *лоу*); *к* вм. *г*=латинск. *г*: *друкъ* (московскій говоръ); *х* вм. *г*=лат. *h*: *бохъ* (московскій говоръ), *друхъ* (курскій говоръ); *т* вм. *д*: *дѣтъ*; *ш* вм. *ж*: *ношъ*; *с* вм. *з*: *вось*.

Замѣна конечныхъ звонкихъ глухими почти не замѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (какъ вовсе не замѣчается и въ современныхъ сѣверно-великорусскомъ яренскомъ и восточно-малорусскихъ говорахъ—украинскомъ и др.), но нѣтъ основанія думать, чтобы она получила развитіе въ очень позднее время. Мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: *калантъ* 564 об. (рядомъ: *каландъ*); въ Псалтыри 1296 г.: *отинуть* 14 об.; въ Лѣствицѣ 1334 г.: *отинуть* 215; въ Словахъ Григорія Богослова XIV в., л. 7, и въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 23: *отинуть*; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *порунъ* 101; въ Ев. XIV в. Образцова, описанномъ Царевскимъ: *яшь* 67, *повелитъ*; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *Серль* 3, *Трубльшь* (род. Т-жа) 161, *дожтъ* 301; въ Лѣт. Аврамки 1495 г.: *пришетъ* ратью

96=припедь; въ сѣв.-великор. Златоустѣ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: пражь двири 233 об.; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: телѣхъ 99,100 (четыре раза). Рядомъ: въ Лаврентьевск. сп. лѣг.: Андронигъ апостоль 27; въ грамотахъ XVI—XVII вв. и въ печатныхъ книгахъ XVII—XVIII вв. поперегъ. Въ современномъ русскомъ правописаніи мы не находимъ глухихъ на мѣстѣ звонкихъ, и, кажется, исключенія представляютъ собою только форма 2-го л. повелит. *ѣшь* и слово *прить*; послѣднее едва ли не одного корня съ церк.-слав. *прѣдати*, *прѣдѣ*, съ малор. *прудкій*; *т* изъ формы имен. ед. *прить* перешло въ формы косвенныхъ падежей: *прити*, *притью*. Срв. 1) др.-русск. и соврем. русск. *столбъ*, род. *столба* (отчества: *Столбовичъ* въ Новгородской лѣт. подъ 1308 г., *Столбовъ* въ новгородск. Писцовыхъ книгахъ 1495 г.), при церк.-слав. *стлѣнь*; гал.-волынск. *вертебъ*, въ *вертьбѣ* въ Ев. Верковича XIV в. 103 об., 104 об.; соврем. ростовск. *свирибый*, тверск. *vertebнище* (*Колосовъ*), при ц.-слав. *сверѣнь*, *врѣтьнь*; 2) соврем. великор. *тулупъ*, род. *-на*, при малор. *тулубъ*, род. *-ба*; соврем. сѣв.-великор. *шазъ*, *-ха* (отсюда *шазати*), при московск. *шакъ*, *-га* (=шагъ).

Переходъ в ъ у. Согласный *ѡ*, имѣвшій послѣ себя глухой гласный, по мѣрѣ сокращенія этого глухого, во многихъ случаяхъ сталъ переходить и наконецъ (когда глухой исчезъ) перешелъ въ *у*. Собственно - новгородскіе памятники почти совсѣмъ не знаютъ *у* изъ *ѡ*; можно указать: *Кормчая* ок. 1282 г.: *уторникъ* 522 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: *полутора ста=поль сътора съта* 45, *уторникъ* 214, 219; срв. словацк. *utorok* (*у* древнее, не изъ *ѡ*?); *Евангеліе* 1355 г.: *у* праздыникъ 159 об. Двинскія грамоты XV в. имѣютъ *у* изъ *ѡ* сравнительно часто: *у* *Пякинничѣ* земли, *у* томъ острови, *у* *рѣкахъ*, *у* *лѣсѣхъ*, *у* *Яковле* мѣсто, *унукъ*, *Уласей=Ыласій*. Срв. въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ—въ новгородскомъ, онежскомъ, архангельскомъ, чермскомъ, вятскомъ—почти полное отсутствіе *у* изъ *ѡ* (лишь изрѣдка *удова*), а въ меньшей части—въ вельскомъ, ярепскомъ, тотемскомъ, потомкахъ древняго двинскаго,—частое употребленіе *у* вм. *ѡ*. Въ памятникахъ псковскихъ XIV в. случаи перехода *ѡ* въ *у* болѣе часты: *Параклитикъ* 1386 г.: *укусивъшю*, *узвеличися*, хотя и не составляютъ обычнаго явленія, какъ въ памятникахъ полоцко-смоленскихъ. Изъ послѣднихъ въ старшемъ—въ договорѣ Смолен-

ска съ Ригю 1229 г.—мы читаемъ: уздумаль, у Ризѣ, устоко (о=ъ), у Русе (е=ъ)=съ Русь и т. п.; въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 г.: у Полотеско, и т. п. Въ западно-русскихъ грамотахъ XIV в. и позже, выдапныхъ литовскими князьями и польскими королями, у изъ *в* встрѣчается весьма часто; оно представляетъ самое обычное явленіе и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчїи. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ оно тоже весьма часто и встрѣчается уже въ древнѣйшемъ изъ нихъ—въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: доулѣить; Галицкое Ев. ок. 1266 г. имѣть у изъ *в* уже не разъ: укупѣ, узяти, у шестую годину, улѣсти у корабль; Поликарпово Ев. 1307 г.: у водахъ, не уведи во искушѣныѣ, унутрѣныѣ, уторыи; Луцкое Ев. XIV в.: у слѣдъ, усходяща, видѣуше. Это у не рѣдко и въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи. Въ памятникахъ средне-русскихъ, не имѣющихъ особенностей повгородскаго говора, замѣна *в* черезъ у встрѣчается весьма рѣдко; такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы находимъ только: унуки 64, 65. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны ч и ц, нѣтъ почти совсѣмъ замѣны *в* черезъ у; въ говорахъ южно-великорусскихъ въ однихъ (въ Московской губ.) ея также нѣтъ, въ другихъ — въ тульскомъ, калужскомъ, орловскомъ, курскомъ и т. д.—она встрѣчается довольно часто, но ограничивается предлогомъ-префиксомъ *въ* и немногими словами съ начальнымъ *в*: удова, унукъ, усѣ=всѣ и т. п. Въ древнихъ памятникахъ кїевскихъ у изъ *в* нѣтъ.

Это у изъ *в* въ великорусскихъ памятникахъ (кромя двинскихъ) повидимому было обыкновеннымъ гласнымъ у, составляющимъ слогъ; такъ оно звучитъ въ соврем. великор. унукъ, удова, у городъ. Что до у изъ *в* въ памятникахъ двинскихъ и западно- и южно-русскихъ, то оно могло звучать или вездѣ какъ у не составляющее слога, или въ значительномъ большинствѣ случаевъ, подобно тому, какъ оно звучитъ въ современныхъ вологодскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: ѱ городъ, роѱный, лоѱ (=ловъ).

Рядомъ съ ѱ въ ѱ городъ и т. п. въ говорахъ, имѣющихъ ѱ, сохранилось древнее *в* (или образовавшееся изъ пего *ѳ*): *в* городъ.

Переходъ *в* въ ѱ имѣлъ мѣсто также въ концѣ словъ: современн. малор. петроѱ=петровъ, кроѱ=кросъ и т. п.

Переходъ у въ е. Гласный *у*, находясь безъ ударенія передъ гласными и согласными, тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало нахождения полнаго гласнаго звука, во многихъ случаяхъ перешель въ *у* не составляющее слога и передаваемое въ старыхъ текстахъ то черезъ *у*, то черезъ *е*; а это *у* въ свою очередь перешло въ *е*.

Собственно-новгородскіе и средне-русскіе памятники, а за ними и большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, почти совсѣмъ не знаютъ *е* вмѣсто *у*: Ев. 1355 г.: евангелія въскресная застреня 147; Лаврентьевскій сп. лѣт.: заьтра 12; бѣлозерская грамота 1613 г.: передъ застренею Ак. Юр. 75; вологодская грам. 1641 г.: послѣ застрени А. Ю. 370; современн. застра, застреня, застрокъ и т. п. Въ двинскихъ документахъ XV в. *е* изъ *у* болѣе часто: купи у Григорья, *еъ* Обросима, у Степана *еъ* Иванова, купи *еъ* Оврама *еъ* Онтонъновица, *еъ* пецати стоялъ (Ак. Юр.), *е* люди кунъ не имати, *е* пецати стояли (Ак. Калачева II, № 126). Современные потомки древняго двинскаго горора также знаютъ *ѣ* изъ *у*. Въ псковскихъ памятникахъ *е* вмѣсто *у*, кажется, не встрѣчается. Смоленско-полоцкія грамоты имѣютъ это *е* изрѣдка: смоленская грамота 1284 г.: *е* сѣбе=*у* себе; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *ео* отьца=*е* отьца=*у* отца. Въ западно-русскихъ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ *е* вмѣсто *у*—явленіе обычное. Нѣсколько случаевъ его употребленія представляетъ, между прочимъ, Псалтырь 1296 г.: да не въпаду пакы *е*добъ въ тыя же грѣхы 124=*у*добъ, кто *е*равнитса господѣви 185 об. (Синайская Пс.: *уравьнитса*), и *е*зволкоша волны... и *е*звеселишася яко *е*умолкоша 236 (Синайская Пс.: *умлъж*). Современные бѣлорусскіе говоры имѣютъ *ѣ* изъ *у* часто. Въ галицко-волинскихъ памятникахъ мы читаемъ: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: *еъ*мрете, *еъ*мыся, во *еъ*стѣхъ=*въ* устѣхъ, *еъ*шима=*у*шима, *е*хо=*у*хо, *еъ* отца=*у* отца; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: *на*ечи, съ *е*ченики, *еъ*мреть, во *еъ*тробѣ и т. п. Подобные случаи употребленія *ѣ* и *е* вмѣсто *у* мы встрѣчаемъ очень часто въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи. Памятники средне-русскіе, не знающіе мѣны *ц* и *ч*, имѣютъ *е* вмѣсто *у* рѣдко: Ев. 1354 г. (можетъ быть, московское): застра еще мрачно зѣло въставъ 65; Ев. 1357 г. (писанн. въ сѣверн. Галичѣ): видѣхъ *еъ* отца моего 13 об.; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: застреню, Ак. Арх. Э. IV, 79. Изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ

тѣ, которые имѣють *у* изъ *е*, имѣють и *е* вмѣсто *у* и особенно часто употребляютъ *е* въ значеніи предлога-префикса *у*: *еъ* мене, *еъ* насъ; прочіе великорусскіе говоры знаютъ новое *е* только въ словахъ *заэтра*, *заэтрокъ*, *заэтрениа* и производныхъ (срв. «да чу, и къ заэтрениѣ звонять», Жуковскій).

Чередованіе *е* и *у* въ однихъ и тѣхъ же словахъ (*весь*, им. ед., и *усего*, род.; *е* огни и *у* домъ) вызвало также появленіе *уе* вмѣсто *е* и *у*. Это *уе* возникло въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ довольно рано: гал.-вол. Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *усторыи*; Луцкое Ев. XIV в.: *уевесь* народъ; Ипатскій сп. лѣт.: *устигли* 425 (рядомъ: *утягли*); гал.-вол. Поученія Ефрема Сирина 1492 г.: *уе* адъ; западно-русскіе акты XV—XVII вв. имѣють его нерѣдко; срв. въ Псалтыри 1296 г.: *еъеъ* вѣкъ 218; въ Ев. Тягинскаго XVI в.: *е'во* што, *е'во* сне, *еъвойдете* и т. п. Современные бѣлорусскіе, малорусскіе и нѣкоторые южно-великорусскіе говоры имѣють болѣе или менѣе часто: *уевесь* = *весь*, *уе* огни = *въ* огнѣ, *уе* огня = *у* огня, то съ *ѹ*, то съ *у*.

Переходъ *у* (изъ *ю*) въ *ѹ*, *е*, между прочимъ, имѣлъ мѣсто въ формахъ твор. п. ед. словъ женск. р.; въ записи Кирилло-бѣлозерскаго Сборника XV в.: в лѣто 6971... написана бысть сіа книга моею худою рукою; въ грамотѣ до 1459 г.: своею дочерью (Ак. Калачова I, 848); въ припискѣ конца XV в. въ Румянцевскомъ Ев. № 188: чтобы мя пожаловалъ волостиею 302 об.; въ грамотѣ XVI в.: въ межахъ съ монастырскою деревнею съ Троецкою (Ак. Оед.-Чех. I, 125). Судя по тому, что изъ великорусскихъ говоровъ формы твор. ед. на *ѹ* имѣють лишь потомки древняго двинскаго говора, всѣ указанные нами памятники написаны въ предѣлахъ древней Двинской земли. Должно замѣтить, что то же *ѹ* въ формахъ твор. ед. словъ женск. р. и мѣстоименій личныхъ и возвратнаго. знаютъ нѣкоторые западно-малорусскіе (карпатскіе) говоры: *рукоюѹ*, *моеюѹ*, *мноюѹ* (срв. однородныя формы твор. п. въ старыхъ сербскихъ памятникахъ въ родѣ *рукоюю*, *моеюю* и т. п., рядомъ съ *у* изъ *е* вообще).

Переходъ *у* въ *ѹ* и въ *е* какъ будто находится въ связи съ переходомъ начальнаго неударяемаго *и* составляющаго слогъ въ *и* не составляющее слога и затѣмъ или съ полнымъ исчезновеніемъ этого *и*, или съ переходомъ его въ *ј* (см. выше, стр. 92).

Переходъ л въ ѣ. Твердое л, находясь передъ согласными или въ концѣ словъ, въ разныхъ русскихъ говорахъ перешло въ не составляющее слога ѣ, такъ что старое волкъ сталъ звучать воўкъ, старое дамь — даў. Переходъ л въ ѣ, имѣющей самое обширное распространеніе въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, появляется въ юго-западно-русскихъ текстахъ сравнительно поздно: приписка к. XVI в. въ Ев. Слуцкаго Троицкаго монастыря: самъ своею рукою переписаѣ, тотъ князь учиниѣ; приписка XVI—XVII в. Румянц. Ев. № 127: за довѣгъ; Сборникъ XVI—XVII в. Син. Библ. № 937: небо сотворилъ словоѣ..., небо змѣриѣ пядию, море разлиѣ горстию 21 об.; печатныя южно-русскія изданія XVI—XVII в. (особенно Лексиконъ Памвы Беринды 1627 г.). Тотъ же переходъ имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (главнымъ образомъ Вологодской губ.). Старыя великорусскія формы прошедш. врем. въ родѣ сгадаѣ ѣсмь (грамота Олега рязанскаго послѣ 1356 г.) къ нему не относятся; срв. современн. онъ пришетчи, онъ выпавшись.

Переходъ е въ л. Измѣненіе е въ твердое л произошло лишь въ немногихъ отдѣльныхъ словахъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ колды, толды, завсемды (изъ коеды и т. д.) и въ рядѣ великорусскихъ же собственныхъ именъ. Нарѣчія являются съ л впервые въ грамотахъ XVI в.: въ суздальской грамотѣ 1556 г.: толды Ак. Ѡед.-Чех. I, 143; собственные же имена—въ грамотахъ XV в.: грамота XV в.: Олтухъ (=Евтихій) Ак. Ѡед.-Чех. I, 5; новгородск. грамота 1567 г.: Олфимовъ Ак. Арх. Э. I, 311; соликамск. грам. 1609 г.: Олфимко Ак. Арх. Э. II, 151; срв. въ новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г.: Олфимъ (I, 550) и др. Кіевскій Помянникъ XVI в. не разъ имѣетъ собственные имена съ л: Елтуфій, Елхимъ, Елфимія. Современные южно-великорусскіе говоры имѣютъ Алдакимъ, Алдакея, Алдотья (=Евдокія), Алгинья (=Евгенія). Срв. фамиліи Алпатовъ (отъ Евпатій), Олсуфьевъ (отъ Евпсихій), Алтуховъ. Можно указать еще на олонецк. селгоду (=сего году) и на шенкурск. волторникъ (=восторникъ). Должно замѣтить, что тотъ же переходъ е въ л существуетъ въ одномъ изъ польскихъ говоровъ: Ałgustów (Wisła, III, 168).

Переходъ г въ ѣ и въ j. Къ числу древнѣйшихъ обще-русскихъ измѣненій въ области согласныхъ принадлежитъ измѣненіе г=ѣ въ г=ѣ.

Какъ сказано выше, первоначально *z* произносилось у насъ какъ *g*; но очень рано вмѣсто него стало слышаться *h*: въ надписи на чарѣ князя Владимира Давыдовича до 1151 г.: осподаря; въ галицко-волынскомъ Ирмолю XII—XIII в.: благослите, благосленъ; въ полоцкой грамотѣ конца XIII в.: благосвляю, благосвѣннѣ. Эти написанія показываютъ, что въ приведенныхъ словахъ писцы не только произносили *z* какъ *h*, но иногда и опускали этотъ звукъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ мы нерѣдко замѣчаемъ отсутствіе *z* въ началѣ словъ *господарь*, *государь*, *господинъ* и т. п.: въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: отъ оспожына заговѣннѣ; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: осподаря; въ южно-русск. грамотѣ ок. 1386 г.: осподаремъ; въ смоленской записи Исаака Сирина 1428 г. Публ. Б.: осподарю (рядомъ: *господарь*); вкладная половины XV в. въ новгородскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Б.: за осподаря; въ повѣсти объ Акирѣ XV в.: осподинъ, -на; въ зап.-русск. Четвѣ 1489 г.: осподарьскъ, оспоже, и т. п. Такого рода исчезновеніе *z* могло имѣть мѣсто, конечно, только въ томъ случаѣ, когда *z* произносилось какъ *h*. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *h* господствовало уже въ XIV в. Къ этому времени относится начало употребленія въ грамотахъ латинскихъ князей и польскихъ королей новаго знака для *z=g=k*, который почти постоянно является въ словахъ, заимствованныхъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ изъ польскаго и литовскаго языковъ (гдѣ *g*, не *h*): Скирикмайло, Кедроитскіи князи, киды, и крайне рѣдко въ словахъ чисто русскихъ, въ родѣ *кдѣ*. Если мы возьмемъ латинскія грамоты, писанныя въ Галиціи, то найдемъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ *h*, а не *g*: въ грамотѣ 1371 г.: *Hodovica*; въ грамотѣ 1375 г.: *haliciensis*; въ грамотѣ 1451 г.: *hlubokigo*; впрочемъ рядомъ съ *h* въ нихъ встрѣчается и *g*: грамота 1378 г.: *mogilla*; грамота 1451 г.: *hlubokigo*, *Jurgi*=Юрій, Юргій; изъ послѣднихъ данныхъ несомнѣнно русское *Jurgi* указываетъ на то, что въ XIV и XV вв. въ малорусскихъ говорахъ, не смотря на господство *h*, кое-гдѣ еще оставалось *g*; срв. *к* въ словѣ *розка*=роза (Галицк. Ев. 1283 г. и Луцк. Ев. XIV в.), современн. украинск. *різка*, образовавшаяся, конечно, изъ *g*, а не изъ *h*.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчій одни говоры (южные) употребляютъ одно *h* (въ нихъ нѣтъ *g*), другіе знаютъ *h* въ боль-

шемъ количествѣ случаевъ, трети въ меньшемъ, четвертые совсѣмъ его не знаютъ. Нашъ литературный языкъ употребляетъ *h* послѣдовательно въ словахъ благодарить, благословлять, господь, господина, бога (род.) и т. д., богатъ и т. п. и нерѣдко въ словахъ мязокъ, лѣзокъ, дѣготъ, ноготъ (вліяніе формъ мяжкій, дѣстя и т. д.); можно слышать изрѣдка также голубъ, горохъ и др. съ начальнымъ *h*.

Кромѣ этихъ словъ, великорусское нарѣчіе знало и отчасти знаетъ звукъ *h* въ формахъ род. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій: хорошо, доброно, чоно; но съ теченіемъ времени это *h* въ значительной части говоровъ исчезло, такъ что явились сначала формы безъ *h*, до насъ дошедшія: хорошоо, доброо, чоо (изъ послѣдней южно-великор. неча=нѣчего; сравни форму род.-вин. ед. каждо въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: наумляя единого каждо 73 об., уды единого каждо ихъ 113 и т. п.), въ которыхъ потомъ на мѣстѣ *h* развилось *e* и такимъ образомъ получились современныя формы хорошоо, доброоо. Срв. сербск. руоо изъ руо, руоо, псковск. воспода (въ Погодинск. сп. Псковской лѣт. XVI в.; изъ осп—, hosp—), воспожынь (прибавл. XVII в. къ Домострою 148) изъ осп—, hosp—; бѣлор. гусли при гусли, великор. короодъ, караодъ при великор. и бѣлор. караодъ, кураодъ (корогодъ: Скорина, Исходъ 61 об.; Лютер. Катихизисъ 1562 г.); др.-русск. повоостъ (Лаврент. сп. лѣт. 59) и соврем. сѣв.-великор. повоостъ при повоостъ; сѣв.-велик. мново при много; срв. однако также великор. коода, кооды и т. п. изъ коода, бѣлор. коода, зеўзюля изъ зезз—, рядомъ съ зезюля (при др.-русск. зезица Слово о п. иг.), малор. зоўзуля, рядомъ съ зозуля, сербск. тзор (хорекъ), рядомъ съ тзор, моравск. leukú при lehkú; срв. ѣ изъ x (о чемъ см. ниже). Формы род. пад. съ *e* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ XV в.; такъ мы читаемъ въ записи новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: великово Новагорода, рукою убоговъ (z=o) калуѣра; въ надписи на крестѣ 1434 года: богольпново Преображения (Зап. Имп. Археол. Общ. X, 333); въ грамотѣ ок. 1445 г.: правово (Акты Калачова I, 97); въ Лѣтописи Аврамки, написанной въ Смоленскѣ въ 1495 году: мужа моеоо 233.

Вѣроятно, звукъ *h* слышался нѣкогда также въ великорусскихъ собственныхъ именахъ Богуславъ, Богухвалъ и Богушь, которыя въ документахъ XV—XVI вв. пишутся уже Буславъ и Боушь; въ

двинской грамотѣ XIV—XV в.: Михаилу Буславль (Ак. Юр. 117); въ 1-й Псковской лѣт. подъ 1500 г.: Ома Буславичъ; въ грамотѣ XVI в.: Буславъ (Ак. Оед.-Чех. I, 197); въ грамотахъ XVII в.: Бухвалъ (Ак. Юр. 149, Собр. госуд. гр. и дог. III, 34); срв. фамилиі Бухвостовъ, Бухвастовъ, появляющуюся въ документахъ съ конца XV в., и Бухряковъ, извѣстную по документамъ XVII в.

Звукъ *h* въ началѣ и серединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ словъ послѣ согласныхъ въ нѣсколькихъ словахъ отпалъ: де=идѣ, иде (впрашаху *оъ* царь ражається, Ев. 1358 г. 202 об.; *оъ* буду помялся, запись Апостола ок. 1389 г.), великор. кода, тода и т. п., оноды-сь, малорусск. тоді, иноді=когда, тогдѣ, малор. четверь = четвергъ; срв. великор. спасибо, малор. спасибі = спаси (3 л. повел.) богъ.

Другое измѣненіе *z=g*, въ *j*, спорадическое, исключительно передъ *e* и *и*, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ,—свойственно одному великорусскому нарѣчію. Великорусскіе документы съ начала XV в. имѣютъ болѣе или менѣе часто: княини (рядомъ съ князини); тѣ же документы имѣютъ: арханьиль и т. п.; Лѣтопись по Академич. сп. XV в.: аньильскыи образъ (Лѣт. по Лаврент. сп. 490); Ипатскій сп. лѣт.: аньеломъ 189, аньела 190 и др.; Стихиарь 1380 г. и запись Миней праздничной к. XIV в. Троицк. Л.: Юрмоена; запись новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: калуѣра; грамота 1549 г.: на Ермана (Ак. Оед.-Чех. I, 115); современн. великор. княиня (при княгиня), аистъ (вѣроятно, изъ аистъ), енераль и т. п.; срв. въ галицко-волинскомъ Ефремѣ Сирийѣ 1492 г.: у ѡваньельныхъ 103, аньель 139 об., аньельскыи 151.

Мѣна *φ* и *х*. Звукъ *φ*, перешедшій въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ, скоро былъ усвоенъ народомъ, но не вездѣ. Галицко-волинскій говоръ обнаружилъ мало способности къ усвоенію *φ* и сталъ замѣнять его или черезъ *х*, или черезъ болѣе близкое къ нему *ш*. Вслѣдствіе этого въ галицко-волинскихъ памятникахъ въ словахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка, мы иногда находимъ какъ бы отсутствіе различенія буквъ *φ* и *х*, употребленіе *х* вмѣсто *φ* и наоборотъ—*φ* вм. *х*: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: земля нехталимля, въ прѣдѣлѣхъ нехталимлихъ, Юрифонъ, Амфилофья; Луцкое Ев. XIV в.: Хроль; галицкія грамоты XIV в.: Хома, Хроль, Ходко, Ходоръ (срв. въ псковскомъ Параклитѣ 1386 г.: при поше Фодоре,

зап.; въ Ипатскомъ сп. л.: у Фодорка 595); галицкая грамота 1409 г.: Малофѣи; стоитъ еще отмѣтить въ Бучацкомъ Евангелии XIII в.: Вархоломѣя 2 об.; въ Каменецъ-Стромиловскомъ Ев. 1411 г. (описанномъ Крыжановскимъ): Ехеремъ, хварисейска; срв. въ Киевскомъ Помянникѣ XVI в. рядомъ: Халелѣй, Хотимія, Хима, Марха, Исихъ, Нехведъ, Малофѣй, Парфомій. Современные малорусскіе говоры въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ *ф* или черезъ *х*: Хома, Хівря (=Февронія), хуторъ (=ст.-пол. *futor*), или черезъ *хв*: Хведоръ, Хведько; только немногіе изъ нихъ имѣютъ *ф* и употребляютъ его, между прочимъ, вмѣсто *х* и *хв*: *фустка*, *форій*, *фистъ* (*хвостъ*).

Нѣкоторые великорусскіе говоры, напротивъ того, не только усвоили *ф*, но и обнаружили къ этому звуку нѣкоторое пристрастіе, такъ что стали замѣнять имъ *х* и *хв* (особенно *хв* черезъ посредство *хф*) и въ заимствованныхъ, и даже въ исконныхъ русскіихъ словахъ. Мы читаемъ въ Рязанской Кормчѣй 1284 года: Анфилофѣи 1 об.; въ Румянцевскомъ Обиходѣ XIII—XIV в.: Мамелфѣи 90 об.; въ Ев. 1358 г.: Мамелфѣи, Анфилофѣя, Фрусанфа; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Амфилофѣи; въ Ев. 1399 г.: лифою 60; въ Прологахъ XIV в. Тип. Б. № 346 и № 348: Мамелфа; въ Новгородской лѣт.: Тѣфѣрь 247 (при Тѣхѣфѣрь 160, 167, Тѣхѣфѣрца 164; срв. соврем. Тихвинъ); въ Канонарѣ 1457 г. Син. Библи.: Стеане и Профоре 72; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: фронографъ 200, финиптомъ 395 (срв. химипеть въ припискѣ къ Мстиславу Ев. послѣ 1115 г., греч. χριμειπτον); въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: фосту (Лѣт. по Лавр. сп. 114); въ описи домовою казны патр. Никона 1658 г.: оутынскою, оилондарьскаго; въ вкладной XVII в. при Лѣствицѣ Рум. Муз. № 493: Оутынь монастырь; въ Путешествіи попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русск. Архива): Лиѣинъ=Лихвинъ; въ грамотахъ XVII в.: Тифинъ, Лифинъ. Стоитъ отмѣтить еще въ Сборникѣ XVI—XVII в. Публ. Б. (Q XVII. 67): о монастырѣ тихфинскомъ; во 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: Тихѣина 370.

Современные южно-великорусскіе говоры (Орловской губ. и сосѣднихъ мѣсть) имѣютъ *фостъ*, *форостъ* и т. п.; въ однихъ сѣверно-великорусскихъ (Олонецкой губ.) слышится: *фастать*, *фатать*, а въ другихъ (Кирилловскаго уѣзда Новгородск. губ. и сосѣднихъ мѣсть) даже добрыфѣ, тѣфѣ, фто=кто. Литературный языкъ имѣетъ лишь

Филинъ (повидямому изъ *Хилинъ*: такъ читается это слово въ Румянц. Алфавитѣ XVII в. № 456, л. 476 об.; срв. фамилію *Хилиновъ* въ грамотѣ XVII в. Ак. Юр. 366) *финифть*, *кафельная печь* (нѣм. *kaachel* изразецъ), а московскій вульгарный говоръ еще—*куфня*, *панафида*, *фатера* (изъ *квартира*, черезъ посредство *хв*—), *фарталь*; срв. еще московск. *кушнѣнъ* (точнѣе *куфшнѣнъ*) и діалектич. великор. *кушнѣнъ* (такъ пишется уже въ памятникахъ XVI в.), *кушнѣнъ* и московск. *лашá* (можетъ быть, изъ *лофша*) и діалектич. великор. *лошá*, *лошá*.

Другіе великорусскіе говоры имѣють замѣну *ф* черезъ *х*, одни рѣже, другіе (южные) чаще. Она есть и въ памятникахъ: Прологъ 1262 г. 82 об. и Прологъ 1356 г. 90 об.: въ *Колозонѣ*; запись новгор. Октоиха 1457 г. Публ. Б.: *Перхурья*; современныя *Хворонья* (=Февронія), *Перхуръ* (=Порфирій), *Вахромей* (*Вафромѣи* Ев. 1393 г. 83=Вареоломей), *Остахъ* (=Евстаеій), *Дорохъ* (=Дорошеі). Древне-русскѣе *проскура* или, какъ въ *Кормчей* ок. 1282 г., *проскура* 105 = *просфора*, *просфура* (*Житіе Нифонта* 1219 г. 167)—обязано своимъ *к*, *х* вліянію глагола *проскумисати* *προσκυμίζειν* и производныхъ и не находится ни въ какой связи съ случаями замѣны *ф* черезъ *х*; срв. въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ *проскура*, современное сербск. *проскура*, ново-болгарск. *проскуръ*.

Бѣлорусскіе говоры стараго времени, можетъ быть, знали замѣну *хв* черезъ *ф*: Литовскій Статутъ 1588 г.: *лишою* 88, *уеалена* 244; Ев. *Тяпинскаго*: *фороба*, *форый*; зап.-русская *Псалтырь* XVI в. Рум. Муз.: *поватили*, *лиоу*, *форобы*; однако можно видѣть въ этихъ словахъ съ *ф* и въ связанныхъ съ ними малорусск. и бѣлорусск. *хороба*, *хорый*, съ *х*, —полонизмы: срв. старо-польск. *liŃa*=*лихва*, *faŃa*=*хвала* и т. п.; срв. также современн. польск. *chwalić*, *falić* и *chalić*, *chwoina*, *foina* и *choina* и т. п. Современные же бѣлорусскіе говоры обыкновенно замѣняютъ *ф* черезъ *х* или *хв*.

Замѣна *ф* (=греч. *φ*, не *ϕ*) черезъ *п* и наоборотъ произошла не на русской почвѣ, а вѣроятно, на греческой: *Осямовъ*, запись *Трефолая* 1260 г.; *Степанъ*, *Сопронъ*, *Кіевскій Помянникъ* XVI в., и т. п.; соврем. великор. *Осямъ*, *Степанъ*, малор. *Пилипъ* (въ грамотѣ *Ягелла* 1394 г.: *Палипова руда*), *Суррунъ*; *Огрофѣна*, *Огро-*

фина (=Агриппа), *Серафионъ* и др. Кіевскій Помяникъ XVI в., соврем. великор. *Аграфена*, *Прокофій*.

Срв. выше однородную замѣну *h* черезъ *с*: великор. *когда*, *тогда*, *ковды* и т. п., бѣлорусск. *зезюля*, *зеўюля*, малор. *зовзуля*, *зоўюля*.

Смягченіе согласныхъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе, въ историческое время существованія русскаго языка были еще случаи смягченія согласныхъ.

1. *Смягченіе гортанныхъ*, неорганическое и непереходное, имѣло мѣсто передъ *ы* и состояло въ томъ, что древніе твердые слоги *кы*, *мы*, *хы* превратились въ мягкіе *ки*, *ми*, *хи*. Начало этого явленія (если мы оставимъ въ сторонѣ фѣуники Святославова Сборн. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русскихъ говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: *кмихъ* 2 об., *великии* 173; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: *птїцямъ небесьскїмъ* 77; въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: *никии*, *въскисе*, *секира*; въ Лѣствицѣ XII в. Рум. Муз. № 198: *великими* 2 об., *аки* 69, 81, 83 об.; въ Богословіи Іо. Дамаскина XII в. Син. Библ.: *паки* 49, *плтьски* 96, *аки* 151; въ Житіи Θεодосія Печерскаго по сп. XII в.: *великии* 16 об., *паки* 41; въ Ев. 1283 г.; въ Житіи Саввы Освяц. XIII в. Изъ западно-русскихъ памятниковъ его имѣетъ старшій—договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: *ризеки*, *латипескии*, *латинескимъ*, *княгини*, *лихии*; въ болѣе поздней Псалтыри 1296 г. оно встрѣчается сравнительно часто: *с* *наимьники* 26 об., *истергии* 38, *ближники* 74 об., *други* 75, *ближики* 78, *аки* 116, 240, 252 об., 253, *праздники* 139 об., *искидашася* 152 *великими* 221 об. Новгородскіе памятники имѣютъ *ки*, *ми*, *хи* (если не считать другими въ Погодинскомъ Кондакарѣ, XII в. № 43, л. 4)—со второй половины XIII вѣка: *Кормчая* ок. 1282 г.: *нѣкимъ* 564, *праздники* 565, *чистительскихъ* 565 об., *кумирьскихъ*, *римьскимъ* 566 об., *кмиждо* 567, *Кмїеве*, въ *Кмїевѣ* 574 и др. (*нерѣдко*); Ев. 1355 г.: *многи* 4 об., *слуги*, *погибнетъ* 6, *некии* 8 об., *рекии* 11, *руки*, *паки* 17 об. и др. (очень часто); Прологъ 1356 г.: *погибнути* 3, *погибають* 6, *многи* 49, *аки* 69 об., 75, 78, *владыки* 79 об. и др. (*нерѣдко*); Новгородская лѣт. XIV в.: *югьрьскии*, *други* 95, *сътьскии* 116, *заморьскии* 145, *госпожинькии* день 211; новгородская грамота 1372 г.: *новгородскихъ*; гр. 1392 г.: *заморьскихъ*; *Тактиконъ* Никона Черногорца 1397 г. (часто). Средне-

русскіе памятники: духовныя в. кн. Ивана Калиты и другихъ московскихъ князей, Ев. 1339 г., Ев. 1354 г., Ев. 1357 г., Ев. 1358 г., Стихирарь 1380 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. 1393 г., Ев. 1399 г., имѣютъ смягченныя гортанные болѣе или менѣе часто, нѣкоторые даже почти постоянно.

Должно думать, что это смягченіе происходило постепенно и что нѣкоторое время слоги *кы* и др. могли быть съ одинаковымъ основаніемъ передаваемы на письмѣ и черезъ *кы*, и черезъ *ки*; отсюда въ памятникахъ XII—XIII вв. колебаніе между *кы* и *ки*; такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнескыи, латинескымъ, Ригы; но вѣроятно, къ XIV в. смягченіе гортанныхъ въ русскомъ яз. уже закончилось, и употребленіе послѣ гортанныхъ *ы*, напри- мѣръ, въ грамотѣ Кейстута ок. 1341 г.: Дорогычинь, въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: послухы (рядомъ съ сороки, вѣки), въ московской грамотѣ 1447—53 г.: посельскымъ, симановскыи, верзневскымъ, и особенно въ рядной Тѣшаты нач. XIV в.: Якымъ, Домославъ Вѣ- кошкынъ,—должно быть отнесено насчетъ ореографической тради- ции. Что до современнаго языка, то въ немъ еще находятся кое- какіе остатки старыхъ не смягчившихся гортанныхъ — формы въ родѣ отыскывать, отпихывать (рядомъ съ отыскивать и т. д.),— сохранившіяся благодаря вліянію существующихъ рядомъ съ ними родственныхъ образованій съ твердыми гортанными: исать, пизать и т. д.; срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: выискывати 245, при- скываху 254 и др., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: выполоскываеъ 199, въ Палеѣ 1406 г.: опухываше 74 об., въ грамотѣ архіеп. Геннадія 1490 года.: обыскывати (Р. Ист. Библ. VI, 767).

Позднѣе неорганическое смягченіе гортаннаго *к* начало разви- ваться передъ разными гласными, обыкновенно въ исходѣ словъ, при предыдущемъ мягкомъ согласномъ или *j*-тѣ, исключительно въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: въ двинскихъ грамо- тахъ XV в.: им. ед. староста купечкеи (*e=ë*) и т. п.; въ 2-й Псковской лѣт.; им. ед. опопкеи (*e=ë*) и т. п. (срв. современн. сѣверно-великор. им. ед. молодецкѣй и т. п.); въ письмѣ Гера- сима къ Юсіфу Волоцкому 1489 г.: бочкю (вин., М. Дух. Ак. № 144); въ Домостроѣ XVI в.: колке, толке, сколке, легонке; въ грамотѣ 1517 г. (московской): пожаловаль есми Степанкя да Осифька да Володкю да Ромашка, судяъ Степанкя да Осифько да Володке

да Ромашко, а Степаня да Осифько да Володке да Ромашко (Ак. Арх. Э. I, 132—133); въ грамотѣ 1521 г.: Наскя сказывааетъ (Ак. Ист. I, 187); въ грамотѣ 1543 г. (копирской): противъ Ѳедкя (Ак. Ѳед.-Чех. I, 101); въ грамотѣ 1548 г.: Ѳедкя Лапта; въ грамотѣ 1547 г. (муромской): Ивашкя Шевякъ; въ грамотѣ 1673 г. (тульской): Аниськя Сязовъ (Ак. Юр. 452, 247, 389); въ Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: синкю. Большая часть современныхъ южно-великорусскихъ говоровъ имѣетъ мягкое *к* при предыдущемъ мягкомъ согласномъ (кромѣ *ц* и *ш*, древняго и изъ *ж*) и *ј*-тѣ: батькя, Васькя, Ванькя, чайкю, чайкѣмъ, копѣйкя, толькя, легонькя, при головка, Абрамка, Ванюшка, немножко и т. п. Нѣкоторая часть сѣверно-великорусскихъ говоровъ также знаетъ смягченіе *к* при предыдущемъ мягкомъ (и при *ц*, *ш*) или *ј*-тѣ. Таковы, между прочимъ, говоры Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губерніи, потомки древняго двинскаго говора, имѣющіе матушкя, матушкю, заморьскѣй, молодецкѣй (им. ед.). Эти сѣверно-великорусскіе говоры, при смягченіи *к*, имѣютъ и смягченіе *х*: верьхю. Наконецъ смягченіе *к* произошло въ одной группѣ малорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ мягкое *к* подверглось переходному смягченію и дало *т*: Ваньтя, чайтю.

Нѣтъ сомнѣнія, что смягченіе гортаннаго произошло вслѣдствіе вліянія предыдущаго мягкаго звука.

Кромѣ неорганическаго смягченія гортанныхъ, мы встрѣчаемъ въ памятникахъ кievскихъ и великорусскихъ спорадическіе случаи смягченія гортанныхъ органическаго—*к* въ *т*, *г* въ *д*: въ духовной кievскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: Овдоміи; въ описаніи кievскаго замка XVI в.: Овдутья (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, I); въ Кievскомъ Помянникѣ XVI в.: Овдомія 7 и др., Поладія (=Поладія, великор. Палагѣя) 5, 7, 22; въ спискахъ Кievской лѣтописи (въ томъ числѣ въ Ипатскомъ): Дургий, Дурдий (при Гургий); въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: Лутьянь (=Лукьянь; Ак. Юр. 112); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: Акатъевичъ (отъ Акакій); въ спискахъ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописей XV—XVII вв.: Жидимонтъ; въ записи Октоиха 1536 г. Тр. Л.: Поладѣи и Микулѣ; срв. въ южно-русск. Дубенскомъ Ев. XVI в. Рум. Муз.: Оудоміи. Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортанныхъ: Овдутья,

Мартьянъ (=Маркіанъ), Левтѣй (=Левкій), Евденя, и въ словѣ андель (срв. малорусск. Ничипоръ); кромѣ того, въ рядѣ великорусскихъ говоровъ, то рѣже (въ заимствованныхъ словахъ), то чаще, слышится *телья*=*келья*, *бутеть*, *смить*=*скить*, *тинуть*, *рукавичти*, *дитара*, *здинуть*=*сг-* и т. п.; а нѣкоторые изъ этихъ говоровъ, окающіе, довольно послѣдовательно смягчаютъ каждое мягкое *к*, *г*.

Кстати замѣтимъ слѣдующее. Слово *паутина* (великор. и малор.-галицк.), которое обыкновенно считаютъ происшедшимъ изъ *паукина* и рядомъ съ которымъ существуетъ слово *паучина*, происходитъ не отъ *паукъ*, а отъ другого слова того же корня съ тѣмъ же значеніемъ—*паутъ*, существующаго теперь и съ значеніемъ *паукъ* (въ Ярославской губ.), но чаще съ значеніемъ *оводъ*. Въ словахъ *истецъ* (отъ *исто*=капиталь, древнѣйшее значеніе: собственникъ, заимодавецъ; срв. ст.-польск. *ісіес* заимодавецъ), *ластиться*, *пустить*—*т* не произошло изъ *к*.

Замѣчательно, что рядомъ съ смягченіемъ *к* и *г* въ *т* и *д* мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ говорахъ спорадическіе случаи замѣны мягкихъ *т* и *д* мягкими *к* и *г*, исключительно въ заимствованныхъ словахъ: грамота XV в.: Костянькинъ (Мейчикъ, 117); грамота 1654 г.: Іевъ *Китовъ* сынъ (Ак. Юр. 340); современн. московск. вульгарн. *Кить* (=Тить), *апекить*, *кіятръ*, *брѣнъ* (Островскій), *Костянкинъ*, *кесемка*, *пашкѣтъ*. Повидимому, мягкое *т* замѣнено черезъ *к* въ великор. *скирдъ* (въ грамотѣ 1518 г. Ак. Юр. 275): срв. малор. *стиртъ*, бѣлор. *стиртъ*, польск. *sturt*. Одинъ изъ малорусскихъ говоровъ (покутскій, въ Галиціи) послѣдовательно замѣняетъ каждое мягкое *д* и *т* черезъ *г* (=g) и *к*: *ідъ*=*дѣдъ*, *у хакі*=*въ хатѣ* и т. п.

2. *Смягченіе н*. Очень близко къ неорганическому смягченію гортанныхъ въ *батька* неорганическое смягченіе согласнаго *н* въ исходѣ словъ при предыдущемъ мягкомъ согласномъ и *й*-тѣ, извѣстное въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ: им. ед. *сильнѣй*, *вольняя*, *довольнѣ*, *скучнѣ* и т. п. Одна изъ пѣсенъ, записанныхъ для Р. Джемса въ нач. XVII в. имѣеть: *ко сильному царству*.

Рядомъ съ смягченіемъ *н* мы видимъ при однородномъ условіи—при предыдущемъ твердомъ согласномъ—*отвердѣніе н*: им. ед. *нижней*, *лишмой*, *конюшна* и т. п.; оно извѣстно въ тѣхъ же говорахъ.

Вѣроятно, однородное смягченіе мы имѣемъ въ сѣв.-великор. штѣ, гдѣ *т* смягчилось подѣ влияніемъ предыдущаго мягкаго *ш* (=др.-р.-чѣто).

3. *Смягченіе зубныхъ*. Переходное смягченіе мягкихъ зубныхъ *д* и *т* въ мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц* рѣдко въ великорусскихъ говорахъ, и слова въ родѣ *дзѣци*, *церпѣць* встрѣчаются только въ немногихъ окающихъ говорахъ и лишь въ одномъ-двухъ акающихъ, прежде окавшихъ. Переходъ мягкихъ *д* и *т* въ мягкія *дз* и *ц*—явленіе свойственное большей части бѣлорусскихъ говоровъ, въ томъ числѣ говору ржевскому, Тверской губ., и нѣкоторымъ малорусскимъ говорамъ (Минской и Гродненской губ.), составляющимъ переходныя ступени отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому. На бѣлорусской почвѣ онъ восходитъ, можетъ быть, къ сравнительно древней эпохѣ; но звуковая близость мягкаго *д* и мягкаго *дз*, мягкаго *т* и мягкаго *ц* даже теперь такъ велика, что не было надобности въ передачѣ этихъ *дз* и *ц* какимъ-нибудь способомъ. Понятно, не только въ грамотахъ XIII—XIV вв., но даже въ такихъ печатныхъ изданіяхъ, какъ Библія Скорины начала XVI в., Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., Ев. Тяпинскаго, Литовскій Статутъ 1588 г., въ Познанскомъ Сборникѣ XVI в., въ грамотахъ и актахъ XVI в. мы не находимъ указаній на смягченіе зубныхъ. Правда, въ грамотахъ встрѣчаются изрѣдка формы въ родѣ *слаць*, *справиць* (грамота 1528 г.), но это, повидимому, не что иное, какъ обычныя въ нихъ полонизмы. То же должно сказать и о большей части случаевъ употребленія *ц* въ западно-русскихъ грамотахъ XVII в., напр., о словѣ *цетревъ*=тетеревъ—срв. польск. *ciętzew*, польское происхожденіе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Только въ нѣсколькихъ зап.-русскихъ аетахъ XVII в. мы встрѣчаемъ изрѣдка слова чисто-русскія съ *ц* и *дз*, гдѣ эти звуки могутъ быть относимы уже на счетъ русскаго языка и принадлежать тогдашнему произношенію бѣлоруссовъ: *Цимошка*, *Арцемъ*.

Въ большей части современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ не существуетъ мягкихъ *д* и *т* передъ гласными: всѣ они перешли въ очень мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц*: *дзѣдъ*, *дзерѣво*, *цѣсто* и т. п. (кромѣ вопросительной частицы *ти*, гдѣ *т*, вѣроятно, новаго происхожденія—изъ *ч* или *ц*); равнымъ образомъ нѣтъ *д* и *т* передъ мягкимъ *в*: *дзѣвѣ*, *цвердзѣць*.

Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными *е* и *и* произошло въ галицко-волынскомъ говорѣ и сопровождалось отождествленіемъ *и* съ потомкомъ древняго *ы*. Благодаря ему, напримѣръ, древнее сочетаніе *те* (срв. малор. формы 2-го л. мн. повелит. н. беріть, съ мягкимъ *т*, изъ берѣте) превратилось въ сочетаніе близкое къ великор. *тэ* или даже съ нимъ тождественное; древнее сочетаніе *ти*—въ *ти* (съ среднимъ *и*, болѣе твердымъ, чѣмъ великор. *и*) или *ты*. Случаи употребленія *ы* вм. *и* и наоборотъ, указывающіе на отвердѣніе согласныхъ передъ *и*, являются въ галицко-волинскихъ памятникахъ уже съ XII в., но до XIV в. очень рѣдки и не внушаютъ къ себѣ довѣрія; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: погубывыи, просыти, съвѣтъныкъ; въ Галицкомъ Ев. 1283 г. (съ южно-славянскими чертами): пустыню 51 об., стидяхуся 54 об., сырѣ=сирѣ 86; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: о назаряныиѣ, седмижды; въ Луцкомъ Ев. XIV вѣка: съ нымъ; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: синѣ, познавами (1-е л. мн.), с болоти, подимья (род. ед.) и т. п.; въ молдавской грамотѣ 1436 г.: Владиславоы, кролевы (дат.). Современные малорусскіе говоры имѣютъ одинаково-твердые согласные въ древнихъ *сирота* и *сырѣ*, *иди* (повелит.) и *дымь*, *ити* (неопредѣл.) и *тынь* и т. п.; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже древнее сочетаніе *ли* (*лмхо*) имѣетъ твердое *л*, то самое, что въ древнемъ сочетаніи *лы* (*лмсь*). Отвердѣніе не распространилось на гортанные, которые смягчились передъ *ы*: соврем. сѣв.-малор. *рукі* и т. п., но лишь въ части галицко-волинскаго говора (срв. соврем. украинск. *руки*); сверхъ того, оно, конечно, не коснулось *ѣ*-та: соврем. малор. *іти* (изъ *ѣти*), *поіти*, *украіна*.

Кромѣ галицко-волинскаго отвердѣнія согласныхъ передъ *е* и *и*, въ русскихъ нарѣчіяхъ произошло еще отвердѣніе шипящихъ, *ц*, *р* и губныхъ.

1. **Отвердѣніе шипящихъ и ц.** Какъ сказано выше, шипящіе звуки въ древнѣйшую эпоху исторіи русскаго языка были мягки, т. е. произносились: *ж*—какъ наше *ж* въ словахъ ѣжю, вижсятъ, *ш*—какъ наше *ш* въ *щ* (т. е. въ *шш*) въ словахъ пищю, пищятъ, *ч*—какъ наше *ч* въ плачю, тучя. Мало-по-малу шипящіе начинаютъ отвердѣвать во многихъ говорахъ. Относящіяся сюда данныя, указывающія уже на полное отвердѣніе, находятся въ памятникахъ не ранѣе начала XIV в.: въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок

1300 г.: слышышь; въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: межы, княжыль; въ духовной Дмитрія Донскаго до 1389 г.: жывите, жыропкины, Сурожыкъ, жывота, держыть; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: жылами 172, жыва 187, жажы 410; въ кievской Псалтыри 1397 г.: лжы 79; въ тетради начала XV в. (въ Кирилло-бѣлозерскомъ Сборникѣ № 6—1083): жызни, служытеля, жытыя, жывыи, пажыть и др. 355 об., 357 об., 381. Послѣ XIV в. сочетаніе *ж*, *ш*, даже *ч* съ *ы* уже не рѣдкость; въ XVI—XVII вв. нѣкоторые писцы проводятъ его довольно послѣдовательно; нѣкоторые печатныя изданія того же времени (а за ними и наши церковныя книги) имѣютъ слоги *жы*, *шы*, *чы* постоянно. Очевидно, къ XIV в. шипящія *ж* и *ш* во многихъ говорахъ уже вполне отвердѣли; тогда же или вскорѣ потомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (главнымъ образомъ, западно-русскихъ) произошло отвердѣніе *ч*. Современные русскіе говоры имѣютъ, одни въ большемъ, другіе въ меньшемъ количествѣ, твердые шипящія. Литературный языкъ и большая часть великорусскихъ говоровъ произносятъ *ж* и *ш* твердо, а *ч* сравнительно мягко; нѣкоторые малорусскіе (западные) говоры отличаются обиліемъ мягкихъ шипящихъ.

Тѣ звуки, которые передаются у насъ черезъ букву *щ*, въ древности, какъ сказано выше, очень часто произносились какъ *шч*. Съ теченіемъ времени въ большинствѣ великорусскихъ и въ нѣкоторой части малорусскихъ говоровъ эта звуковая группа въ массѣ случаевъ, вслѣдствіе ассимиляціи второй ея части съ первой, перешла въ *ши* (т. е. въ долгое *ш*); изрѣдка, спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи, она образовала *шт* (съ мягкимъ *т*): сѣв.-великор. *штока*—щука, *ештѣ*—ещо и т. п. (рядомъ съ *жд* изъ *жж*: *пріѣждя*ть и т. п.); въ нѣкоторыхъ великорусскихъ, въ бѣлорусскихъ и въ большей части малорусскихъ говоровъ *шч* (откуда при цоканьѣ иногда *си*, *ши*) сохранилось до настоящаго времени.

Сказанное имѣеть въ виду только древнее *щ*—*шч* и то сравнительно рѣдкое новое *шч*, которое произошло изъ сочетанія разныхъ согласныхъ съ *ч* (разношчикъ, объѣшчикъ = ѣздчикъ и т. п.). Новое *шч*, образовавшееся при сложеніи предлоговъ-префиксовъ съ именами и глаголами, обыкновенно сохраняется (оно не перешло въ *ши*): *ш* чстью=съ чстью, *ш* чѣмъ=съ чѣмъ (но *шшѣ*тъ счетъ, *шшит*ать и т. п.).

Двойное *ш*, т. е. *шш*, равно какъ и двойное *ж* въ *ѣжжю*, *вижжять*, *пожжсе* (отъ поздно), въ литературномъ языкѣ произносятся мягко, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ двойное *ш* и двойное *ж* образовались при сочетаніи предлоговъ и префиксовъ съ именами и глаголами: *ж жонами*, *жжэчь*, *ш шытьемъ*, *шшуть*, и гдѣ оба *ж* и оба *ш* произносятся твердо. Находясь послѣ согласныхъ, мягкое двойное *ш* можетъ переходить въ простое *ш*, иногда сохраняющее свою мягкость: *ямшикъ*, *женшина* (рядомъ съ *морщить*, *топорщиться*, *прельщять*, *холщевый*), иногда звучащее уже твердо: *толщина*, *Польша* (малор. *Польща*, польск. *Polska*), *першавый* (при *шерсть*). Находясь же передъ согласными, двойное *ш* переходитъ въ простое *ш*, то мягкое, то твердое, въ зависимости отъ качества слѣдующаго согласнаго: *женишко*, *сынишко* и т. п., откуда *женишка*, *сынишка* и т. п. (изъ *-щико*; срв. ц.-сл. и др.-русск. уменьшительныя на *ище*: ц.-сл. *женище* *γυναιχάρισον* въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в., *велблудище*=верблюженокъ, др.-русск. *Кузьмище*, *Петрище*, *срачища*=рубашонка въ Повѣсти о Дракулѣ и т. п.), *кleshня* (изъ *клѣщья*; срв. *кleshи* и т. п.), *пешня* (ломъ для колки льда; срв. *пѣсть* и т. п.), *шмель* (срв. ст.-пол. *szczmieł*, великор. и малор. *чмель*, *чміль*), *пригоршня* (срв. въ Житіи Θεодосія Печ. по сп. XII в.: *пригъръща*), *тошнить*, *тошно* (срв. *тоска*), *плошка* (срв. въ московской грамотѣ 1484 г.: съ *варницъ* *площокъ* не емлютъ; въ московской грамотѣ 1473—1478 г.: ни *куницы*, ни *плошки*, Ак. Арх. Э. I. 77), *плюшка* (названіе здробнаго хлѣбца; срв. *плюшить*), *горшокъ*, *горшка* (*горщики* Домострой; срв. бѣлор. и малор. *горщокъ*), *плашмя* (срв. ст.-русск. *плащъ*=пластинка). Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ нѣкоторые согласны съ литературнымъ языкомъ, но въ большей ихъ части всякое двойное *ж* и двойное *ш* звучитъ твердо: *ѣжжю*, *шшукъ*, причемъ двойное *ш* не только при согласныхъ (*дошка*=доска, срв. въ Новгородской лѣт. XIV в.: *дъщька* 148, 149 и соврем. великор. *дощечка*; *радошный*, *хрушкѡй*=жесткій), но иногда даже между гласными и послѣ гласныхъ въ исходѣ словъ переходить въ простое *ш* (*ешо*).

Только что сказанное имѣетъ въ виду лишь *шш* изъ *шч*. Что до сравнительно-новаго *шш* (иногда изъ *жш*), то въ однихъ случаяхъ въ литературномъ языкѣ оно звучитъ мягко: *слаще* (изъ *слажше*; срв. въ договорѣ Василя Темнаго съ Шемякою 1440 г.:

братья молощя), въ другихъ—твердо: *вышшій* (=вышш-), *нишшій* (=нишш-).

Вотъ нѣсколько историческихъ данныхъ относительно *ш*. Пандекты 1296 г.: *видяшихъ* 28 об., *бывшихъ* 36 об., *искущаещи* 58 об., *тшится* 102; Чудовской Новый Заветъ XIV в.: *умершвена*, *умершвенье* 101, *умершвями* 118 об., и т. п.; повгор. Ев. XIV в. Образцова, описанное Царевскимъ: *терзающе*, *сходящую*, *идушую*, *влагалиша*, *оправдишися*, *взяща*, *послушати*; Амарголь XIV в.: *прельшень* 7, 52 об., 69, *прельшая* 63, *умершвение* 10 об., *смердяшии* 55 об., *толшею* (твор.) 125, *обрѣтъщимся* (дат.) 62 об.; Погодинск. Сборникъ нач. XV в. № 872: *якоже можаше* и *хотяше* 227 об.; сѣверно-русск. Златоустъ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: *поропши* 9, *прельшаемъ* 12, *въземъше* 254, *бывцу* 501 и т. п.; грамота 1630 г.: *бояршина*, *монастыршина*, Ак. Юр. 206; Космографія Бѣльскаго 1670 г. Публ. Б.: *женшипы* 18 об.; Румянцевскій Сборникъ к. XVII в. № 16: *обманшикъ* 4. Сверхъ того, *ш* и *щ* часто смѣшиваются въ Лаврент. сп. лѣт. Взаимная мѣна *ш* и *щ* въ этихъ данныхъ ясно указываетъ на произношеніе писцами памятниковъ *ш*—какъ двойнаго или одиночнаго *ш*.

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры, сохраняющіе *шч*, имѣютъ это *шч* также на мѣстѣ древняго *шш* (*жш*): малор. *солошчій*, *крашче* (=крашше) *вишче*, *пишче* и т. п. Мѣсто *шч* передъ согласными и въ нихъ можетъ занимать *ш* (рядомъ съ *ч*): малор. и бѣлор. *дошка* (при малор. *дочка*=доска), *горшокъ*, *горшка* (при малор. *горщокъ*).

Звукъ *ш* имѣлъ ту же судьбу, что и *ж*, *ш*; старшія данныя, указывающія на отвердѣніе, относятся также къ XIV в.: кievская Псалтырь 1397 г.: *языцы* 84 об. Оно особенно сильно распространилось въ великорусскихъ говорахъ и здѣсь повело къ отвердѣнію согласнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи при глаголахъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ (въ формахъ 3-го лица ед. и множ. ч. и въ неопредѣленн. накл.), находясь послѣ глагола, какъ бы слилось съ нимъ, причемъ, подъ вліяніемъ конечнаго *т* этихъ формъ, *с* мѣстоименія стало звучать какъ *ш*: *беретця*, *деретця*, *жмутця*. Это новое *ш* раздѣлило судьбу древняго *ш*, т. е. съ теченіемъ времени также отвердѣло (*беретца* и т. д.), и затѣмъ оказало свое вліяніе на возвратное мѣстоименіе тамъ, гдѣ оно стояло послѣ глагольныхъ формъ

1-го и 2-го лица, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; результатомъ этого вліянія было отвердѣніе *с* въ *ся*, или переходъ *ся* въ *са*. Отвердѣніе звука *с* въ *ся* извѣстно въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Сильвестровскомъ Сборникѣ этого вѣка (Тип. Библ.) мы находимъ: *насладися*; въ Ев. 1354 г.: въ своя *сы*; въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: въ своя *сы* (Лѣтопись по Лаврент. сп., 505); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: *оженися* 58. Сравни современн. великорусск. *беруса*, *деруса*, *бересса* и т. п., *билсы*, *ударилсы*; срв. также въ малорусскомъ пинскомъ говорѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ бѣлорусскихъ говорахъ: *сподѣваюса*, *купаласа*, *отозвавса*.

Нарѣчія *суда*, *отсуда*, обыкновенно произносящіяся въ великорусскихъ говорахъ съ твердымъ *с*, не обязаны этимъ послѣднимъ отвердѣнію *и*: въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы находимъ постоянно *сѣду*; въ древне-русскихъ, рядомъ съ *сѣду* и т. п. (Архангельское Ев.: *отсѣдѣ*; Ев. 1270 г.: *отсѣду*), встрѣчается и *суду*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: *отъсуду* 85 об. и др.; Архангельское Ев. 1092 г.: *отсуду* 17 об.; Юрьевское Ев.: *отъсуду* 65 об.; Милятино Ев. 1215 г.: *отсуду* 3 об.; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *суду* и *овуду*. Эти нарѣчія, очевидно, отличны по образованію отъ нарѣчій *сюда*, *сюды* и т. п. и, можетъ быть, древнѣе этихъ послѣднихъ; во всякомъ случаѣ они не находятся отъ нихъ въ зависимости.

2. Отвердѣніе *р* извѣстно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ.

Великорусское нарѣчіе знаетъ лишь спорадическое отвердѣніе *р* передъ *и*, исключительно въ срединѣ словъ, поведшее за собою переходъ *и* въ *ы*. Мы читаемъ въ Житіи Нифонта 1219 г.: *крылы* своими 122; въ Словѣ о полку игоревѣ: *крычатъ*; въ сѣверно-русскомъ Златоустѣ XVI в. Публ. Библ. Q. I. 972: *крычание* 13 об.; въ письмѣ ц. Алоксѣя Михайловича 1652 г.: *закрычалъ* (Ак. Арх. Э. IV, 80); соврем. московск. *грыбъ* (рядомъ съ *грибъ*), *крыло*, *крынка* (чаще: *кринка*), *скрыпѣтъ* (Пушкинъ; чаще: *скрипѣтъ*), можетъ быть, *прыщъ*, *рысь*=бѣгъ, *рыскать* (срв. *ристати*), можетъ быть, *барышня* (изъ *барична*); великор. *крыкъ*, *стрычь*, *рынуться* (В. Майковъ: *рынувшись*, Соч. 215), *капрызный*; южно-великор. *трыпѣтъ* (=трепать), *красѣтъ* (=красать, объ огнѣ). Что до твердаго *р* въ *трызна* (Лаврент. сп. лѣт. 13), *рыгать*, *рыкать*, *рычать*, *кормысть*, то оно явилось не на русской почвѣ: срв. ц.-слав. *натры-*

жнение, ст.-чешск. *tryzeň*, чешск. *řihnouti* (при польск. *rzugnąć*), польск. *ruszeć* (при ц.-сл. *рукати*, чешск. *řičeti*), ст.-пол. *koryść* (при ц.-сл. *користь*); отношеніе его къ мягкому *р* въ параллельныхъ образованіяхъ неясно.

Сѣверо-западные малорусскіе говоры и большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣють отвердѣвшее *р* передъ всѣми вообще гласными и въ концѣ словъ.

Примѣры его встрѣчаются въ галицко-волинскихъ памятникахъ съ XII—XIII в.: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: *градуца*; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: *ухыщранія*; Луцкое Ев. XIV в.: *раширають*; галицкая грамота 1378 г.: *мунастыръ*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: *обращеть, срашеть*; но ихъ очень мало и они очень похожи на описки. Они появляются въ западно-русскихъ грамотахъ и книгахъ съ XV в.: договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г.: *серебрыны*; грамоты XV вѣка: *прыязнь, присудили, звѣръ, звѣру* и т. п.; Познанскій Сборникъ XVI в.: *повѣтрыю, у мора, по мору, говорать, роурасть, порадокъ* и т. п.; Литовскій Статутъ 1588 г.: *горачий, отворати, наперодъ, тры, приходили* и др. (очень часто). Современные сѣверо западные малорусскіе говоры и значительное большинство бѣлорусскихъ совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р*, и постоянная твердость *р* составляетъ одну изъ ихъ отличительныхъ особенностей.

3. *Отвердніе губныхъ*. Губные согласные по самой своей природѣ мало способны къ мягкому произношенію. Отсюда отвердніе ихъ въ старомъ галицко-волинскомъ говорѣ, начавшееся, вѣроятно, въ давнее время (его имѣють почти всѣ современные малорусскіе говоры), но не нашедшее себѣ отраженія въ старыхъ письменныхъ памятникахъ. Прежде мягкія *б, в, м, н* передъ *ј* только отвердѣли, такъ что въ настоящее время *бю, ню* произносятся малоруссами какъ *бю, ню*. Тѣ же согласные передъ *а* и *у* (т. е. въ слогахъ *бя, бю* и проч.), прежде чѣмъ отвердѣть, выдѣлили изъ себя *ј*, который отчасти сохраняется: *взяну, люблю, кормю, пзять*, отчасти перешелъ въ мягкія *л* и *н*: *сплять=спять, мяско=мясо, памчатъ, румняний, імня*. Одно слово *святій* съ производными сохраняетъ мягкое *в* если не во всѣхъ, то въ большей части малорусскихъ говоровъ.

Образованіе *дж* изъ *ж* и *тч* изъ *ч*. Звукъ *ж*, происшедшій изъ *д*, иногда замѣненъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ

дифтонгомъ *дж*: *ходжу*, *виджу*, *суджу*. Эта замѣна, имѣющая мѣсто въ большей части малорусскихъ говоровъ и во многихъ бѣлорусскихъ (въ сѣверо-западныхъ и южныхъ), известна по памятникамъ лишь съ XVII в. (Лексиконъ Беринды). Впрочемъ (едва ли не напрасно) указываютъ на Мечибожие въ Ипатскомъ сп. лѣт. 243 и видятъ въ ч этого слова неудачную передачу *дж*. Дифтонгъ *дж* является лишь въ тѣхъ образованияхъ, рядомъ съ которыми существуютъ близко родственныя образования съ *д*; его нѣтъ въ образованияхъ, не имѣющихъ при себѣ родственныхъ образованийъ съ *д*: *чужий*, а не *чуджий*, *межи*, а не *меджи*, *одежа*, а не *одеджа*. Такимъ образомъ этотъ дифтонгъ замѣнилъ собою *ж* вслѣдствіе вліянія на слова съ *ж* (*хожу*, *вижу*) родственныхъ словъ съ *д* (*ходить*, *видѣти*); т. е. это *дж* есть какъ бы соединеніе вмѣстѣ двухъ согласныхъ одного и того же корня. Впрочемъ говоры галицкихъ горцевъ, сосѣдей поляковъ (у которыхъ *śiedzu*, *śudzu* и т. п.), имѣютъ—благодаря польскому вліянію, въ нихъ вообще сильному— и *чуджий*, *медже*.

Великорусск. народныя *обиждать*, *урождать* и т. п. имѣютъ сочетаніе *жд* едва ли не сходнаго происхожденія съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ дифтонгомъ *дж*.

Звукъ *ч* замѣненъ въ великорусскихъ говорахъ сочетаніемъ *тч*. Эта замѣна ограничивается нѣсколькими случаями: *протчій*, *притчина* (очень часто въ текстахъ XVII и XVIII вв.), въ *петчати* (въ переводѣ книжки о Царьградѣ XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 21, л. 537), о *протчицахъ* (въ статьѣ о сивиллахъ к. XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 2, л. 260), *соврем. литерат. протчій*, и объ ея происхожденіи трудно сказать что-нибудь определенное. Срв. въ нѣкоторыхъ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ (мещовск.) *тч* вмѣсто *ч*: *водитца* (им. ед.), *птница*, *улитца* и т. п.

Опущеніе и вставка *в* передъ гласными. *Опущеніе в* имѣло мѣсто передъ *у* и встрѣчается въ памятникахъ великорусскаго происхожденія съ XIV в.: *Ваулы* (=Вавилы) Ев. 1354 г. 158 об., Ев. 1357 г. 158 об., Ев. 1358 г. 194, Ев. 1393 г. 184 об.; *зоуща* Ев. 1358 г. 51 об., 56 об.; ко *Исау* брату, господеву моему *Исау* Паремейникъ 1378 г. 9; *воду жиу* Ев. XIV в. Син. Библ. № 401, л. 18; *ожиуть*, *жиуть*, *жиуща*, *жиущемъ*, *ноу* (=нову), *Марау* (=Мораву), *пилатоу* писанью (=пилатову), *устау*, *протиу*, *прозо-*

уть и др. Лаврентьевск. сп. лѣт.; *позоуть*, — тся грамота 1402 г. (Собр. гос. гр. и дог. I, 166).

Оно хорошо извѣстно всѣмъ великорусскимъ говорамъ и нѣкоторымъ бѣлорусскимъ, сосѣднимъ съ великорусскими (въ Смоленской губ.). Литературный языкъ имѣетъ закоулокъ (срв. *заковыка*, *ковлять*), *оплеуха*, *прибаутка*; въ московскомъ вульгарномъ говорѣ слышится: *дѣушка*, *лоушка*, *сорокоушка*; другіе великорусскіе говоры имѣютъ: *бокоуша*, *вѣкоуша*, *косоуръ*, (*косая дуга*); мѣстныя названія *Дѣулино* (*Дѣуниинское* въ духовной Дмитрія Донскаго), *Крѣуха*, *Лѣушино*, *Плаутино*, и т. п. *Рядомъ*, при вліяніи другихъ формъ, гдѣ *в* сохраняется: *реву*, *живу*, *зову* и т. п.

Спорадическая *вставка в* между гласными въ серединѣ словъ—явленіе въ русскомъ языкѣ довольно распространенное, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ передъ *о*: *тиеунъ* Русск. Правда; *Родивонъ* Румянц. Обиходъ XIII—XIV в. 94; *Исона*, *Исонинъ* Ев. 1317 г. 24, 24 об., 36 об., 43; *Илеоньстѣй* Ев. 1357 г. 88; *Ефивоупъ*, *Фаравонъ*, *Левонъ*, *Семевонъ* и др. Лаврент. сп. лѣт.; *Родивоновичъ* духовная Дмитрія Донскаго; *Левонтии* двинская рядная XIV—XV в.; *Сивонъ* Псалтырь XIV в. Воскрес. монаст. № 5; *легивонъ* Луцкое Ев. XIV в.; срв. современн. *Родивонъ*, *Ларивонъ*, *Левонидъ* и т. п. Рѣже *вставка в* произошла передъ *а*: *Уваръ* псковск. Апостоль 1309—1312 г., 109 об., *Иванъ* духовныя московскихъ вел. князей, Чудовск. Житіе Іо. Златоуста XIV в. и др., и т. п. Очень рѣдка она передъ *е*: *соврем. великор. можжевелникъ*; срв. по *можжевелнику* Полн. собр. русск. лѣт. IV, 71, *можеловой* кустъ Ак. Юр. 166.

Кромѣ *вставки в*, произошла приставка *в* къ начальному *о* (изрѣдка и къ *у*): *великорусск. въ* *ворду* дух. Ивана Калиты; *в* *вордѣ*, *в* *ворду*, *в* *ото*, *Вольга* (=Ольга) Лаврент. сп. лѣт.; *возми* *содръ*, *кетери* *вотъ* *насъ* Ев. 1354 г. 13, 3; *въ* *вогнь* Ефремъ Сир. 1377 г. 47; современн. *великор. вотчина*, *вотчимъ*, *восемь*, *вострый*, *вобла*, *воспа* (*осьпа* ц.-сл. Супрасл. рукоп.), *вотъ*, и т. п.; *галицко-волинск. совьца* Галицкое Ев. ок. 1266 г., *совца* Гал. Ев. 1283 г., *Поликарпово* Ев. 1307 г., *Луцкое* Ев. XIV в., *воовьца* Галицкое Ев. ок. 1266 г.; *воотца*, *волтарь* Поликарпово Ев.; *отъ* *мертвыхъ* Луцкое Ев.; современн. *малорусск. вівця*, *івитарь*, *вітця* (род. ед. отъ отецъ), *відъ* *мене*, *вінъ*—*онъ* и т. п. Въ *великорусскомъ* и *бѣлорусскомъ* нарѣчіяхъ приставка *в* къ начальному *о* имѣла *спорадическій* ха-

рактерьъ (срв. соврем. *вогрый* и *острый* и др.); въ малорусскомъ же она произошла передъ каждымъ начальнымъ *о* (вѣроятно, вслѣдствіе его закрытаго произношенія).

Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ, находящихся въ разныхъ слогахъ, является лишь въ небольшомъ количествѣ случаевъ.

Явленія *ассимиляціи* состоятъ въ томъ, что изъ двухъ болѣе или менѣе близкихъ звуковъ, находящихся въ разныхъ слогахъ слова, одинъ ассимилируется съ другимъ. Они рѣдки и мы можемъ указать лишь на *жижда*щей въ Остромировомъ Ев. 579 об., *жижителеви* въ Минеѣ 1096 г. 306, 478, художество *жижительско* въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII в. 100, *жижюцю* въ Прологѣ 1262 г. 76 об., *съжижю* въ Поликарпов. Ев. 1307 г., *жижющей* въ гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 86; на др.-русск. *зегзица* (Слово о полку иг.), вр. *ззуля*, *зезуля*, *загозка*, бѣлор. *зезуля*, малор. *ззуля*, *зозуля*, при др.-русск. *жегъзуля*, *жегозуля* (Толковая Палея), лит. *geguziė* кукушка; на великор. *зелѣзо*, *золѣзо*, малор. *золізо*, *залізо*, при ц.-сл. и др. русск. *желѣзо*; на бѣлор. *залозá* (желѣза) при *желоза* и *жолоза* въ Лѣтописи Аврамки 1495 г. 134, 135, 164, 177; на др.-русск. *мурмане* (вм. *мурмане*; Новгородск. лѣт. и друг.); на ст.-русск. *твѣтъ* (вм. *цвѣтъ*; срв. въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *цтвѣтокъ*, недѣлю *цтвѣтную*, по фотолитогр. изданію стр. 137, 138, 134); на соврем. сѣв.-великор. *Шаша* (=Саша), *шельшина* (сельщина), можетъ быть, *чечевича* (др.-русск. *сочевича*), *маменько* (=маленько).

Явленія *диссимиляціи* извѣстны въ области *плавныхъ* согласныхъ.

Они имѣютъ мѣсто тогда, когда два одинаковыхъ плавныхъ звука (т. е. два *р*, два *л*) находятся въ разныхъ слогахъ слова, и состоятъ въ томъ, что одинъ изъ двухъ *р* замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л*—звукомъ *р*. Мы читаемъ въ Новгородской Кормчей ок. 1282 г. и въ Службеникѣ преп. Сергія XIV в.: *уларь*, изъ *урарь* *ѡрáрiоу*; въ Ев. 1357 г.: *февраля*; въ Прологѣ 1356 г. Тип. Б.: *Илинархъ* 78 об.; въ Стихирарѣ XV в. Тр. Лавры № 409: *стихираль*; въ грамотѣ 1500 г.: *Селигеръ* (названіе озера; срв. въ Новгородской лѣт.: *Серегеръ* 121, 166); въ грамотѣ 1546 г.: *деревня Латмирова* (Ак. Оед.-Чех. I, 111); въ грамотѣ 1554 г.: *Перфилей* (=Порфирій) Ак. Арх. Э. I, 247; въ спискахъ Псковской лѣт.: *Лотыгора*, *Латыгора* (названіе латышскаго народа; срв. въ грамотѣ 1264 г.: *Лотыгольская земля*, и т. п.); въ Кіевскомъ Помянникѣ

XVI в.: Верблюдь (собств. имя; срв. ц.-сл. вельблждъ), Илинархъ. Современные великорусскіе говоры имѣють: верблюдь, перепелъ, изъ пелепелъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Рич. Джемса: пелепелка, въ грамотѣ к. XV в. фамилія Пелепелкинъ, Ак. Калач. I, 639, соврем. пермск. пелепелъ, хорв. *perpelica*), пролубъ, изъ прорубъ, сталовѣръ, изъ старо-, собственныя имена Илинархъ, Меркуль (=Меркурій), Перфілій, Селигеръ, старое названіе московскаго урочища Чертолье (Черторъе, срв. великор. Черторой, малор. Чорторыя и т. п.), рядъ новѣйшихъ заимствованныхъ словъ съ диссимиляціей: флигеръ, флюгеръ (=шведск. *flogel*), секлетаръ, пепорція, лесора, колидоръ. Малорусскіе говоры рядомъ съ срібро=серебро имѣють также и срібло, рядомъ съ ребро—лебро, вмѣсто ридаръ, рейстровый—лицаръ, лейстровий; въ бѣлорусскомъ нарѣчій слышится аларъ=ораръ.

Диссимиляція плавныхъ необязательна: Прохоръ, прорубить, особенно тамъ, гдѣ удвоеніе или подобіе удвоенія: колоколь, мелѣять, Фалелей, Варвара, Григорій.

При разсмотрѣніи случаевъ диссимиляціи плавныхъ можно замѣтить, что плавные находящіеся въ слогѣ съ удареніемъ болѣе сильны, чѣмъ плавные, удаленные отъ ударенія, что первые сохраняются и послѣдніе измѣняются: вербл^юдь, Илин^архъ, Селиг^еръ и др. (впрочемъ не безъ исключеній).

Диссимиляція плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ произошла послѣ ассимиляціи плавныхъ. Мы имѣемъ сначала Варфоромѣя Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 156 (съ ассимиляціей), потомъ Вальфромѣй Ев. 1317 г. 30 об., Ев. 1358 г. 212 и др. (съ диссимиляціей; откуда: Вафромѣя Ев. 1393 г. 83 и др.; совр. Вахромей).

Измѣненія согласныхъ при вліяніи однихъ словъ на другія въ русскомъ языкѣ очень разнообразны.

Слова, стояція по звуковымъ сочетаніямъ своего корня или суффикса одинокю, подвергшись вліянію чуждыхъ имъ словъ съ сходными сочетаніями, замѣнили нѣкоторые свои звуки звуками послѣднихъ. Древне-русское собственное имя Изяславъ съ XV в. начинаетъ являться въ текстахъ въ видѣ Ижеславъ (внукъ Ижеславль въ Прологѣ 1432 г. Публ. Б. 122); древне-русское названіе города Сужьдаль съ того же времени начинаетъ замѣнять свое *ж* черезъ *з* (срв. зьдати и т. п.); старыя проклажаться, иноходець, жабры, жен-

чугъ, лишиться, сумѣваться и др. въ разное время превращаются въ великорусскихъ говорахъ въ проглажаться, виноходець, зябры (срв. зябнуть), земчугъ (срв. земля); старья Череповесь (изъ Череповси московск. грамота 1496 г. Ак. Арх. Э. I, 99), бърковскъ, колодязъ, ластоека (срв. малор. ластіюка и т. п.), суроскій (изъ суроужьскыи) и т. п. подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на *-ецъ*, *-очка*, *-овскій* измѣняются въ Череповець, берковецъ, колодець, ласточка, суровскій; старое на-тощакъ подъ вліяніемъ формъ мѣстн. п. мн. переходитъ въ на-тощакъ, и т. п.

Слова заимствованныя измѣнились въ большемъ числѣ, чѣмъ исконныя русскія. Собственныя имена Константинъ, Ипполутъ, Степанъ, Аврамъ, Мееодій, Глукерія въ древнихъ текстахъ являются въ видѣ Късмятинъ (Новгородская лѣт. XIV в.), Пополутъ (Прологъ XIV в. Тип. Б. № 346, л. 247 об.) или Полюдь (Новгородск. лѣт.), Щепанъ (Ипатск. сп. лѣт. 483), Нефедій (Помянникъ XIV в. Тип. Б. 14 об.), Обрамъ (Обрамль мость Ипатск. сп. лѣт. 287), Лукѣрія (Прологъ 1432 г. Публ. Библ. 141 об.); срв. къснѣти, щепати, об-лукъ; имя Іеремія звучитъ въ малорусскихъ говорахъ Веремія (срв. верема=время); городъ Стокгольмъ въ XVI—XVII вв. называется Стекольна; островъ Сагалинъ теперь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ Соколиного; сверхъ того, пасха измѣняется въ паска (пасиць, дат. п., Остромир. Ев.), хрусталь (Паремейникъ 1271 г.) въ хрусталь (Паремейникъ 1378 г. 80), хрусталь (Сказаніе о Бор. и Гл. XII в. 14; въ полатѣ хрустальнѣ Палея 1406 г. 46), мефимонъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.) въ нефимонъ (XVI—XVII в.), соврем. великорусск. ефимонъ (срв. Ефимъ), сардомикъ въ сердоликъ (XVI—XVII вв.); новѣйшіе великорусскіе некрутъ, небель, великатный, протуаръ и т. п.

Нерѣдко измѣненія звуковъ ограничиваются перестановкой. Такъ терѣзый (протерезвился, Осиповъ, Энеида на изнанку) превращается въ тверѣзый (тверезъ Лютер. Катихизисъ 1562 г. 150 об.), гусли яворчатя (изъ явора) превращаются въ яровчатя, портмои въ протомой мжуричь въ жмуричь (срв. твердый, ярый, про-, жму); кмирось, кмирошанинъ въ крилось, крылось (съ крилошаны Прологъ 1432 г. Публ. Б. 122 об.), Сильвестръ—въ Селивѣрсть (срв. верста), Венедей (=Венедикъ)—въ Ведемей (срв. веду), Леидъ (=Леонидъ)—въ Нелидъ (Нелидко грамота 1453 г. Ак. Калач. II, 335).

Слова Христось съ родственными и *крѣсть*, *крѣстити*, влія другъ на друга, измѣняются первыя въ *Кристось*, *крѣстьяныи*, *крѣстьянсьскъ* (Святославовъ Сб. 1073 г.; душамъ *крѣстьянсьскамъ* Остром. Ев.), *крѣстьянинъ*, вторыя въ *хрѣсть*, *христъ*, *хрѣстити* (*хрѣстивыиса*, *хрѣштаахуся* Св. Сб. 1073 г.; по *хрѣстѣхъ*, *хрѣстинамъ* Уставъ перк. XI—XII в. Тип. Б.; *хрѣщяхуся*, *хрѣщю*, *хрѣщенье* Галицкое Ев. 1144 г.).

Еще болѣе обычны измѣненія звуковъ въ однихъ словахъ подъ вліяніемъ другихъ словъ имъ близко-родственныхъ.

Между прочимъ, цѣлый рядъ прилагательныхъ на чинъ, *жинъ*, *шинъ*, въ родѣ *богородичинъ*, *матчинъ*, *ольжинъ*, *сношинъ*, подъ вліяніемъ существительныхъ съ *и* и гортанными *богородича*, *матка*, *Ольга*, *снога*, замѣнили свои *ч*, *ж*, *ш* черезъ *и*, *к*, *ѣ*, *х* и превратились въ великорусскомъ нарѣчїи въ *богородичинъ* (съ попы *царицины*, Лавр. сп. л. 36), *маткинъ* (Вѣкошкынъ въ рядной Тѣшаты XIV в., *госпожинькинъ* день въ Новгородской лѣт. XIV в.), *ольгинъ*, *снозинъ*. Другія русскія нарѣчїя отчасти удержали древнія образованія (малор. *матчинъ* и т. п.).

Небольшой рядъ словъ съ *ж*: *князься*, *друзья*, *ольжинъ* (отъ *Ольга*), *фряжинъ*, *печенѣжинъ* и т. п., подъ вліяніемъ формъ съ *з*: *князи*, *друзи*, *Ольѣ* (дат.-мѣстн.), *фрязи*, *печенѣзи* и т. п., замѣнили свое *ж* черезъ *з*: *князья*, *друзья*, *ользинъ*, *вользинъ* (Лаврент. сп. л. 58, 68), *фрязинъ* (Ак. Арх. Э. I, 3), *печенѣзинъ* (Лаврент. сп. л. 121) и т. п. Впрочемъ слово *друзья* сохранилось и въ южныхъ (Курск., Ворон. губ.), и въ сѣверныхъ (Олонецк., Арханг. губ.) великорусскихъ говорахъ.

Другой небольшой рядъ словъ безъ префиксовъ съ начальнымъ гласнымъ подверглись вліянію тѣхъ же словъ съ префиксами и заимствовали у этихъ послѣднихъ *н*: не могъ *нати* князя Лаврент. сп. л. 458, *ищещи нати* мужа Ипатск. сп. л. 438, *вѣры не нати* грам. 1456 г. Ак. Арх. Э. I, 34, *нятци* (плѣнники) зап.-русс. грамоты XIV—XV вв. и т. п., современ. великор. *нутро*, *нутраной* и т. п. срв. *снати*, *перемати* и т. п., *вънутри* и т. п.).

Возстановленіе согласныхъ въ предлогахъ-префиксахъ. Предлоги-префиксы *без*, *взз*, *из*, *раз*—*роз*, *об*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ еще въ обще-славянскомъ языкѣ оканчивавшіеся на согласный, — въ древнѣйшій періодъ исторїи русскаго языка

иногда были столь тѣсно слиты съ слѣдовавшими за ними именами и глаголами, что вслѣдствіе дѣйствія ассимиляціи и диссимиляціи, потеряли свои конечные согласные или лишили имена и глаголы ихъ начальныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ слышалось: безаконіе(=без-законіе), бе-зълобы (=без зълобы), обьртѣти (=об-ьртѣти), оболоко (=об-волоко) и т. п.; духовная новгородца Климента XIII в.: и-свинои; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: росѣчена, разнаменають; галицкая грамота 1393 г.: и-стада; Новгородская лѣтопись XIV в.: и-Суждаля, и-своею руку, бе-своея братья, и-заморья, иськоша, ижгоша, ишли, обечерившися; Житіе Θεодосія Печерскаго по сп. XII в.: ишьдъ и т. п. (постоянно); смоленскій договоръ 1229 г.: ишль=ишло; грамота рижанъ ок. 1300 г.: обестился. Съ теченіемъ времени, подъ влияніемъ тѣхъ предлоговъ-префиксовъ, которые сохранили свои согласные звуки вполнѣ,— въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе къ восстановленію предлоговъ-префиксовъ, утратившихъ свои конечные согласные, въ ихъ звуковой полнотѣ и къ отдѣленію ихъ отъ именъ и глаголовъ, и мы начинаемъ встрѣчать въ памятникахъ новыя звуковыя сочетанія: Тріодъ Моисея кіевлянина XII—XIII вѣка: рассудити 14; Евангеліе 1270 г.: ижъженуть 24; Кормчая ок. 1282 г.: беззლობье 458; Рязанская Кормчая 1284 г.: рассужаетъ 59 об., расъсуженія 310 об., ижъженеться 328 об.; Пандекты 1296 г.: безъ закона 36 об., безъ сего 49, безъ свѣта 57 об., безъ суда 166 об.; Толстовскій Сборникъ XIII в.: объдовѣша 111; грамота рижанъ ок. 1300 г.: изъ Смоленска, изъ свѣта; Ев. 1323 г.: ижъженеться 164; Ев. 1339 г.: бесъ сапогъ 167 об.; Евангеліе 1354 г.: исыпати 32, исыплютъ 107 об., рассядутся 36, рассыпають 43 об., 55, 99, рассужати 51 об.; Ев. 1355 г.: исьсѣченъ 8 об., исьсѣцѣте 82 об., рассядутся 30 об., ижъженуть 73 об., 77, 148, ижъжившу 100; Чудовской Нов. Завѣтъ: ижъженуть 33, ижъжену 44 об.; Лаврент. сп. лѣтоп.: расъсѣя 4; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: разъжъегься 64 об.; Тактиконтъ Никона Черногорца 1397 г.: рассуженъ 17 об., рассудно 45, разъсѣкающе 66 об., обварено 16, 19, безъ женъ 38 и т. п.; Ев. 1393 г.: бесъ скровища и бесъ сапогъ 157, безъ сапогъ 160 об., рассужати 48 об., ижъженеть 19, —путь 30, —нутся 40 и т. п.; Апокалипсисъ XIV в.: ись своихъ мѣсть 86; Служебникъ преп. Сергія XIV в.: объивъ 29; Мстижское Ев. XIV в.: рассядутся

32 об., росъсадить 59, исьсяче 65 об., 90 об., исьсьците 98 об. и т. п.; Новгородская лѣтопись XIV в.: изъ своего двора 301, изъ своѣи земли 304; Палея 1406 г. Въ то же время стали исчезать формы въ родѣ изъдати, отимати, отяти и т. п. и получили преобладаніе формы съ *j* послѣ префикса: изъѣдати, отъяти и т. п. Пандекты 1296 г.: изъяснити 93 об., изъѣде 70; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: изъимали; Ев. 1317 г.: изъѣдаютъ 95; Ев. 1357 г.: изъѣсть, изъѣдаютъ; Новгородская лѣтопись: розъѣхашася 308, изъимаша 254, 257, изъима 257, 318, — ли 280 (рядомъ: изъедаемы 222, 227); Амартоль XIV в.: изъедъши 162, изъѣдятъ 166 об., изъимавъ 173 об.; Палея 1406 г. Въ современномъ языкѣ древняго образованія въ родѣ разинуть, разиня, разѣвать, Исады (пристань на Волгѣ), росоль, бестыжій, ишоль (съ значеніемъ: шоль; то же въ сербскихъ и польскихъ говорахъ), обозъ, обернуть, обязать, отворить, обѣдъ встрѣчаются сравнительно рѣдко, и обыкновенно слышится у насъ: безъ заботы, беззаботность, ис себя, рассудокъ, обѣить, обѣснить, обѣдаться, отѣденный и т. п., съ возстановленнымъ согласнымъ въ предлогѣ-префиксѣ или въ началѣ слѣдующаго слова.

Великорусское нарѣчіе знаетъ слово, гдѣ возстановленіе префикса сдѣлано неудачно. Это—глаголь раззорить и производныя. Корень ихъ—*ор-*, тотъ же, что въ церковно-славянскомъ и современномъ сербскомъ *об-ор-*ити, и нѣкогда этотъ глаголь звучалъ раззорити, съ однимъ *з*. Нашъ народъ, не имѣя другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ, подъ вліяніемъ словъ съ корнемъ *зор-* въ *зоря*, *зоркій*, *озорной* и т. п., при возстановленіи согласнаго въ *роз-*, удвоилъ *з*. Двойное *з* въ раззорити повело къ образованію глагола *зорить* съ значеніемъ раззорять, существующаго во многихъ великорусскихъ говорахъ и проникшаго даже въ литературный языкъ: «чиновники вездѣ часовни и скиты *зорили*» (Печерскій, Въ лѣсахъ).

Предлоги-префиксы съ конечнымъ *з*, находясь передъ словами съ начальнымъ *р*, въ древности имѣли послѣ *з* вставное *д*: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: из-*д*-Ростова 1 об., въздроста 1, раздруть 6, издрещи 9 (постоянно съ *д*); смоленскій договоръ 1229 г.: рьздрушенъ, и т. п. Это *д*, изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отсутствующее въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (напримѣръ, въ Словахъ Григорія Богослова XI в.; въ Русской Правдѣ

по сп. XIII в. рядомъ: без ряду и без-д-ряду 14, 24), уже рѣдко въ памятникахъ конца XIII и XIV в. Прологъ 1262 г.: изрѣзаша, възревнова, изринути и т. п. (часто); Ев. 1323 г.: възрадоватися, възрыдати и т. п. (очень часто); Пандекты 1296 г. (часто); Ев. 1339 г. (во второмъ почеркѣ постоянно; первый почеркъ имѣеть, также постоянно, -здр-); Лаврент. сп. лѣт. (часто); Паремейникъ 1378 г. (очень часто); Ев. 1393 г. (очень часто) и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ произошло въ русскомъ языкѣ главнымъ образомъ въ двухъ группахъ словъ.

1) Слова, очень часто употреблявшіяся въ рѣчи, сократились, одни въ меньшемъ, другія въ бѣльшемъ размѣрѣ. Это, между прочимъ, — современн. великорусск. *топерь, теперь* (грамоты XVI—XVII в. нерѣдко: топере, тепере; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: топере; Лютер. Катихизисъ 1562 г.: тепере-чи)—изъ топерьво, топеревъ (см. выше, стр. 91);—*надо*—изъ *надобъ* (дат. или мѣстн. п.);—*молъ*—изъ формъ 3-го л. ед. глагола молвить (грамота нач. XV в.: отмоылся = отмолвился, А. Юр. 430; грамоты 1554 г. и 1643 г.: моыль Ак. Арх. Э. I, 251; Ак. Ист. III, 381; грамота 1610 г.: моыти Ак. Арх. Э. II, 321; письмо ц. Алексѣя Мих. 1657 г.: да и то *молъ* Петру=молви, повел. н., Ак. Арх. Э. IV, 140),—*скать* (въ *дѣ-скать*; срв. въ документѣ перв. полов. XVIII в.: угрожалъ ему—дамъ *скать* я тебѣ знать, Опис. дѣлъ Архива св. Синода, XVIII, стр. 522; въ «Пословицахъ» Ипп. Богдановича: зубки попритеръ не доживши *скать* лѣтъ, хотъ *скать* домъ огнемъ гори; радъ бы *скать* Омушка елку срубить; о *де* см. выше, стр. 96)—изъ *скажеть, скажутъ*;—*съ* въ слушаю-*съ* и т. п. (царское слово Бориса Годунова: князь Федоръ-*осу* Ивановичъ, князь Дмитрей-*осу* Ивановичъ, Ак. Арх. Э. II, 77; сочиненія протопопа Аввакума: я-*су*, простите, свороваль, какъ-*су* мнѣ царя не жалѣтъ; письмо ц. Алексѣя Михайловича: ино-*су* я тебя благословлю; срв. современн. южно-великор. *су*)—изъ *осударь, государь*;—*ста* въ пожалуй(й)-*ста*, здорово-*ста*, спасѣбо-*ста*, я-*ста* его и въ домъ не пуцу и т. п. («всѣ ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ. Всѣ ли-*ста* здѣсь? повторилъ староста. Всѣ-*ста*, отвѣчали граждане», Пушкинъ; «отбиваютъ мила дружка отъ меня, мила дружка *ста* Павлушка», «отступится доброй молодець *ста* Павелъ», вятск. нар. пѣсня; эта частица—въ Розыскомъ дѣлѣ о Шаковитомъ 1689 г. I, 24)—изъ *осударь, государь*;—*ытъ, ытъ*—изъ *говорытъ*;—*ли*—изъ *ляди*, и т. п.

2. Слова и формы, имѣвшія рядомъ два вполнѣ или почти тождественныхъ слога, потеряли при нихъ одинъ: *рыболове*, им. мн., *рыболовей*, род. мн.,— изъ *рыболовове* и т. д. (Лаврент. сп. лѣт. 160; московскія грамоты XV—XVI вв.), *канархати* — изъ *канонархати* (въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв.), *схимонахъ*—изъ *схимомонахъ*, *Вячѣсловъ* (фамилія)—изъ *Вячѣсловоствъ* (Илья Ивановъ сынъ Вячѣсловъ Ак. Юр. 458, 1608 г., Филька Вечѣсловъ Доп. къ Ак. Ист. XI, 35, 1684 г.), *соврем. великор. шиворотъ*—изъ *шивоворотъ* (срв. въ Чудовскомъ Новомъ Заветѣ XIV в.: *жесткошвиати* 63=*жестоковыйяне*), *вѣроятно, соврем. великор. радушіе*—изъ *радодушіе*, *близорукій*—изъ *близорокій* (подъ вліяніемъ слова *рука*), *близозорокій* (срв. ц.-сл. прилагательное *доброрзакъ* и т. п.).

Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ. 1. Въ древне-русскихъ памятникахъ названія мѣсяцевъ нерѣдко писались: *септябрь*, *октябрь*, *ноябрь*, *декабрь*. Происхожденіе буквы *м* въ этихъ словахъ неясно; вѣроятно, онъ явился у болгаръ, въ первое время существованія ихъ литературнаго языка, и употреблялся при *а* для болѣе точной передачи греческаго сочетанія *εμ*. Наши памятники иногда имѣли *м* въ *титлѣ*, и, напри*мѣръ*, въ Церковномъ Уставѣ XI—XII в. Тип. Библ. мы читаемъ *сеп^мтабрь*. Вслѣдствіе неправильнаго чтенія такого сокращенія произошло неправильное написаніе (находящееся, между прочимъ, въ этомъ же Уставѣ) *семптябрь*, откуда *семтябрь* и наконецъ *сентябрь* (Прологъ 1383 г. 123 об.; Путенское Ев. XIV в. 223, 227, 242; Ипатскій сп. л.). Въ виду этого не слѣдуетъ думать, что *н* въ данномъ словѣ образовалось изъ *п*.

2. Въ великорусскомъ нарѣчій мѣстоименія *этотъ*, *эдакій* часто звучатъ *эфтотъ*, *эзтотъ*, *эмтотъ*, *эстотъ*, *эдакій*, *эдакій* и т. д. Наблюденіе надъ народнымъ употребленіемъ этихъ мѣстоименій показываетъ, что звуки *в* и *ѣ*, *х* и *г*, *н*, *с* являются въ нихъ всего чаще только въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно, *в* и *ѣ* являются только тогда, когда впереди мѣстоименія находится предлогъ *съ*: *съ эфтомъ мѣстѣ*; *съ эдакомъ дѣлѣ*; *н* является послѣ предлога *на*: *на эмтомъ мѣстѣ*; *с* слышится послѣ предлоговъ *съ*, *изъ*: *съ эстинь*, *изъ эдакой дали*; *х*, *г*—послѣ предлога *къ*: *къ этому*, *къ эдакому скоту*. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, то найдемъ, что указательная частица *э* прежде употреблялась отдѣльно отъ мѣстоименій, такъ же, какъ частица *ни* въ современныхъ *ни* въ

чемъ, *ни* къ кому и т. п.: Путешествіе попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русскаго Архива): *е* къ темъ къ цвѣтамъ 41. Въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчій въ мѣстоименіи *ничто*, при отдѣленіи частицы *ни* отъ мѣстоименія *что* предлогомъ, иногда встрѣчается повтореніе этого предлога: Лютер. Катихизисъ 1562 г.: *е* ни *во* што 163; Литовскій Статутъ 1588 г.: *е* ни *во* што 72. Въ польскомъ языкѣ нѣчто подобное изрѣдка встрѣчается и теперь: *w* ni *w* szum, *z* ni *s* szum, *w* ni *we* sz (ни во что). То же было и въ великорусскомъ (отчасти также въ бѣлорусскомъ) нарѣчій, и мѣстоименныя формы *въ эфтомъ*, *съ эстимъ* и т. п. образовались изъ *въ э въ томъ*, *съ э съ тѣмъ*, т. е. черезъ постановку предлога и передъ *э*, и послѣ *э*. Конечно, съ теченіемъ времени *эфтотъ* стало употребляться или безъ всякаго предлога, или съ другими предлогами (не *въ*), и т. д. (и *эмто* все дѣлалось въ среду, письмо ц. Алексѣя Мих. 1652 г. Ак. Арх. Э. IV, 79); но подобное употребленіе до сихъ поръ еще не получило широкаго распространенія.

3. Древне-русскій языкъ и современные русскіе говоры имѣютъ *ч* въ чепь (=цѣпь) и родственныхъ: причепиться, чепецъ, очепокъ (малор. очіпокъ), чепуха. Эти слова, не смотря на тожество значенія, или совсѣмъ не родственны съ *цѣпь* и производными, или *цѣпь* вошло въ нашъ литературный языкъ изъ тѣхъ великорусскихъ говоровъ, которые замѣняютъ *ч* черезъ *ц* (цокають). Наше *цапля* (при южно-великор. и бѣлор. *чапля* и при фамиліи Чаплинъ), несомнѣнно, заимствовано литературнымъ языкомъ изъ цокающихъ говоровъ, точно также какъ фамилія Чевкинъ (отъ *цѣвка*).

VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія владѣлъ болшею частью тѣхъ формъ склоненія и спряженія, которыя находились въ церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, эти общія русскому языку съ церковно-славянскимъ формы имѣли русскую звуковую окраску, такъ что, напримѣръ, форма 3-го л. мн. ч. сигматическаго аориста въ русскомъ языкѣ звучала съ *a*, а не съ носовымъ *а* на концѣ: падоша или падоша, а не падоша, а форма того же лица и числа имперфекта оканчивалась на *у*, а не на носовое *ж*: падаху, а не падахж. Но нѣкоторыя формы, извѣстныя въ церковно-славянскомъ языкѣ, отсутствовали въ русскомъ. Таковы, между прочимъ, формы сильнаго аориста типа *несъ* и формы сигматическаго аориста типа *нъсѣ*. Въ свою очередь русскій языкъ имѣлъ нѣкоторое количество формъ, не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Они слѣдующія.

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ъ*. Имена женскаго рода съ основою на *a* такъ называемаго мягкаго склоненія (въ родѣ *земля*), имена прилагательныя члѣнныя женскаго рода и мѣстоименія также женскаго рода въ русскомъ языкѣ имѣли формы род. п. ед. ч. съ окончаніемъ *ъ*: *земль*, *доброъ*, *моюъ* (=ц.-слав. *земла*, *добра*, *моюа*). Эти формы находятся уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Мы читаемъ въ Остромировомъ Ев.: *ѣ недѣль* 12=второй недѣли, *ѣ недѣль* 19, 21=третьей недѣли, *великыя недѣль* 152, 153; въ Святославомъ Сборникѣ 1073 года: *отъ троиць* 8 об., *отъ неъ* 155 об., *нозѣ юъ* 169; въ Архангельскомъ

Ев. 1092 г.: великия недѣль 86 об., 88 об., святыя Еуфимий 130, Анны пророчицъ 157, жьдуща Захарий 167, святоъ мученицъ 169, пророка Илий 169 об., и др.

Тѣ же имена и мѣстоименія въ русскомъ языкѣ имѣли формы именительнаго и винительнаго пад. мн. ч. на ъ. Остромирово Ев.: бысть потъ яго яко капль крѣви капльщца на землю 160; Святославовъ Сб. 1073 г.: пѣтицъ лѣтажъ 129 об., приѣмля душъ чело-вѣчьскы 156. Соотвѣтствующія церк.-слав. формы оканчиваются на а: капля, пѣтица, стѣза.

Имена мужескаго рода съ основою на о такъ называемаго мягкаго склоненія (комь), имена прилагательныя членныя муж. р. и мѣстоименія также муж. р. въ русскомъ языкѣ образовывали формы вин. п. мн. ч. съ окончаніемъ ъ. Формы на ъ встрѣчаются уже въ старшихъ русскихъ памятникахъ. Святославовъ Сборникъ 1073 г.: всь помыслы 17 об., сидъ даемъ дары 49; Архангельское Ев.: дамъ тобѣ ключъ 168 об. Тѣ же формы въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе а: ключа, вса.

Въ болѣе позднихъ памятникахъ русскаго письма, XII, XIII и XIV вв. формы на ъ встрѣчаются, въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ XI в.; при этомъ въ книгахъ, содержащихъ въ себѣ русскіе списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, они находятся рядомъ съ формами на я, а=ц.-слав. а, въ родѣ земля, душа=ц.-слав. земля, душа, а въ грамотахъ, писанныхъ на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси иль съ очень незначительною примѣсью церковно-славянскаго элемента, они господствуютъ, и при нихъ совсѣмъ не замѣчается формъ на я, а. Это показываетъ, что формы на я, а=церк. слав. а—въ народномъ русскомъ языкѣ древняго періода не существовали и что присутствіе ихъ въ книгахъ всякаго рода, въ лѣтописяхъ и т. п. должно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка.

Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что изъ нихъ въ сербскомъ и словинскомъ не было и нѣтъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ на ъ, и что формы род. ед. женск. р. имен. и винит. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. въ этихъ языкахъ восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на а. Напротивъ того, въ языкахъ чешскомъ, старомъ и новомъ, и словацкомъ названныя формы оканчивались и иногда оканчиваются на

е, соответствующее русскому *ъ*: др.-чешск. *ze svéj země, téj-to chvíle, ve vše kraje, nade vše krále, mnohé země* и т. п.; Пражскіе глаголическіе отрывки: прѣставеніе Богородицѣ, *снѣ* (вин. мн. муж. р.); въ нихъ, какъ въ русскомъ языкѣ, мы не находимъ формъ, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ возвести къ болѣе древнимъ формамъ на *а*. То же можно сказать и о польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ его и отчасти въ современныхъ польскихъ говорахъ формы род. ед. женск. р., им. и вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. оканчиваются на *е*: *Molitwy 1375 г.: tworzyciel nieba i ziemie, z dziewice Marije, otruści nasze winy*, и такимъ образомъ соответствуютъ русскимъ формамъ на *ъ*; формы на *е* = ц.-слав. *а*, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ (очень немногихъ) ошибокъ и описокъ, не встрѣчаются въ памятникахъ, какъ не встрѣчаются и въ тѣхъ современныхъ польскихъ говорахъ, которые сохраняютъ въ концѣ словъ носовые гласные.

Происхожденіе *ъ* въ рассматриваемыхъ теперь русскихъ формахъ не вполне ясно. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что это *ъ* произошло изъ *а*; но возможно предположить, что это *ъ* образовалось изъ того же сочетанія звуковъ, изъ котораго развилось церк.-слав. окончаніе данныхъ формъ *а*.

Формы косвенныхъ падежей членныхъ именъ прилагательныхъ.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣетъ два вида формъ: къ первому относятся тѣ, которыя образованы черезъ присоединеніе падежной формы члена (= мѣстоименія *и*) къ соответствующей формѣ имени; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ формѣ имени въ именит. ед. муж. рода. Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ два ряда формъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе формы род., дат. и мѣстн. п. ед. и род.-мѣстн. дв. всѣхъ родовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. п. муж. и ср. р. членныхъ прилагательныхъ имѣлъ окончаніе *ааю, яаю, аю, яю*. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого окончанія мы видимъ окончанія *ою* для прилагательныхъ съ твердою основою и *ею* для прилагательныхъ съ мягкою основою. Эти формы по своему образованію относятся ко второму виду. Въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы родит. пад. на *ою* и *ею* рѣдки; зато они по-

стоянно встрѣчаются въ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ— въ грамотахъ, въ которыхъ формы на *ааю*, *аю* совершенно отсутствуютують. Такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: *смольнеского*, *дѣтского*, *гочкого*, *лучшего* и т. п., и не находимъ ни одной формы на *аю*. Въ виду этого можно думать, что формы на *аю* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время или существовали въ незначительномъ числѣ, или—что болѣе вѣроятно—совсѣмъ не существовали. Если одни изъ современныхъ славянскихъ языковъ имѣютъ формы родит. ед. на *ою* (*ою*): сербскій, отчасти словинскій и верхне-лужицкій,—другіе имѣютъ формы на *ею* (польск. *ego*, чешск. *ého*); ни тѣ, ни другіе не знали и не знаютъ формъ на *аю* или ихъ рефлексовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. пад. ед. женск. р. имѣлъ окончаніе *ѣд*, *дд*. Въ старыхъ русскихъ памятникахъ этому окончанію соответствуетъ окончаніе *ьт*, *ьт*, которое нѣкогда существовало въ живомъ русскомъ языкѣ. Послѣднее видно какъ изъ того, что оно и теперь встрѣчается (особенно въ пѣсняхъ) въ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ (очень рѣдко въ малорусскихъ), такъ особенно изъ того, что въ старыхъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ его сравнительно часто, напр.: *король... полскимъ землѣ*, *куявскимъ землѣ*, *добрянскимъ землѣ*, *поморскимъ землѣ* (грамота польскаго короля Казимира 1361 г.), съ *Скирменовскимъ* слободки, съ *Исконьскимъ* слободки (духовная Дмитрія Донскаго), *переславскіе соли* (московская грамота 1432 г.), *отъ Архангельскіе деревни* (устюжская грамота 1555 г.), *торговые цѣны*, *Пречистые Богородицы*, *лишніе волокиты* (Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича). Рядомъ съ формами род. п. женск. р. на *ьт*, *ьт*, но чаще, чѣмъ эти послѣднія, мы встрѣчаемъ въ старыхъ памятникахъ формы на *от* и *ет*. Они извѣстны съ давняго времени: Архангельское Ев. 1092 г.: *святотъ мученицѣ* 169; *Минея* 1097 г.: *коньць утрьнеъ* 481; Успенскій Сборникъ XII в.: *сърьти тоѣ пагубьноъ*, *на мѣстѣ ветъхоъ* *деревяноъ* (церкви). Ихъ рефлексы (великорусскія формы на *ой*, *ей*) въ современныхъ русскихъ говорахъ господствуютъ. Современные сербскія и словинскія формы род. ед. женск. р. на *е*, вѣроятно, восходятъ къ древнимъ формамъ на *од*; современныхъ западно-славянскія формы того же падежа оканчиваются на рефлексы окончанія *ет*: *ěj*, *ej*, *é*, *eje*; ни сербскій и словинскій, ни

западно-славянскіе языки, повидимому, не знали и не знают формъ род. ед. женск. на *ѣд* или *ѣтъ*.

Формы дател. п. ед. муж. и ср. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ууму*, *уму*, *юуму*, *юму*. Въ русскомъ языкѣ этимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ окончанія *ому* и *ему*, встрѣчающіяся въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: *благовѣрьному* 90 об., *близьнему* 92 об., *въземлюштемю* 93 об., *прѣступаѣштемю* 139 об., *врачѣбному* 140 об.; въ Сборникѣ Святослава 1076 г.: *небесному* 5, *вышьнему* 6, *създаному* 9, *първому* 54, *ништемю* 81; въ Минееѣ 1096 г.: *болѣзньному* 94, *бѣсовьскому* 154, *дрѣвньому* 207; въ Минееѣ 1097 г.: *безаконьному*, *тихому* 315, *възлюбленому* 330, *сътворштемю* 441, и др. Въ русскихъ грамотахъ мы видимъ исключительно эти послѣднія окончанія. Изъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы на *ууму*, *уму* болѣе или менѣе часто попадаются только въ древнѣйшихъ, XI и XII вв.; памятники послѣдующаго времени имѣютъ ихъ рѣже и въ XIV в. они встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго происхожденія мы находимъ, вмѣсто формъ на *ому*, *ему*, формы дат. п. ед. съ двумя *о* или съ *ео*, которыя, конечно, не что иное, какъ подражанія формамъ церковно-славянскимъ съ двумя *у*; они особенно часто встрѣчаются въ русскихъ нотныхъ стихираряхъ, тріодяхъ и т. п. богослужебныхъ книгахъ XII—XIV вв. (напримѣръ, въ повгородскомъ Стихирарѣ XII в. Синод. Б. № 279: *непрѣкосновеньномуу* 50 об.), но находятся и въ такихъ памятникахъ, какъ Сборникъ Святослава 1073 г.: *прѣчистоому* 22 об., Архангельское Ев. 1092 г.: *просящеому* 24 об. Все это показываетъ, что окончанія *ууму*, *уму* въ живомъ русскомъ языкѣ въ историческое время не существовали. Въ сербскомъ языкѣ (а отчасти также и въ словинскомъ и верхне-лужицкомъ) для дат. п. употребляются тѣ же окончанія *ому* и *ему*, что и въ русскомъ; въ западно-славянскихъ языкахъ мы обыкновенно находимъ окончанія *ѣти*, *ѣти*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было и нѣтъ окончаній *ууму*, *уму* или ихъ рефлексовъ.

Формы дат.-мѣстн. п. ед. женск. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ѣи* и *ии*. Въ древне-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ и формы подобныя церковно-славянскимъ формамъ—формы на *ѣи*, но главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые

списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ грамотахъ онѣ не встрѣчаются; нѣкоторыя данныя лѣтописей (особенно Новгородской XIV в.: на Рогатѣи улицѣ 90, на Лубянтѣи улицѣ 112, на Булачьскѣи 170; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: о задници боярьстѣи) говорятъ въ пользу того, что они нѣкогда, въ маломъ числѣ, могли существовать въ живомъ древне-русскомъ языкѣ. Рядомъ съ ними въ памятникахъ находятся формы на *ои*, *еи*. Онѣ постоянно употребляются въ грамотахъ и нерѣдки въ спискахъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ неособенно силенъ церковно-славянскій элементъ. Такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: по ногатѣ смольнескои, у рускои земли и т. п.; срв. въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: къ живои 269. Членныя формы на *ои*, *еи*, кромѣ русскаго, извѣстны также сербскому и отчасти словинскому и верхне-лужицкому языкамъ. Западно-славянскіе языки теперь имѣютъ обыкновенно формы на *ej*, *ej*, *é*, но въ древне-чешскомъ были формы и на *ѣи*.

Формы мѣстн. п. ед. муж.-ср. р. въ церковно-славянск. языкѣ оканчивались на *ѣмъ* и *имъ*. Въ русскомъ языкѣ, повидимому, существовали и эти окончанія (на что указываютъ данныя Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: въ тиунѣ... ратаинѣмъ 4, о мѣсяцѣнѣмъ рѣзѣ 11, въ свободнѣмъ 19, и Новгородской лѣтописи XIV в.: въ Неревьскѣмъ коньци 75, 145, на Ламьскѣмъ Волопе 82, на Новѣмъ Търгу 82, 87); но рядомъ съ ними, и гораздо чаще, издревле употреблялись окончанія *омъ* и *емъ*. Они съ XII в. являются въ книгахъ часто, а въ грамотахъ постоянно. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то сербскій языкъ зналъ, повидимому, обѣ эти формы. Въ чешскомъ и польскомъ языкахъ мы находимъ теперь только окончанія *ѣт*, *ет*, но прежде эти языки—по крайней мѣрѣ чешскій—имѣли также и формы на *ѣмъ*.

Формы род.-мѣстн. п. дв. ч. въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли окончаніе *ую* и *юю*. Въ древне-русскомъ книжномъ языкѣ эти формы, теперь уже не существующія, оканчивались не только на *ую*, *юю*, но и на *ою*, *ею*: Архангельское Ев. 1092 г.: о бѣсьною 31 об., дѣнь святою мученику 133 об., святою безмъздѣнпку 137, 173, святою правдѣнику 139 об., святою отьцю, святою цѣсарю 163; Минея 1096 г.: из мрачѣною адовѣною боку 139, мудрою мученику 175, 179; Минея 1097 г.: чѣстьною страдальцю 296, из дѣ-

вичьскою и муженеискусью боку 351. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *юю*, по неизмѣннѣю данныхъ, нельзя рѣшить. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы теперь не находимъ формъ, соответствующихъ русскимъ формамъ родит.-мѣстн. п. дв. на *ою*, кромѣ лужицкихъ, гдѣ еще существуютъ формы этихъ падежей на *оји* и *еји*, и старо-сербскаго: *светою праведнику* Волканово Ев. конца XII в. 180 об. Формы на *юю*, *юю* ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ церковно-славянскаго, повидимому, не были извѣстны.

Формы дат. и мѣстн. пад. *тобѣ, собѣ, тебѣ, себѣ.* Въ церковно-славянскомъ языкѣ формы дат. и мѣстн. п. ед. мѣстоименій 2-го л. и возвратнаго звучали *тебѣ, себѣ*. Обѣ эти формы существовали и существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но рядомъ съ ними встрѣчаются довольно часто и формы *тобѣ, собѣ*. Ихъ мы находимъ въ Свято-славовомъ Сборникѣ 1073 г.: *собѣ* 162 об., 211, 233 об. и т. п.; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: о *собѣ* 3 об., въ *собѣ* 40, къ *собѣ* 14 об., по *тобѣ* 29 об., отпускаются *тобѣ* грѣси 79, *тобѣ* глаголю 79 об., къ *тобѣ* 81 об. и др.; въ Минеев 1095 г.: о *тобѣ* 178; въ Минеев 1097 г.: о *собѣ* 490. Въ современномъ сербскомъ языкѣ существуютъ формы только съ *е*: *теби, себи*, а въ современныхъ польскомъ и чешскомъ только съ *о*: *tobie, sobie, tobě, sobě* (словацк. *tebe, sebe*).

Тѣ же формы тѣхъ же мѣстоименій въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли въ концѣ всегда *ь*. Въ древне-русскомъ языкѣ, на ряду съ формами на *ь*, мы находимъ еще формы съ окончаніемъ *е*, т.-е. *тебе, себе*, тождественныя съ формами родит. п. ед. Въроятно, эти формы первоначально имѣли значеніе только мѣстнаго пад. (срв. мѣстн. ед. *небесе*), но очень рано получили значеніе также и дат. п. Съ этимъ значеніемъ мы находимъ ихъ уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: въ *себе* 18 об., 63, къ *тебе* 31 об., 64, 65, 80, *себе* пытажшту 16, *вънеми себе* 37 об., *вънимаи себе* 39, *не обавися тебе* 43 об., *будеть тебе* 101 об., и др., а также въ Архангельскомъ Ев. и въ Минеевхъ 1095—1097 гг. Они встрѣчаются такъ часто, что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ь* и *е*. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и русскомъ) они неизвѣстны, кромѣ, можетъ быть, сербскаго, гдѣ форма дат. обыкновенно звучитъ *тебе* (Караджичъ, Словарь, *у. тебе*).

Формы 2-го лица ед. ч. на *шь*. Церковно-славянской языкъ имѣлъ для 2-го л. ед. ч. наст. врем. два окончанія *си* и *ши*. Въ русскомъ языкѣ окончаніе *си* существовало и существуетъ до настоящаго времени, а окончаніе *ши* является только въ тѣхъ старыхъ памятникахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ или имѣютъ въ своемъ языкѣ церковно-славянской элементъ. Въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера, на мѣстѣ церковно-славянскаго окончанія *ши*, мы находимъ окончаніе *шь*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: посулишь; въ рижской грамотѣ около 1300 г.: вѣдаешь, слышишь, дѣешь, купишь, емлешь и др. Изрѣдка *шь* встрѣчается и въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ русскихъ сочиненіяхъ съ церковно-славянскимъ элементомъ въ языкѣ; такъ, въ Евангеліи XII в. кievск. Церк.-Археологич. Муз. мы находимъ: тружаешь 33 об.; въ Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: прѣтъкнешь 63; въ Прологѣ 1262 г.: прѣменишь 104; въ Кормчей ок. 1282 г.: изгубишь 586 об., съхранишь, будешь, переступишь, узришь 587 об., стоишь 592, служишь 592 об., начнешь 596, държишь 603 об. и др.; въ Пандектахъ Никола Черногорца 1296 г.: терпишь 19 об., просъмираишь и оквасишь 41, послушаешь 42, стяжешь 43 об., мнишь 71 об. и др.; въ Погодинскомъ Ев. XIII в. № 13: требуешь 22 об. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то формы на *шь* извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ такъ наз. Фрейзингенской рукописи XI в.: *vzovues, zadenes, prides* (=взовешь, задѣнешь, придешь), и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: Иверское Ев. XII—XIII в.: *спишъ*; Карпинское Ев. XIII в.: *спиш* 103; Стаматовское Ев.: *грѣдешъ* (Срезневскій, Св. и зам. LXXXII, 43). Повидимому, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, не было окончанія *ши*.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *тъ*. Церковно-славянской языкъ для формъ 3-го л. наст. вр. имѣлъ окончаніе *тъ*. Въ русскомъ языкѣ, почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, преобладаютъ формы на *тъ*, и, напримѣръ, Остромирово Ев. почти совсѣмъ не имѣетъ формъ на *тъ*; что же касается до грамотъ, то въ нихъ до конца XIV в. мы вовсе не находимъ формъ на *тъ*, такъ что

формы 3-го л. въ нихъ оканчиваются исключительно на *ть*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ теперь не существуетъ ни того, ни другого окончанія (только польск. *jest* изъ *jestь*, чешск. *jest* или изъ *jestь*, или *jestь*); но въ старыхъ памятникахъ сохранились нѣкоторые слѣды древнихъ формъ: такъ, въ польскихъ Петербургскихъ отрывкахъ XIV в., въ Флоріанской Псалтыри XIV в. и въ Молитвенникѣ 1527 г. мы видимъ форму *jeśc*=*jestь*; въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в. находится большое количество формъ на *t* въ родѣ *nudít*=нудить, *osuzajet*=осуждаетъ, *stanut*=стануть; въ чешской Виттембергской Псалтыри XIV в. читается: *sut*=суть, *zaplatit*, *otplatit*=заплатить, отплатить, гдѣ *t*, можетъ быть, произносилось мягко, можетъ быть, твердо.

Точно также въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ нѣтъ окончанія *тъ* и для 3-го л. ед. аориста. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эта форма иногда оканчивалась на *тъ*: *бытъ*, *възъмъ*; въ русскомъ мы имѣемъ—*бытъ*, *дать*, *съ ъ*, и *възя*, безъ *тъ* или *ть*. Формы въ родѣ *възъмъ*, весьма нерѣдкия въ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, повидимому, никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ. Онѣ неизвѣстны (какъ и формы аориста на *тъ*) также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Формы 3-го л. имперфекта въ церковно-славянскомъ языкѣ всегда оканчивались на *е* въ единств. и на *ж* во множеств. ч.: *несѣаше*, *несѣахъ* (только въ церк.-слав. Саввиномъ Ев. одинъ разъ: *запрещашемъ*, по изд. Срезневскаго 64). Въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ формами на *е* и *у*, мы нерѣдко встрѣчаемъ также формы съ окончаніемъ *тъ*; послѣднее, безъ сомнѣнія, перешло въ формы имперфекта изъ формъ наст. вр. Древнѣйшая форма имперфекта на *тъ* находится въ Остромировомъ Ев.: *муждашеть*; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. подобныя формы довольно часты: *ляжашеть*, *стрѣжахуть*, *угнѣтахуть*, *моляхути* и (*и* изъ *ѣ*, вслѣдствіе ассимиляціи *ѣ* съ *и*—вин. ед. мѣстоименія); то же можно сказать о Юрьевскомъ Ев. и другихъ памятникахъ XII вѣка. Формы на *тъ* встрѣчаются въ памятникахъ какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ, между прочимъ въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в., и могутъ считаться (обще-русскими. Къ сожалѣнію, въ грамотахъ формъ имперфекта нѣтъ, и поэтому мы не можемъ сказать, насколько формы на *тъ* были распространены въ живомъ русскомъ

языкъ. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы имперфекта на *тъ* (или на *тз*) существовали нѣкогда въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Въ сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: *хулашеть*, *выпрашахуть*, *цѣловахуть* и т. п.; въ сербскомъ спискѣ Учительнаго Ев. Константина Болгарскаго XIII в.: *глаголахуть*, *отсилаахуть* и т. п. (Starine, V, 38); въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в.: *izbivachut*.

Формы 1-го лица мн. ч. на *ме* и *мо*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эти формы оканчивались или на *мъ*, или—рѣже—на *мы*. Русскій языкъ издревле знаетъ оба эти окончанія, второе по преимуществу въ формахъ *ѣсмы*, *вѣмы*, *дамы* и *ѣмы* (отмѣтимъ въ новгородской грамотѣ ок. 1260 г.: *есмы*, въ грамотѣ рижанъ въ Витебскѣ ок. 1300 г.: *дамы*, *продамы*, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *стоямы* 269); но имѣть, кромѣ ихъ, еще два другихъ—*ме* и *мо*. Изъ нихъ первое извѣстно по преимуществу въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ: Прологъ 1262 г.: *ѣсме* (до десяти разъ); Новгородская лѣтопись XIV в.: *ѣсме* (часто), *проливаиме* (повелит.) 37, 169; Слово о полку игор.: *мужаймъся* (повелит.); псковской Апостоль 1307 г.: *ѣсме*; грамота рижанъ въ Витебскѣ ок. 1300 г.: *есме*; грамота Витовта 1399 г.: *есме*; новгородская грамота 1614 г.: *выручили есме*, Ак. Калач. II, 806; сверхъ того, въ Ев. 1358 г., написанномъ въ Московской области: *нѣсме* 18; но встрѣчается въ нихъ рѣдко (главнымъ образомъ въ одной формѣ—*ѣсме*). Оно существуетъ, кромѣ русскаго языка, также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Окончаніе *мо* (изъявит. и повелит. накл.) извѣстно въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ, также въ современныхъ малорусскихъ говорахъ: галиція грамоты XIV—XV вв.: *приводимо*, *чинимо*, *есьмо*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: *поразумѣймо*, *работаймо*, *поругаймо*, и т. п.; грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей XIV—XVI вв.: *чинимо*, *есмо* (часто); Четья 1489 г.: *есмо*, *будемо*, *держѣмо*, *празнуймо* и т. п.; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: *приступѣмо* 113 об., *послухаймо* 162 об.; Ев. Тянинскаго: *идимо* и др. Формы на *мо*, кромѣ русскаго языка, встрѣчаются также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ и словацкомъ.

Кромѣ формъ 1 л. мн. на *ме* и *мо*, памятники русскаго языка имѣютъ еще одну форму того же лица и числа на *мя*: *есмя*. Она

встрѣчается уже въ новгородской грамотѣ ок. 1375 г. (ѣсмя спустиль), въ двинскихъ рядной и закладной XIV—XV в., въ московскомъ Ев. 1393 г. (сѣмя овраамле ѣсмя 15 об.), въ Сборникѣ XIV в. Троицк. Л. (Пѣтуховъ, Древнія поученія на великій постъ, 35) и въ Ипатскомъ сп. лѣт. 580. Грамоты разнаго рода XV—XVII. в., писанныя въ предѣлахъ Московскаго государства, имѣють ее очень часто. Происхожденіе ея неясно, но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть объясняема изъ ѣсме, такъ какъ переходъ конечнаго ударяемаго *e* въ *a* ни въ новгородскомъ, ни въ московскомъ говорахъ никогда не былъ извѣстенъ (срв. въ тѣхъ же старыхъ памятникахъ, гдѣ *есмя*, постоянное сохраненіе *e* въ *есте*; *естя*—по образу *есмя*—появилось не раньше XV в.: грамота 1503 г. Ак. Юр. 18). Сѣверно-великорусскій Златоустъ XVI в. Публ. Библ. (Q. 972) имѣеть: самовластьни *есма* добру 4 об. (съ отвердѣніемъ *м*).—Современные славянскіе языки не знаютъ формъ сходныхъ съ *ѣсмя*.

Имперфектъ на *яхъ*, *ахъ*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имперфектъ имѣлъ окончанія или полныя *пахъ*, *яхъ*, *аахъ*, *паше* и т. д., или сокращенныя *пахъ*, {*яхъ*, *ахъ*. Живой древне-русскій языкъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ полныхъ окончаній и употребляетъ только сокращенныя *яхъ* и *ахъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: *баше* 129 об. (=ц.-слав. *бъаше*, *бъше*); Архангельское Ев. 1092 г.: г.: *идяше*, *живяше*, *сѣмяше* (=ц.-слав. *идъаше*, *живъаше*, *смъаше*; въ послѣдней формѣ *ъ* принадлежитъ корню), *сѣдяше*, *вѣдяше* и др.; Минея 1095 г.: *търпяше* 209, *идяше* 214; Минея 1096 г.: *идяста* 48. Памятники послѣдующаго времени и между ними лѣтописи имѣють формы имперфекта на *яхъ* и *ахъ* въ большомъ количествѣ, за исключеніемъ грамотъ, въ которыхъ вовсе не встрѣчается формъ имперфекта. Кромѣ этихъ формъ, древніе русскіе памятники знаютъ смѣшанныя формы имперфекта, представляющія собою соединеніе церковно-славянскихъ формъ на *пахъ* съ русскими на *яхъ* и оканчивающіяся на *яхъ*: Остромирово Ев.: *баше*, *идяше*, *живяше* и др. (часто); Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ведяше*, *блახу*, *идяше*, *имяше*, *богатяше* и др. (часто); Архангельское Ев.: *сѣдяше*, *блახу*, *идяше*, *хотяше* и др. Конечно, подобныя формы—формы исключительно книжныя, чуждыя живому русскому языку.

Впрочемъ живому русскому языку въ историческое время были еще извѣстны кое-какія формы имперфекта на *пьятъ*; по крайней мѣрѣ формы въ родѣ *имѣяше* упорно держатся въ русскихъ книгахъ даже второй половины XIV в. (напримѣръ, въ Ев. 1355 г., въ Лаврентьевск. сп. лѣт.). Также возможно, что въ то же время существовала имперфектная форма *бъатъ* (рядомъ съ *бятъ*). Она находится, между прочимъ, въ Новгородской лѣт. XIV в.: *бъху* 43, *бъше* 60, *беше* 202. Другіе славянскіе языки въ историческое время своего существованія имѣли и имѣютъ формы имперфекта близкія къ русскимъ формамъ. Должно замѣтить, что русскія формы имперфекта нерѣдко являются съ несмягченными зубными и свистящими и съ мягкими губными (безъ *л*): Пантелеймоново Ев. XII в.: *стыдяхуся* 120; Златоструй XII в.: *ломяху* 104; Житіе Θεодосія Печерскаго XII в.: *отъпустяше* 14 об., *распустяше* 15, *прославяше* 13 об., *купяше* 4 и т. п. Конечно, рядомъ съ этими сравнительно новыми формами оставались въ употребленіи и древнія: *хожаше*, *пуцаше*, *любяше*. Сходныя формы встрѣчаются въ средне-болгарскихъ, древне-сербскихъ и старо-чешскихъ памятникахъ: *исходѣхъ* Слѣпченскій Апостолъ XII в. 1 об.; *прѣтъхуть* (= *прѣтахуть*, ц.-сл. *прѣштаахъ*), *ходѣхуть* Волканово Ев. XII в.; *zchoděše* Святотитскій сборникъ 109.

Спряжение имперфекта въ русскомъ языкѣ одинаково съ спряженіемъ его въ церковно-славянскомъ языкѣ; только формы 2-го и 3-го лицъ дв. ч. и 2-го л. мн. въ сѣверно-русскихъ (по преимуществу) памятникахъ XIII—XIV вв. иногда оканчиваются не на *ста*, *сте* или *шета*, *ште*, а на *шта*, *ште*: Житіе Нифонта 1219 г.: *стояшьте* два мюрина 20, *два хѣрувимъ стояште* одесную 119; Толстовскій сборникъ XIII в.: *башта* 124 об.; Пандекты 1296 г.: *пояшта* 133; Ев. 1339 г.: *идяшть* (дв., *ъ=е*) 2 об., *зряшьте* (дв.) 10; Ев. 1357 г.: *зряшьята* 151 об., *идяшьята* 154 об., *хожашьята* 167 об., *бѣашьята* 175; Ев. 1358 г.: *идяшьята* 3, *бѣшьята* 146 об., *искашьята* 204, *чюдяшьята* 208 об.; новгородское Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: *бѣшьята* 66 об.; Новгородская лѣт.: *мышляшьята* 129; псковское Лукино Ев. 1409 г.: *башьте*; Амартоль XIV в. (вѣроятно, западно-русскій): *творяшьята* 153, *имашьята* 154, *башьте* 175 об. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степень древности подобныхъ формъ въ русскомъ языкѣ, но считаемъ излишнимъ

указать на существованіе сходныхъ формъ въ старо-чешскомъ и въ современныхъ лужицкихъ языкахъ.

Давнопрошедшее. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ давнопрошедшее или *plusquamperfectum*, состоявшее изъ аориста *бѣхъ* или имперфекта *бѣахъ* и причастія на *ль*. Русскіе памятники знаютъ это давнопрошедшее: Житіе Θεодосія Печерскаго XII в.: приведоша разбойники, ихъже *бѣша ями* въ селѣ; *бѣ* въ искушении *быль*; Лаврентьевскій сп. л.: обновлена бысть църкы, яже *бѣ ополтъа* въ пожаръ, еще бо не *бяху ся утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; но рядомъ съ ними употребляютъ и другое, состоящее изъ прошедшаго сложнаго *быль ѹсмь* и причастія на *ль* (*ѹсмь* часто опускается): смоленскій договоръ съ Ригею 1229 г.: *ишль былъ* (=ишло было); новгородскій договоръ съ Тверью 1265 г.: что *быль отъязъ* братъ твои; смоленская грамота 1284 г.: *ицьло было*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: Ярославъ *быль уставилъ* и убити 19; грамота рижанъ ок. 1300 г.: *приготовилися есме были*; новгородскій договоръ съ Тверью 1305 г.: *дали ѹсме быть*; галицкая закладная 1386 г.: *придалъ былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя 363; Ипатскій сп. л.: хрестъ *есте были цѣловали* 349. Давнопрошедшее второго типа извѣстно, кромѣ русскаго, также сербскому, словинскому и западно-славянскимъ языкамъ.

Причастія настоящаго времени на а. Церковно-славянскія причастія наст. вр. дѣйств. зал. оканчивались въ имен. п. ед. муж. р. или на *а*: люб*а*, или на *ы*: ид*ы*. Формы на *а*=*я* обычны во всѣхъ русскихъ памятникахъ, но формы на *ы* употребляются только въ тѣхъ памятникахъ, которые или списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, или имѣютъ въ своемъ языкѣ въ томъ или другомъ количествѣ церковно-славянскую примѣсь. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы грамоты, не знаютъ причастій на *ы* и вмѣсто ихъ, въ томъ же значеніи—имен. п. ед. муж. р.—, имѣютъ причастія на *а*: *ида*, которыя появляются очень рано: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: река 188 (=церк.-слав. река), приснотекаи 247 (=ц.-слав.—теки); Минея 1096 г.: зова 44, 82, 120, 185, мога 83; Минея 1097 г.: жива 487; Минея XI в. (Публ. Библ. Ф. 36): сая 9 (=ц.-слав. сый); Добролюбо Ев. 1164 г.: чѣтаи 80 об.; Житіе Θεодосія Печерскаго по сп. XII в.: дада, пека 17, ѣда 25 об.;

смоленская грамота ок. 1230 г.: *возма*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: *мога*, *постерега*; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1301 г.: *жива*; духовная Ивана Калиты: *ида*; галицкая грамота 1409 г.: *прида*; галицкая грамота 1422 г.: *стана*, и друг. Современный русскій языкъ не знаетъ причастныхъ формъ ни на *ы*, ни на *а*. Отсутствие въ грамотахъ причастій на *ы* и постоянное употребленіе въ нихъ причастій на *а* позволяетъ предполагать, что первыя не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, принадлежатъ только литературному языку древней Руси, и что ихъ мѣсто въ народныхъ говорахъ было занято вторыми. Это предположеніе относительно русскаго языка до нѣкоторой степени подтверждается языками польскимъ и чешскимъ, въ которыхъ никогда не было и нѣтъ причастныхъ формъ на *ы* и встрѣчаются одни формы на *а*: ст.-польск. *gzeka*, чешск. *řka* (=церк.-слав. *река*, др.-русск. *рька*), чеш. *řda* (=церк.-слав. *иды*, др.-русск. *ида*), *řsa* (=церк.-слав. *сы*, др.-русск. *са*) и т. п. Происхожденіе окончанія *а* и его отношеніе къ окончанію *ы* для насъ не совсѣмъ ясно, но кажется, это *а* по происхожденію сходно съ *ь* въ род. ед. женск. р. *душь* и друг.

Неопредѣленное наклоненіе на *ть*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ форму собственно-неопред. н. на *ти* и двѣ формы такъ наз. супина на *тз* и на *тъ*; послѣднюю знали только глаголы съ гортанными согласными въ основахъ, въ родѣ *лагж*: *облещть*. Въ русскомъ языкѣ существовали всѣ эти формы — форма на *ти* въ значеніи только неопред. н., форма на *тз* въ значеніи только супина, а форма на *тъ* въ значеніи и неопред. н., и супина. Послѣдняя встрѣчается уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Остромирово Ев.: не *придохъ* *разорить* нѣ *напълнить* 213; Свято-славовъ Сборникъ 1073 г.: *придѣяху* *почръпаты* 257; Архангельское Ев.: не *имуть* *въкусить* *смырти* 80 об.; Добрылово Ев. 1164 г.: *оному* *подобаетъ* *ростъ*, а *мнѣ* *мнѣтся* 8 об., *възде* *на* *гору* *единъ* *помолитъся* 70 об., *да* *ся* *не* *възвратитъ* *въспятъ* *взятъ* *ризь* *своихъ* 80 об.; Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: *приде* *не* *тъкъмо* *себе* *явитъ*, *нѣ* *и* *научити* 43; Пантелеймоново Ев. XII в.: *приде* *отъ* *конць* *земля* *слышатъ* *премудрость* 46; Милатино Ев. 1215 г.: *бысть* *въннати* *въ* *домъ* *хлѣба* *ѣсть* 119 об.; Ев. Погодина XIII в. № 12: *да* *сидеть* *ицѣлитъ* *сына* 12 об.; Ев. Погодина XIII в. № 13: *здѣша* *понестъ* (*крестъ*) 168; Толстовскій

Сборникъ XIII в.: велить звать нищя и напоити 31; Прологъ-1262 г.: не дълга врѣмени трѣбуи тъкмо въ єдинъ день получитьъ отпускъ 104; Кормчая ок. 1282 г.: яко нѣ кого нарядитъ служити 518, не поститися, но инѣми духовными исполнитися 518 об. Она извѣстна также старшимъ русскимъ грамотамъ: смоленскій договоръ 1229 г.: аже извинитися латининъ, не мѣтати єго у погрѣбъ... у жельза усадитъ, такова правда узате (е=ъ); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: немъчицю поставитъ и передъ княземъ; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: польъ соли веситъ. Памятники XIV в. имѣють формы на *тъ* сравнительно нерѣдко: Ев. 1339 г.: придоша послушатъ єго 90; грамота литовскихъ князей 1350 г.: аже побѣгнетъ холопъ, выдать его; Ев. 1354 г.: придохъ раздѣлитъ чело-вѣка на отца своего 38 об., приде взыскать и спастъ погыбшаго; Ев. 1355 г.: шли бяху брашна купитъ 14; Ев. до 1362 г.: како можетъ чело-вѣкъ родитися старъ сы 2 об., подобаеть... мнѣ мнится 5, иже имать уши слышатъ да слышитъ 51 об., подобаеть в тре-тии день въскреснутъ 107; Паремейникъ 1378 г.: уклонися ясть 98 об.; Ев. 1393 г.: пришелъ єси погубитъ насъ 61 об., посла и паствитъ свинии 129; Ев. 1399 г.: пришелъ єси мучитъ насъ 37; Мстижское Ев. XIV в.: не достойтъ творитъ в субботу 37 об., никто же можетъ разъграбитъ 60 об.; Луцкое Ев.: приде слышатъ прѣмудрость 58; полоцкая вкладная XIV в. (въ Ев. Погодина № 12): ажо ми ся учинитъ не бытъ у Полоть(ск)е; двинская гра-мота XIV—XV в. (Ак. Калачова II, № 126): отступится, отдать, варить; галицкая грамота 1418 г.: имае заступити и оправить. Изъ другихъ славянскихъ языковъ польскій яз. имѣеть формы неопред. накл. на *с=тъ* издревле въ огромномъ количествѣ (формы на *си=ти* и *т=тъ* даже въ старо-польскихъ памятникахъ очень рѣдки); то же можно сказать о лужицкихъ языкахъ (формы на *си*, *си=ти* очень рѣдки; формъ на *т* нѣтъ совсѣмъ); въ чешскомъ языкѣ распространены всѣ три формы неопред. накл.; сербскій и словинскій языки знаютъ формы и на *ти*, и на *тъ*.

Кромѣ указанныхъ формальныхъ особенностей русскаго языка, должно унормануть о слѣдующемъ.

Формы дат. и твор. мн. въ великорусскомъ нарѣчїи оканчиваются на *мя*: творит. *двумя*, *тремя*, *четырьмя*, *стомя* (между прочимъ, у Державина и Добрынина), пермск. *имя*, *всѣмя*, *своимя*, *добрымя*,

сибирск. *имя*, донск. *всѣмя*, дат. сѣверно-великор. и сибирск. *имя* (имъ), вятск. *всѣмя* (всѣмъ), тобольск. *тѣмя* (тѣмъ). Формы твор. мн. на *мя* встрѣчаются изрѣдка также въ бѣлорусскомъ нарѣчїи: *двомя*, *двумя*, *тремя*, *тромя*, съ *семя* (= семью) головами (Бѣлор. Сб. III, 198). Формы на *мя* извѣстны по памятникамъ съ XIV—XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: *тремя* имены 483; Литовская лѣтопись XV в.: не полюбилъся *имя* (Ольгерду и Кейстуту; формы дв. ч. въ этой лѣтописи не употребляются; Уч. Зап. Ак. Н.); Житіе Михаила Клопскаго по Синод. списку Макарьевскихъ Миней (янв.): прешедшимъ *четырьмя* лѣтомъ 471; Житіе Данила Переяславскаго по списку XVII в. Рум. Муз. Унд. № 301: лѣтомъ *тремнадцатъ* минувшемъ 3; Римскія Дѣянїя по сп. нач. XVIII в.: велѣлъ стати *четыремъ* слугамъ, единому предъ нимъ, а *двумя* со сторонъ (изд. Общ. др. письм. II, 222); соловецкая грамота 1561 г.: *крестьяномъ* *пятыма* или *шестмя* добрымъ (Ак. Арх. Э. I, 285); Елецкія книги 1593 г.: *тридцатьмя* осми челоувѣкомъ (по снимку Иванова № 47). Быть можетъ, оно родственно съ сербскимъ окончаніемъ дат. и твор. мн. *ме* (если это *ме*—изъ *ма*); срв. въ польской Шарошпятацкой Библии XIV в.: *miedzy twytor* *oszyrna* 57.

Форма 1-го л. ед. глагола *быти* въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только *ѣсмь*, но и (чаще) *ѣсми*. Мы находимъ ее съ окончаніемъ *ми* въ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южно-русскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 г.; она сохраняется, въ видѣ *сми*, у гуцуловъ (въ Карпатахъ); сверхъ того, форма *ѣсми* находится въ одномъ сербскомъ Патерикѣ XIV в.

Формы 1-го л. двойств. на *ѣть*, обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, обычны и въ древне-русскихъ; но въ послѣднихъ, рядомъ съ ними, встрѣчаются также формы на *ѣа*: Прологъ 1262 г.: *сѣгрѣшихова* 19, *поидѣва* 28 об., *последуѣва* 77, *служива* 79, *слышихова* 88, *умрева* 105 об., *поидива* (повелит.) 113 об.; Ев. 1354 г.: *можева* 56, *хощева* 148 об.; Луцкое Ев. XIV в.: *хощева*, *просива* 182; Новгородская лѣт. XIV в.: *примѣва* 177; молдавская грамота 1400 г.: *имаева*. Эти формы (теперь съ значеніемъ множ. ч.) извѣстны разнымъ славянскимъ нарѣчїямъ.

Формы наст. вр. на *аамъ* или *амъ*, *ааши* или *аши*, въ родѣ ц.-слав. *имаамъ*, *имамъ*, издревле чужды русскому языку. Поэтому

въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (въ числѣ ихъ въ Остромировомъ Ев.) *имаамъ*—*имамъ*, 1 л. ед., постоянно пишется съ *з* на концѣ (рядомъ русскія формы *вѣмъ*, *дамъ* и т. п. обыкновенно имѣють *ѣ*). Формы *имаамъ* (грамота Ивана Гольшанскаго 1401 г.), *имамы* (молдавская грамота 1395 г., Уляницкій), позже *мамъ*, встрѣчающіяся въ юго-западно-русскихъ документахъ,—полонизмы: срв. ст.-польск. *jimat*, современн. *шам*. Современная великорусская форма *создамъ*—несомнѣнное новобразование (по образцу *дамъ*). Современныя западно-малорусскія (лемковскія) *знамъ*, *співамъ* и т. п.—заимствованія изъ польскаго или словацкаго языка, гдѣ формы на *ам*, *ім* многочисленны.

Формы сослагательнаго накл. съ *бимъ* (*бымъ бимъ*), обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, искони чужды русскому языку и очень рѣдки даже въ тѣхъ русскихъ текстахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Ихъ мѣсто въ русскомъ языкѣ было занято формами съ *быхъ* (*быхъ быхъ*), рѣдкими въ церковно-славянскомъ языкѣ, но обычными въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ.

Наконецъ должно замѣтить, что церковно-славянскія формы дат. *чьсому*—*чесому*, мѣстн. *чьсомъ*—*чесомъ* (отъ *что*) никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ (уже въ Остромировомъ Ев.: *чемъ* 78, 79; въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г.: *чемъ* 20; въ Златоструѣ XII в., л. 111, и въ Кормчей XII в. Сян. Библ., л. 260: *ничему*), равно какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ; что формы род.-мѣстн. отъ *два* и *оба* звучали не только *двою* и *обою* (Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: до *двою* гривну 5, *двою* мужу 16; грамота Гердена 1264 г.: *обою* сторону; псковская грам. 1483 г.: съ *обою* сторонъ Ак. Юр. № 2; сѣв.-русс. грам. XVI в.: въ *двою* рублѣхъ Ак. Юр. 442), съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, но также—чаще—*дву* и *обу* (Сказаніе о Борисѣ и Гл. XII в. 7; Синод. Кормчая XII в. № 227; Русск. Пр. 14), съ именнымъ окончаніемъ; что формъ дат.-твор. отъ *два* было двѣ: одна, обычная въ церковно-славянскихъ памятникахъ—*двѣма*, съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, другая, неизвѣстная церковно-славянскому языку—*двома*, съ именнымъ окончаніемъ.

IX. Исторія формъ склоненія.

Мы не будемъ касаться тѣхъ формальныхъ измѣненій, которыя находятся въ связи съ исторіею звуковъ, въ родѣ измѣненія им.-вин. ед. средн. р. *моѣ* въ *мою*, *моѣ* или измѣненія твор. ед. *рукою* въ *рукой*; о нихъ была уже рѣчь выше. Мы будемъ говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ формъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ или вліянію однѣхъ формъ на другія, или борьбѣ формъ между собою, или другимъ не фонетическимъ факторамъ.

Смѣшеніе именныхъ основъ. Склоненіе именъ въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько системъ; именно, въ этомъ языкѣ различаются склоненія именъ съ основами 1) на *ā*, 2) на *ā*, 3) на *ī*, 4) на *ī*, 5) на *ī*, 6) на *ī* и 7) на разные согласные. Склоненіе именъ въ греческомъ языкѣ также дѣлится на нѣсколько системъ, тѣхъ же, что и въ санскритѣ. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшій, доисторическій періодъ ихъ существованія исчезла значительная часть древнихъ формъ отъ основъ на *ze* (=санскритск. *ī*) и на согласные, и мѣсто ихъ было занято формами вновь образовавшимися по образцу формъ отъ основъ на *ь* (=санскр. *ī*), *o* (=санскр. *ī*) и *a* (=санскр. *ā*). Такимъ образомъ, на примѣръ, отъ основы *матер* была утрачена форма твор. п. ед. и ея мѣсто было занято новою формою *матерьъ*, образовавшеюся по образцу формъ отъ основъ на *ь*, въ родѣ *костыъ*. Точно также къ древнѣйшему періоду существованія славянскихъ языковъ относится начало смѣшенія основъ на *o* муж. и ср. р. и основъ на *z* (=санскр. *ī*) муж. и ср. р.,—основъ на *o* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ и основъ на *ь* муж. и ср. р.,—основъ на *o* ср. р. и основъ на *es* (=санскр. *ās*) ср. р.

Смѣшеніе основъ на о и на ъ. Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что въ первыхъ нѣкогда было довольно много именъ съ основою на з. Древнія формы большей ихъ части еще въ глубокой древности были замѣнены новыми, образовавшимися по образцу формъ именъ съ основою на о; между прочимъ всѣ прилагательныя съ основою на з перешли въ славянскихъ языкахъ въ склоненіе основъ на о; срв. славянскія *бѣдръ, остръ* и т. п. съ литовскими *budrūs, aštrūs*. Вслѣдствіе этого, въ славянскихъ языкахъ сохранились древнія формы только отъ существительныхъ съ основою на з, и то отъ очень немногихъ. Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы склоненія основъ на з являются всего чаще отъ пяти словъ: *сынъ, домъ, медъ, вращъ, полъ*; но въ склоненіи даже этихъ словъ издревле существуютъ, рядомъ съ древними формами отъ основъ на з, новыя формы, образованныя по образцу основъ на о. То же, что въ церковно-славянскомъ, мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ: здѣсь постоянно, рядомъ съ древними формами немногихъ именъ съ основою на з, встрѣчаются новыя, въ родѣ род. *сына, мѣстн. сына* и т. д. Въ свою очередь, имена съ основою на о въ русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ муж. р., подчинились вліянію именъ съ основою на з; вслѣдствіе чего въ ихъ склоненіи мы нрѣдко находимъ двойкія формы—древнія, отъ основы на о, и новыя, образованныя по образцу формъ основъ на з. Эти двойкія формы тянутся черезъ всю исторію русскаго языка и сохраняются до настоящаго времени.

Форма род. п. ед. основъ на о оканчивалась на а; та же форма основъ на з оканчивалась на у (ю). Въ древне-русскихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на о (означающихъ неодушевленные предметы) мы видимъ, кромѣ формъ род. ед. на а, также формы того же пад. на у (ю). Такъ, напр., мы читаемъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: отъ *лнѹ* 218 об.; въ Прологѣ 1262 г.: что и еще есть долгу 60 об., корчагу бобу мочена 63 об., своего роду 81 об.; въ новгородской грамотѣ 1265 г.: отъ *лнѹ*; въ Кормчей ок. 1282 г.: *лнѹ* 589 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: *солодѹ, горохѹ* 4, 22; въ новгородской грамотѣ 1305 г.: ис *Торъжкѹ*; въ полоцкой грамотѣ ок. 1331 г.: отъ *воскѹ*, отъ *хмѣлѹ*; въ Ев. 1354 г.: со *брегѹ* 70; въ волынской вкладной 1376 г.: *обалопѹ* Бугѹ; въ новгородской грамотѣ 1373 г.: *полонѹ* новторского; въ

Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: роду князя 22; въ Новгородской лѣтописи: въ створи ряду 55, до тѣргу 60, съ пѣлку 33, просяще пѣлку 86, съ Торожку 168; въ галицкой грамотѣ 1400 г.: безъ одвукупу; въ Палеѣ 1406 г.: отъ мозгу 46, съ холъму 190 об.; въ галицкой грам. 1418 г.: того листу. Слово о полку игоревѣ имѣеть рядомъ Дона и Дону.

Форма дат. ед. основъ на *о* оканчивалась на *у*; та же форма основъ на *з* оканчивалась, между прочимъ, на *ови* и *еви*. Древніе памятники, кромѣ формъ дат. ед. на *у*, имѣють отъ основъ на *о* (особенно отъ именъ лицъ) также формы на *ови*, *еви*. Мстиславова грамота 1130 г.: Георгиеви; смоленская грамота ок. 1230 г.: Богови, мастерови; полоцкая грамота около 1300 г.: бровстови; грамота рижанъ въ Витебскѣ ок. 1300 г.: мостови, монастыреви; полоцкая грамота ок. 1331 г.: купцѣви, вѣсцѣви; Новгородская лѣтопись: Драгуилови 28, Судилови 49, Андреѣви 49, Гюргеви 49, Якунови 69, Михалеви 85, отцеви 187, коневи 291. Формы дат. на *ови* встрѣчаются также въ грамотахъ галицкихъ, но особенно часты въ Волынской лѣтописи, сохранившейся въ Ипатскомъ спискѣ: Воишелгови, Данилови, холмови, ледови, соньмови, Юрьеви, цареви и т. п.

Форма мѣстн. ед. основъ на *о* оканчивалась на *ѣ* (*и*); та же форма основъ на *з* оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древнихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на *о* формы мѣстн. ед. встрѣчаются не только съ окончаніемъ *ѣ*, *и*, но также (по преимуществу, когда слова — двусложны, означающія неодушевленные предметы) — съ окончаніемъ *у*: въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: быша на Бору 4 об.; въ Прологѣ 1262 г.: на ариеве леду 35, въ пиру 46, въ торгу 53 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: въ гноѣ 186 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ пиру, на тѣргу 6, 7; въ Пандектахъ 1296 г.: въ миру 29, 66, 120 об., на снѣгу 77 об., на торгу 112 об.; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1265 г.: на Торожку; въ договорѣ ок. 1301 г.: в Торъжьку; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на воску 194; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: сидѣла дружина у (=въ) пиру; въ Амартолѣ XIV в.: въ пиру 121 об.; въ духовной Ивана Калиты: на шелку; въ Ев. 1339 г.: на брегу 47; въ Паремейникѣ 1378 г.: въ стану 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: у Луцку; въ грамотѣ Витовта послѣ 1392 г.: у Турейску; въ Новгородской лѣт.: побѣди на Бору Чюдъ 15,

на Новемъ Търгу 49, 60, на мале часу 87, въ Торжъку 272. Памятники псковскіе XIV—XV вв. имѣють формы на *у* отъ личныхъ собственныхъ именъ (въ записяхъ): Апостоль 1309—1312 г.: при попѣ Паруху; Параклитикъ 1369 г.: при князи при Борису; Прологъ 1383 г.: при попѣ Федосу; Паремейникъ 1413 г.: при князи Борису. Памятники западно-русскіе XV—XVI вв. имѣють формы на *у* отъ именъ и мужскаго, и средняго рода очень часто: смоленскій Исаакъ Сиринъ 1428 г., запись: въ градѣ Смоленську; полоцкая грамота 1407 г.: у Полоцку; полоцкая грамота 1478 г.: въ члоньку; Лѣтописецъ Переяславскій (по изд. кн. Оболенскаго): въ Смоленску 41, у Курьску 54, въ Полотсцю 5; Литовскій Статутъ 1588 г.: о недаванью 44, у войску 57, на писару 127 и т. п.; Евангеліе Тяпинскаго XVI в.: в ученю своемъ, на сконченю, о закамененю и т. п. Московскія грамоты XVI—XVII вв. нерѣдко имѣють формы на *у* отъ названій городовъ на *скъ*: въ Смоленску, въ Можайску, въ Сѣвску.

Въ формахъ зват. ед. издревле постоянно употреблялось окончаніе основъ на *з—у* у многихъ изъ тѣхъ существительныхъ съ основою на *о*, которыя имѣли передъ гласнымъ основы *ј* или мягкій согласный: цсарю. Въ древне-русскомъ языкѣ мы иногда (очень рѣдко) встрѣчаемъ, вмѣсто окончанія *е*,—окончаніе *у* у словъ съ основою на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ; такъ, въ двухъ повгородскихъ Стихираряхъ XII в. Акад. Наукъ и Сян. Библ. № 279 мы читаемъ: тебѣ жениху мой люблю, вмѣсто: женише; въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: свату 440, 446, 455, 469, 470.

Форма имен. мн. основъ на *о* оканчивалась на *и*; форма того же падежа основъ на *з* имѣла окончаніе *ове* или *еве*. Древніе памятники, рядомъ съ формами на *и*, имѣють изрѣдка формы имен. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *ове*, *еве*: новгородская грамота ок. 1300 г.: *пословъ*; духовная в. кн. Ивана Калиты: *татарове*; Ев. 1355 г.: *попове* (запись); новгородскія грамоты 1372 и 1373 г.: *пословъ* (не только им., но и вин. мн.); Новгородская лѣтопись: *дъждеве* 263; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *воробьева* 58, *разбоева* 124; московская грамота 1449 г.: *соловарове* (Ак. Калачова I, 101). Нѣсколько большее количество подобныхъ формъ находится въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: *попове*, *борова*, *татарове*, и притомъ не только въ значеніи им. мн., но и вин.: *поидоша въ ляхове*.

Форма род. мн. основъ на *о* оканчивалась на *з* (*ѡ*); та же форма основъ на *з* имѣла окончаніе на *оѡ* или *еѡ*. Памятники русскаго языка съ XII в. имѣють въ большомъ количествѣ формы род. мн. отъ словъ муж. р. съ основою на *о*, оканчивающіяся на *оѡ*, *еѡ*: Свято-славовъ Сборникъ 1076 г.: *вождеѡ* 7; Златоструй XII в.: *дългоѡ* 5 об.; Житіе Епифанія XII в.: *бѣсоѡ*; Житіе Θεодосія Печерскаго по сп. XII в.: *манастыреѡ* 7, *бѣсоѡ* 13, 19, *духоѡ*, *пѣлкоѡ* 13, *трудоѡ* 14 об.; договоръ Смоленска съ Рягою ок. 1230 г.: *розбойникоѡ*; Прологъ 1262 г.: *хлѣбоѡ* 25 об., 132 об., *бѣсоѡ*, *конеѡ* 68 об.; договоръ Новгорода съ тверскимъ княземъ ок. 1265 г.: *купцеѡ*, *повозоѡ*; Ев. 1270 г.: *хлѣбоѡ* 39 об., *динариѡ* 70 об.; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: *хлѣбоѡ*, *уборокоѡ* 4, 22, *послухоѡ* 11, 12; Рязанская Кормчая 1284 г.: *образоѡ* 6 об., *трудоѡ* 7, *сбороѡ* 10, *презвитероѡ* 36 и др.; Пандекты 1296 г.: *трудоѡ*, *бѣсоѡ*, *часоѡ*, *стихоѡ*, *псалмоѡ*, *трепареѡ*, *въплѣѡ*, и др.; договоръ Новгорода ок. 1301 г.: *новгородѡ*, *новоторѡ*; договоръ Новгорода ок. 1305 г.: *приставоѡ*, *закладникоѡ*; духовная Ивана Калиты: *бортникоѡ*, *оброчникоѡ*, *поясоѡ*, *судоѡ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: *городоѡ*; Лаврентьевскій сп. л.: *сторожоѡ* 231, *прятелеѡ* 296; Паремейникъ 1378 г.: *жителеѡ* 34; Новгородская лѣт.: *двороѡ*, *конеѡ*, *кораблеѡ*, *злѡдѣѡ*. Рядомъ съ этими формами въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются еще въ значительномъ количествѣ и старыя формы: новгородская грамота ок. 1325 г.: *твоихъ мужъ*; духовная Ив. Калиты: *ис портѡ*; Духовная Семена Гордаго: *конь своихъ*; Новгородская лѣтопись: *городѡ* *вашихъ* 194, *възяша* 6 *городѡ* 50, и т. п.

Формы именъ муж. р. съ основою на *о*, имѣющія окончанія формъ основъ на *з*, пользуются широкимъ распространеніемъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Формы род. и мѣстн. ед. на *у* многочисленны во всѣхъ его говорахъ, между прочимъ въ литературномъ языкѣ: *песку*, *творогу*, *сáхару*, на *холоду*, на *краю* и т. п.; при этомъ рядомъ съ ними употребляются и старыя формы основъ на *о* съ окончаніями *а* и *ъ*, *и*. Нѣкоторыя слова имѣють по двѣ падежныхъ формы род. и мѣстн. ед.—на *а* и *у*, на *ъ* и *у*.

Формы дат. ед. на *оѡ*, *еѡ* исчезли изъ великорусскихъ говоровъ и въ настоящее время распространены только въ малорусскомъ на-

рѣчи: *богови*, *богови* (рядомъ съ *богу*); они употребляются въ значеніи не только дат., но и мѣстн. ед.

Формы зват. ед. на *у* также исчезли изъ великорусскихъ говоровъ, но еще существуютъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, въ первомъ рѣдко: сынку (рядомъ съ куме), во второмъ часто: діду, свату и т. п. (рядомъ съ діде, свате).

Формы имен. мн. на *ове*, *еве* сохранились въ ничтожномъ количествѣ въ великорусскихъ говорахъ: онежск. (пѣсенн.) татарове, уланове, путивльск. цареве. Въ бѣлорусскихъ говорахъ они также очень рѣдки: сватове, мужове. Малорусское нарѣчіе имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, особенно говоръ лемковъ: вітрове (рядомъ съ свати, вітри).

Формы род. мн. на *овъ*, *евъ* имѣютъ очень широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры еще сохраняютъ старыя формы род. мн. основъ на *о*: глазъ, разъ, рога, сапога и т. п., но они въ нихъ малочисленны (рядомъ съ ними: *роговъ*, *сапоговъ*). Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. мн. больше: годъ, часъ, конь, но они все таки являются исключеніями. Даже слова среднего рода основъ на *о*, въ значительномъ большинствѣ случаевъ сохраняющія древнія окончанія, въ род. мн. нерѣдко имѣютъ окончаніе *овъ*: великор. мѣстовъ, дѣловъ, съ сердцеовъ, кушаньеовъ, ружьеовъ (у Гоголя), гуляньеовъ (у Писемскаго); у Суморокова: я подозрѣниеовъ достоинъ ли такихъ (Хоревъ); у В. Майкова: желаніеовъ, дѣйствіеовъ (даже: граціеовъ); то же—хотя и очень рѣдко—въ древнихъ памятникахъ: свободъ и мытоовъ не ставити (рядомъ: княже мыто), договоръ Новгорода съ Тверью 1371 г.; заважисеовъ, Скорина, Второзаконіе, 47 об.

Изъ словъ съ основою на *ъ* въ настоящее время ни одно не сохраняетъ древняго склоненія; всѣ они склоняются одинаково со словами съ основою на *о*.

Смѣшеніе основъ на о и на ь. Имена съ основою на *ъ* муж. р. имѣли ту же судьбу, что и имена съ основою на *о*. Всѣ прилагательныя съ этою основою (кромѣ числительныхъ *три*, *четыри*) утратили свое древнее склоненіе еще въ доисторическую пору: одни перешли въ склоненіе основъ на *о*, другія стали несклоняемыми. Къ послѣднимъ изъ нихъ мы можемъ отнести такія прилагательныя, какъ *испльнь*, *свободъ*, *неудобъ*, которыя встрѣчаются въ церковно-

славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: *исплънь* небо и вся земля славы ѿго, два брата *исплънь* сжшта вѣры, *свободо* ѿго сътвориши. Значительная часть существительныхъ съ основою на *ь*, также еще въ глубокой древности, утратила формы древняго склоненія, и только на основаніи данныхъ литовскаго языка и фонетическихъ особенностей этихъ словъ мы можемъ думать, что они нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ь*. Мы можемъ смѣло сказать, что всѣ слова муж. р. въ родѣ *зять*, *тать*, съ окончаніемъ *ть*, прежде принадлежали къ числу словъ съ основою на *ь*, такъ какъ, если бы они принадлежали къ словамъ съ основою на *о*, то въ нихъ *т* смягчилось бы передъ *ь* и мы имѣли бы въ церковно-славянскомъ языкѣ *зашть*, а не *зять*, въ русскомъ *зять* и т. д.; точно также мы можемъ сказать, что всѣ слова муж. р. на *дь*, *бь*, *сь*, *мь*, *нь* нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ь*.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы находимъ смѣшеніе основъ на *ь* съ основами на *о* въ единств. числѣ и видимъ, что часто имена съ основою на *ь* принимаютъ падежныя окончанія основъ на *о* и весьма рѣдко, наоборотъ, слова съ основою на *о*—окончанія основъ на *ь*. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются рядомъ формы род. п. огня, звѣря и огни, звѣри, дат. огню, звѣрю и огни, звѣри и т. д.; но первыя болѣе часты, чѣмъ вторыя. Въ памятникахъ XIII—XIV вв. древнія формы основъ на *ь* муж. рода чрезвычайно рѣдки и ограничиваются почти ничтожнымъ количествомъ случаевъ, главнымъ образомъ отъ словъ: *юсть*, *тѣсть*, *зять* и *путь*. Въ новгородской грамотѣ 1270-г. мы читаемъ: гости нашему; въ Кормчей ок. 1282 г.: к зяти 487; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: церковнаго тати 251; въ новгородской грамотѣ ок. 1235 г.: гости новгородскому; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: отъ тести своего 332, ко тѣсти 410; въ Новгородской лѣтописи: къ зяти 130, възмолися зяти 193, на зяти его на Андрѣя (вин.) 196; въ Ипатскомъ сп. л.: тѣсти своему 207, к зяти 335, 361. Слово *путь*, хотя и не всегда (Ряз. Кормчая 1284 г.: долготы путя 129, отъ путя 299 об.; Скорина: подлѣ путя, Быт., 89), но сохраняетъ древнія формы склоненія въ ед. ч. и въ настоящее время.

Во множеств. числѣ основы на *ь* муж. р. сохранили древнія формы вин. и род. пад. и остатки древнихъ формъ твор. п. Въ род. п. мы постоянно видимъ древнія формы въ родѣ *гостѣмъ* (откуда

гостей) и гости. Они послужили къ образованію такихъ же формъ и отъ основъ на *o* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, муж. р. Мы находимъ: въ Ев. 1270 г.: *пѣнзиси* 49; въ Кормчей ок. 1282 г.: безъ стихарии 613; въ Рязанской Кормчей 1282 г.: *мужи* 48, 58, 178; въ Амартолѣ XIV в.: *мужи* 143 об., *мечи* 145; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: *князи* 265, 347, 418, 419, 440, *мужи* 14; въ Паремейникѣ 1378 г.: *мужи* 9, 16 об., 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: *рублѣи*; въ Ев. 1393 г.: *мужи* 18 об.; въ южно-русской грамотѣ еп. Даниїла 1398 г.: *конѣи*; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: *князи* 93 об., 109; въ Службеникѣ преп. Сергія: *князеи* 10, 22 об., 23, *создателеи* 37 об., 38 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *мѣсяци* 110; въ Новгородской лѣт.: *князи* 308; въ Ипатскомъ сп. л.: *мужи* 378, *князѣи* 391, *мѣсяци* 384; въ Четвѣ 1489 г.: *мѣсяцеи* 16, 16 об. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ обычны формы род. мн. муж. р.: *князей*, *нозей*, *рублей*, даже *мѣсяцей* (при *рублѣехъ*, *мѣсяцехъ*); но извѣстны и формы род. мн. средн. р.: *полей*, *морей*.—Въ творит. п. мы изрѣдка находимъ древнія формы: *гостѣми*. Они не только сохранились, но и повели къ образованію, отъ именъ съ основою на *o*, новыхъ формъ твор. мн. на *ѣми*. Добрилово Ев. 1164 г.: *мужѣми* 128 об.; грамота рижанъ въ Витебскѣ около 1300 г.: *конѣми*; Прологъ 1356 г.: *ножѣми* 2 об., *стражѣми* 87 об.; Лаврентьевскій сп. л.: *мечѣми* 76; Чудовской Новый Завѣтъ: *ножѣми* 39 об., *княжѣми* 68, *мужѣми* 77 об., *якорѣми* 79; Паремейникъ XVI в. Троицк. Лавр. № 4: *княжѣми* 13 об.; Ипатскій сп. л.: *конѣми* 369; западно-русскія грамоты XV—XVI вв.: *княжѣми*, *полѣми* (отъ поле). Подобныя формы мы находимъ изрѣдка и въ современномъ языкѣ.—Обратное вліяніе, вліяніе основъ на *o* на основы на *ѣ*, отмѣчено въ твор. и мѣстн. мн.: *пути темными*, Ефремъ Сиринъ 1377 г. 58 об.; на *путиахъ*, Псалтирь 1296 г. 277.—Кромѣ этихъ формъ, основы на *ѣ* сохранили остатки формъ дат. и мѣстн. мн. на *ѣмъ*, *ѣхъ*; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ бѣлорусскихъ, отчасти въ южно-великорусскихъ говорахъ: *гостѣмъ*, *гостѣхъ*.

Смѣшеніе основъ на o средн. р. и на *ѣс* средн. р. началось въ доисторической періодъ и кончилось тѣмъ, что древнія формы отъ основъ на *ѣс*, кромѣ имен.-вин. и род. мн., исчезли и ихъ мѣсто заняли новыя формы по образцу основъ на *o*; такъ, отъ *небо* развились новыя формы род. ед. *неба*, дат. *небу* и т. д., а древнія формы *небесе*, *небеси* исчезли. Нѣкоторыя слова съ основою на *ѣс*

образовали новыя формы по образцу основъ на *о* съ сохраненіемъ суффикса *ес* во мн. ч.: *небеса, чудеса*, а одно также и въ единств.: *колесо, колеса, колесу* и т. п. (древнее *коло, колесе*). Последнее нѣкогда имѣло новыя формы и безъ суффикса *ес*: договоръ Смоленска съ Ригю 1229 г.: съ *колы* (срв. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: слова 144 об.); Лаврентьевскій сп. лѣт.: на *кола* 131, 251, на *колыахъ* 252 (*кола*=повозка). Особо стоятъ слѣдующія рѣдкія формы словъ съ основою на *ес*: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *божия чюдеса* 245; Златоструй XII в.: *вся знаменія и чюдеса*; Милятино Ев. 1215 г.: изъ *очеса* 16, *знаменія велика и чюдеса* 54 об.

Смѣшеніе основъ на о, ъ, ь и на а. Между тѣмъ какъ начало смѣшенія основъ на *о* съ основами на *з, ъ, ес* относится къ до-исторической эпохѣ, смѣшеніе основъ на *о, з, ъ* и согласные всѣхъ родовъ (*волкъ, юсть* и др.) съ основами на *а* женск. р. (*жена*) началось около XIII в. Оно имѣло мѣсто въ формахъ дат., твор. и мѣстн. пад. множ. ч. и состояло въ томъ, что имена съ основами на *о, з, ъ* усвоили себѣ для этихъ падежей окончанія основъ на *а*. Мы читаемъ: въ Паремейникѣ 1271 г.: *егуптянамъ* 9, *безаконіямъ* 210 об., съ *клубуками* 214, *матигорьцамъ* (отъ *матигорьць*), запись; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: къ *латинамъ* 36; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: по *постояніямъ*; въ Ев. 1317 г.: *владычествіямъ* 85 об.; въ Ев. 1339 г.: на *сборищахъ* 64, на *сонмищахъ* 76; въ Ев. 1354 г.: на *распутыахъ* 117; въ Ев. 1355 г.: *книжникамъ* 87; въ Прологѣ 1356 г.: къ *гробищамъ* 4 об., въ *гробищахъ* 4 об., 5; въ Ев. 1358 г.: о глаголахъ 202 об.; въ новгородскомъ договорѣ съ Тверью 1371 г.: *дворянамъ, боярамъ*; въ договорѣ 1373 г.: *купцамъ*; въ Ев. 1393 г.: на *торжищахъ* 69, *книжникамъ* 114; въ Тактиконѣ Никона Черног. 1397 г.: о *раздорахъ* 6; въ Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: по *мѣстамъ* 56; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Лавры № 4: *требищамъ* 43; въ двинской рядной XIV—XV в.: *посадникамъ, княжоостровьячамъ* (*ч=и*); въ двинской купчей XIV—XV в.: *чернцамъ*. Старыя формы дат. мн. въ родѣ *волкомъ, костемъ*, твор. мн. *волки, кости*, мѣстн. мн. *волцѣахъ, костелъ* долгое время продолжали существовать рядомъ съ новыми формами на *амъ, ами, аахъ*, и мы ихъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ памятникахъ не только XIV—XV вв. (здѣсь они господствуютъ), но и XVI—XVII вв. Судебникъ 1550 г.: съ *князи, на отвѣтчикуахъ, на послу-*

слѣхъ, въ займѣхъ; Домострой: з грибы, с рыжики 86, въ сундукехъ 93, 94, в пирозѣхъ 117, в погребехъ и на ледникехъ 127; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: помѣщикомъ, мостомъ, торгомъ, селомъ, людемъ, властемъ, дѣтемъ, матеремъ, приставы, недруги, обычаи, дѣлы, государствы, помѣстьи, рѣчьми, крѣпостьми, печатъми, пищальми, описъми, въ годѣхъ, въ мѣстѣхъ, въ городѣхъ, въ полкѣхъ, во дьяцѣхъ (отъ дьякъ), въ послушѣхъ, въ дѣлѣхъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго: ученикомъ, часомъ, псомъ, деломъ, узкими вороты, в перекладахъ, в писмехъ, въ городехъ и т. п. Московскій дѣловой языкъ начала XVIII в. еще нерѣдко сохраняетъ ихъ; но сомнительно, чтобы они въ это время существовали въ Москвѣ въ живомъ употребленіи. Эти формы еще сохраняются въ современныхъ говорахъ: съ широкими вороты (В. Майковъ), съ тесовыми вороты (Пушкинъ); сѣв.-великор. (пѣсенн.): по стойломъ, съ добрыми молодцы; бѣлор. воровомъ (рѣдко); малор. (лемк. и бойк. дат. часимъ (изъ часомъ), твор. часы, мѣстн. часихъ (изъ частѣхъ).

Нѣкоторыя великорусскія формы мѣстн. мн., принимая новое окончаніе, сохранили древнюю мягкость согласныхъ: во лузаяхъ (пѣсенн.; древняя форма: лузѣхъ, отъ лугъ), въ лѣсяхъ, въ утрахъ (отъ утро), во сняхъ, вмѣстяхъ (=вмѣстѣ), можетъ быть, въ торопяхъ (отъ торопѣ?).

Въ свою очередь основы на о оказали вліяніе на основы на а (а вмѣстѣ и на основы на ъ) въ формахъ твор. мн. Окончаніе этихъ формъ основъ на о—ы (волкы) перешло въ формы основъ на а, и такимъ образомъ окончаніе этихъ послѣднихъ, вмѣсто древняго ами, стало звучать амы. Новыя формы, въ родѣ слезамы, городамы, въ настоящее время имѣють распространеніе во многихъ сѣверно-великорусскихъ, въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Старые памятники не знаютъ этихъ формъ; мы изрѣдка находимъ въ нихъ формы твор. мн. на мы лишь отъ мѣстоименій и прилагательныхъ: Прологъ 1356 г.: незаконнымы; Ипатскій сп. лѣт.: ратнымы 431, околнымы 613; сѣв.-великор. Погдинскій сборникъ нач. XV в. № 872: всѣмы 188 об., всимы 190 об., мужи симы 190 об., сячемы глаголы (ч=и) 228 об.; новгородская грамота 1459—1470 г.: малымы островки, Ак. Арх. Э. I, 47; псковская Палея 1494 г.: всѣмы 158; сѣверно-великор. Златоустъ XVI в. Публ. Библ. Q. 972: симы глаголы 14.

Точно также основы на *ъ* оказали вліяніе на мягкія основы на *а* въ формахъ род. мн. Новыя формы, въ родѣ *тысячей*, извѣстны въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: московск. *свѣчей* (Грибоѣдовъ; рядомъ: *свѣчь*), *парчей*, *юношей* и т. п. Старшій случай ихъ употребленія отмѣченъ нами въ памятникѣ XIV в.: кромѣ рабъ и рабыней, Тактиконъ 1397 г., 32; они уже нерѣдки въ памятникахъ XVI—XVII вв. (у Курбскаго не разъ: *тысящей*; въ Ев. Тяпинскаго: около двухъ *тисечей*; у Посошкова: *пулей* не стануть терять I, 282).

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на о. Смѣшеніе основъ на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (а равно слившихся съ ними древнихъ основъ на *э*) муж. и средн. р. (*волкъ*, *окно*) съ основами на *о* съ предыдущимъ *ј* или мягкимъ согласнымъ (а равно и съ основами на *ъ*) тѣхъ же родовъ (*конь*, *поле*) состояло въ томъ, что формы мѣстн. п. ед. и мн. мягкихъ основъ, на мѣсто своихъ древнихъ окончаній *и* и *ихъ*, приняли отъ твердыхъ основъ окончанія *ъ* и *ихъ*. Старшій случай этого смѣшенія находится въ Миней 1095 г.: въ *человѣчъ* образѣ 81; онъ не внушаетъ довѣрія и похожъ на опіску. Другіе случаи мѣстн. ед. на *ъ* мы видимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: при *Анатолий* 14; въ *Паремейникѣ* 1271 г.: при *море* 234 об., на *лице своемъ* 254; въ *Кормчей* ок. 1282 г.: въ *Ярославль* 575; въ *Ряз. Кормчей* 1284 г.: на *судѣ епископлъ* 62 об.; въ *Пандектахъ* 1296 г.: въ *многословіе* своемъ 107; въ Тріоди 1311 г.: въ *стихирарь* 17, въ *отцъ* 31; въ *Ев.* 1317 г.: о *слѣпцъ* 12 об., въ *сборищъ* 70; въ *духовной* Семена Гордаго: на *Кержачъ*, на *княженьъ*; въ *духовной* в. кн. *Ивана Ивановича*: въ *здоровьъ*, по *отцъ*; въ *Ев.* 1354 г.: при *моръ* 50, въ *моръ* 70 об.; въ *Ев.* 1357 г.: во *отцъ* 21, 21 об., о *князь* 76 об., въ *солицъ* 109, о *слѣпцъ* 115, в *законѣ* *господня* 171 об., въ *Галичъ*, *запись*; въ *Лаврентьевскомъ* сп. лѣт.: въ *монастырьъ*, въ *огнь* и т. п. *Формы* мѣстн. мн. на *ихъ* мы находимъ въ *Кормчей* ок. 1282 г.: в *мятежехъ* 446; въ *Ряз. Кормчей* 1284 г.: въ *жилицехъ* 93, о *пастырехъ* 87, на *краехъ* 148 об., въ *монастырехъ* 166, 167 об. и др., о *мятежехъ* 193 об., въ *июдѣхъ* 202, о *лицъхъ* 237; въ *Псалтыри* 1296 г.: въ *монастырьхъ*; въ *Пандектахъ* *Никона Черногорца* 1296 г.: о *князехъ* 10, въ *монастырехъ* 46; въ *псковскомъ* *Апостолѣ* 1307 г.: при *князехъ*, въ *князьхъ*, *запись*;

въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: на кривичѣхъ, на вятичѣхъ 18, на конѣхъ 55, въ сторожѣхъ 65, в черпцѣхъ 451,—ехъ 461 и т. п.

Древнія формы на *и*, *ихъ* въ XIV в. были еще въ постоянномъ употребленіи, и, напримѣръ, въ договорѣ Семена Гордаго съ братьями мы читаемъ: при нашемъ отци. Теперь формы на *и* существуютъ въ большомъ количествѣ въ говорахъ бѣлорусскихъ (на коніи) и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ только: въ забытьи); большинство малорусскихъ говоровъ имѣетъ въ мѣстн. ед. мягкихъ основъ *i* изъ *ь*. Формы на *ихъ*, кажется, теперь уже не существуютъ въ русскомъ языкѣ.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, имѣло мѣсто только въ формахъ винит. п. мн., употреблявшихся также и въ значеніи имен. п. Оно состояло въ замѣнѣ окончанія вин. мн. твердыхъ основъ *ы* (волкы) окончаніемъ того же пад. мягкихъ основъ *ь* (мужь) и было извѣстно главнымъ образомъ въ старомъ новгородскомъ говорѣ: Прологъ 1262 г.: потове... приятъ быша 121 об.; Ев. до 1362 г.: горе вамъ лицемѣръ 45, ученицы іоановъ 48 об., будутъ трусь 56, встануть лжи христъ 93 об., отпущаются грѣсь 138 об., народъ угнѣтають тя 143, что стоите праздынь 152 и др.; грамота 1372 г.: пословѣ Михайловъ; грамота 1392 г.: побилѣ розбойникъ Матьфѣева сына; Апостоль 1391 г.: на языки неразумнъ 58; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: достоинни плодъ 47 об., суть уставъ положени 49 об., святѣи сборъ 51 об. и т. п. (нерѣдко); Новгородская лѣт.: начаша воєвати городъ черниговскѣи и възяша... и инѣе городъ мнозь 158, избѣени быша печерьскеи и югѣрьскѣи (даньщѣики) 95; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: бѣсь изгна 68 об., сквозѣ градъ 70 и т. п. (часто), мертвеи 61; Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. (часто, между прочимъ: росяне 52); Апостоль 1495 г. Рум. Муз. (часто). Должно имѣть въ виду, что рядомъ съ формами на *ь* очень рѣдко встрѣчаются формы на *е* и что *ь* можетъ быть графическимъ изображеніемъ звука *и*. Срв. соврем. бѣлорусск. имен. мн. мужикѣ, вовкѣ, им.-вин. мн. вѣнкѣ, дворѣ.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на а. Основы женск. р. на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (жена) оказали вліяніе на основы на *а* съ предыдущимъ *ј* или мягкимъ согласнымъ (душа), которое имѣло своимъ результатомъ принятіе въ формы род. и дат.-

мѣстн. ед., им.-вин. дв., им.-вин. мн. мягкихъ основъ окончаній формъ тѣхъ же падежей твердыхъ основъ.

Формы род. ед. на *и* вмѣсто древняго *ъ* (это *и* послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ вполнѣ соответствуетъ *ы* твердыхъ основъ: жены) встрѣчаются уже въ памятникахъ XI—XII вв., новгородскихъ и кievскихъ: въ Минеѣ 1095 г.: изъ отроковичи 45, преподобныя Евфросиниі 192; въ Стихирарѣ 1157 г.: пророка Захарии 7, святыя Марія египтяныни 133 об., святыя Марии 156 об.; въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Син. Библ. № 279: пророка Захарии 8, святыя Евфросинии 24 об., Зиновия и Зиновии 43; въ Житіи Θεодосія Печерскаго по сп. XII в.: нѣколикы братии 17, отъ судии 36 об. Памятники XIII—XIV вв., особенно сѣверно-русскіе, имѣютъ формы на *и* очень часто: Милятино Ев. 1215 г.: милостыни вапеша 145; Евангеліе 1270 г.: отъ Аримафѣи 8, жены самаряныни 13, седьмъ брати 45, не створивъ воли 80; Паремейникъ 1271 г.; Кормчая ок. 1282 г.; Рязанская Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.; духовная Ивана Калиты: княгини моѣе; духовная Семена Гордаго: у Овци, своее купли.

Древнія формы род. ед. мягкихъ основъ на *ъ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, въ большинствѣ которыхъ на мѣстѣ древняго *ъ* слышится *і* (душе), въ меньшинствѣ—*е* (душе) или дифтонги, потомки *ъ*; говоры великорусскіе и бѣлорусскіе ихъ уже почти совсѣмъ утратили, такъ что ихъ остатки теряются среди массы формъ на *и*.

Формы дат.-мѣстн. ед. на *ъ* вмѣсто древняго *и* являются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Минея 1095 г.: въ ветьсѣ одежь 93, къ ширынѣ 99, святѣи госпожь Богородиць, запись; Минея 1096 г.: въ пустынь 51; но становятся многочисленными только въ памятникахъ XIII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: въ власяницѣ 102, въ тьмьницѣ 146 об.; Милятино Ев. 1215 г.: на земля 88; Трефолой 1260 г.: къ зарѣ; Ев. 1270 г.: земле содомьстѣи 29; Паремейникъ 1271 г.: въ рудѣ господнѣ 208; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: въ тяжѣ, по нуже 13, въ продаже 26; Кормчая ок. 1282 г.: по отнѣ смерти 574 об.; духовная Ивана Калиты: даль Федосыѣ; духовная Семена Гордаго: дялѣ, даю своѣи княгинѣ, братѣ; Путенское Ев. XIV в.: на овчѣ купѣли 20, у тьмьницѣ 263 (*y=ъ*).

Формы дат.-мѣстн. ед. мягкихъ основъ на *и* еще вполнѣ обычны въ памятникахъ XIV в., и, на примѣръ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: княгини своѣи (дат.). Они сохраняются въ настоящее время въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ (душѣ) и извѣстны также въ великорусскомъ нарѣчїи. Но обыкновенно великорусскіе говоры употребляютъ формы дат.-мѣстн. на *ь* (душѣ), и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сѣверныхъ, окончаніе *ь* имѣетъ мѣсто въ формахъ не только мягкихъ основъ на *а*, но и основъ на *ѣ* женск. р.: на печѣ, въ грязѣ и т. п. (Лаврент. сп. лѣт.: на мьстѣ; грамоты XVI в.: къ записѣ, къ грязѣ, на ель, Ак. Оед.-Чех. I, 121, 123; Домострой: в грязь 130).

Формы имен.-вин. п. дв. на *ь* вмѣсто древняго *и* встрѣчаются изрѣдка въ памятникахъ XII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: дѣвѣ пѣтиць 39 об.; Ев. 1270 г.: дѣвѣ тысяць 54 об.; Паремейникъ 1271 г.: кому сине очи 158; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: 12 вѣкше 4; новгородская грамота ок. 1305 г.: по двѣ вѣкшѣ; Ев. 1354 г. 38, Ев. 1355 г. 32, Ев. 1358 г. 38 об.: двѣ птиць; Погодинск. Прологъ XIV в. № 60: двѣ свѣщѣ 6 об. Эти формы, какъ и древнія формы дв. ч. на *и*, въ настоящее время уже не существуютъ.

Формы имен.-вин. мн. на *и* вмѣсто древняго *ь* начинаютъ появляться въ достовѣрныхъ примѣрахъ съ XIII в.: Милятино Ев. 1215 г.: начнетъ бити рабы и рабыни 103; Паремейникъ 1271 г.: съзижются пустыни 205, овьи и овьци ихъ 216; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: крадетъ овци или козы 9; Кормчая 1284 г.: судьи видать 328; Трїодъ 1311 г.: блудници чреплють твоѣ милосердыѣ (отъ блудница) 11 об.; Ев. 1354 г.: придоша птици 44 об., пасущи свиньи 70 об., внидоша в свиньи 99 об., начнетъ бити рабыни 104; Ев. 1355 г.: внидоша въ свиньи 37 об., погуби убици ты 51; Ев. 1357 г.: взрите на птици, въ житници събирають 35, 40, придоша птици 44 об., 68, птици позобаша 94 об.; Ефремъ Сиринь 1377 г.: души вашѣ исполнены зависти 57 об.; Паремейникъ 1378 г.: паремьи (им.) 1 об., велможѣ величаються 40, напои овци наши 82 об., бѣхъ три недѣли 112, створю пустыни въ блата 122; Лаврентьевскій сп. лѣт.: ископаша печеру и кѣльи и т. п.

Формы им.-вин. мн. на *ь* въ памятникахъ XIV в. (на примѣръ, въ Лаврент. сп. лѣт.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время

они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, причеъ мѣсто древняго ѣ въ однихъ изъ нихъ занимаетъ і (душѣ), въ другихъ—е (душе) или дифтонги, потомки ѣ; здѣсь они являются даже въ склоненіи основъ на ѣ женск. р. (срв. въ надписи на крестѣ 1161 г.: мощѣ, имен., и т. п.). Говоры великорусскіе и бѣлорусскіе имѣютъ формы на ѣ въ скудныхъ остаткахъ и обыкновенно употребляютъ новыя формы на и.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на а на твердыя, мы наблюдаемъ въ формахъ род. ед. и имен.-вин. мн.

Формы род. ед. твердыхъ основъ на ѣ вмѣсто ы мы находимъ въ Миней 1096 г.: съ высотѣ 64; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусалим. XII в.: отъ вѣстоку горѣ Елеонскыя 36; въ Милитиномъ Ев. 1215 г.: до сея сѣботѣ 77 об.; въ Тріоди до 1226 г.: дошѣдше страсти Христовѣ 28 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: отъ неправдѣ 24; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по полу гривнѣ, полѣ гривне; въ духовной новгородца Климента XIII в.: полѣ гривне, у Козѣ; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: старостѣ не судити; въ такомъ же договорѣ 1371 г.: съ иною сторонѣ; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: не поминати грамотѣ, до Михайлѣ, нѣтъ измѣнѣ; въ Измарагдѣ XIV в.: нищетѣ ради 55 об.; въ Новгородской лѣт.: ис печерѣ 10, бе-знатбе 45, у Нѣжате 62, изъ Русе 103, слушающе льстѣтъ ихъ 105, посадника дѣля Мирошке и Иванка и Оомѣ 114, Мирошке и Иванка не пусти 115, рѣпѣ возѣ 162 и др.; въ двинской рядной XV в.: тысяча бѣлкѣ, до женѣ; въ сѣверно-великор. грамотѣ XIV—XV в. (Мейчикъ, 117): отъ пунанцове земли, отъ митрофанове земли, отъ матфеиве земли, отъ Пунове горки; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: изъ Москве 407. до Москвѣ 408; въ псковскомъ Трефоловѣ 1446 г. Син. Библ.: отъ Козодоеве лавици, запись; въ новгородскомъ Учительномъ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: рукою Кюриль дѣяка, запись; въ псковской Палей 1517 г. Рум. Муз.: изъ Домантове стени, запись; въ Октоихѣ 1536 г. Тр. Л.: повелѣніемъ рабѣ Божіи Феодорѣ инокѣ, запись. Нѣкоторые памятники новгородскаго происхожденія имѣютъ, согласно съ особенностью новгородскаго говора, и вмѣсто ѣ: договоръ съ Тверью 1270 г.: у Кюрили; двинскія грамоты XIV—XV в.: съ иви = съ ивы, взыскаль отцини своеи, отъ олуфѣрьеви земли, до нестови пожни; грамота 1667 г.: отъ берези, до берези.

Современный языкъ знаетъ еще формы род. ед. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *ы* въ сравнительно-значительномъ числѣ: южно-великорусск. у голодной кумъ все хлѣбъ на умѣ, около водъ, изъ Москвъ; сѣв.-великор. отъ Амелфы Тимофеевнѣ; малорусск. съ правді, и т. п.

Формы имен.-вин. мн. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *ы* изрѣдка встрѣчаются въ тѣхъ же памятникахъ, которые имѣютъ род. ед. на *ъ*, т. е. главнымъ образомъ въ новгородскихъ: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: андрѣвѣмъ дѣти; договоръ 1372 г.: на порукѣ; грамота 1392 г.: смотрѣвъ въ грамотѣ въ старѣи въ заморьскѣи въ хрестнѣи, грамотѣ опришнѣи; Новгородская лѣт.: шнеке (вин.) привезоша 99.

Въ современномъ языкѣ именныя формы им.-вин. мн. твердыхъ основъ женск. р. на *ъ* встрѣчаются, кажется, только въ бѣлорусскихъ говорахъ, и то рѣдко: дѣвкѣ вино выпили, рѣчкѣ мые (=моеть).

Переходъ именъ съ основами на т и на о въ склоненіе основъ на а. Уменьшительныя на *я* = древнее *л*, въ родѣ Ваня, Коля, Катя, Васеня, братеня, батя, первоначально были словами средняго рода, имѣли основу на *т* и склонялись какъ тела: род. Ваняте, дат. Ваняти и т. д. Подобныя формы по памятникамъ намъ почти неизвѣстны (срв. названіе села Ослебятевѣское въ духовной Дмитрія Донскаго), но мы можемъ ихъ возстановить на основаніи старо-сербскихъ уменьшительныхъ Андре (изъ Андра), Яке (изъ Яка), род. Андрета, Якета и т. д. (срв. великор. Ванятка), и на основаніи современныхъ великор. гусенята, жиденята, малорусск. оченята и др. То же можно сказать о старо-русск. (XVI—XVII вв.) Иванча́ и т. п.; срв. ново-болг. Иванчо, гдѣ *о* восходитъ къ *л*. Эти уменьшительныя, съ тѣхъ поръ какъ ихъ застааетъ исторія, склоняются какъ основы на *а*. Повидимому, подъ ихъ вліяніемъ, другія уменьшительныя также перешли въ склоненіе основъ на *а*.

Уменьшительныя на *ко* первоначально были словами средняго рода (срв. греч. παιδίον, ἀνδρίον, γυναίκιον; у Аристофана: Σωκράτιδίου φίλτατον, γλυκύτατον Μυρρίνιδιον—отъ Μυρρίνη; нѣмецк. mädchen, mütterchen, Jülchen) и склонялись такъ же, какъ основы на *о*. Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно они обыкновенно сохраняютъ старое склоненіе: смоленская грамота 1284 г.: Дядко, Федорко; духовная Ивана Калиты: Бориску Воркову; духов-

ная в. кн. Ивана Ивановича: Нестерко; Новгородская лѣт.: Иванка не пусти 115, съ Михалкомъ 121, Михалку Степаницю 127 и т. п.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: Василько, Владимирко, Михалко, и т. п. (часто); Ев. 1389—1425 г., вѣроятно, московское (Публ. Библ.): діаконшко Зиновішко, зап.; Измарагдъ 1552 г. Рум. Муз.: Андрѣецъ Юрьево сынишко, зап.; но рядомъ съ этими формами мы находимъ уже нѣкоторое количество новыхъ формъ: Миня 1096 г.: помогаа рабу своему Дѣмъкъ, запись (Дѣмъка—уменьшительное отъ какого-то имени); новгородская грамота 1189—1199 г. (по копіи XIII в.): с Мирошкою (Мирошко—уменьшительное отъ Мирославъ); духовная Климента XIII в.: у Боркы, съ Боркою; Новгородская лѣт.: Мирошка посадникъ 117, послаша Мирошку, прия Мирошку 111, Мирошке (род.) не пусти 115 и т. п. Памятники послѣ XIV в. имѣють формы и старыя, и новыя вмѣстѣ, и, напримѣръ, въ грамотѣ 1545 г. мы читаемъ: Ивашку да Олешкъ Васильевымъ дѣтемъ; а въ грамотѣ 1556 г.: за Сенкою да за Ивашкомъ, Ак. Арх. Э. I, 192, 270. Современные великорусскіе и бѣлорусскіе говоры сохраняють нѣкоторое количество старыхъ формъ: великор. дружкó (при дружка), гнѣдкó, гнѣдка́ и т. д., сѣркó; сѣв.-великор. Иванушко, Сашкó, батюшко, у батюшка, батюшкóмъ, мое конишечко дорожное (онежскія былины); арханг. мальчишко, бабѣнко, дѣвчонко, книжонко; южно-великор. путивльск. съ Васькомъ, съ дѣдинькомъ; но обыкновенно слова въ родѣ Васька, мальчишка, мужичишка склоняются какъ основы на *a*.—Малорусскіе говоры сохраняють старое склоненіе почти безъ измѣненія.

Имена на *ю* также утратили свое древнее склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *a*. Это имена 1) исконныя русскія въ родѣ объѣдало, воротило, заправило, Чурию, иногда уменьшительныя по значенію (срв. вѣтрило въ Словѣ о полку игор.—вѣтерокъ, мужило въ великорусскихъ пѣсняхъ—муженекъ), 2) заимствованныя отъ исконныхъ русскихъ свое окончаніе, перешедшія изъ греческаго языка: Михайло, Данило, Гаврило и т. п. Они первоначально склонялись во всемъ русскомъ языкѣ какъ слова на *о* средняго рода, но въ сѣверно-русскихъ говорахъ рано начали переходить въ склоненіе основъ на *a*, т. е. оканчиваться въ имен. ед. на *a*, въ род. ед. на *ы* и т. д. Мы читаемъ въ духовной новгородца Климента XIII в.: Самуилъ дайте боровъ; въ новгородской грам. 1392 г.: до Михайлъ;

въ Новгородской лѣт.: призваша Судилу 43 (рядомъ: даша посадицтво Судилу, дат.), съ Нездилою 174, посла Нездилу Прокшиница 218, убиша попа Петрилу (Петрило—уменьшительное отъ Петръ) 235, послаша Мануилу 163, убиша Рагуилу 123, постави церковь Гаврила 98, послаша Гаврилу 214, убиша Данилу 232. Современные великорусскіе говоры обыкновенно склоняють слова на *ло* какъ слова женскаго рода.

Кромѣ этихъ словъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что существительныя на *а* и *я* въ родѣ *пройда*, *рева*, *пустомеля*, *розиня*, только съ сравнительно-недавняго времени стали склоняться одинаково съ *жена*, *земля* и что прежде они были не что иное, какъ причастія наст. вр. Срв. съ *пройда*—древне-русск. прич. им. ед. муж. р. *ида*, чешск. *jda* (отъ *ити*), съ *пустомеля*—ц.-слав. *мелд*, русск. *меля* (отъ *мѣти*, *молоти*).

Переходъ именъ съ основами на о въ склоненіе членныхъ прилагательныхъ. Небольшое число словъ на *ай*, вслѣдствіе близости окончанія своего имен. п. ед. ч. къ окончанію того же пад. членныхъ прилагательныхъ (особенно въ акающихъ говорахъ), перешло въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Великорусскіе говоры имѣють: *вожатый*, *-аю* и т. д.; *провожатый*, *-аю* и т. д.; *позыватый*, *ношатый*; въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича: *обережатый*; въ бѣлорусскихъ говорахъ есть *ораты*, *-аю* и т. д. = *ратай*. Но литературный языкъ еще сохраняетъ нѣсколько словъ съ древнимъ именнымъ склоненіемъ: *ходатай*, *соглядатай*, *глашатай*; великорусскія былины имѣють *ратай*, *-я* и т. д.

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ. Мѣстоименное склоненіе меньше уклонилось отъ старины, чѣмъ именное.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько случаевъ *вліянія именнаго склоненія на мѣстоименное*. Формы род. (они же и формы вин. п.) ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ древнее время звучали мене, тебе, себе, такъ же, какъ звучать они и теперь въ малорусскомъ нарѣчій. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ эти формы исчезли и замѣнились формами, образовавшимися подъ вліяніемъ именныхъ формъ. Въ однихъ случаяхъ мѣстоименныя формы приняли окончаніе именныхъ формъ муж. р. *а* (то же, что въ *хлѣба*, *коня*), въ другихъ—окончаніе *ь* (теперь *е*, не *ѣ*), взятое у старыхъ именн. формъ женск. (въ родѣ *душь*). Формы

меня, тебя, себя не отличаются древностью и восходятъ по памятникамъ только къ XV в.: московская грамота 1436—1445 г. (Лебедевъ, 3): отъ меня; московская грамота 1474—1478 г. (Ак. Калачова I, 448): за меня; Домосгой: себя (часто); формы же *менъ, тебъ, себъ* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма: Остромирово Ев.: въ *себъ* пришьдь 118, *възьмѣте* иго мое на *себъ* 244; Архангельское Ев.: не *посѣтихомъ тебъ* 75; Минея 1095 г.: ис *тебъ* 89, 160, 206, 211, 232 и др. (очень часто); Пандекты Антіоха XI вѣка: не *въмъ тебъ* 229 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: у *себъ* 101 об., у *тебъ* 162, за *тебъ* 178; Кормчая XII в.: въ *себъ* мѣсто 4, за самого *себъ* погубльша 12, къ нѣкому *себъ* отъдасть 58, отълучить *себъ* 91; Милятино Ев. 1215 г.: вы есте оправдающеи *себъ* 123, любити ближняго яко *себъ* 130 об, блюдите сами *себъ* 132; Житіе Нифонта 1219 г.: видѣ самъ *себъ* 126, отъ *тебъ* 131 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ищуть *тебъ* 67, възлюбихи яко самъ *себъ* 83 об., постави у *себъ* 100 об.; Тріодъ Моисея кievлянина XII—XIII в. (очень часто). Изъ современныхъ говоронъ во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ изъ южно-великорусскихъ (въ томъ числѣ въ московскомъ) мы находимъ въ постоянномъ употребленіи формы род.-вин. *меня, тебя, себя*; въ другихъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ обыкновенно слышатся формы на *н*: *менъ, тебъ, себъ*; послѣднія впрочемъ изрѣдка являются и на сѣверѣ, причемъ тамъ вмѣсто *н* иногда слышится *и*; въ онежскихъ былинахъ: скидывайте съ *себи* платица цвѣтныя.

Затѣмъ, въ области мѣстоименнаго склоненія заслуживаютъ вниманія случаи *смѣшенія* однихъ *мѣстоименныхъ основъ, твердыхъ, съ другими, мягкими*. Великорусскія формы твор. ед. *чѣмъ, къмъ* (древн. *чимъ, кымъ, кимъ*: Житіе Нифонта 1219 г.: повѣжъ с *кымъ* бесѣдовавъ 116; Прологъ 1262 г.: с *кымъ* бесѣдуеши 87, *никымъ* же видимъ 100; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: вывести послухы передъ *кымъ* же купивъше 9) обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ твердыхъ основъ въ родѣ *тѣмъ*; они—слѣдствіе вліянія твердыхъ мѣстоименныхъ основъ на мягкія. Они не отличаются большою древностью, но первая изъ нихъ въ XIV в. въ московскомъ говорѣ уже существовала, — впрочемъ рядомъ со старою формою *чимъ*. Въ духовной Семена Гордаго и первой духовной Дмитрія

Донскаго мы встрѣчаемъ послѣднюю: *чимъ*; во второй духовной Дмитрія Донскаго находится первая: *чъмъ*.—Форма *къмъ* найдена нами въ Лѣствицѣ 1334 г.: ни надъ *къмъ* же 8 об. и въ Чудовск. Сборникѣ XIV в. № 20: с *къмъ* 113.

Цѣлый рядъ мѣстоименій съ твердою основою: *тѣ*, *онѣ*, *одинѣ*, *самѣ*, *инѣ*, подобно именамъ, приняли въ имен. и вин. мн. муж. и женск. р. окончаніе *ѣ* (то же, что въ *всѣ*) вмѣсто *ы* и *и*; такимъ образомъ, вмѣсто древнихъ *ты*, *оны*, *одны*, *самы*, *ины*, *ти*, *они* и т. д., явились новыя формы: *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, *инѣ*. Эти формы мы находимъ изрѣдка въ памятникахъ XIII в.; онѣ уже нерѣдки въ памятникахъ XIV в.: Кормчая ок. 1282 г.: *тѣ* (цари) спасаются 610; духовная Семена Гордаго: *тѣ* люди не надобны; Ев. 1355 г.: *ины* овца имамъ и *тѣ* ми подобаетъ привести 154 об.; Прологъ 1356 г.: *самѣ* ядуще 92 об., *бѣша* святіи *тѣ* 94, *онѣ* (бѣсы) хотяху 96, *онѣ* же рѣша 97 об.; Ев. 1357 г.: *онѣ* (посланные) възложиша руцѣ 107; Ев. 1358 г.: *тѣ* утѣшатся, *тѣ* наслѣдятъ землю, *тѣ* насытятся 32 об., 194 и др.; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: кто одолѣетъ мы ли *онѣ* ли 45, печенѣзи тоняху *инѣ* въ *инѣхъ* рѣкахъ 147. Хотя въ настоящее время на нѣкоторыя изъ этихъ формъ (*онѣ*, *однѣ*) принято смотрѣть какъ на формы исключительно женск. и средн. р., но ни старые памятники, ни современный языкъ не даютъ права на такого рода взглядъ: у Котошихина: *однѣ* пушкари; въ онежскихъ былинахъ: *онѣ* (богатыри) крестами помѣнялися, и т. п.; вообще народный языкъ употребляетъ формы съ *ѣ* безразлично для всѣхъ трехъ родовъ. Формы *тѣ*, *онѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусск. *ті*, *воні*, *самі* и т. п.

Нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія окончанія *ѣ* въ имен. и вин. мн.,—въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. мн. въ великорусскихъ говорахъ часто имѣютъ въ основѣ *и* на мѣстѣ древняго *ѣ*: великорусск. *самимъ*, *самими*, *самихъ*, *однимъ*, *одними*, *однихъ* и т. п. (рядомъ: *самымъ*, *однымъ*); въ бѣлорусскомъ нарѣчій тотъ же звукъ въ основѣ имѣетъ мѣстоименіе *весь*: *всимвъ*, *всихъ*, *всими*. Это *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію мягкихъ мѣстоименныхъ основъ: срв. *моихъ*, *твоихъ*. Трудно сказать, когда появились формы *самимъ*, *самихъ* (мы находимъ *самимъ* въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 345); формы *всихъ*, *всимвъ* мы видимъ нерѣдко въ зап.-русскихъ

памятникахъ XIV в.: въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *всими* пожитки, *всимвъ* потомкомъ; въ Амартолѣ XIV в.: *всихъ* людей 64. Замѣчательно, что московскій говоръ прежде нѣсколько приближался къ бѣлорусскому нарѣчію: онъ имѣлъ формы *всимвъ*, *всихъ*, *всими*; такъ, въ духовной Ивана Калиты мы читаемъ: со *всими* волостями, по *всимвъ* пискупьямъ; въ Ев. 1393 г.: *всихъ* зелии 42 об., 66 об.; срв. въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *всихъ* и т. п., не разъ (и *тихъ*—*тъхъ* 134 и др.). Въ старыхъ новгородскихъ *всимвъ* (съ *всимвъ* племенемъ духовная Климента XIII в.), *всихъ* (двинская рядная XIV—XV в.) и т. д. и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ *всимвъ*, *всихъ*, *всими* и можетъ восходить къ древнему *ъ*.

Наоборотъ, мѣстоименія, сохранившія и въ имен. и вин. мн.,— въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. множ. иногда имѣютъ въ основѣ *ъ* на мѣстѣ древняго *и*: Пандекты 1296 в.: не *съхъ* токмо малыхъ 120 об.; кievская Псалтырь 1397 г.: нечестьемъ своемъ 98 об.; Мстижское Ев. XIV в.: *всѣмъ* сердцемъ своемъ 93 об.; псковская Псалтырь XIV в.: устъ моихъ; Новгородская лѣт.: стрыемъ своемъ 296; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: оброки свои чяды свои; московскія грамоты XV—XVI вв.: до *съхъ* мѣсть (часто); современн. великорусск. твор. *моемъ* (не *моѣмъ*), *сѣмъ*, род.-мѣстн. *моехъ*, *сѣхъ*, дат. *моемъ*, *сѣмъ*, твор. *моими*, *сѣми*; также; до *кехъ* поръ (рядомъ: до *кеихъ*—). Сходныя формы встрѣчаются въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *ѣмъ*—*имъ*, *своѣмъ*—*своимъ*, *своѣми*—*своими*, и т. п., но они постоянно пишутся съ *е* (не съ *ъ*), и потому должны по происхожденію отличаться отъ великорусскихъ формъ; повидимому, они получили свое *е* изъ формъ ед. ч. его, ему, моего и т. п.

Нерѣдкія въ великорусскихъ говорахъ и обычныя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ формы въ родѣ *тъхъ*, *одныхъ*, *самыхъ* не имѣютъ никакого отношенія къ смѣшенію основъ; это—членныя мѣстоименныя формы, одинаковыя по образованію съ формами членныхъ прилагательныхъ: *добрыхъ* и т. п.; они извѣстны въ памятникахъ съ давняго времени: съ *однымъ*, духовная новгородца Климента XIII в.; *тѣми*, духовная Калиты; ис *тъхъ* селъ, духовная в. кн. Ивана Ивановича.

Наконецъ должно упомянуть о заимствованіи мѣстоименіемъ *что* у мѣстоименій *съ*, *мой* и друг. ихъ окончанія род. ед. и объ-

образованіи новой формы род. *чею* (Златоуструй XII в. 4, Прологъ 1262 г. 80 об., Кормчая ок. 1282 г. 531, грамота Кейстута ок. 1341 г. и др.). Эта форма, общая всему русскому языку, уже давно вытѣснила изъ употребленія древнюю форму род. *чьсо*.

Смѣшеніе падежей. Цѣлый рядъ измѣненій въ формальномъ строѣ русскаго языка имѣлъ своею причиною смѣшеніе падежей въ одномъ и томъ же склоненіи, или употребленіе однихъ падежныхъ формъ словъ въ значеніи другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

Именительный и звательный. Форму зват. п. издревле имѣли только имена, и то не всѣ и не во всѣхъ числахъ. Она была свойственна только единственному числу существительныхъ муж. и женск. родовъ; множественное и двойственное числа ея не имѣли, т. е. форма им. п. этихъ чиселъ употреблялась, между прочимъ, въ значеніи зват. п. Прилагательныя имѣли форму зват. п. рѣдко обыкновенно вмѣсто нея, въ ея значеніи, употреблялась форма им. п. Сверхъ того, при рядѣ словъ, которыя должны бы были стоять въ формѣ зват. пад., иногда въ этой формѣ стояло только одно первое слово или нѣсколько первыхъ словъ, а остальные имѣли форму имен. п. Наконецъ, славянскіе языки еще въ доисторическую эпоху утратили форму звательн. п. отъ многихъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ въ началѣ исторической эпохи русскій языкъ несомнѣнно имѣлъ форму зват. п. ед. ч. только отъ основъ на *з*, на *о*, на *а* (едва ли всѣхъ: слова въ родѣ *судии*, *пустыни*, кажется, не имѣли формы зват. п.) и на *ь* муж. и женск. р. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы уже встрѣчаемъ замѣну формы зват. п. основъ на *о* и на *а* формою; имен. п.: Остромирово Ев.: Мар'ѳа, Мар'ѳа печешися 217 об. (срв. въ ц.-слав. Зографскомъ Ев.: горе тебѣ Хоразинъ, горе тебѣ Витьсаида 14, 103); Минея 1095 г.: Захарія богодѣхновене 45, Захарія священиче 47 и т. п.; Минея 1097 г.: Михаиле архистратигъ 322; Путятина Минея XI в.: стрѣлу избъранж ты съкрываждь Иеремя 2, Пелагиа прѣславная попьрала ѳеси 13 об.; Софійская Минея XI—XII в. № 199: радуися пресвѣтѣла хвала и радости 28; Галицкое Ев. 1144 г.: авва отъць, вся възможна тобѣ суть 104. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ эту замѣну нерѣдко: Триодъ Саввина до 1226 г.: радуися цесаремъ похвала,

радуися държаво вѣры 40 об., радуитесь Марѳа и Марія 68 об., отъвързи ми зѣници, сынъ Давыдовъ, съспасе нашъ 164 об.; Ев. 1270 г.: врачъ исцѣлися самъ; Ев. 1357 г.: радуися царь юю(дѣ)искъ 146, 148; Ев. 1358 г.: Лазорь гради вонъ 156 об., радуися царь ююдѣискъ 184 об., 186, 186 об.; Ев. 1393 г.: Закхѣи слѣзи 124, Лазорь гради 147 об.; Мстижское Ев. XIV в.: отроковица вѣстани 91; Лаврентьевск. сп. лѣт.: потягнѣте дружина по князѣ 57, переклюкала мя еси Ольга 60, нынѣ господа отци и братья чтите исправливая, запись, и др. Слово *братия* имѣеть, вмѣсто формы зват., форму имен. особенно часто: Свяславовъ Сборникъ 1076 г.: то мы братия поразумѣимъ 3 об., братия разумѣемъ 131; Житіе Θεодосія Печерск. XII в.: чада моя и братия 38, обѣщаюся вамъ братия 38 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: шедъше братия убиите и 2 об., братия моя милая отъдаите 3 об., не дѣйте мене братия моя 5; Житіе Нифонта 1219 г.: се же мнѣ отци и братия повѣдаючи 44, не мозѣмъ братия прельститися 71; Апостоль 1220 г.: тѣмъ братия дѣлжъници ѣсмъ 40, молю васъ братия 89, препираюся братия моя о васъ 72 об., молю вы братия 74 об., 76 об. и т. п.; запись при Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: вы господа и братья... чтѣте; но Мстиславова грамота 1130 г.: и вы братиѣ (*н=е*). Срв. въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: идѣмъ братия моя, братия не възбоимъса и т. п. Трудно сомнѣваться, что въ великорусскихъ говорахъ въ XIV в. уже преобладала, въ значеніи зват. п.,—форма имен.; но, несомнѣнно, древнія формы зват. отъ нѣкоторыхъ словъ были еще въ полномъ употребленіи. Таковы формы *господине*, *княже*, *сыну*: былъ господине рядъ, двинская рядная; господине игумень, господине Григории, запись Ев. XIV в. (Срезневскій, Св. и зам. XX); они нерѣдко встрѣчаются и послѣ XIV в.: Домострой: не подиви господине 49; грамоты XVI—XVII вв.

Современные великорусскіе говоры утратили почти совсѣмъ формы зват. п. (кромѣ *Боже*, *Господи* и пѣсенныхъ: ой же ты, ратаю-ратаюшко; ой же ты, Иванушко Дубровичу) и на мѣстѣ ихъ обыкновенно употребляютъ формы имен. п. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры сохраняютъ и въ настоящее время въ обиліи формы зват. основъ на *ъ*, *о*, *а*, въ родѣ *сынку*, *коню*, *пане*, *рыбко*.

Рядомъ съ замѣною формы зват. п. формою имен. п., мы встрѣчаемъ и обратное явленіе—замѣну формы имен. п. муж. р. фор-

мою зват. п., наблюдаемое нами главнымъ образомъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ. Первоначально, конечно, форма зват. п. употреблялась вмѣсто формы имен. п. только тогда, когда въ ней должно было стоять или собственное имя, или по крайней мѣрѣ слово, означающее одушевленный предметъ; но въ послѣдствіи въ новгородскомъ говорѣ форма зват. п. въ значеніи имен. стала образовываться и отъ словъ, означающихъ предметы не одушевленные, и даже отъ мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій (съ сохраненіемъ *к* передъ *е*). Мы читаемъ въ новгородскихъ памятникахъ: во вкладной Варлаама Хутынского конца XII в.: въдале Варламе; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: блазнъ не хотію написане, нъ дияволею пакостію, запись; въ Кормчей ок. 1282 г.: Юрьѣ Володимѣричъ, Юрьѣ сѣде 574 об.; въ Ев. 1355 г.: гнаше и Симоне и иже бяху с нимъ 112; въ Новгородской лѣт.: заложн церковь Съмюне Дыбачевиць 96, сѣрубнша церковь Къснятине съ братомъ 99, останъке разидеся, новгородци останъке живыхъ послаша Гюргя 162, Иванке Тимошкиниць 220, придоша... Петре Водовиковиць 229; въ новгородской грам. 1392 г.: посаднике и весь господинъ великѣи Новъгородъ, тѣ товаръ, что в Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара..., дворъ ихъ погорѣле; въ припискѣ XIV в. въ Софійск. Канонникѣ № 397: переплѣтале книги си Юремии дьякъ и поволочилъ; въ двинской рядной XIV—XV в.: Завке ста на судѣ, Савке рче, Смене Ночине имале по рукописанью и взяле у насъ...; въ двинскихъ купчихъ XV в.: купи Игнате, да Игнате, Грихне Даниловъ, Иване Федоровичъ, Онтане Кузмине, Климьята Васильеве, Зѣновеи Иванове. Памятники не новгородскаго происхожденія XII—XIV вв. знаютъ употребленіе формы зват. п. муж. р. вмѣсто имен. п. почти исключительно въ собственныхъ именахъ, и то очень рѣдко: Златоструй XII в.: Игнатіѣ повелѣваете 51, святѣи Николаѣ явися 67 об., сѣтвори святѣи Николаѣ 68, можеть Николаѣ, Николаѣ працаеть 73 об. и др.; договоръ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1371 г.: князь Юрьѣ Володимировичъ. Въ памятникахъ самага конца XIV в. и слѣдующихъ вѣковъ форма зват. на *е* вмѣсто формы имен. отъ собственныхъ именъ на *ий* встрѣчается въ огромномъ количествѣ: новгородскій Тактиконъ 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала: рече Богослове Григоріѣ 28 об., святѣи Дионусѣ, великѣи Васильѣ 2 об.,

и т. п.; новгородскій Апостоль 1495 г.: Корниліе сотникъ 40, Корниліе бѣ чая, срѣте его Корниліе 42 и т. п.; московскіе литературные памятники XV—XVII в. (особенно житія святыхъ: Игнатіе, Василіе); московскія грамоты XVI—XVII вв. (Юрье). Но эти формы (кромѣ Юрье) не могутъ быть признаваемы за русскія: они перешли къ намъ изъ средне-болгарскаго языка вмѣстѣ съ поздними болгарскими текстами.

Кромѣ имен. п., форма зват. п. въ новгородскихъ памятникахъ встрѣчается изрѣдка также въ значеніи вин. ед.: грамота 1392 г.: аже гдѣ изнаидуть или тать или товарѣ—товарѣ.

Современный русскій языкъ знаетъ употребленіе зват. вм. имен. только въ пѣсняхъ (рѣдко): онежск. Петре, Садке; воронке; бѣлорусск. улане, паничу; малорусск. козаче и т. п.; можетъ быть, къ этимъ формамъ слѣдуетъ отнести также малорусск. галицк. уменьшительныя Вáсѣ и т. п. (срв. великор. Вася).

Именительный и винительный. Какъ извѣстно, искони слова средняго рода имѣли одну и ту же форму какъ для имен., такъ и для вин. п. всѣхъ чиселъ; слова муж. и женск. р. знали одну форму имен.-вин. п. для двойств. ч. Сверхъ того, въ славянскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору ихъ существованія произошло, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, отождествленіе формъ имен. и вин. ед. основъ на з, о, ъ (сынъ, вѣлкъ, гость, кость) и имен.-вин. мн. основъ на а и ъ женск. р. (жены, кости), а также началось употребленіе, въ основахъ на зѣ и на согласные муж. и женск. р.,—формъ вин. п. ед. вмѣсто имен.: вин. крѣзь вмѣсто имен. крѣ (эта форма имен. п. ед. дошла до насъ только въ старословинскихъ и старо-польскихъ памятникахъ), вин. любѣзь рядомъ съ имен. любви, вин. камень рядомъ съ имен. камы и т. п. Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ въ первое время его исторіи всѣ формы имен. дв. были вмѣстѣ съ тѣмъ формами вин. дв., большая часть формъ имен. ед. была тождественна съ формами вин. ед. и значительная часть формъ имен. мн. совпадала по звукамъ съ формами вин. мн. Въ XIII—XIV вв. нѣкоторыя формы имен. ед., несходныя съ вин. ед., въ родѣ камы, повидимому, уже почти прекратили свое существованіе; по крайней мѣрѣ памятники не даютъ намъ основанія думать, чтобы въ XIII—XIV вв. они были распространены въ живомъ говорѣ. Въ то же время формы имен. п. мн.

муж. р. стали уже смѣшиваться съ формами вин. мн., т. е. употребляться одни вмѣсто другихъ.

Нѣкоторое количество случаевъ употребленія формъ вин. мн. муж. р. въ значеніи имен. находится въ памятникахъ самой ранней эпохи: Святосл. Сборникъ. 1073 г.: три дружи (не трие) 188; Архангельское Ев.: старцы людскими 98 об.; Юрьевское Ев.: дни ти 67 об., 141, 167; Кормчая XII в.: странскими попове 85 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: пущени быхомъ три братия; Паремейникъ XII в. Тип. Б. № 157: отимуться грѣхы 51; но эти случаи могутъ быть относимы на счетъ не русскаго, а церковно-славянскаго языка: срв. въ ц.-слав. Синайской Псалтыри им. мн. дни 203, 220; въ Болонской Псалтыри: пяти мои 370; въ Ассемановомъ Ев.: брамы быша 9. Несомнѣнные примѣры смѣшенія им. и вин. мн. муж. р. встрѣчаются въ памятникахъ только съ XIII в., сѣвернорусскаго происхожденія.

Мы находимъ формы вин. вмѣсто формъ имен. (а вмѣстѣ и зват.) въ Житіи Нифонта 1219 г.: неислѣдованья неизмѣрныя чины раставлени быша 113; въ Трїоди до 1266 г.: лики ангельския веселяхуся 171; въ Прологѣ 1262 г.: друзии живы измани быша 60, въ немъ же честныя гвозды вѣложены суть 53 об., будутъ устроени люди 75 об., звери снедаютъ 108; въ Паремейникѣ 1271 г.: быша ми осыли и рабы 14, врази иудовы погыбнуть 83, изидуть вѣнуци аспидовы 92 об., вратници адовы 192, прави пути твои 214 об., будете ми люди 225 об.; въ Кормчей ок. 1282 г.: избрашася три браты 573 об., люди събираются 582, поють четверообразнии животы 594; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: люди выльзуть 13; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: инако съгрѣшающе в заточенье посылаемы суть 254, дарове овы суть... овы же суть отемлемы 290, рабы ражаются 313, фарисѣи сказаеми отглучены 360; въ Псалтыри 1296 г.: люди поучишася 3 об., вси пути господни 46; въ договорѣ Новгородѣ съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка и вси талщикы (им. ед. тальщикъ), кто мои недрузы; въ Ев. 1317 г.: гроби полны суть 50 об.; въ Ев. 1339 г.: моисѣеви иеисмы ученици 23 об., очищаете... внутрь же полны грабленья, гроби полны суть кости 160 об., будутъ острии пути 203; въ духовной Семена Гордаго: мои тивуни и посельскии и влючники; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: отци мои ду-

шевнымъ; въ Ев. 1355 г.: вы отци игумены и пошове, запись, люди сѣдящей во тѣмѣ 168; въ Ев. 1357 г.: своѣ не прияша 1, что стоите праздны 43 об., прекратятся дни ты 62 об.; въ Ев. 1358 г.: хромии ходять, прокаженныя очищаются 40 об., мнози пророци въстануть 160; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: стояху кумиры, придоша рязаньскыи князи, и др.; въ Паремейникѣ 1378 г.: пути безумныхъ правы 52, премудры создала храмы, а безумны раскопаша 55 об., собрашася князи и упаты... вси князи странны 101; въ Ев. 1393 г.: вы печалны будете 27, что страшливы есте 33, прокаженныя очищаются 37 об., плевелы суть сынове неприязнены 44 об., одержимы бяхуть 96 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: виноваты ль есте, есмя невиноваты, посадники спросиша; въ Новгородской лѣт. XIV в.: измьроша коня вся 76, съдумавъше новгородѣце показаша путь 115, одени въ брѣне и коне ихъ, инии корабли стояху 137, ядаху люди листь 162, върлы огорѣша 206, меды изварены 232, стаха обои послы 300.

Наоборотъ, мы читаемъ формы имен. вм. формъ вин. въ Милитиномъ Ев. 1215 г.: съзъвавъ князи и люди 144 об., идѣмъ въ ближняя вси и гради 147; въ Житіи Нифонта 1219 г.: князи имамъ 68 об.; въ Прологѣ 1262 г.: празднлюбѣци (вин.) привелоша ми 14, держаще ножи и меци 35 об., положиша вси хлеба 120 об.; въ Ев. 1270 г.: учаше народи 37; въ Паремейникѣ 1271 г.: грѣхы свои повѣдала 44 об.; въ Рязанской Кормчой 1284 г.: на чюжи дома 201, еѣфиопскыи образи черни въ багряни прѣложивъ 362, три епископы старци привлекъ 388 об.; въ Псалтыри 1296 г.: въ боголюбивыи мужи, запись, подвигни черноризци и черноризциѣ 74 об.; въ духовной Семена Гордаго: приказываю свои бояре; въ Ев. 1355 г.: расыпа пѣязи 4 об., прѣбысть яко три мѣсяци 155 об.; въ Ев. 1357 г.: будетъ раздѣленъ... три на два а два на триѣ 81 об., съзъвавъ старѣишины и князи 113, пребысть яко три мѣсяци 173; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: пустити воробьи, нача вои совкупляти, по друзи послашася, и др.; въ Новгородской лѣт.: изищю муж(ѣ) новгородстии 164, поймавъ старейшии мужи новгородстии 168, дары принесе кони и вельблуды 193, по Ярослава послове (вин.) послаша 286, приходомъ на конюси свое.

Въ XVI в. старыя формы им. мн., теперь не существующія, повидимому, еще употреблялись въ живомъ говорѣ: Скорина: сапози

имеете на ногахъ, Исходъ, 23; Судебникъ 1550 г.: пошлется на послуси; московскія грамоты этого времени имѣютъ формы послуси, недрузи, намѣстницы, татарове сравнительно часто. Въ московскихъ грамотахъ XVII в. еще встрѣчается форма послуси, въ формулѣ: «а на то послуси», но значеніе ея едва ли всегда было извѣстно писцамъ; по крайней мѣрѣ послѣ этой формулы иногда называется лишь одно лицо-свидѣтель.

Въ современномъ языкѣ мы почти совсѣмъ не находимъ древнихъ формъ им. мн. существительныхъ муж. р. съ основами на о съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ и на ъ; они исчезли, и вмѣсто нихъ теперь во всемъ русскомъ языкѣ употребляются древнія формы винит. п.: волки, труды, пути, съ значеніемъ и имен., и винит. п. Равнымъ образомъ нѣкоторыя мѣстоименія имѣютъ, въ значеніи имен.-вин. мн. муж. р., — древнія формы вин. мн.: великор. *встѣ, тѣ, онѣ, однѣ*, малор. *всі* (*i* изъ *ъ*), великор. и бѣлор. *моѣ, твоѣ, своѣ*. Сверхъ того, малорусское нарѣчіе утратило древнія формы имен. мн. основъ на о съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ и замѣняетъ ихъ древними формами вин. п.: *коні* (*i* изъ *ъ*), съ значеніемъ и имен., и вин. п. Наоборотъ, въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы имен. мн. основъ на о съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ вытѣснили древнія формы вин. мн.; эти формы и формы имен. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь имѣютъ также значеніе вин. мн.: *лучи, мои, твои, свои*; кромѣ того, въ бѣлорусскомъ нарѣчій форма имен. мн. *вси* есть также и форма вин. мн. Исключенія представляются съ одной стороны древними формами им. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій и нечленныхъ прилагательныхъ: *они, сами, одни, ради* (отъ *радѣ*), *пьяни* (В. Майковъ, Соч. 346), *сыти, богати, виновати*, изъ которыхъ *одни* употребляется въ значеніи какъ имен., такъ и вин., съ другой—древними формами вин. мн. именъ съ основой на о. *женцьѣ, дожжѣ, пнѣ*, изрѣдка встрѣчающимися въ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи имен. мн.

Членныя прилагательныя и мѣстоименія въ настоящее время имѣютъ для имен. и вин. мн. муж. р. однѣ и тѣ же формы. Это или древнія формы имен. мн.: *синіи*, или древнія формы вин. мн.: *добрыѣ*, или новыя смѣшанныя формы, составленныя какъ изъ имен. имени и винит. члена: *синіѣ*, такъ и изъ вин. имени и имен. члена: *добрыи*. Смѣшанныя формы, свойственныя всѣмъ русскимъ гово-

рамъ, извѣстны по памятникамъ со второй половины XIII в.: Рязанская Кормчая 1284 г.: иницѣ денье (имен.) 85; Пандекты 1296 г.: мирьскими суще 42, мирьскими ѳсмы вси 45; Житіе Саввы Освящ. XIII в.: скитьскими отци уставиша 35; Ев. 1354 г.: приведоша ему бѣснми и раслабленныя 32, въ мѣхы новыи 36, 65 об., рассадить вино мѣхы ветхыи 65, 87; Лаврентьевскій сп. лѣт.: послаша лѣпшииъ мужи, мертвыи срама не имамъ, сквозѣ половѣчьскыи вой, и т. п. (часто); Новгородская лѣт.: черныи люди погнаша 267, приѣхаша послы татарьскыи 271, посадивше мужи нарочитыи (вин.) 305. Наше правописаніе употребляетъ изъ указанныхъ формъ только формы на ѣ, съ передачею послѣдняго черезъ е: *ме, іе*; но въ живомъ великорусскомъ говорѣ формы на и, т. е. съ окончаніемъ *ми, ии*, пользуются несравненно большимъ распространеніемъ, чѣмъ формы на ѣ.

Здѣсь можно упомянуть объ употребленіи формы род.-вин. *кожедо* (отъ кѣждо) въ значеніи имен. п., изрѣдка встрѣчающемся въ древнихъ памятникахъ. Мы читаемъ въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: *кожедо* васъ не отрѣпшитъ ли волу своего 60 об.; въ галицко-волынск. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 7: начаша глаголати ему *кожедо* ихъ 184 об.; въ Ев. 1354 г.: *кожедо* ихъ что мало возметъ 19, разидуться *кожедо* въ своя сы 29, *кожедо* васъ не отрѣпитъ ли вола 112; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: идоша *кожедо* въ дома своя, обѣдаша *кожедо* с бояры своими, разидодошася *кожедо* во своя си, и т. п. (срв. въ Чудовск. Новомъ Заѣвтѣ XIV в.: признавъ единого *кожедо* должникъ 36; см. выше, стр. 126). Современный языкъ уже не имѣетъ формы *кожедо* ни въ какомъ значеніи.

Къ смѣшенію имен. и вин. п. не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ паклоненіи, очень частаго въ новгородскихъ, смоленскихъ и московскихъ памятникахъ до конца XVII в.: Милятино Ев. 1215 г.: достоинъ ли мужу жена пустити 124; смоленскій договоръ 1229 г.: аже будѣте убиты одна гривна сѣрѣбра заплатити, такова правда узяти; договоръ Новгорода съ Тверью 1270 г.: та грамота дати назадъ; договоръ Полоцка съ Ригюю ок. 1300 г.: дати ему долгая; духовная новгородца Климента XIII в.: взяти Климате гривна кунъ; Домострой XVI в.: сама бы знала како мука сѣяти, како квашня притворити, у крыльца солома переняти грязная, а нпая класти, како кормити семья, како

поучати мужу своя жена, како домъ устроити и всякая домашняя порядня; Уложеніе ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: учинити вѣра, та чужая земля отдати; современныя московск. туда рука подать, шутка сказать; сѣв.-великор. надо душа спасти, надо корова купить и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ имен. п. (=подлежащаго) при неопредѣленномъ наклоненіи (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также въ другихъ языкахъ, между прочимъ въ санскритскомъ и литовскомъ. Немногочисленные примѣры формъ имен. ед. женск. р. вмѣсто формъ вин., въ родѣ находящихся въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 года: есмь увѣдалъ любовь ваша правая съ сыномъ моимъ; въ Новгородской лѣт.: даи Богъ исправити правда новгородская 218, даи Богъ молитва ѿго святая всѣмъ крестьяномъ 225; въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: взялъ собѣ Степанъ полянка, Ак. Юр. 271; въ Домостроѣ: соння рубашка, и даже въ современныхъ русскихъ говорахъ,—обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію оборота имен. п. съ неопредѣл. наклоненіемъ.

Къ числу остатковъ древнихъ формъ имен. мн., указанныхъ выше, нельзя, кажется, прибавить формъ сосѣди (или сусѣди; въ сб. Ундольскаго XIV—XV в. № 558: на сусѣди своя 9 об.) и черти. Последнія, вѣроятно принадлежатъ именамъ съ основою на ѣ, которыхъ формы ед. ч. до насъ не дошли; срв. соврем. бѣлор. чѣрти (при черты); старочешск. *črtě prispěchu* (Святовитск. сборникъ 146), соврем. чешск. *sousedé*, съ *ě*, *e* изъ *ie*; польск. діалектич. *cegęci*, и т. п. То же можно сказать о формѣ холопи, обычной въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. (род. холопей и т. д.). Срв. литературн. форму род. мн. тетеровей (въ грамотѣ 1551 г. Ак. Арх. Э. I, 223) и областн. (вологодск.) форму им. ед. тетеревь, род.—я, и т. д., при польск. *cietrzew*; срв. также существующія въ великорусскомъ нарѣчьи рядомъ имена комаръ и комаръ.

Родительный и винительный. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ довольно-частое употребленіе такъ называемаго родительнаго раздѣлительнаго (*genitivus partitivus*), т. е. употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ формъ род. п. вмѣсто формъ вин.: греческ. гомер. *πίειν οἴνου*, нѣмецк. *des kalbes essen*, франц. *donner du vin*, современ. русск. дать хлѣба, принести воды и т. п. Нославянскіе языки (помимо того, что имѣютъ нѣкоторое число глаголовъ, прежде сочинявшихся, а отчасти и теперь еще сочиняющихъ-

ся и съ род., и съ вин. п.: *видѣти, глѣдѣти, слышати, любити, мстити* и др.) знаютъ издревле употребленіе родительнаго падежа единств. числа вмѣсто винительнаго и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ понятія о раздѣленіи: 1) при глаголахъ съ отрицаніемъ, 2) при глаголахъ безъ отрицанія, отъ именъ какъ означающихъ одушевленный предметъ (чаще), такъ и означающихъ предметъ неодушевленный (изрѣдка). Древне-русскій языкъ не представляетъ исключенія изъ славянской семьи. Остромирово Ев., между прочимъ, имѣетъ: *чтѣ отьца моего, живота вѣчнааго имате*; Слово о полку игор.: *поостри сердца своего*; новгородская грамота 1189—1199 г. (по списку XIII в.): *потвердихомъ мира старою*; Поученія Кирилла Іерусалим. XII в.: *сѣзда Іерусалима* 122 об.; Златоструй XII в.: *вѣсташа языкъ на языка* 6; Тріодъ Саввина до 1226 г.: *Христа за, мира молитѣ* 182 об.; Прологъ 1262 г.: *старецъ трупа бѣше* 93; Рязанская Кормчая 1284 г.: *вѣсхытиста святительскаго сана*; Пандекты 1296 г.: *тамо дара того да примуть* 137; Академическій сп. лѣт. XV в.: *зряще на креста честнаго* (Лѣтопись по Лаврентьевск. сп. 471), и т. п. Въ древне-русскомъ языкѣ мы находимъ, сверхъ того, формы род. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ (почти постоянно), мѣстоименій *и* (часто) и *самъ* и числительнаго *оба* вмѣсто формъ винит.: Путятина Миняя XI в.: *ваю хвалимъ* 12; Толстовскій сборникъ XIII в.: *Господь крѣсти обою* (апостоловъ) 35; Ев., 1354 г.: *Іанъ посла наю к тобѣ* 90, кто въпрашаеъ *ваю* 112, 138, *срящеть вая* человекъ 138 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *възвысила естъ вая* любви 135, *наю* пустиши, *ваю* пуцу 173, *мысля на наю* 177, *прия ею* (двухъ княжичей) в любовь 368, *побѣди ею* Юрги 413 и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: *можете ли ся за наю* бити 268; Григорій Богословъ XIV в.: *нищъ и богатъ стрѣтостася, обою* же Господь створи 107; Слово о полку игор.: *самою* (соколовъ) опуташа.

Само собою разумѣется, рядомъ съ род. ед. часто встрѣчается и вин., особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ, при глаголахъ безъ отрицанія: Остромирово Ев.: *прослави сыиз твои, вѣруещи ли въ сыиз божи*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: *отдасть за конь или за волъ* 14, *ажѣ кто переиметь чюжь холопъ* 24; духовная новгородца Климента XIII в.: *даю сивыи жеребець, даите боровъ лутьшии*; грамота рижанъ ок. 1300 г.: *далъ еси приставъ своего человека*; Новгородская лѣт.: *послаша къ Гюргеви по сыиз* 55, *прия*

Гюрги сыновъць въ миръ 56, по Фому посла по новоторожьскыи посадникъ 160, убиша Овьстрата и сынз его Луготу и въвьргоша и въ грѣблю мъртвъ 161, убиша Ивана братз матѣевъ 180, поць святымъ Николу 213; нѣмцинз убиша Данилу 232 и т. п.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: поиди на братз свои 73, (Ярославъ) князя ихъ уби Моиславъ 151, прияша князь свои кыяне 169, надѣюся на Богъ 256 и др.; Ипатскій сп. лѣт.: быти всимъ за одинъ братз 257; а ты пристави свои мужъ 262, берендичи убиша володимиръ мужъ, убиша же и ти лѣпшимъ берендичъ 366 и др.; духовная Дмитрія Донскаго: живите за одинз; галицкая грамота 1393 г.: дали шить кобыль а жеребець; сѣверно-русская грамота 1410—1417 г.: намѣстници мои пристава дадутъ, да и (его) судять, Ак. Арх. Э. I, 14.

Съ теченіемъ времени употребленіе формъ род. п. вмѣсто формъ вин. распространилось и 1) на множественное число, и 2) на мѣстоименія женскаго рода ед. ч.

Старшіе случаи употребленія формъ род. мн. при глаголахъ безъ отрицанія относятся только къ XIV в.: грамота Ивана Калиты (въ копіи): пожаловаль есмь соколникозъ печерскихъ, Ак. Арх. Э. I, 1; Ев. 1383 г.: остави мертвыхъ погребсти своя мертвеца 19 об.; Чудовской Новый Заветъ XIV в.: нападе на всѣхъ ихъ (іудеевъ) 72; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: трохъ скрушеныхъ (боговъ) въвергохъ въ воду 165 об.; Амартоль XIV в.: прося помощи на персянъ 26 об., съсуды, ихъже принесе отецъ 121 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: странствующихъ убиваху 14, прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть 58, созва боярз и кыянз 250, и др. Но формы вин. мн. еще свободно употребляются какъ въ XIV—XV вв., такъ даже въ XVI—XVII вв.: приказываю свои бояре, духовная Семена Гордаго; приказываю дѣти свои своей княгинѣ (рядомъ: благословляю дѣтми своихъ), духовная Дмитрія Донскаго; судить игумень свои люди самъ, московская грамота 1455—1472 г. Ак. Калачова I, 103; на оомкины старожилци плеш ли ся, плетесь ли на священники и на старосты, московская грамота 1542 г. Ак. Фед.-Чех. I, 87, 90; зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: передъ старшии и короли ведени булете, любите вороги ваши, возрите на птахи небесные, принесли :: нему всѣ форые (=хворые), солнце розсвечаетъ на лихие и добрие и дожить на справедливые, и др.

Случаи употребленія формъ род. ед. мѣстоименій женск. рода при

глаголахъ безъ отрицанія въ древнихъ памятникахъ сравнительно рѣдки; можно указать: умысли създати църквь и създавъ ѿ, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.; наказавъ ѿ, бивъ ея (жену), Сборникъ XIV в. Рум. Муз. № 1548, л. 80; едина имяхуть ея (ехидну) аки богыню, Сборникъ 1490 г. Уваров. № 613, л. 11; но въ сѣверно-русскихъ грамотахъ и московскихъ законодательныхъ памятникахъ XVI—XVII вв. формы *ее, тое, сее, всее* съ значеніемъ вин. п. уже господствуютъ (формы *ю* въ нихъ уже не встрѣчается).

Въ настоящее время формы род. п. употребляются вмѣсто формъ вин. въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ словъ при глаголахъ съ отрицаніемъ; 2) постоянно отъ словъ муж. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ замѣняющихъ ихъ мѣстоименій; 3) во множ. ч. отъ словъ женск. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ мѣстоименій; 4) въ ед. ч. отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій женск. р. (великор. *еѣ* или *ее* = *еть, тое, самое, одное, всее*) и отъ словъ *мать* и *дочь* (южно-великор. матери, дочери); 5) отъ мѣстоименія *и* въ средн. р. (*ею, итъ*). Срв. въ Ев. 1357 г.: что отрѣшаета жрѣбѣя? она же рекоста яко Господь *ѿю* требуютъ 88; въ Чудовскомъ Новомъ Заветѣ XIV в.: вамъ бѣ лѣпо глаголати слово Божье, но вы отрѣваете *ею* 68; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже имате овца *ѿдино*... не изметъ ли *ѿю* 38 об. Старыя формы вин. п. и ед., и мн. отъ словъ, означающихъ одушевленные предметы, встрѣчаются въ русскихъ говорахъ нашего времени болѣе или менѣе рѣдко: великор. отдать за мужъ, въ работники, въ чужіе люди и т. п.; но старыя формы вин. дв. часто сохраняются: куплю два коня, обѣ коровы. Формы род. ед. отъ словъ, означающихъ неодушевленные предметы, изрѣдка могутъ занимать мѣсто вин. п.: великор. дамъ тумака, бѣлорусск. мае рубля, вынесъ гѣтого стола, стявъ (=срубиль) дуба и т. п.

. Обратное явленіе представляетъ употребленіе формы род. ед. *чьсо* въ значеніи вин. и даже имен. пад., начавшееся благодаря сходству по окончанію этой въ своемъ родѣ единственной формы род. съ формами им.-вин. средн. р.: Архангельское Ев.: слава моя *ничѣсо* же *ѿсть* 4 об.; Юрьевское Ев.: имате ли *чьсо* снѣдѣно 26, нѣсть *ничѣсо* же тайно 76, *ничѣсо* же достойно смърти обрѣтохъ 155; Добрилово Ев. 1164 г.: иже аще кльнѣтъся церковью *ничѣсо* же *ѿсть* 78 об.; Ев. 1270 г.: ни въсхытитъ ихъ *ничѣсо* же 21; Га-

лицкое Ев. 1283 г.: *что* глаголеши 15 об.; Пандекты 1296 г.: крада *что* ѡму въпадыше 79 об. и т. п.; Буцацкое Ев. XIII в.: ни мало *что* можете 47 об. (рядомъ: не имущимъ *лиха что* сотворити 45); Палея 1406 г.: ни въ *что* же мнать 9 (рядомъ: *что* ради=чего ради, Прологъ 1262 г., Пандекты 1296 г. и др.). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ, форма *что* перешла въ *шо* съ значеніемъ исключительно им.-вин. (см. выше, стр. 108).

Родительный и дательный-мѣстный. Смѣшеніе род. п. съ дат.-мѣстн. наблюдается только въ единств. ч. въ словахъ женскаго рода. Какъ мы уже указали, древне-русскій языкъ, особенно новгородскій говоръ, зналъ употребленіе формъ род. пад. женск. р. на *ь* отъ основъ на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ, т. е. онъ употреблялъ, напримѣръ, *гривнѣ* вмѣсто *гривны*. При такомъ окончаніи форма род. п. ед. ч. была по звукамъ тождественна съ формами дат. и мѣстн. п. Вслѣдствіе совпаденія формъ род. съ формами дат. и мѣстн. п. образовалось въ великорусскихъ говорахъ (преимущественно въ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ стараго новгородскаго) употребленіе формъ дат. и мѣстн. п. женскаго рода вмѣсто род. съ одной стороны и формъ род. въ значеніи дат. и мѣстн. съ другой.

Старшіе памятники, исключительно новгородскаго происхожденія, имѣютъ главнымъ образомъ формы дат.-мѣстн. ед. на мѣстѣ формъ родит.: Стихирарь 1157 г.: въ ручѣ своего сына и владыцѣ 183 Патерикъ Синайскій XII в.: близъ вси нарицаемѣи 64 об.; Паремейникъ 1271 г.: извести и-земли ѡкупѣтѣи 210 об.; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: отъ владыцѣ; Прологъ 1356 г.: ис темниці телеснѣи 54 об.; Новгородская лѣт.: у Вльнѣ у рѣцѣ, боле крѣви не проля крѣстьянѣи 86, у святѣи Богородици 103, безъ владыцѣ 216, у святѣи Маринѣ; Ипатскій сп. лѣт.: отъ святѣи Софѣѣ 332.

Формы род. въ значеніи дат.-мѣстн. появляются съ XIV в. въ памятникахъ также новгородскаго происхожденія: въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: на оной страны; въ Прологѣ 1400 г.: ко святѣи Козмы и Дамьяну, запись; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: поклонился еси нашему старѣйшины 138; въ грамотѣ 1459—1470 г.: господину владыкы Іоны, Ак. Арх. Э. I, 46; въ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: при архимандрѣтѣ Кузьмы, запись; во вкладной 1513 г. (Софійск. Прологъ № 1374): святому чудотворцу Николѣ; во 2-й

Новгородской лѣтописи по сл. XVII в.: о опришшны, въ деревни Княжщины, на Вѣшеры рѣки, въ земщины (Новгородскія лѣтописи, 98, 99, 105, 106); въ Слово о полку игор.: тяжко ти головы кромѣ плечю; въ пѣсняхъ, записанныхъ на рускомъ сѣверѣ (вѣроятно, въ Холмогорахъ) для Ричарда Джемса въ XVII в.: охте мѣ, молоды, горѣвати. Сверхъ того, мы читаемъ въ псковской грамотѣ 1483 г. (по сл. XVI в.): дали Климаты соцкому, по псковской пошлыны, Ак. Юр. № 2. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слышится нерѣдко: въ моей дружины, ко дружины, къ Нѣпры рѣкѣ, по избу, по правды, по истины; точно также слышится въ южно-великорусскомъ путивльскомъ говорѣ: къ жены, на травы, къ удовы, и кое-гдѣ въ бѣлорусскомъ нарѣчїи.

Смѣшеніе род. съ дат.-мѣстн. мы наблюдаемъ не только въ области существительныхъ женск. р., но и въ области прилагательныхъ членныхъ: новгородская грамота 1189—1199 г. по сл. XIII в.: оже съгренеть (сбросить) чужее женѣ повои с головы, оже тяжа родить в-ыное земли в городѣхъ; духовная Семена Гордаго: въ Юрье(в)ское волости; Ипатскій сл. лѣт.: по милое своей дчери, угодна бысть рѣчь его всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ, идяше на шюелъ сторонѣ; новгородская грамота XVII в.: къ Пробоинны улицы (Ак. Калачова, II, 392).

Дательный и творительный. Отожествленіе окончаній дат. и твор. мн. ч., послѣ того какъ форма твор. мн. на *ми* потеряла свое конечное *и* (см. выше, стр. 97), имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе формъ твор. мн. на *ми* въ значенїи дат. п. Случай его, встречающіеся въ древнихъ памятникахъ, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и похожи на ошибки или описки: новгородск. Служебникъ XIV в. Рум. М. № 399: дарун Боже молящимися съ нами спѣнїе житїя 16, сътвори нами знаменїе 30 (рядомъ: со всѣми боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя 33 об.); новгородск. Служебникъ 1400 г.: дарун Боже и молящимися съ нами спѣянїе житѣя 32; новгородск. Ев. XIV—XV в. Воскресенск. монаст. № 2: по двѣма или по тремѣ мѣрамъ; новгородск. Ипатскій сл. лѣт.: како будетъ обѣими нами годно... годно ли ти миръ... 256. Нѣкоторые современные сѣв.-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *и* и *ч*, употребляютъ формы дат. и тв. мн. смѣшанно, одни вмѣсто другихъ: съ дровамъ, съ вамъ и къ нами, по полями.

Творительный и мѣстный. Звуковая близость окончаній твор. и мѣстн. ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ повела между прочимъ, къ тому, что формы твор. стали употребляться въ значеніи мѣстн.: Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: о всѣднѣвнымъ крещеніи; новгородск. Ев. 1355 г. 163 и Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 146 об.: о глаголѣ глаголанымъ; новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: въ отъцъствіи своимъ 65 об.; западно-русск. Мстижское Ев. XIV в.: по встаньи моимъ; южно-русск. грамота 1386 г.: у (=въ) правдѣ и у хрестнымъ целованьи, Arch Sang. I, 3; Лѣствица 1499 г. М. Арх. М. ин. д.: при свѣщеннымъ митрополитѣ, запись; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: въ новымъ завѣтѣ, у символе апостольскимъ, о словѣ своимъ, о симъ блудѣ, ни о чимъ, въ нимъ и др. Всѣ современные русскіе говоры имѣють формы твор. вмѣсто формъ мѣстн. болѣе или менѣе часто: владим. во вторымъ часу, при встѣмъ мирѣ; казанск. на большімъ трактѣ; моск. въ этимъ; нѣкоторые (какъ литературный языкъ)—только при отсутствіи ударенія на окончаніи.

Малорусскіе говоры знаютъ также смѣшеніе *дат.* и *мѣстн.* ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ, развившееся, вѣроятно, подъ вліяніемъ тожества окончаній въ формахъ тѣхъ же падежей единств. ч. женск. р.: украинск. въ вишнёвому садочку и т. п.

Смѣшеніе чиселъ. Это смѣшеніе всего болѣе касается формъ двойств. числа съ одной стороны и единств. и множ. съ другой.

Въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное число имѣло полное количество формъ и употреблялось въ нихъ такъ же, какъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ, именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда было числительное *два* или *оба*, 2) когда поименовывались или перечислялись два лица или предмета, 3) когда говорилось о предметахъ парныхъ—глазахъ, ногахъ, рукахъ, родителяхъ и т. п. Употребленіе формъ дв. ч. въ указанныхъ случаяхъ мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно: при *два* или *оба*: Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: за мѣхъ *два* ногатъ 59; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *два* братеника утекла, уби *два* сына ѿго, съ *дѣтма* сынома, розойдошася *обѣ* свободѣ, и т. п.; при перечисленіи двухъ лицъ или предметовъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: съ *сынма* своима Юргемъ и Володимеромъ, видѣ стояща мученику Бориса и Глѣба, къ *тѣма* мученикома Борису и

Глѣбу, и т. п.; при упоминаніи парныхъ предметовъ: Житіе Феодосія Печ. по сп. XII в.: въ томъ бѣста родителя святаго 2; Житіе Нифонта 1219 г.: изуваше сапога своя 29; Лаврентьевскій сп. лѣт.: подъ пазусь 76, лось рогама боль (бодаль); Говь толковый 1394 г.: препоясая ихъ ужемъ по бокома 17 об., и т. п. Въ непогихъ случаяхъ слова, означающія парные предметы, издревле употреблялись въ двойств. числѣ и тогда, когда мы ожидали бы формъ множ. числа; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. мы читаемъ: Богъ даль есть въ руцѣ наши. Сверхъ того, одинъ древній памятникъ—Новгородская лѣт. по сп. XIV в.—имѣеть древнія формы дв. ч. вмѣсто ед.; онъ, поименовывая два лица, употребляетъ дв. ч. не только для относящагося къ нимъ сказуемаго или опредѣленія, но и для нихъ самихъ, обоихъ, или одного: перенесена быста Бориса и Глѣба (вмѣсто Борисъ и Глѣбъ) 8, на канонъ святою Петру и Павлу (вмѣсто Петра и Павла) 74, на святою царю Костянтину и Елены (вм. Костянтина) 118, пощъ святою Костянтину и Елены 204. Нѣчто подобное мы читаемъ въ одной изъ приписокъ къ псковскому Ирмолю 1344 г.: о господина Козма и Даміяна; въ двухъ мѣстахъ Лаврентьевскаго сп. лѣт.: по дву десяту и шестью 27, на память святаго апостола Петру и Павла 461; въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: церковь страдалецъ Христовъ Самону, Гурия и Авива 67 об.; въ Словѣ похвальн. свв. Борису и Глѣбу XII в. (по сп. XV в.): сия... мученика Бориса и Глѣба обрѣтошася («Памятники Общ. древн. письм.» № 98, стр. 20); въ Житіи царевича Петра Ордынскаго XIV в. (по позднему списку): Петра и Павла Христова апостола посласта мя къ тобѣ (Макарій, Ист. р. церкви, IV, 344). Срв. въ санскритѣ *mātarā pitarā*, двѣ формы дв. ч., =мать и отецъ.

Но съ теченіемъ времени рядомъ съ формами дв. ч. мы начинаемъ встрѣчать формы множ. ч. Житіе Нифонта 1219 г.: помози рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема книги сия, запись; духовная в. кн. Ивана Ивановича: из дву жеребьезъ; Ев. 1354 г.: нечистыма рукама рекше неумвеными 76 об.; вкладная Данила Холмскаго 1376 г.: з обема береги; Лаврентьевскій сп. лѣт.: разоидошася обѣ свободѣ бесерменьскии, имѣита послушанье къ старѣшимъ ваю, иже *васъ* на добро учать, и т. п.; духовная Дмитрія Донскаго: два ковша золоты, изъ двою момъ жеребьезъ, мои два жеребья; Служеб-

никъ преп. Сергія: предъидущимъ двѣма свѣщникомъ 21 об., святѣма своимъ и пречистыми и непорочными руками 34 об.; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: двѣма стомъ 13 об., двѣма сты 50 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: быста друзи 40 (о двухъ лицахъ); Прологъ 1432 г. Публ. Библ.: съ двѣма отроковицами 148 об., святыхъ мученику Борису и Глѣба, запись; двинская грамота XIV в.: обима истчи; грамота Свидригайла 1438 г.: двема копы. Формы имен. п. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ церковно-славянскихъ, очень часто замѣняются формами множ. ч.: Остромирово Ев.: рече женама: не бонте *вы сѧ*; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: *вы* небесная чловѣка ѡста, *вы* князя княземъ 7 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: *вы* глаголета 25, коѡго духа ѡста *вы* 10; Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: оба *вы* 92 об.; Паремейникъ 1271 г.: *вы* самѣ вѣста 145 об. (срв. въ Прологѣ 1262 г.: ангель не обрящеть *ва* 15, азъ отлучаю *ва* 18 об.); южно-русская грамота 1386 г.: *мы* два нѣ братомъ моимъ, Arch. Sang. I, 7. Числительныя *два* (*двѣ*), *оба* (*обѣ*) и связанныя съ ними существительныя-опредѣляемыя въ формахъ имен. или вин. дв. иногда являются въ сопровожденіи опредѣленій прилагательныхъ или мѣстоименій въ формахъ множ. ч. не имен. или вин. падежей, а родительн.; такъ, въ западно-русской припискѣ къ Луцкому Ев., XV в., *мы* читаемъ: застали ѡсмо 2 гривеньце золотыхъ; въ грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши польскихъ; въ западно-русскомъ Лѣтописцѣ Переяславскомъ нач. XVI в.: по двѣ кунѣ чръныхъ 12; въ Библии Скорины: вделаемъ два кружки златыхъ; въ Ев. Тяпинскаго: стрели (встрѣтили) его два бешаныхъ, шли за нимъ два слепыхъ; въ 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: горіло два двора пустыхъ 117. Срв. современн. два богатыхъ чловѣка, двѣ злыхъ собаки (хотя рядомъ: два богатые чловѣка, и т. д.). Числительныя *три* и *четыре*, въ разныхъ отношеніяхъ подчинившіяся числительному *два*, здѣсь также слѣдуютъ за нимъ: новгородская грамота 1545 г.: 4 двора поповыхъ; грамота 1641 г.: четыре башни рубленыхъ; Ак. Арх. Э. I, 187, III, 44; современн. три, четыре богатыхъ чловѣка, и т. п.

Въ то же время числительное *дванадцать*, прежде прилагательное, измѣнявшееся по родамъ и согласовавшееся съ именами и мѣстоименіями въ родѣ и падежѣ двойств. числа: двѣ на десять ученика,

двою на десять ученику, двѣма на десять ученикома и т. д.,— превратилось въ существительное (какъ *пять, десять, двадцать*) и стало сочиняться съ именемъ въ род. п. мн., вмѣстѣ съ тѣмъ утративъ способность измѣняться по родамъ: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: имѣяше сыновъ 12, л. 1; Милятино Ев. 1215 г.: съзъвавъ дѣва на десяти ученикъ своихъ 97 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: бѣ с нимъ 12 бѣсовъ инѣхъ 122 об.; Тріодъ 1311 г.: възрадуются ученикъ два на десять 42; срв. въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: призва *оба* на десяте ученикъ своихъ 110.

Мало-по-малу старыя формы дв. ч., кромѣ формъ имен.-вин. и нѣсколькихъ другихъ, исчезли и ихъ мѣсто заняли или соответствующія имъ старыя формы множ. ч., или вновь образовавшаяся, новая форма, также множ. ч. Такъ, формы *дву—двою* (род.-мѣстн.), *двѣма, очью, очима* и т. п. были вытѣснены вновь образовавшимися по образцу формъ множ. ч. формами *дву-хъ* (форма дв. ч. *дву* съ окончаніемъ *хъ*, тѣмъ же, что въ *изъ, мойхъ*), *дву-мъ, дву-мя* или *дву-ми, очей, очамъ, очами, очахъ* (срв. *костей* и т. д.).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* въ великорусскихъ говорахъ остались древнія (но: два *рубля*); то же можно сказать о формахъ им.-вин. дв. именъ женск. р. съ мягк. основ. (двѣ *душѣ, землѣ*); остальные формы имен.-вин. женск. р. и почти всѣ формы средн. р. образовались вновь. И тѣ и другія стали употребляться не только при числительномъ *два*, но и при *три* и *четыре*: Ипатск. сп. лѣт.: избрашася *трие брата* 11 и т. п. (но *духовная Ив. Калиты: даль ѣсмь 3 поясы золоты*).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* и женск. р. на *и* вполне совпадали какъ по звукамъ, такъ по ударенію съ формами род. ед. Это послужило причиною образованія формъ имен.-вин. дв. женск. и средн. р. по образцу формъ род. ед. тѣхъ же родовъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто древней формы дв. женъ явилась тождественная съ формою род. ед. новая форма *жены*. Подобнаго рода формы мы знаемъ по памятникамъ съ XIV в.: *духовная Ивана Калиты: двѣ чары, двѣ чашки, двѣ круглы гривенки*; Ев. 1355 г.: *вземъ 2 рыбы* 52 об.; Ев. 1357 г.: *примъ двѣ рыбы* 45, *двѣ цаты* 104; *Паремейникъ XIV в. Троицк. Л.: поять 2 жены* 22; *Ипатскій сп. лѣт.: двѣ жены* 450.—Формы дв. ч. средн. р. въ имен.-вин. п. отождествились съ формами муж. р., т. е. получили окончаніе *а* (вмѣсто *ъ*):

Паремейникъ 1271 г.: лѣтъ 9 сътъ и дванадѣсять 62 об., лѣтъ 9 сътъ и два 63; Пандекты 1296 г.: двѣ молушанія 37; духовная новгородца Климента XIII в.: даю два села; духовная Ив. Калиты: даль блюдо серебряно а два малая; Прологъ 1356 г.: обрѣтохъ 2 слова 32; Ев. до 1362 г.: аще кто поиметь тя поприще ѡдино иди с нимъ два 26 об.; Тактиконъ 1397 г.: чтенья двѣ 12, два варенья 14 об.; Ев. 1399 г.: два ока имущю 98; Новгородская лѣт.: два лѣта 334. Впрочемъ, въ XIV в. еще сохранялись въ великорусскихъ говорахъ и старья формы дв. ч. женск. и средн. рода; такъ, въ припискѣ въ Стихирарѣ 1380 г. мы читаемъ: придоша двѣ телѣзъ; въ духовной Ив. Калиты: 2 сель коломенский, 2 блюдци; а форма двѣ стѣ существуетъ даже и теперь.

Форма женск.-ср. р. двѣнадцать въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ вытѣснила древнюю форму муж. р. дванадцать; наоборотъ, въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ форма дванадцать стала употребляться вмѣсто двѣнадцать (Ев. 1317 г., вѣроятно, западно-русское: дванадѣсяте кошницъ 62).

Формы им.-вин. дв. муж. р. на а въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ въ настоящее время почти исчезли: два столы; срв. въ галицкой грамотѣ 1393 г.: два хресты серебряная; въ Ипатскомъ св. лѣт.: да ему... ина два города 257; Страсти Госп. XV в.: два светки (свидѣтеля) 8; у Скорины: два кружки златыхъ, и т. п.; формы им.-вин. дв. женск. р. на ѣ въ остаткахъ еще сохраняются: бѣлор. двѣ нозѣ, три кошѣ, малорусск. дві нозі, три години. То же въ южно-великор. путивльскомъ: два дворы, двѣ, три, четыре сосѣ (отъ соха).

Памятники XIV—XVII вв. имѣютъ рядъ новыхъ формъ числительныхъ съ окончаніями род.-мѣстн. и дат.-твор. дв. ч., но со значеніемъ множ. ч. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: трѣю ангель 152 об. (вмѣсто трѣя); въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: трѣю (род.) 94; въ западно-русск. грамотѣ 1475 г.: трыма сты копами грошей, Arch. Sang. I, 72; въ московской грамотѣ ок. 1575 г.: чотырма человѣкомъ, Ак. Арх. Э. I, 351; въ сѣверно-великор. грамотѣ 1551 г.: къ пятма варницамъ, Ак. Юр. 191; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: чотыр'ма тисечамъ, пятьма тысячамъ, десятма девѣкамъ, десетма тисечма талантовъ (твор.), дванадцатьма ученикомъ, з дванадцатьма учениками; въ Познанскомъ сбор-

никѣ XVI в.: тымъ *шестма* головы постиналь, з двадцатма тисечема людей, господарь *трыдцатьма* и двумъ городамъ и др.

Современные сѣверно-великорусскіе говоры, потомки стараго новгородскаго говора, сохраняютъ употребленіе старыхъ формъ твор. п. дв. ч. съ значеніемъ множ. ч.: рѣшотками *желѣзныма*, песками *рудожолтыма* и т. п. (очень рѣдкое въ старыхъ памятникахъ; однако въ грамотѣ 1578 г.: съ *Васильевыма* дѣтми, Ак. Юр. 130; въ грамотѣ 1635 г.: *тѣма* животы, Ак. Калач. I, 728; срв. въ Новгородской лѣт. XIV в. форму дат. мн. по *всѣмъ* церквама. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры также имѣютъ нѣкоторое количество формъ твор. п. на *ма* какъ старыхъ, съ значеніемъ дв. ч.: *очима*, *плечима*, такъ и новыхъ, съ значеніемъ мн. ч.: бѣлор. *слезыма*, малор. *дверима*.

Смѣшеніе родовъ проникло главнымъ образомъ въ область прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій. Оно состояло въ томъ, что формы имен.-вин. мн. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были тождественны по звукамъ съ формами женск. и средн. р., замѣнили собою эти послѣднія и такимъ образомъ стали употребляться при существительныхъ всѣхъ трехъ родовъ. Мы находимъ формы муж. р. вмѣсто формъ женск. р. въ Житіи Нифонта 1219 г.: *въспущая* хвалы всякая чистоты исполненіи 122; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: книги троѣ 50, *дьяконисы* истязаніи будутъ 59, *сущии* въ нѣхъ дьяконисы причтени будутъ 56. (жены) да быша любимы были 175; въ духовной новгородца Климента XIII в.: на свои руки; въ Ев. 1339 г.: *аще быша* силы были 99; въ дух. в. кн. Ивана Ивановича: дѣти (женск. р.) *мои*; въ Ев. 1354 г.: *аще быша* были силы бывшая в тобѣ 41, *буги* (дѣвы) рѣша 82 об., *вѣтви* оmlandѣли будутъ 130, *блажени* неплодови 142 об., *жены* баше пришли 143 об.; въ Ев. 1355 г.: *аще быша* были силы моя 34, *жены* ужасни быша 149; въ Ев. 1358 г.: *обители* суть мнози 28 об., *жены* *иже* бяху ицѣлѣни 93, *двери* затворени суть 99; въ Паремейникѣ 1371 г.: *списани* быша сия книги, *запись*; въ Паремейникѣ 1378 г.: *списаны* быша книги *сім*, *запись*; въ Ев. 1393 г.: *жены* бяху *прішли* 140, и т. п.

Формы муж. р. вмѣсто формъ средн. р. читаются нами въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: *тѣ* села, что ми ся достали мѣста *рязаньская*; въ духовной Дмитрія Донскаго: *моя* села *кушленая* или

княжи, тѣ села, съ тѣми селы которыя тягли къ Костромѣ; въ Ев. 1358 г.: дѣла зли суть 8, помышленья зли исходятъ 78 об.; въ Апостолѣ 1391 г.: во врага желѣзныя въводящия въ градъ 23 об.; въ Тактиконѣ 1397 г.: сказанія собраны 13; въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ: сердца непорочны, уста полны 106 об., знаменья яже даны ему 154 об. и др.; въ Служебникѣ преп. Сергія: отерываеть покрывала всѣ 86; въ Псалтыри XIV в. Рум. Муз. № 327: уста полны горести; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья... не суть писаны; въ Ев. XIV—XV в. Спб. Дух. Ак. № 7: евангелія воскресны заутрени 142; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: чюда тѣ 160 об. Впрочемъ въ памятникахъ не только XIV в., но и XV в.,—мы еще часто встрѣчаемъ употребленіе старыхъ формъ имен.-вин. мн. средн. р. прилагательныхъ и мѣстоименій; такъ, въ духовной кн. Ивана Ивановича мы находимъ: тѣхъ селъ которая будутъ..., иная мѣста рязанская отъмѣнная; въ духовной Дмитрія Донскаго: по та же мѣста, которая будутъ села, моя села купленая; въ грамотѣ Свидригайла 1438 г.: вся тая мѣста; въ грамотѣ Казимира 1452 г.: та имѣнья верху писаная, тая имѣнья, Arch. Sang., I; въ сѣверно-русской грамотѣ 1517 г.: по которая мѣста, Ак. Калачова II, 490.

Въ настоящее время прилагательныя, причастія и мѣстоименія въ имен. и вин. мн. имѣютъ одни и тѣ же окончанія для всѣхъ трехъ родовъ; изъ нихъ прилагательныя, причастія и мѣстоименія членныя имѣютъ четыре окончанія: старое окончаніе имен. муж. р. *и*, старое окончаніе вин. муж. р. *ѣтъ* и два окончанія смѣшанныхъ *и* и *ми*; такимъ образомъ мы говоримъ теперь совершенно одинаково: люди, вещи, села хорошиѣ, хорошии. Ученіе нашихъ учебныхъ грамматикъ о томъ, что формы на *ѣ*, *и* (=др.-русск. *ѣтъ*, *и*)—формы муж. р., а формы на *ѣя*, *и*я (заимствованныя изъ церковнославянскаго языка; въ нихъ я=ц.-слав. ѡ)—формы женск. и средн. р., не имѣетъ подъ собою никакого основанія.

Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на *лѣ*), которыя употребляются теперь исключительно какъ сказуемыя, сохранили, для подлежащихъ всѣхъ родовъ, только одну старую форму—форму муж. р., такъ что мы говоримъ теперь шли, ѣхали, дали при подлежащихъ всѣхъ трехъ родовъ.

Окончаніе формъ им.-вин. мн. существительныхъ муж. и женск.

р. рано проникло въ формы тѣхъ же падежей существительныхъ средн. р. Мы находимъ въ Пчелѣ нач. XV в. Публ. Библ. форму имен. мн. числа 1 об.; читаемъ въ Словѣ о полку игоревѣ: взмути рѣки и озера, уныша забралы. Современные южно-великорусскіе и бѣлорусскіе (а отчасти и сѣверно-великорусскіе) говоры сохраняютъ древнюю форму им.-вин. мн. средн. р. только при удареніи на окончаніи: дѣла́ и т. п., и то не всегда: озерки́, ушки́; рядомъ: вѣсла́, бкны́, окóшкы, яицы́, яички́ и т. п.

Потеря рода. Вслѣдствіе ряда измѣненій, русскій языкъ уже давно утратилъ признаки рода для значительной части формъ мн. ч. Формы множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій теперь одни и тѣ же для всѣхъ трехъ родовъ: добры́е, мои́, добры́хъ и т. д. То же можно сказать о формахъ множ. ч. нѣкоторыхъ существительныхъ: гости́, восты́, гостей́ и т. д. Изъ формъ того же числа прочихъ существительныхъ только форма род. п. сохраняетъ два разныхъ окончанія: одно для именъ муж. р., другое для именъ женск. и средн. р. Но и эта форма уже теряетъ свое значеніе признака рода, такъ какъ окончаніе *оуз* начало переходить въ форму средн. р. (см. выше, стр. 174), и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ: мѣстоу́уз, дѣлау́уз и т. п., какъ нѣчто обычное. Сверхъ того, нельзя забывать о существованіи древнихъ формъ род. мн. муж. р. безъ окончанія *оуз*: глазъ, роуъ, сапоуъ и др. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что всѣ современные существительныя, утратившія формы ед. ч. и употребляющіяся только въ формахъ множ. ч. (*pluralia tantum*) потеряли родъ. Относительно однихъ изъ нихъ мы не можемъ сказать даже того, какого они рода были въ древности, такъ какъ они неизвѣстны въ древнихъ памятникахъ: *нападкы, молоткы, кудры, смони, ши*; относительно другихъ эти памятники даютъ неожиданныя данныя. Мы привыкли смотрѣть на слово *куры* какъ на слово женск. р.; между тѣмъ въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв. находятся рядомъ двѣ формы род. п. *куръ* и *куроуз* (въ Домостроѣ: Богъ пошлетъ у *куроуз* яиць), изъ которыхъ вторая дѣлаетъ несомнѣнною принадлежность этого слова къ числу словъ муж. р. (срв. имен. ед.: *куръ, пѣтухъ*). Точно также слова *хоромы, окоуы, чары, святкы, вязкы* принимаются обыкновенно за слова женск. р.; но мы знаемъ слѣдующія формы: дат. п. *хоромомъ* въ Новгородской лѣт. XIV в. и въ Лаврентьевск. сп. лѣт., род. п. *хоромоуз* въ Ака-

демическомъ и Радзивиловскомъ спискахъ лѣт. XV в. (подъ 1016 г.); послѣдняя встрѣчается въ московскихъ текстахъ XVII в. (срв. имен. ед. *хоромъ* = ц.-слав. *храмъ*, въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.); мѣстн. п. въ оковѣхъ въ Псалтыри 1296 г.; род. п. чарошъ въ Лѣствицѣ XIII в. Рум. Муз. № 199, л. 13 об., а твор. п. чарми въ Чудовск. Сборн. XV в. № 255, л. 269 об.; род. ед. въ навечерии того свята въ отрывкѣ Стихираря XII в. въ Рум. Муз. № 1729 (=праздника) и вин. ед. останися на святокъ Лаврентьевск. сп. лѣт.; род. п. взятокъ у писателей XVIII в. (срв. имен. ед. *взятокъ* добыча пчелы). Наоборотъ, слово *помощи*, относимое нами къ числу словъ муж. р., въ Златоусту XII в. является съ окончаніемъ женск. р.: имен. *помощь*.

Можно отмѣтить, что южно-великорусскіе сильно-акающіе говоры въ настоящее время теряютъ средній родъ, оставаясь такимъ образомъ только при двухъ родахъ. Всѣ тѣ существительныя средн. р., которыя имѣютъ удареніе не на окончаніи, т. е. оканчиваются на неударяемое *а*, — переходятъ въ число словъ женск. р.: *моя дѣрево* и т. п. Впрочемъ еще въ началѣ XVII в. Ксенія Годунова писала: *у насъ моровая повѣтрея*.

Вліяніе однихъ падежей на другіе. Явленія, имѣющія своею причиною вліяніе однихъ падежей на другіе въ одномъ и томъ же склоненіи, весьма немногочисленны. Къ числу ихъ принадлежатъ новыя формы косвенныхъ падежей множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ формъ имен. и мѣстн. мн., которыя теперь уже не существуютъ и о которыхъ мы знаемъ изъ памятниковъ XIV—XVII вв. Въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: *грецомъ* 121 об., дат. мн. отъ грекъ (срв. имен. мн. *греци*, мѣстн. *грецѣхъ*); въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *грѣцомъ* 275, *ятвяземъ* 502, 509, 540, дат. отъ *ятвязъ* 503, 549, отъ *всѣхъ* *ятвязъ* 580, *ходи на ятвязѣ* 196; въ московскихъ текстахъ XV—XVII вв.: отъ *фрязь*, *поляць*; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: со *всѣми* священни*цы* 93, священн*цѣмъ* 99, дат., даже: *послѣ велица дни* 65. Послѣднія формы и сходныя съ ними, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ московскихъ грамотеевъ XVI—XVII вв., кажутся намъ искусственными и книжными, никогда не бывшими въ живомъ употребленіи. Къ числу новыхъ явленій принадлежатъ также и слѣдующія образованія.

Дательный и мѣстный пад. на нѣ и т. п. Слова, имѣющія передъ гласнымъ основы (передъ *о* или *а*) гортанный согласный, въ нѣкоторыхъ падежахъ: въ мѣстн. ед. и мн. муж. и средн. р., въ дат. и мѣстн. ед. женск. р. (а также въ им.-вин. дв. женск. и средн. р.), еще въ обще-славянскій періодъ измѣнили этотъ гортанный въ соответствующій свистящій или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зубной: *вѣлиѣ*, *вѣлиѣхъ*, *рѣиѣ*, *женьстѣ*. Но всѣ прочія падежныя формы подобныхъ словъ сохранили свой гортанный, и ихъ вліяніе на падежныя формы съ свистящимъ или зубнымъ повело къ тому, что въ этихъ послѣднихъ гортанный появился вновь, заступивъ мѣсто свистящаго или зубного. Такимъ образомъ вліяніе формъ *вѣлѣ* и т. д. вызвало замѣну формъ *вѣлиѣ*, *вѣлиѣхъ* формами *вѣлѣ*, *вѣлѣхъ*. Формы дат. и мѣстн. п. съ гортаннымъ встрѣчаются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Святославовъ Сборникъ 1073 г. имѣеть: въ чловѣчьскѣи души 132, золобѣ женьскѣи 174 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: въ добротѣ женьскѣи 175, зьлобѣ женьскѣи 180 об.; Минея 1096 г.: рабу своему Дьмькѣ, запись; Слова Григорія Богослова XI в.: воскѣ 188 об.; Злато-струй XII в.: по ца рьскѣи заповѣди; Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: дьскѣ 176 об.; Житіе Θεодосія Печ. по сл. XII в.: въ чьрньчьскѣи житии 16 об., въ селѣ манастырскѣи 25 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сл. XII в.: въ княженни пиньскѣи 1, Смоленьскѣи 7, въ русьскѣи сторонѣ 7 об.,—земли 9 об., въ русьскѣи земли 8; Выголексинскій сборникъ XII—XIII в.: о прельсти хрьстияньскѣи, о Студиньскѣи монастыри; договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: у Смольнѣскѣи (къ=кѣ); Кормчая ок. 1282 г.: въ Изборьске 573 об.; духовная новгородца Климента: на Борьке, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу сѣверно-русскіе, имѣютъ гортанные вмѣсто свистящихъ и зубного уже нерѣдко (между прочимъ, Тактиконъ 1397 г.: о праздниѣхъ 24; Новгородская лѣт.: въ плѣтнихъ 117). Мало-по-малу формы съ гортанными настолько распространились, что въ той или другой мѣрѣ вытѣснили древнія формы. Послѣднія в прочемъ существовали довольно долго и совсѣмъ исчезли въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ части говоровъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ и ближайшихъ) только въ XVII в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: въ Боровьскѣ; молодежская грамота 1536 г.: въ луѣхъ, Ак. Оед.-Чех. I, 54; московск.

грамота 1539 г.: на дорозѣ, Ак. Арх. Э. I, 164; Домострой: въ пироузѣхъ; Уложение ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: во дьяцѣхъ, въ послузѣхъ и т. п.). Изъ нихъ формы ед. ч. еще сохраняются и въ сильно-акающихъ южно-великорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: въ рущѣ—въ рущі, при дорозѣ — при дорозі, на версѣ и т. п. (рядомъ: на рѣчѣ, на річкі).

Дательный-мѣстный и творительный пад. ед. ч. на оей и т. п.
 Формы род. п. ед. женск. р. членныхъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій нѣкогда оканчивались у насъ на *отъ, етъ*: *добротъ, синеть, тотъ*. Когда въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ въ нѣкоторой части этихъ формъ исчезъ конечный *тъ* и такимъ образомъ получились формы *доброу, синей, той*,—эти послѣднія оказали вліяніе на формы, сохранившія свой *тъ*, и передали имъ свой конечный *і*, такъ что образовались новыя формы род. ед. *доброей, синей, той*. Звуковая близость окончаній *оей, ей* съ окончаніями дат.-мѣстн. *ой, ей* и твор. ед. *ою, ею* повела къ тому, что формы въ родѣ *доброей* получили значеніе не только род., но также и дат.-мѣстн.-твор. ед. женск. р. Далѣе, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы род.-дат.-мѣстн.-твор. женск. р. въ родѣ *доброей* оказали вліяніе на формы мѣстн. ед. муж.-средн. р., которое имѣло своимъ результатомъ образованіе формъ мѣстн. ед. муж.-средн. р. на *оемъ, еемъ*, въ родѣ *доброемъ*.

Формы на *оей, оемъ* и т. п. мало извѣстны по памятникамъ. Мы можемъ указать только на новгородскій Тактиконтъ 1397 г.: въ *всякоемъ* безъпристрастїи 23; на полоцкую грамоту 1405 г.: (въ) *всякоимъ* дѣлѣ; на Литовскую лѣтопись: на княженїи на литовскоимъ, и на верхотурскій документъ 1663 г.: съ *тоей* деревни.

Современныя великорусскіе говоры (кромѣ сильно-акающихъ) знаютъ въ обычномъ употребленїи только формы мѣстоименїа *тѣ*: московск. въ *тоей*, съ *тоей*, въ *тоемъ*; формы прилагательныхъ весьма часто употребляются въ пѣсняхъ (особенно въ былинахъ): по той дорогѣ *прямоѣзжей*, во *славноемъ* городѣ во Кіевѣ и т. п.; въ современныхъ великорусскихъ сильно-акающихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы женск. р. въ родѣ *тѣй*, *роднѣй* (со стяженїемъ *о* въ *э*) имѣютъ болѣе или менѣе значительное распространенїе (см. стр. 101). Сверхъ того, нѣкоторые бѣлорусскіе говоры знаютъ мѣстоименныя формы женск. р. *тоей* и *тоѣй*, *одноей* и *одноѣй* съ

значеніемъ род.-дат.-мѣстн. п., и формы *тоєю* и т. п. съ значеніемъ твор. п.

Сходныя малорусскія формы: род. ед. женск. р. *тоєі*, твор. *тоєю* и т. п. (имен. ед. муж. р. *той*), извѣстныя по памятникамъ съ XVI в., кажется, имѣють съ великорусскими и бѣлорусскими формами только случайное сходство и образовались подъ вліяніемъ формъ въ родѣ *моєі*, *моєю* (имен. ед. муж. р. **моѣй*). Употребляющіяся рядомъ съ ними формы род. *тієі*, *тоєі*, твор. *тією*, *тиєю* заимствовали свои *і* и *и*, по всей вѣроятности, изъ формъ дат.-мѣстн. *тій*, твор. *тимъ* и друг.

Именительный единств. ч. на ы. Эту форму имѣли немногія слова женск. р., въ родѣ *църкы*, *свекры*, и она стояла особнякомъ среди формъ имен. ед. женск. р. Отсюда измѣненія этой формы въ разныхъ направленіяхъ. Древніе памятники имѣють (рядомъ съ этою формою) еще другую, образовавшуюся изъ нея подъ вліяніемъ ко-свенныхъ падежей: *церкы* (въ Рязанской Кормчей 1284 г., во многихъ спискахъ Ев. XIV в., въ Лаврентьевск. сп. лѣт., въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. и др.), *смокы* (въ Ев. 1393 г.). Форма на *ы*, теперь уже не существующая, рано получила болѣе обычное для имен. ед. женск. р. окончаніе *а*: *смоква*, *тыква*, *буква*, *церква*, *свекрова*, малор. *бровá*, что повело къ уtratѣ этими словами ихъ древнихъ формъ (по склоненію основъ на *ѣ*) и къ замѣнѣ ихъ новыми по образцу формъ основъ на *а*: род. *смокы*, вин. *смокыу* и т. д. (*церкы*, им. мн., въ Рязанск. Кормчей 1284 г. 224 об.; вин.-мн. въ Пандектахъ 1296 г. 68). Сверхъ того, нѣсколько формъ им. ед. на *ы* довольно рано приняли на мѣсто *ы* окончаніе *а*: *редька*, *азбука* (срв. въ Степенной книгѣ по печатн. изд.: начало рускія *азбукаы*, *азбукаы* своихъ I, 50, 51). Одна изъ формъ им. ед. на *ы*—*свекры*—сохраняется еще въ южно-великорусскихъ говорахъ, съ значеніемъ всѣхъ падежей единств. ч.: у *свекры*, *къ свекры* и т. д. (срв. выше, стр. 193).

Для исторіи формъ на *ы* слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе формы на *ы* съ значеніемъ им. мн.: *исякнутъ любы* многихъ, Ев. 1358 г., 160 об.; *еда* объемлють отъ триула *смокы*, Ев. 1357 г. 161 об. (здѣсь еще: рцы *церкы*, дат., о *церкы*, мѣстн., 25).

Именительный единств. ч. на и. Нѣкоторое количество существительныхъ, по большей части женск. р., имѣло въ древности форму имен. ед. съ окончаніемъ *и*: *сѣди*, *пустыни*, *больши* (сравн. степ.),

бывъши (прич.) и т. п.; прочія падежныя формы были по окончаніямъ тождественны съ соотвѣтствующими формами мягкихъ основъ на *a*. Это повело къ образованію, рядомъ съ древними формами имен. ед. на *и*,—новыхъ формъ того же пад. на *a*, которыя мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: яко же мъл'нѣя исходитъ 145 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: судѣя неправдѣныи 228 об.; Минея 1095 г.: мълнѣя 171, мълнѣя 207; Архангельское Ев.: мълнѣя 121 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: судѣя; Житіе Θεодосія Печ. по сп. XII в.: братѣя ту сущѣя 11 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: ланѣя 79 (=ц.-слав. ални); смоленская грам. ок. 1230 г.: судѣя; Ев. 1270 г.: церкви святѣящая злато 46, мълнѣя 47 об.; Кормчая ок. 1282 г.: судѣя 587, рѣза бывшѣя на Христѣ 610 об.; Прологъ 1356 г.: удари ѿго бѣснующѣя 74 об.; Ев. 1358 г. 39 об., Ев. до 1362 г. 30 об., Мстижское Ев. XIV в. 31: душа болша ѿсть пища; Лаврентьевск. сп. лѣт.: молонѣя 144. Формы им. ед. на *и* сохраняются довольно долго; мы находимъ формы въ родѣ судѣи не разъ въ памятникахъ XIV в. (въ новгородск. Апостолѣ 1391 г.: судѣи 167 и др.; въ невгородск. Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: молонѣи 58; въ Погодинск. Прологѣ XIV в. № 59: Оксинѣи 264, и т. п.), а формы въ родѣ пустыни обычны не только въ памятникахъ XIV в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: княгинѣи Ульяна, Мѣзыни, мѣстн. названіе; духовная Дмитрія Донскаго: моя княгинѣи), но даже въ московскихъ текстахъ XVII в.: у Котошихина: боярыни честная 14 (рядомъ съ новыми формами на *a*; Домострой: государыня, рабыня), и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: княгинѣи, сударыни.

Кромѣ существительныхъ на *и* женск. р., древне-русскій языкъ имѣлъ съ тѣмъ же окончаніемъ рядъ существительныхъ муж. р., почти исключительно заимствованныхъ. Это были — 1) церковно-славянскія по происхожденію слова въ родѣ кърмьчѣи, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ одинаково съ сѣди, и 2) греческія по происхожденію собственныя имена въ родѣ Паисѣи, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ по образцу мягкихъ основъ на *o*. Первыя изъ этихъ существительныхъ нѣкоторое время сохраняли церковно-славянскія формы (въ Чудесахъ Николая Чудотв. по Жлудовск. сп. XIV в. № 25 мы читаемъ: кърмьчѣя радовашеся 4 об.), но потомъ, вслѣдствіе совпаденія ихъ окончанія имен. ед. съ окон-

чаіемъ того же падежа членныхъ прилагательныхъ,—перешли въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ получились современныя формы *коричій*, — *ею*, — *ему* и т. д. (но *книгочѣй*, — *ѣя* и т. д.—ц.-слав. *кънигъчии*, — *иа* и т. д.). Вторыя, сохраняя свое церковно-славянское склоненіе: *Паисии*, — *иа*, — *ию* и т. д., стали склоняться также по образцу *судии*, какъ слова съ мягкою основою на *а*. Мы читаемъ въ Житіи Епифанія Кипрск. XII в.: вълѣзе Енорія 82 (=Онорій); въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: даль . . . своего человекъ Прокошю; Новгородская лѣт.: съ Прокопшею (рядомъ: Рагуилу Прокопшиница, вин.); новгородская грамота въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Ортимью, съ Ортимшею; двинскія грамоты; XIV—XV в.: Нозарья Воиславиць, Ак. Юр. 270; Назарья Ондриевичъ, Макарья Семеновичъ (Шахматовъ, 139, 144). Сходныя формы (*Паисѣя*, *Геласѣя*, *Левкѣя*) обычны въ грамотахъ XV—XVI вв. Формы имен. ед. на *ѣи* (не на *ии*, *еи*, слѣдовательно съ указаніемъ на гласное произношеніе конечнаго *и*) обычны въ памятникахъ XIV в.: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка; Прологъ XIV в. № 59: Григорьи папа 297 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: Юрьи (не разъ); Ипатск. сп. лѣт.: Юрьи (не разъ), Прокопьи 398; они сохраняются во всемъ русскомъ языкѣ и въ послѣдующія столѣтія. Форма Юрьи вполне употребительна и въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв., и въ южно-русскихъ документахъ того же времени, въ первыхъ рядомъ съ формами имен. ед. Юрья и Юрье (срв. выше, стр. 192—193).

Нѣсколько существительныхъ женск. р. на *и* замѣнило это свое окончаніе им. ед. взятымъ у словъ съ основою на *ѣ* окончаніемъ *ѣ*: пѣстынь (рядомъ съ пустыня), теплѣнь. Срв. мать, дочь при *мѣти*, *дочѣи*.

Именительный множеств. ч. муж. р. на *а*. Современные великорусскіе говоры имѣютъ нѣкоторое число формъ имен. или имен.-вин. мн. на *а* отъ словъ муж. р.: *городá*, *берегá*, *учителá*, *князьá*. Въ однихъ изъ этихъ говоровъ они болѣе распространены, въ другихъ менѣе; языкъ великорусскихъ пѣсенъ и пословиць, богатый архаизмами, имѣетъ меньше, чѣмъ живая рѣчь. Говоры бѣлорусскіе и малорусскіе не знаютъ (за ничтожными исключеніями) формъ имен. мн. муж. р. на *а*.

Разсматривая великорусскія формы на *а*, мы въ числѣ ихъ на-

ходимъ прежде всего нѣкоторое число древнихъ формъ имен.-вин. множ. отъ словъ, нѣкогда принадлежавшихъ не къ муж., а къ средн. р.: *людишка, крестьянишка, погостишка* (очень часто въ грамотахъ XVI—XVII вв.), *воротичка, кудеречка, плѣчка*; срв. *сынишко, падышко* и т. п. слова средн. р. (очень часто въ тѣхъ же грамотахъ; см. выше, стр. 184); подобныя уменьшительныя на *a* не чужды малорусскимъ говорами: галицк. *дверейка* (отъ *дверь*), *дзвононька* (отъ *дзвінь*) и др. Къ этимъ формамъ можно присоединить формы *облака, колокола*, при формахъ имен. ед. *облако, колоколо* (рядомъ съ *облакъ, колоколъ*); изъ нихъ форма *колокола* не разъ встрѣчается въ московскихъ грамотахъ XVI в.; срв. малор. пинск. им. мн. *колокола*.

Затѣмъ мы находимъ нѣкоторое число также древнихъ формъ имен.-вин. дв. отъ словъ означающихъ парные предметы; это—формы *берега, бока, глаза, рога, рукава, края*. Утративъ (какъ и формы дв. ч. *очи, уши, плечи, колѣны, крыла*) значеніе дв. ч., они стали употребляться въ значеніи множ. ч. рядомъ съ древними формами множ. ч. *берези—берези, боци—боки* и т. д. и мало-по-малу, вполнѣ или отчасти, вытѣснили послѣднія. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: *имяще рогà* подобна агнцу 154 об.; въ Амартолѣ XIV в.: *овень и ему рога висока 170*; въ Козмѣ Индикопловѣ по сп. XVI в.: *двигатся рога . .*, и неподвижна обрящется (по изд. *Общ. др. письм.* 226); въ Пчелѣ по сп. нач. XV в.: *вѣса праведная* (по изд. Семенова 47), въ значеніи нашего *вѣсы*, *онежск. вѣса*. Подобныя формы на *a* встрѣчаются также въ малорусскихъ говорахъ: *рукава, уса*.

Затѣмъ мы находимъ значительное число древнихъ формъ имен. ед. отъ основъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ.

Древніе памятники имѣютъ названія народовъ *свеза* (Новгородск. лѣт.), *латина* (Лаврентьевск. сп. лѣт.), *срачина—сорочина* (1-я Новгородск. лѣт. по сп. XV в.), *жидова* (зап.-русск. Страсти Господни по сп. XV в., изд. *Общ. др. письм.*) и склоняютъ ихъ какъ слова ед. ч. женск. р.: *попрода латину* (Лаврентьевск. сп. лѣт. 348), *нечистую жидову* (Четья 1489 г. 205 об.). По всей вѣроятности, старыя формы *крестьяни, бояра* и т. д. нѣкогда были формами ед. ч. женск. р.; то же, кажется, можно сказать о современныхъ сѣверно-великорусск. формахъ *сватова, сымова*.

Въ древнихъ памятникахъ слово *господа* склоняется какъ жена. Въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г. мы читаемъ: аже закупъ бѣжитъ отъ господы 12; въ новгородской грамотѣ 1270 г.: холопъ почнетъ вадити на господу; въ Новгородской лѣт.: кланяемся вамъ господю своєю; въ Прологѣ 1383 г.: да не обидятъ раби господы своєю 81; въ Амартолѣ XIV в.: клеветати на господу, противитися господю своєю 143; въ Ипатск. сп. лѣт.: предати господу свою 481; въ духовной кievскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: при томъ былъ архимандритъ и иныхъ господы нашею старцевъ много; въ грамотѣ ок. 1459 г.: своей господю великимъ княземъ, Ак. Арх. Э. I, 65; у Скорины: прошу васъ господо моя, Бытiе 33. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *господа* склоняется какъ существительное женск. р. ед. ч. Въ сербскомъ языкѣ слово *господа* сохраняетъ до сихъ поръ свое старое значенiе собирательное и старое склоненiе; старо-чешскiй языкъ знаетъ его какъ слово ед. ч.: (Иуда) *svú hospodi smév prodati* (Святovitск. сборн. 175).

Церковно-славянскiй языкъ имѣетъ собирательное *стража* (перешедшее изъ него въ русскiй языкъ); Чудовской Новый Заветъ употребляетъ его съ ударенiемъ на окончанiи: *стражá*, вин. *стражó*, дат. *стражi*. Современный русскiй языкъ имѣетъ собирательное *сторожа*; въ старомъ языкѣ оно должно было употребляться также съ ударенiемъ на окончанiи: *сторожá* и т. д. Срв. польск. *stróža*.

Въ древнихъ памятникахъ находится нѣсколько собирательныхъ съ окончанiемъ *ья*: *княжья* (откуда *князь*; стр. 146), *братья*, *затья*, *шурья*, *дядья*, *холопья*. Мы читаемъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ всякая княжья 47, со всею княжью 376, 379; въ Троицкомъ сп. лѣт. XIV в.: прислалася словѣнская княжья просяще (Лѣтоп. по Лавр. сп. 26); въ Новгородской лѣт.: вся княжья руськая, позванъ полотскою княжью 100; въ Ипатск. сп. лѣт.: не обрѣтоша княжьи своєю 214; срв. старо-чешск. *kněžíe* (священники; = княжья): *snidu se vyšehrazská kněžíe* (Hradecký Rukopis, 9), соврем. польск. *księża*, словацк. *knážia* (священники, им. мн.); въ духовной в. кн. Ив. Ивановича: кого ми дасть Богъ зятю по чепи имъ золотѣ; въ московской грамотѣ 1456 г.: княгини Софьи и ея дѣтей и зятю, Ак. Арх. Э. I, 44; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: у шурью своєю 452; въ новгородской грамотѣ нач. XV в.: приказываю шурью своєю Ивану и Василью, Ак. Юр. 430; въ двинской грамотѣ XV в.: с шурiемъ своєю, Ак. Калач. I,

440; въ актѣ 1625 г.: въ шурьь своее мѣсто; въ грамотѣ 1584 г.: съ дядею, и др. Слово *братья* встрѣчается въ памятникахъ въ формахъ ед. ч. очень часто: Житіе Θεодосія Печ. по сп. XII в.: бысть съмятениѣ въ трѣхъ кнѣзяхъ братиѣи сущемъ по плѣти 32 об.; Поученіе Владимира Мономаха: отъ брата мѡея, чти молодѣя яко братю; Лаврентьевскій сп. лѣт.: еже ся створи въ насъ въ братахъ. Оно употребляется теперь въ ед. ч. въ значеніи монастырскаго братства. Сверхъ приведенныхъ словъ, нѣкогда должны были существовать собирательныя ед. ч. *дружыя* (и *друзья*), *сватья* (современн. малорусск. холмск. *сватья*), *казаच्या* (Кирша Даниловъ: казаच्या вольная пріѣхали); срв. собирательныя ед. ч. ц.-слав. *братья*, *рабѣя* (рабы), ст.-чешск. *рапѣ* (Святovitск. сборн. 153), стр.-польск. *święcia* (святые), *biskupia* (епископы), соврем. польск. *svacia*; санскритск. *gavjā* (коровы), греч. *ἀνδραχιά* (отъ *ἀνδραχῆς*), *σποδία* (отъ *σποδός*), *μυρμηχιά*, *νεοττία* и т. п.

Собирательныя на *ѣ* нѣкогда склонялись только въ ед. ч., какъ поле. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., напримѣръ, мы находимъ различныя падежныя формы ед. ч. отъ собирательныхъ *столѣе* (огородаша столпеемъ, со столпѣя), *деревѣе* (по деревью извѣшати), *кольѣ* (городъ съ кольемъ), *трупѣе* (въ исподи трупѣя). Формы ихъ множ. ч. встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно рѣдко и, вѣроятно, порешли въ нихъ изъ церк.-слав. оригиналовъ: Галицкое Ев. 1144 г.; другая падоша на каменьяхъ 27 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: быша каменя вѣврѣжена 8 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.: въ дрѣвѣхъ и въ каменьяхъ 358 об. (срв. въ церк.-слав. Маріинскомъ Ев.: на каменьяхъ). Многія изъ этихъ словъ сохранили еще и теперь старое склоненіе: *трянѣѣ*, *дубѣѣ*, *воронѣѣ* и т. п.; относительно сѣв.-великор. и бѣлор. *сыновѣѣ*, *сватовѣѣ* можно догадываться, что они еще недавно склонялись какъ слова ед. ч. (срв. *сноповѣѣ* въ Ипатск. сп. лѣт. 584).

Собирательныя ед. ч., главнымъ образомъ муж. и женск. р., въ древности нерѣдко (но не всегда) имѣли при себѣ глаголь и опредѣленіе множ. ч. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: приобрѣтоша братія 2; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: по ситѣхъ братѣи (=въ Ипатск. сп.: по сѣи—), отвѣщавше дружина рекоша, собрамся дружина, гдѣ суть дружина наша и хъ же послахомъ по тя, брата наша исѣчена суть, пріѣхаша ростовская земля и т. п.;

въ Ипатскомъ сп. лѣт.: дружинѣ не вѣдущимъ его; въ Посланіи м. Никифора къ Владимиру Мономаху: отврѣжени быша латина; въ Уставѣ Студійскомъ XII в.: съходитися самѣмъ братии въ келія 221; въ Словѣ о полку игоревѣ: храбрая дружина рыкають; въ Прологѣ 1262 г.: придоша срацина воѣвать 78 об.; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: сущи со мною вси братья; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: готовящихся братья напишъ 80 об.; срв. современн. бѣлорусск. собралися уси сыновѣ и т. п. Тождественное согласованіе собирательныхъ мы находимъ въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ; такъ, въ Супрасльской рукописи: народъ поидоша на нь, стоащимъ народу; въ Остромировомъ Ев.: народъ стоа и слышавъ глаголаашъ.

Вслѣдствіе такого употребленія, формы имен. ед. нѣкоторыхъ собирательныхъ женск. р. получили значеніе формъ множеств. числа; т. е. формы имен. ед. *латина*, *господа* сдѣлались формами имен. множ. къ имен. ед. *латининъ*, *господинъ*; формы *братья*, *зятья*, *дядя*, *друзья* (или—какъ сохранилось въ разныхъ великорусскихъ говорахъ—*дружьѣ*)—формами имен. множ. къ имен. ед. *братъ*, *зять*, *дядя*, *другъ*. Равнымъ образомъ формы имен. ед. нѣкоторыхъ словъ средн. р., предварительно принявшія окончаніе *я* вмѣсто *е*: *каменя*, *коля*, *сватовья* и т. п., сдѣлались формами имен. множ. ч. муж. р. къ имен. ед. *камень*, *колъ*, *сватъ*. Подобныя формы встрѣчаются въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Ев. 1358 г. мы читаемъ: аще будутъ струпя (=трупья) 161; въ Паремейникѣ 1378 г.: кореня праведникъ не отъимутся 50.

Новыя формы имен. множ. ч. на *а*: *бока*, *латина*, *господа*, *братья*, *каменя* и т. п., вызвали образованіе цѣлаго ряда новыхъ формъ имен. (или имен.-вин.) множ. на *а* съ предыдущимъ или твердымъ, или мягкимъ согласнымъ, или *ј*; такъ, по образцу *бока*, *господа*, образовались формы имен. мн. *города*, *тагана*, *лѣса* (Лѣтопись Аврамки 1495 г.: *города* поимаша нѣмѣчкія 159; Домострой XVI в.: котлы и горшки... *тагана* и рѣшотки 125; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: *тѣ лѣса*), *погребя*, *дома*, *гроба*, *цисаря* и т. п. (въ говорахъ даже *лошадя*, *податя*, *вещя* и др. женск. р.); по образцу новыхъ формъ множ. ч. *братья*, *деревья*, *сватовья* явились формы *полѣнья*, *стѣлья*, *пенья*, *мужевья*, *дадевья*, *кумовья* и т. п. (московская грамота 1626 г.: *дадевья*, Ак. Юр. 280, и т. п.). Сверхъ того, нѣкоторыя

изъ старыхъ формъ имен. множ. на *e*, благодаря вліянію новыхъ формъ имен. множ. на *a*, стали оканчиваться также на *a* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ: *древяня* (Лаврентьевскій сп. лѣт. 11), *поѣзжана*, *дворяня*, *татаровя* (въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв. и у Котошихина). Любопытно, что одна такая форма находится въ *кашико-волинскомъ* Житіи Саввы XIII в.: *новолавряня* отлучишася 131 об. (можетъ быть, описка?).

Новыя формы им. мн., естественно, повели къ образованію значительнаго количества новыхъ формъ косвенныхъ падежей того же числа, вполнѣ или отчасти вытѣснившихъ собою старыя. Какъ скоро, на примѣръ, мѣсто формы имен. мн. *господиѣ* было занято формою *господа*, немедленно образовались новыя формы род. мн. *господъ*, дат. *господамъ*, твор. *господами*, которыя быстро вытѣснили старыя формы *господей*, *господемъ*, *господыми*; форма *князья*, сдѣлавшись формою имен. мн. и занявъ мѣсто старой формы *князи*, повела къ образованію новыхъ формъ *князьезъ* (сѣв.-великор.), *князьамъ* и т. д., которыя вытѣснили старыя формы *князь*, *князьамъ*. Количество подобныхъ формъ косвенныхъ падежей довольно значительно; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, формы *братъезъ*, *сыновей*, *сыновьямъ*, *полѣньезъ*, *полѣньямъ* и др.

Время появленія этихъ новыхъ формъ относительно позднее. Мы читаемъ въ Рязанск. Кормчей 1284 г.: къ *латинамъ* 36, но этотъ памятникъ—списокъ съ средне-болгарскаго оригинала; въ Тактиконѣ 1397 г.: *братьямъ*, *братьями*, *братьязъ* (часто; и этотъ памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); но новыя формы въ Словѣ Палладія Мниха (сб. Ундольскаго XIV—XV в. № 558): къ *братьямъ* своимъ 9 об., и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: съ *шюрьями* своими 224, принадлежатъ несомнѣнно русскому языку. Въ московскихъ памятникахъ XVII в. новыя формы уже обычны, и на примѣръ, въ Уложеніи ц. Алексѣя Махайловича 1649 г. мы находимъ: *братьямъ*, *дядьями*, *сыновьями* и т. п., не разъ.

Измѣненія въ склоненіи числительныхъ. Кромѣ замѣны древнихъ формъ род. *дву*, дат.-твор. *дѣтъма* новыми формами *двузъ*, *двумъ*, *двумя*, *двуми* и кромѣ образованія новыхъ формъ косвенныхъ падежей великорусск. твор. *тремя*, *четырьмя* (по образцу *двумя*), малор. род. *пятѣзъ*, *десятѣзъ*, дат. *пятѣмъ*, *десятѣмъ*, твор. *пятѣма*, *десятѣма* и т. д., склоненіе именъ числительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія.

Сложныя числительныя количественныя, въ родѣ *одна на десять, пять на десять, пятьдесятъ, шестьдесятъ*, въ древнюю эпоху склонялись такъ, что только первая ихъ часть измѣнялась по падежамъ: Святославовъ Сборн. 1073 г.: сборъ святыхъ съта и шести десять и пяти отць; Житіе Θεодосія Печ. по сп. XII в.: бѣ уже съвѣкупилося братия до пяти на десяте; Лаврентьевскій сп. лѣт.: семью десять жерель, по семи десять женъ, и т. п. Но съ теченіемъ времени обѣ части числительныхъ въ родѣ *одна на десять*, слились одна съ другою настолько тѣсно, что образовали одно цѣлое, которое стало склоняться какъ *десять*, измѣняя или одну вторую часть, или и первую часть, и вторую: гал.-волынск. Поликарпово Ев. 1307 г., новгородск. Ев. до 1362 г., псковское Лукино Ев. 1409 г.: двѣма на десятима; Ев. 1393 г.: двѣма на 10-ма 104; московская грамота 1621 г.: по девятинадцати алтынъ, Ак. Арх. Э. III, 169; грамота 1637 г.: въ трезнадцати семьяхъ, Ак. Арх. Э. III, 420; у Котошихина: будутъ лѣтъ пятинадцати или семинадцати, и др. Точно также и въ числительныхъ въ родѣ *пятьдесятъ* вторая часть отождествилась съ *десять* и, подобно первой части, стала правильно измѣняться по падежамъ: *пятидесяти, пятьюдесятью* и т. п.

Сложныя числительныя *двадесяти, тридесяте, четыредесяте*, въ древности склонявшіяся въ обѣихъ частяхъ въ двойств. или множ. ч., замѣнили формы десяти и десяте формою ед. ч. десять, послѣдовали за числительными въ родѣ *пятьдесятъ* и стали склоняться какъ эти послѣднія, измѣняя или обѣ части, или одну первую, или одну вторую часть: Архангельское Ев. 1092 г.: възвратшася седьмъ десять 134, до осми десять 157; Паремейникъ 1271 г.: по-вдоста оба и три десять мужъ 12 об., ковьчегъ тридесяти лактъ 72; Рязанская Кормчая 1284 г.: по трехъ десять лѣтѣхъ 293; Ев. 1354 г.: трети десять 67 об.; Ев. 1357 г.: двадесяте и пять стадни 8, обѣ яко тридесяте лѣтъ 64 об.; Ев. 1358 г.: взврати тридесяте сребреникъ 185, четырьдесятью шестью лѣтъ 5 об.; Ев. до 1362 г.: тридесяте 35 об., 151 об.; Ев. 1399 г.: двадесяте и пять стадни 2 об.; Чудовской Новый Заветъ XIV в.: тридесяти и пяти лѣтъ 95 об., боле четырьдесяти 75 об., 76; гал.-волынск. Луцкое Ев. XIV в.: не оставить ли девятидесяти и девяти 45.

Въ современномъ русскомъ языкѣ сложныя числительныя *один-*

надцать, двѣнадцать или (по-бѣлорусски и по-малорусски) *дванадцать* и т. д., *двадцать, тридцать* не измѣняются по родамъ и склоняются какъ *десять*, а сложные числительныя *пятьдесятъ, шестьдесятъ* и т. д. склоняются въ обѣихъ частяхъ, во второй—такъ же, какъ *десять*.

Числительное *сто*, обыкновенно сохраняющее древнее склоненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превратилось въ несклоняемое слово: великор. о сто человекъ, малор. сто хлопами (срв. въ гал.-волинск. Поликарповомъ Ев. 1307 г.: три сто 143; въ кievскомъ Ев. 1411 г.: о сто овецъ 147 об.; въ южно-русск. Пересопницкомъ Ев. XVI в.: о сто овецъ). Въ другихъ случаяхъ употребленіе его формъ бываетъ болѣе или менѣе неправильно: Познанскій сборникъ XVI в.: надъ сту витезми; великор. грамота 1588 г.: сту сажени (твор.), Ак. Арх. Э. I, 412.

Нѣчто сходное произошло съ тѣми числительными количественными, которыя вошли въ составъ сложныхъ числительныхъ порядковыхъ и въ настоящее время употребляются только въ имен. ед. ч. Въ древности на мѣстѣ этихъ числительныхъ количественныхъ обыкновенно были числительныя порядковыя, имѣвшія правильныя формы склоненія: въ четвертьдесятьное и второе лѣто (Святослав. Сборникъ 1073 г. 250); шестьдесятныя и шестыя олимпиады (род. ед.; Кирилль Иерусалимскій XII в. 122 об.): въ тридцатьное и шестое лѣто (Апостоль 1220 г. 7); въ четвертѣмъ и осмьдесятнѣмъ правилѣ (Ряз. Кормчая 1284 г. 66 об.); лѣта тысячного трисотного осмьдсятого третего (зап.-русск. грам. 1383 г.); въ лѣто двѣсотное и третее (зап.-русск. Четья 1489 г.); шестисотого и первого лѣта (Скорина, Бытіе, 19 об.). Съ теченіемъ времени, такъ какъ на мѣстѣ числительныхъ порядковыхъ могли иногда находиться числительныя количественныя въ род. пад.: подъ лѣтомъ божія нароженья тысячего трисотъ шистыятаго шестого (галицкая купчая 1366 г.); въ лѣто 3-е тысящи въ 700-е и 70-ное 1-е (Палея 1406 г. 58 об.), въ лѣто семое тысящѣ (гал.-вол. Ефремъ Сиринъ 1492 г.), в лѣто осмое тысящи двадцать первого году (зап.-русск. грамота 1513 г.); — то вмѣсто порядковыхъ числительныхъ стали являться количественныя, и уже не въ род., а въ имен. п.; такъ, мы читаемъ: в лѣто 6000-ное 9-сотъ 6-е (Уставъ церк. 1398 г., зап.); лѣта шестымысячного девятьсотъ пятьдесятъ первого (зап.-русск. грам. 1443 г.);

лѣто шестысячное девятсотное семдесят седмое (зап.-русск. грам. 1468 г.); року тысяча и чотыриста и деветьдесятого второго (зап.-русск. грам. 1492 г.). Въ настоящее время въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только одна послѣдняя часть есть дѣйствительно порядковое числительное, которое измѣняется по родамъ и падежамъ, а остальные части являются постоянно въ видѣ числительныхъ количественныхъ, остающихся неизмѣнно въ формѣ им. ед.: двадцать первый,—перваго,—первому и т. д.

Потеря склоненія. Нечленныя склоняемыя причастія настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. и нечленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени съ теченіемъ времени утратили способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ и лишились большей части своихъ падежныхъ формъ.

Причастія стали употребляться неправильно, не согласуясь съ именами въ родѣ, числѣ и падежѣ, довольно рано. Мы читаемъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: повелѣ мнѣ нрѣмѣну сътворити рѣчи, инако набѣдѣште тождество разумъ, запись; въ Юрьевскомъ Ев.: подобни чловѣкомъ чающе господа 123 об.; въ Златоструѣ XII в.: брашно ѡже ти идущи довьлно будетъ 75 об.; въ Житіи Θεодосія Печ. по сп. XII в.: оному съповѣдающе ми 8, повелѣ ѡдиному отъ братии... несѣше вѣсыпати 27, помысли вѣлиявѣше въ кан'дила вѣжещи 28; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: яко самому вѣлѣзѣше въ корабль сѣдѣти 67 об.; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: видѣхъ купѣль наплѣнену воды и прѣливающихся 10, видѣхомъ постыника слезы изливающихъ 28 об.; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: видѣ смоковницу имущи листвиѣ 127; въ Житіи Нифонта 1219 г.: многашѣды ми послушающе молитвы ѡго 22, бѣда ѡму бѣ велика движуще нозѣ 29, се мнѣ правѣднику повѣдающе 44 об., помоливъшися ѡпископъ старьцю 74, оному въ молитвѣ пребывающе 114, горе инокомъ имущи злато 140 об., исправя чтѣте, запись; въ договорѣ Смоленска съ Ригю 1229 г.: русину не ставити дѣтского не явивѣше старость (ъ=ъ) латиньскому; въ Прологѣ 1262 г.: Богъ покаявѣся ниневгитяномъ пощадѣ 25, сыну издавѣвши нищимъ 99, отъ сѣгрѣшени прѣставшимъ и въ истину покаявѣся 104, ангелу рекше имѣ 110, хрѣстьяномъ послушающе словесъ, запись; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ѡже даль ѡму господинѣ плугъ, тѣ то погубивъши ѡму платити 18; въ Корм-

чей ок. 1282 г.: жены кланяются тако молвя 520; въ Пандектахъ 1296 г.: въ бещестии намъ бывше 27 об., взявше кому древо 31, многомъ хотящимъ и не могуще 53 об., убогому въземъшию и до-сажающе 81 об.; въ Ев. 1354 г.: не убоитесь убивающихъ тѣло а души не могуще убити 38 об., бысть ему възлежаще в дому 45, купцю ищуще бисера 47 об., яко народу дивитися видящи нѣмыя глаголюща 50 об., Исусъ отшедши скрыся 157 об.; въ Ев. 1358 в.: (теща симонова) ставъ и служаше 86, слышавши Исусъ чюдися 90 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: идучи ми сѣмо 5 (dat. abs.), забывъ молвахуть 361, Володимеричи лишася Рюрика ѣхаша 396, татарове станы своѣ урядивъ идоша 439, и друг. Въ большей части приведенныхъ примѣровъ мы видимъ формы имен. ед. и имен. множ. (съ окончаніями древнимъ *e* или новымъ *и*) на мѣстѣ формъ косвенныхъ падежей всѣхъ родовъ и чиселъ *и*, сверхъ того, формы имен. ед. на мѣстѣ имен. мн. и наоборотъ.

Форма дат. п. причастій была замѣнена формою имен. ед. или множ., между прочимъ, въ оборотѣ дательный самостоятельный. Въ дополненіе къ находящимся выше даннымъ XII—XIV вв. вотъ еще нѣсколько изъ западно-русскихъ памятниковъ XVI в.: Познанскій сборникъ: Бово утекъ деветнадцати стоявшы; Ев. Тяпинскаго: по чонъши ему розмавлятите привели ему одного, вечеру будучи сель. Но въ Страстяхъ Господнихъ XV в.: учнове пришли а намъ спячимъ узали; впрочемъ рядомъ: учнове намъ заснувши украли его. Срв. у Кантемира: *идучи мы* къ дому осмѣлился я (Соч. I, 109).

Въ настоящее время русскій языкъ имѣетъ двѣ падежныя формы причастій—старую форму имен. ед. муж. р.: *видя*, *увидѣвъ*, и новую, съ окончаніемъ *и*, форму им. мн. муж. р.: *идучи*, *видѣвши*; впрочемъ рядомъ съ послѣднею въ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ встрѣчается форма на *e*: малор. подольск. питаюче, збудивше. Всѣ эти формы употребляются безразлично, всего чаще при именахъ и мѣстоименіяхъ въ имен. п., но иногда также при именахъ и мѣстоименіяхъ въ косвенныхъ падежахъ: поздравляю васъ обручившись, причастившись, не участь въ попы не ставятъ (=не учащагося), будетъ ее (лошадь) не пивши гнать (=не пившую, Кохановская), видѣли молодца сядучи, не видѣли молодца поѣдучи; или внѣ связи съ именами и мѣстоименіями: имѣя это въ виду, судя по всему, можно думать.....; иначе говоря, выражаясь точнѣе...., и т. п.

Наши грамматики называютъ эти неизмѣняемыя причастныя формы дѣепричастіями.

Сравнительная степень. Потеря большей части надежныхъ формъ прилагательными сравнительной степени началась не позже XII в.; неправильное (безъ согласованія) употребленіе формъ имен.-вин. ед. средн. р. и имен. мн. муж. р. уже нерѣдко въ памятникахъ XIII и XIV вв.: Златоструй XII в.: не еси богатѣе Давыда 21; смоленская грам. 1229 г.: аже капъ легче будѣть; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: творите его сына огневи двѣгубѣе васъ; Ев. 1270 г.: ему же вячьши отъда 70 об.; Кормчая ок. 1282 г.: не вкуситъ еретикъ тѣла Христова иже невѣрнѣе жидовъ и бѣсовъ несмысленнѣе 458 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.: нѣсть соль боле пославшаго и 38, есть ли кто сильнѣе Бога 147; Ев. 1354 г.: колми человекъ лучши овъчати 54, лучше бо ти есть внити 54; Ев. 1355 г.: въ кую годину лучши ему бысть 8 об., будутъ послѣдняя горше первыхъ 36 об.; Ев. 1857 г.: многихъ птицъ сулем есте 31, пойметъ семь духъ инѣхъ лютѣнши себе 35, когда кто честнѣе тебе будетъ званыхъ 94 об.; Ев. 1358 г.: нѣсть ученикъ выше учителя 38 об., каа есть заповѣдь первѣи всѣхъ 131; Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣе 356; Паремейникъ 1378 г.: премудръ премудрѣе будетъ 18; духовная Дмитрія Донскаго: будетъ боле или меньше; Чудовской Новый Заветъ: нѣсть ученикъ боле учителя 29 об., еда ты боле еси отца 42 об., нѣсть рабъ боле господина 49 об.; Апокалипсисъ Рум. Муз. XIV в.: зане есть (Христось) честнѣе насъ 58 об.

Современный русскій языкъ знаетъ только двѣ формы сравнит. степени—старую имен.-вин. ед. средн. р.: выше, сильнѣе, и старую имен. множ. муж. р.: лучше, больше, которыя употребляются безразлично.

Членъ. Вѣроятно, немногимъ извѣстно, что въ русскомъ языкѣ былъ и даже есть членъ. Это—не тотъ членъ *и*, который мы видимъ въ прилагательныхъ членныхъ; это—указательное мѣстоименіе *тз*, которое въ качествѣ члена употребляется также въ ново-болгарскомъ языкѣ. Членъ *тз* прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова; послѣднее было, кажется, чаще (см. Житіе Θεодосія Печ. по сп. XII в.). Первоначально членъ (или еще указательное мѣстоименіе,

изъ котораго онъ развился) вполнѣ правильно измѣнялся по родамъ и числамъ, такъ что въ имен. ед. слова муж. р. имѣли при себѣ членъ *тъ*, слова женск. р. — *та*, слова средн. р. — *то*, въ род. — *того*, въ дат. — *тому* и т. д.: не могуще сняти гривны, и усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну *ту*; смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ *тотъ* орати лошадыю *тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и пойметъ лошадь *ту*; два ляха легоста... и поѣха Ярославъ... идѣ же ляха *та* ловашета его; сташа обаполы рѣкы, бяхуться обои об рѣку, бѣ бо рѣка *та*... (Ипатскій сп. лѣт. 93, 191, 207, 273). Это правильное употребленіе члена въ Московской Руси сохранялось еще въ XVII в.; мы его находимъ и въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума: бѣда-*та* на церковь-*ту* пришла, болши тое бездѣлицы-*той* вѣдаю, сынъ онъ дьяволь... надъ просвирую-*тою* молитву батьку-*тому* своему говорить передъ переносомъ-*тѣмъ*, которые младенцы-*тъ* отъ еретиковъ-*тѣхъ* крещены, такъ же бы надобно царя-*того* Алексѣя постричи (очень часто), и въ Житіи преп. Нила Столобенскаго XVII в.: егда прииде... на островъ-*той* и обшедъ мѣсто острова-*тою* и видѣвъ, яко угодно есть мѣсто *то*... бѣ бо на островѣ-*томъ* гора и лѣсъ, и пришедъ на гору-*ту*..., первые ископа себѣ пещеру въ горѣ-*той* (по сп. Ундольскаго № 345), и въ письмахъ ц. Алексѣя Михайловича къ патр. Никону. Но членъ въ русскомъ языкѣ не получилъ такого развитія, какъ въ ново-болгарскомъ, и съ теченіемъ времени сталъ выходить изъ употребленія, такъ что сохранился въ скудныхъ остаткахъ. Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ большей части русскихъ говоровъ онъ сохранилъ только одну форму средн. р. и превратился въ несклоняемую частицу *то*, которая ставится безразлично при формахъ всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей и съ которою рядомъ изрѣдка, при имен.-вин. ед. муж. рода, употребляется и правильная форма муж. р.: мосто-*тъ* нашъ каковъ, въ ученѣ проко-*тъ* не великъ. Московскій престонародный говоръ XVIII в. знаетъ еще форму вин. ед. женск. р. *ту*: надобно быть смѣлу и смѣлость-*ту* дѣлаетъ сивуха (Аблесимовъ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, главнымъ образомъ сѣверно-великорусскихъ, остатки члена сохранились въ большемъ числѣ; такъ, въ шадринскомъ говорѣ (Пермской губ.). мы находимъ склоненіе члена въ такомъ видѣ: мужико-*тъ*, мужика-*то*, мужику-*ту*,

мушикомъ-то, о мушикѣ-то, мушики-тъ, мушиковъ-то, мушикамъ-то, мушиками-тъ, о мушикахъ-ту; дорога-та, дороги-то, дорогѣ-то, дорогу-ту, дорогой-ту, дорогѣ-то, дороги-тъ, дорогѣ-ту. дорогамъ-ту, дорогами-тъ, о дорогахъ-ту. Въ тѣхъ же говорахъ—кажется, исключительно въ пѣсняхъ (въ былинахъ) — мы встрѣчаемъ всѣ формы члена передъ тѣми словами, къ которымъ онъ относится: про *того* Илью про Муромца; сѣлъ на *то* окопечко косящато; безъ бою, безъ драки, безъ *того* кроволитя великого; посадилъ на *ты* на цѣпи на желѣзныи; поѣхалъ во *тое* Подолье лиходѣево, и т. п. (сравни у болгаръ: я си ималъ *тси* добра коня,—*тмя* мъжка дѣца, извади *туй* остру саблю, пие *тое* ладно вино, и т. п.).

Судьба формъ на *зи* и *и*, на *ѣ* и *и*. Древнѣйшіе русскіе памятники имѣютъ по два окончанія для имен. ед. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій муж. р. и для род. множ. нѣкоторыхъ именъ всѣхъ родовъ, по преимуществу муж. и женск. р. Одна пара этихъ окончаній—*и* и *и*—встрѣчается чрезвычайно часто: им. ед. добрыи, синии, род. мн. гостии, костии; другая пара—*зи* и *ѣ*—, напротивъ того, является лишь въ немногихъ памятникахъ, и то рѣдко; при этомъ окончаніе *ѣ*, нерѣдкое въ памятникахъ церковно-славянскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Мы читаемъ въ Минее 1095 г.: мощи (род. мн. отъ *мощь*) 172; въ Минее 1096 г.: печальи 145; въ Пандектахъ Антіоха XI в.: печальи 32 об., 35, страсти 39, дѣньи 50, рѣчи 50 об., сласти 54 и т. п., чьи естъ образъ 81; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: духъ божьи, сынъ божьи 6 об., свѣтъ вельи 7, не вѣста больи Иоанна 23 и т. п., отъ четырь еваггельи 1 об., пощся дѣньи 40 и нощи 6 об., не отъпускаете челоуѣкомъ съгрѣшени ихъ 12, стадо свиньи 17 об., людѣи сихъ 28, тры съвѣдѣтель 39 об., начало болѣзныи 53; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: вѣшьи (род. мн. отъ *вѣшь*) 118 об.; въ Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: вящи 7 об., больи 22 об. Памятники послѣдующаго времени, XIII—XIV в., сохраняютъ обѣ пары окончаній, изъ которыхъ первая въ нихъ по прежнему господствуетъ, а вторая — передаваемая не только черезъ *зи* и *ѣ*, но и черезъ *ои* и *еи*—встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы находимъ *зи* или *ои* въ Милатиномъ Ев. 1215 г.: всьязки убивьи насъ 4 об., изиде умързи 152 об.; въ Житіи Нифонта

1219 г.: *пречисти* тѣ дѣтищѣ 118 об., *блаженн* рече 139 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: *той же* умре 31; въ Троици Саввиной до 1226 г.: *ветх* 138 об.; въ Ев. 1270 г.: *тѣ* исповѣда 2 об.; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: *котор* причетникъ 47; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: *тѣ* человекъ 3 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *той* конь (рядомъ: *тѣ* товаръ); въ Ев. 1323 г.: *тѣ* исповѣда 2; въ Ев. 1339 г.: князь велико*и*, запись; въ Прологѣ 1356 г.: *той же* мя всади 91 об., *той же* грѣхъ 93 об.; въ Ев. XIV в. Троицк. Л. № 5: *никоторо*и же пророкъ 71 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *вдамъ* ти *кото*рои ти городъ любъ; въ Новгородской лѣт.: князь дѣцко*и* 237; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: на черьхов*и* кусть, на берьзово*и* пень, староста купечке*и* (*e=ë*), Иванъ соцко*и*, колодязь солоно*и*; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *той*.—Окончаніе *ѣ* или *еи* читается въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: *чѣ* образъ 115 об., *третѣ*и днь 150 об., *всѣ*хъ заповѣд*и* 130; въ смоленской грамотѣ 1229 г.: *сеи* миръ; въ Ев. 1270 г.: *днеи* 5 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: у дѣте*и* 15, бес *треи* кунъ 16; въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: *третѣ*и день 50 об., *вторыи* и *трѣтьѣ*и 49 об., 125; въ Ряз. Кормчей: *сеи* же съборъ 141 об.; въ духовной новгородца Климента XIII в.: *свинѣи*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: что волост*и* новгородскихъ, ни волост*и* роздавати, отъ тѣхъ волост*и*, люд*и* не выводити; въ договорѣ 1317 г.: *людеи*; въ Ев. 1355 г.: не *сеи* мѣсть древодѣлинъ сынъ 40, въ огонь не угасуше*и* 90 об.; въ Ев. 1357 г.: стадо свиныхъ 36, 54 об., съгрѣшен*и* вашихъ 115; въ южно-русской грамотѣ 1359 г.: *грошеи*; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣше*и* братъ 145, старѣше*и* градъ 223; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: имѣн*и* своихъ 61, размышлен*и* лукавыхъ 81 об., много прегрѣшен*и* 101 об., уродивыхъ искан*и*и 138, божественныхъ учен*и*и 138 об. и др.; въ Службеникѣ преп. Сергія: храмъ *сеи* 15, *дверѣи* 13 об., 18 об., 22, заповѣд*и* 57 об., 69 об.; въ Ев. XIV в. Публ. Библ. Ф. 17: дѣте*и* 14, отъ *четыреи* вѣтръ 88 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *дверѣи*; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Л.: звѣре*и* 14, 15, 30, *людеи* 27, и т. п.

Въ великорусскихъ памятникахъ XV в. еще господствуютъ окончанія *ѣ* и *и*, но окончанія *ой* и *ей* также уже нерѣдки; достаточно отмѣтить въ Погодинскомъ сборникѣ нач. XV в. № 872:

темной дьяволе (зват.) 188, *тои* 193 об., 194, 235; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *тысячкои* 220, 231, Володимеръ галичьскои 278, 280, 282, 284, 285, и др.; въ грамотѣ в. кн. Василия Дмитриевича до 1425 г.: *судь смѣстною*; въ грамотѣ до 1428 г.: *воль бурои да другои чернои*; въ грамотѣ кн. Юрія Дмитриевича 1433 г.: *манастырскои правои и виноватои человекѣ* (Ак. Калач. I, 440, 91, 543, 93); въ Канонникѣ 1457 г.: *попъ старіишои* 85 об.; въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: *мѣсячнои и поснои* (стихирари; сборн. М. Дух. Ак. № 144); въ Библии новгородск. архіеп. Геннадія 1499 г.: *Василь ерусалимскои, Гридя исповѣдницкои, Климентъ архангельскои*, запись. Малорусскіе и бѣлорусскіе памятники этого и XVI вѣковъ имѣютъ иногда въ род. множ. окончаніе *ей*: южно-русск. грамота 1438 г.: *грошеи*; южно-русск. грамота 1424 г.: *свиней*, и т. п.; сверхъ того, въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. мы находимъ: *Лаврентей* 6, *большей* (имен.) 33 об.; въ Ев. Тяпинскаго: *каждый которой* *возрить, дверей, дней, ночей*, и т. п.

Мало-по-малу въ великорусскихъ говорахъ формы на *ой*, *ей* получили преобладаніе надъ формами на *ый* и *ій*, и въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ окончаній *ый* и *ій* подъ удареніемъ, а сѣверной его части эти окончанія чужды и при отсутствіи ударенія: обще-великор. *слѣпой*, *худой*, *самъ-третей*, *гостей*, *костей*, *свиней*, сѣв.-великор. *дѣброй*, *умной*, *синей*. Бѣлорусскіе говоры не знаютъ окончанія *ой*, а окончаніе *ей* встрѣчается въ нихъ въ формахъ род. множ. (*людей* и т. п.) и въ немногихъ формахъ имен. ед.: *соловей*, *воробей* и т. п. То же въ говорахъ малорусскихъ, съ тою лишь разницею, что окончаніе род. мн. *ей* въ нихъ употребляется рядомъ съ окончаніемъ *ій*.

Судьба окончаній имен. ед. и род. множ. вполнѣ тождественна съ судьбою нѣкоторыхъ словъ и глагольныхъ формъ.

Древне-русскіе памятники имѣютъ слова *стрыи* дядя, род. *стрыя* и т. д., и *стриги*, род. *стрия*. До XV вѣка первое встрѣчается весьма часто, второе—рѣже: Успенскій сборникъ XII в.: *стрия* 130 (род.; здѣсь же: *стрыи*); Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: *стриема* 13, *стрия* 131; Рязанская Кормчая 1284 г.: *стрия* 283, 327 об. и др.; Новгородская лѣт.: *стрьемъ* 78, *стрия* 61, 81 (при *стрьемъ* 296 и др.); Прологъ 1356 г.: *строи*, *строєви* 77 об.; Лаврентьевск. сп.

лѣт.: строя 158, строема (дат.) 195; галицко-волынскій Ефремъ Сиринъ 1492 г.: стрья 145 об., 146 об., стрья 145, и т. п. Въ XV в. въ великорусскихъ памятникахъ (между прочимъ, въ Ипатскомъ сп. лѣт.) второе является уже весьма часто.

Въ памятникахъ до XV в. попадаются рядомъ формы *мыю*, *крыю*, *мыишь* и т. д. и *мюю*, *кряю*, *мземь*, первыя часто, вторыя рѣдко: Святослав. Сборникъ 1076 г.: лицъмь си землю покрзи (повел.) 11 об.; Минея 1097 г.: покръеть 426; Путятина Минея XI в.: кряся 66 об.; Паремейникъ XII в. Тип. Библ. № 157: покръеть 42 об., покръемь 53 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: открьеться 108; Прологъ 1262 г.: мяз 13 об., мяся 86, кряхуся 15 об., кря 32 об., кряеші 50 об., покръеть 54 об., съкряють 83, по — 98; Паремейникъ 1271 г.: открьеть 100 об.; Пандекты 1296 г.: умюю 38, мяющихся 128 об.; Ев. 1317 г.: мяшеса 9; Ев. 1323 г.: умюю 167 об.; Ев. до 1362 г.: умюю, умюиши 118; Ев. 1393 г.: открьеться 35 об.; Служебникъ XIV в., такъ наз. Антонія Римлянина: умюю 21; Новгородская лѣт.: кряшеса 133, и т. п. (еще примѣры см. выше, стр. 49). Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ *мыю*, *крыю* и т. п.; они имѣютъ только *мою* (или *мюю*), *кряю*.

Цѣлый рядъ словъ въ древнюю эпоху оканчивался у насъ на *и* и на *и*, на *и* и на *и*: зми и зми (Минея 1096 г.: зми имен., - 209; Минея 1095 г.: змя, род., 57; Псалтырь 1296 г.: зми съ 221 об.; Новгородская лѣт.: зми видѣша лѣтящ 155), *ручии* (Новгородская лѣт.: *ручии* 13) и *ручьи* (тамъ же: *ручья* 53, 87), *зми* и *змя* (Святослав. Сборникъ 1073 г.: змя, имен. ед., 209, ви. мн., 103 об. и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: змю 126 об.), *ши* и *шья* (Житіе Нифонта 1219 г.: съ шьи своихъ 63 об.; Пандекты 1296 г.: на шью 36; Лаврентьевск. сп. лѣт.: за шью 334; Новгородская лѣт.: къ шьи 42) и т. п. Формы съ *и* въ памятникахъ до XV вѣка обычны; формы съ *ь*—рѣже. Въ настоящее время великорусское нарѣчіе уже совсѣмъ не знаетъ первыхъ; они вытѣснены изъ употребленія вторыми: *змѣй* (*ъ* вм. *е*), *ручѣй* и *рѣчѣй*, *шѣя*.

Формы повелит. накл. глаголовъ *бюю*, *тѣю* и т. п. нѣкогда звучали *бии*, *пии*, *бите*, *пите* и *бьи*, *пьи*, *бите*, *пите*, причемъ первыя въ старшихъ памятникахъ употребляются часто, вторыя—чрезвычайно рѣдко (Ев. 1270 г.: *язь* и *пья*). Современные великорус-

скіе говоры уже не знаютъ бий и т. д. и имѣють исключительно формы съ *e*: бей.

Въ нѣсколькихъ другихъ великорусскихъ словахъ мы видимъ побѣду *и* надъ *ь*. Это—забіяка (при бью), пѣявка (при пѣянь), сѣять (при др.-русск. сѣяти, малор. ссяти).

Слово **кми*, соврем. великор. *кій* съ производными (фамилія Кіевъ, въ великорусскихъ грамотахъ XVI в.), и названія города древн. Къевъ, современн. великор. Кіевъ, и села (Тверск. губ.) соврем. Кіево, можетъ быть, никогда не имѣли рядомъ *кзи* и т. п.

Х. Исторія формъ спряженія.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія имѣлъ простыя формы настоящаго времени (они употреблялись также съ значеніемъ будущаго времени), имперфекта, сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія, и цѣлый рядъ сложныхъ формъ: будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго, сослагательнаго наклоненія. Сверхъ того, въ немъ было значительное количество формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Такимъ образомъ русскій языкъ въ древности былъ гораздо болѣе богатъ глагольными формами, чѣмъ въ настоящее время; иначе говоря, русскій языкъ на памяти исторіи потерялъ часть своихъ глагольныхъ образованій.

Потеря глагольныхъ формъ. Едва ли не первыми были потеряны формы *имперфекта*. Нерѣдкія въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ русскихъ житіяхъ, лѣтописяхъ и т. п., они вовсе не встрѣчаются ни въ грамотахъ, ни въ Русской Правдѣ. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности опредѣлить сколько-нибудь точно время исчезновенія русскаго имперфекта и должны ограничиться предположеніемъ, что въ XIII—XIV вв., въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относится большая часть нашихъ древнѣйшихъ грамотъ, онъ или уже совсѣмъ не существовалъ въ живой рѣчи, или употреблялся очень рѣдко. Современный русскій языкъ не знаетъ ни одной формы, въ которой можно было бы признать потомство древняго имперфекта.

Употребленіе *аориста* въ древне-русскихъ памятникахъ сходно съ употребленіемъ имперфекта. Формы аориста встрѣчаются весьма часто въ переводныхъ памятникахъ, въ лѣтописяхъ и т. п., но въ грамотахъ они рѣдки. Мы читаемъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: *отложихомъ, докончашемъ, поставихомъ*; въ

смоленской грамотѣ 1284 г.: грамота псана *бысть*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: *написахъ*; въ духовной Ивана Калиты: *написахъ*; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: *купи, заложу, позва, спросиша, срядишася, даша*, изонде та пять лѣтъ; точно также въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: *отложиша, уставиша* 2. Мѣсто аориста въ грамотахъ и въ Русской Правдѣ обыкновенно бываетъ занято формами прошедшаго сложнаго. Если мы возьмемъ Мстиславову грамоту 1130 г., мы въ ней не найдемъ ни одной формы аориста, но встрѣтимъ, на мѣстѣ аориста, четыре раза формы прошедшаго сложнаго: *повелѣлъ ѡсмь, язъ даль, даль ѡсмь, велѣлъ ѡсмь*. Въ смоленской грамотѣ 1229 г., въ самомъ ея началѣ, нѣтъ ни одной формы аориста, но стоитъ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго: *умърлъ, уздумалъ, прислалъ, было, ѡехали, утвѣрили, урядили, было любо и т. д.* Въ грамотѣ рижанъ въ Витебскѣ ок. 1300 г., довольно большой по объему, формы прошедшаго времени нрѣдки, но это все формы прошедшаго сложнаго, а не аориста: *пришли, поведали, еси отъялъ, былъ, бывалъ, заблудилъ, хотель и др.* То же въ Русской Правдѣ: этотъ памятникъ, при двухъ приведенныхъ формахъ аориста, имѣеть рядъ формъ прош. вр.—исключительно прошедшаго сложнаго. По всей вѣроятности, формы аориста вышли изъ употребленія вскорѣ послѣ XIV в. (но въ новгородскихъ грамотахъ XV в. онѣ не рѣдкость: грамота 1456 г.: *велѣхомъ, отпустиша, заплатиша*; грамота 1459—1470 г.: *биша, пожаловаша, приложиша*; грамота 1471 г.: *приѣхаша, повелѣхомъ*, Ак. Арх. Э. I, 43—45, 99—100; въ псковской грамотѣ 1483 г.: *оправихомъ, повинихомъ, дахомъ*, Ак. Юр. № 2).

Въ современномъ языкѣ остатки ихъ чрезвычайно рѣдки. Кромѣ одной формы аориста, встрѣченной нами въ онежскихъ былинахъ (у Рыбникова): *бысть* князь весель и радостень, мы можемъ указать лишь частицу, междометіе *чу*: *тише, чу, гитары звонъ...; да, чу, и къ завтренѣ звонять...* Если мы вникнемъ въ смыслъ только что приведенныхъ стиховъ, то увидимъ, что частица *чу* восходить къ формѣ 2-го л. аориста отъ глагола *чути*, съ значеніемъ: слышишь. Замѣчательно, что въ сербскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, форма 2-го л. аориста *чу* нрѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго времени: *ој, чу ли ме=слышишь ли меня.*

Слѣдя за формами аориста по памятникамъ, мы можемъ замѣ-

тять, что въ послѣднее время своего существованія они подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, формы 3-го л. мн. аориста стали смѣшиваться съ формами 3-го л. ед. имперфекта, т. е. въ нихъ вмѣсто *ша* стало являться окончаніе *ше*: Милятино Ев. 1215 г.: птица небесныя позобаше ꙗ 87 об.; новгородское Ев. XIII в. Публ. Библ. F. 8: придоша и позобаше 1 об.; Ев. 1317 г.: позобаше 37, 78; новгородская грамота 1372 г.: повелѣше, послаше; Ев. 1393 г.: яше; Новгородская лѣт. XIV в.: въсажаше 24, видѣше 130; Лаврентьевск. сп. лѣт.: повѣдаше 81, стояше 222, цѣловаше 407; новгородская грамота 1448—1454 г.: се пожаловаше посадникъ и вси старыи посадники, Ак. Арх. Э. I, 32; зап.-русская Четья 1489 г.: мнози послушаше ее; у Скорины формы на *ше* очень часты: сопротивишеса, молишеса, збегошеса (при подлежащихъ во мн. ч.).—Затѣмъ, мы видимъ употребленіе формъ аориста 3-го л. ед. и мн. съ окончаніями того же лица имперфекта; Ев. 1339 г.: приведуху 88 об.; новгородск. Ев. XIV в. Рум. М. № 434: исцѣлихуса 68; псковское Лукино Ев. 1409 г.: придоху; Скорина: служи тешиху єго, поклонихуса, взяху, ходиху, и т. п.; двинская грамота XIV—XV в.: ту грамоту посадникъ подраше, Ак. Юр. 270. Срв. въ Ев. 1354 г.: жены баше (=бяху) пришли 143 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже с нимъ баше чюдисяша 81, дѣщи ѿму бѣ и та умроша, жена приступиша сзади коснуса 90 об.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ркоша яко Кии *єсть* перевозникъ *бысть* 5 (Лаврентьевск. сп.: *єсть* былъ), тотъ *єсє* погубохомъ 399 (то же въ сходныхъ съ Ипатскимъ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ XV в.), *бѣ* възложи 93 (Лавр. сп.: възложилъ).—Въ нѣкоторыхъ сѣверо-русскихъ памятникахъ XIV—XVI вв. мы находимъ смѣшеніе формъ 3-го л. ед. аориста съ формами настоящ. вр., такъ что формы аориста являются съ окончаніемъ *тъ*; Ев. 1339 г.: възложи на ня рудѣ и отыдетъ 57 об.; Ев. 1355 г.: Илья придетъ и створиша ѿму ѿлико хотѣша 89, не знаяше дондеже родить сынъ свои первенѣцъ 162 об.; Ев. 1358 г.: Илья придетъ и створиша ѿму ѿлико хотѣша 123; Ев. 1393 г.: посла воя своя... градъ ихъ зажьжетъ 69 об., онъ утвердитъ лице свое 91 об.; 2-ая Новгородская лѣт. по сп. XVII в.: посла... а самъ идетъ, воздвижетъ, и т. п.; срв. въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: тыи села досташетца, Ак. Юр. 273; въ псковскомъ Прологѣ 1425 г.: се купишеть книги сия староста и игу-

мень и вси чернцы. Формы аориста на *ху* и на *тъ*, вѣроятно, принадлежать книжному языку; сомнительно, чтобы онѣ когда-нибудь существовали въ живомъ говорѣ. Памятники поздніе, XVI и XVII вв., нерѣдко имѣютъ совершенно неправильное употребленіе формъ имперфекта и аориста: формы, напримѣръ, 1-го л. употребляются вмѣсто формъ 2-го, формы единств. числа вмѣсто формъ множ. и т. п.; въ 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: садъ весь изгорѣша, овому тима изгорѣша, а иному чрево погорѣша, иные въ воде потопаше 65; у Котошихина: Иванъ Грозный сына своего смири на оный свѣтъ, пробиша его осномъ своимъ; въ Житіи преп. Адриана Пошехонскаго XVII в.: преподобный учинихъ себѣ хижицу, князи и бояре подавахъ имъ милостыня, мучители одѣлихъ ужемъ и влечаху, разбойницы выграбихъ имѣніе, мучители рече, нача старосты (имен.) вопрошати и т. п. (по сп. Ундольскаго № 1308); въ Житіи Геннадія Костромскаго конца XVI в.: мы на конехъ яздыху, а онъ никакоже требоваху, старецъ сотвори хъ молитву и т. п. (по сп. Синод. Библ. № 929); въ послѣсловіи къ печатн. московск. Апостолу 1644 г.: мы слухи наши отвратиша. Одинъ случай такого употребленія найденъ нами въ Ев. 1393 г.: послании обрѣтохъ болящаго раба ицѣливша 93. Приведенныя формы показываютъ, что въ XVI—XVII вв. формы имперфекта и аориста уже перестали быть понятными даже для русскихъ грамотеевъ.

Нѣкоторое количество формъ потеряно *будущимъ сложнымъ*. Будущее сложное въ древне-русскомъ языкѣ состояло изъ неопредѣленнаго склоненія глагола и формы настоящаго времени *буду*, или *иму*, или *хочу*, или *начну* (*почну*).

Формы изъ неопредѣленнаго склоненія и *буду* были особенно распространены и встрѣчаются такъ же часто въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ и въ современномъ языкѣ.—Формы съ глаголомъ *иму* встрѣчаются довольно часто въ старыхъ памятникахъ, какъ въ сѣверно-русскихъ, такъ и въ западно- и южно-русскихъ,—въ лѣтописяхъ, житіяхъ, грамотахъ и т. п.; такъ, мы читаемъ въ Житіи Θεодосія Печ. по сп. XII в.: не *имуть* ти *створити* 19 об.; въ рижской грамотѣ ок. 1284 г.: аже *иметь* *жялобитися* насъ кто; въ духовной Ивана Калиты: а ци *имуть* *искати* татарове; въ духовной Семена Гордаго: хто сю грамоту *иметь* *рушити*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: а ци по грѣхомъ *имуть* изъ орды *искати*

Коломны; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: не *имамъ* уже *царствовати*; въ двинской рядной XIV—XV в.: кто *иметь наступати*, Ак. Юр. 271. Вслѣдствіе своего широкаго распространенія въ древности, формы буд. вр. съ *иму* сохранились въ остаткахъ до настоящаго времени. Въ вологодскомъ, костромскомъ и ярославскомъ говорахъ великорусскаго нарѣчія мы слышимъ: *иму дѣлать, нему дѣлать* и т. п. Сходныя формы существуютъ и въ малорусскихъ говорахъ: украинск. *му їти, співати му, робити му* и т. п.—Формъ изъ неопредѣленнаго накл. и *хочу* (однородныхъ съ южно-славянскими) было меньше; въ грамотахъ мы ихъ почти не встрѣчаемъ (грамота рижанъ ок. 1300 г.: мы *хочомъ* Богу жаловатися); но въ Несторовой и Кіевской лѣтописяхъ они нерѣдки: *благословити* ты *хотѣти* сынове рустии (Ипатск., Радзивиловск., Академическ. сп.: *имуть*), како азъ *хочу* инъ законъ *пріяти* единъ (=какъ я приму); аще убью брата моего, *имѣти* ты *хочю* во отца мѣсто; еда ли топерво *хочеть быти* се, и т. п. (Лаврентьевск. сп.); како я *хочю молвити*, а на мя *хотѣти молвити* твоя дружина; сде ли *хочемъ стояти*,... паки ли *хочемъ* сде *перестояти*, а се Володимеръ за нами (Ипатск. сп. 191, 287). Въ настоящее время формы буд. вр. съ глаголомъ *хочу* въ русскомъ языкѣ уже неизвѣстны.—Формы съ *начну* были, кажется, сравнительно рѣдки: Мстиславова грамота 1130 г.: даже который князь *почнетъ хотѣти* отяти (=захочеть); Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: а что будетъ съ нимъ погыбло, то же ѣму *начнетъ платити* 7 (=заплатить); Лаврентьевскій сп. лѣт.: аще ты познаеши и *радоватися* почнешь, дружина *смѣятися начнутъ* 62. Современный языкъ не знаетъ употребленія *начну* какъ вспомогательнаго глагола, и формы буд. вр. въ родѣ приведенныхъ въ немъ уже не существуютъ.

Сверхъ этихъ формъ, русскій языкъ утратилъ всѣ глагольныя формы *двойственнаго числа*. Въ древне-русскомъ яз. формы двойств. ч. глагола употреблялись или тогда, когда подлежащее было въ формѣ дв. ч., или когда было два подлежащихъ, каждое въ ед. ч.: отць и мати сына своего *плакастася*; Никонъ и другии чьрньць *отъидоста* (Житіе Θεодосія Печ. по сп. XII в.); рече Редедя къ Мьстиславу: что ради *убивь* дружину, *сидеть* ся сама бороть; Всеволодь и Мстиславъ *стояста* и *познаста* брата своего; брате, поѣди Ростову, а оттолѣ миръ *взьметъ*. (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Но

уже съ XIII в. мы встрѣчаемъ, при подлежащемъ въ дв. или при двухъ подлежащихъ въ ед. ч.,—сказуемое во множ. числѣ; такъ, въ смоленской грамотѣ 1229 г.: та два была... *и҃хали*; въ записи Ев. 1355 г. два писца говорятъ о себѣ: аще *будемъ* грубо написали; въ Ев. 1358 г.: двѣ птицѣ *продаются* 58 об., та (Іаковъ и Іо.) *готоваша* 64 об., *бѣаша* отягченѣ очи 149; въ Служебникѣ 1380 г. Воскресенск. монаст.: *пойдутъ* оба брата 47; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: не *суть* два 21 об., *послаша* сестрѣ (имен.) 47; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *разомдошася* обѣ слободѣ, и т. п.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *вѣ ся* сами *вѣдамы* 271, и т. п. Срв. въ новгородск Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: по немъ *идоста* народи мнози 16. Въ настоящее время формы дв. ч. не существуютъ въ достовѣрныхъ остаткахъ.

Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго. Формы прошедшаго сложнаго нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго, такъ называемаго спрягаемаго (на *мв*), и вспомогательнаго глагола *есмь*. Первоначально вспомогательный глаголъ измѣнялся правильно по лицамъ и числамъ; но очень рано формы 3-го л. всѣхъ чиселъ прошедшаго сложнаго стали употребляться безъ него, такъ какъ въ немъ не чувствовалось особенной надобности. Формы безъ вспомогательнаго глагола мы встрѣчаемъ въ церковно-славянскомъ яз., напри-мѣръ, въ Супрасльской рукописи: показа добляя мати яко учениими блага *вѣры* *вскрѣмила* (безъ *и҃стѣ*); *васъ* не землѣ *покрыла* ни небо *приатъ* (безъ *и҃стѣ*). Они нѣрѣдки въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (между прочимъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.), такъ и въ грамотахъ, записяхъ и т. п.: надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду (безъ *естъ*); запись Юрьевского Ев. ок. 1120 г.: Угриньць *псалъ*; смоленская грамота 1229 г.: коли Альбрахтъ владыка ризкии *умѣрлъ*, *удумалъ* князь (*н=в*) смольнескыи, *прислалъ*, та два *была* у Ризѣ, изъ Ригы *и҃хали*. Послѣдняя грамота заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго 3 л. безъ вспомогательнаго глагола, и въ ней нѣтъ ни одной формы со вспомогательнымъ глаголомъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ памятникахъ: въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: тому за нь платити кто и *изетялъ* (изрубилъ; *е=в*); въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: что ся *учинило* тяже; въ Ла-

вренѣвскомъ сп. лѣт.: се нашъ *достъмъ*, что ради вѣче *было*, отецъ ти *умръмъ*, бысть сѣча зла яка же не *была* въ Руси, въ се же лѣто Всеславъ рать *почалъ*, се половци *росумися* по земли.

Рядомъ съ формами 3-го л. прошедшаго сложнаго безъ вспомогательнаго глагола, мы обыкновенно находимъ въ старыхъ памяткахъ формы 1-го и 2-го л. со вспомогательнымъ глаголомъ; такъ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г. мы читаемъ: которыхъ дворець *въпросили* ваша братья послѣ (безъ *суть*), а тѣхъ ся *късмь отступили*; на чемъ *цъловали* отци ваши и наши крестъ (безъ *суть*)...; иноу грамоты у насъ нѣтуть ни *потаили* *късмь*; въ духовной Климента XIII в.: *далъ* *късмь*, *взялъ* *късмь*; не *было* у мене брата ни сыну (безъ *естъ*); въ смоленской грамотѣ 1284 г.: *судилъ* *есмь*, *выдалъ* *есмь*; ту *были* бояре, отъ немецъ *были* на суде, *искали* колокола (безъ *суть*), печатникъ *печаталъ*, писецъ князь *псалъ* (безъ *естъ*); въ новгородской грамотѣ ок. 1294 г.: *късте присылали*; князь великий *послалъ* к вамо (о=ъ) сына (безъ *естъ*). Такого рода двойное употребленіе формъ прошедшаго сложнаго не могло долго продолжаться: формы 3-го л. оказали вліяніе на формы 1-го и 2-го л., и послѣднія также стали превращаться въ неполныя формы, т. е. употребляться, подобно формамъ 3-го л., безъ вспомогательнаго глагола. Этому много способствовало развившееся употребленіе личныхъ мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго.

Если мы обратимъ вниманіе на употребленіе личныхъ мѣстоименій въ другихъ языкахъ, то замѣтимъ, что въ языкахъ латинскомъ и греческомъ они употребляются сравнительно рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ, напримѣръ, во французскомъ. То же, что въ латинскомъ и греческомъ, мы видимъ и въ церковно-славянскомъ, и въ древнерусскомъ языкахъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, въ большей части случаевъ, личные мѣстоименія отсутствуютъ; такъ, въ Житіи Θεодосія Печ. по сп. XII в. мы читаемъ: аще хочещи видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ (безъ *ты*); много си жалю *къго* ради (безъ *я*); глагола *къи* яко много молихы и (безъ *я*); аще хочещи видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ и тако приходящи сѣмо видиши мя (безъ *ты*); въ Словѣ о полку игоревѣ: оба есѣ Святъ-славлича. Въ грамотахъ и лѣтописяхъ XII—XIV вв. то же отсутствіе личныхъ мѣстоименій: въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: можещи ся с нимъ бороти; по что губите себе, коли можете

престояти насъ, аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ, имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; се уже хочемъ поморети; можемъ главы своя сложити за тя; хочемъ ся еще бити; печенѣзи мняще, яко предатися хотять, и т. п. Употребленіе личныхъ мѣстоименій 1-го, 2-го, 3-го л. наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ (срв. латинскій и греческій яз.); Житіе Θεодосія Печ.: мати его съповѣда единому отъ братія, азъ же отъ него вся си слышавъ....; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: оже кто възидеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнетъ запитрати 10; Лаврентьевскій сп. лѣт.: азъ Бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши, и радоватися почнешь; аще *вы* сего укора не жаль, азъ единъ погыну; аще одолѣши ты, то возмеша имѣнне мое, аще ли азъ одолѣю, то възму твое; мы ся доискахомъ саблями, а *сихъ* оружье мечь; *вы* есте братья единого отца. Сверхъ случаевъ въ родѣ приведенныхъ, мѣстоименія 1-го и 2-го л. нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе: запись Юрьевского Ев. ок. 1120 г.: азъ грѣшныи Θεодоръ напсахъ; запись Мстиславова Ев.: азъ грѣшныи рабъ написахъ, азъ рабъ божи... съписахъ; Мстиславова грамота 1130 г.: се азъ Мстиславъ повелѣлъ ѣсмь; а се я Всеволодъ далъ ѣсмь; ты игумене и *вы* братиѣ молити; однако въ припискѣ 1116 г. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: игумень Силивестръ написахъ книги си. Но иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личные мѣстоименія стоятъ какъ бы безъ всякой надобности; такъ, въ Мстиславова грамотѣ мы читаемъ: *вы* дължны ѣсте молити Бога: въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: аже не отложишь лишнего дѣла, мы хочомъ Богу жяловатися; мы свое обиды не положимъ; ныне мы ся тебе молимъ, и т. п.

Такое употребленіе личныхъ мѣстоименій способствовало тому, что формы прошедшаго сложнаго стали терять вспомогательный глаголь и въ 1-мъ и во 2-мъ л., причемъ отсутствіе вспомогательнаго глагола восполнялось личнымъ мѣстоименіемъ; такъ, въ Пандектахъ Антиоха XI в. мы читаемъ: ты ослабилъся, а она вѣсьмялася 43 об.; въ Мстиславова грамотѣ: азъ далъ рукою своею (безъ *еси, ѣсмь*); въ припискѣ XII—XIII в. въ Уставѣ церковн. Син. Библ. № 330: азъ былъ на низу; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: мы ваше братие не обидѣли ни грабили (безъ *ѣсмь*); ты его

товарь *узял* (безъ *еси*); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велъ* продати; въ Лаврентьевскомъ сп. глѣт.: *азъ* мѣстила уже обиду; *ты* ему добра *хотъ*, и т. п. Рядомъ съ формами безъ *еси*, но съ *ты*, мы находимъ въ только что упомянутой грамотѣ рижанъ довольно значительное количество случаевъ употребленія полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, т.-е. съ *еси*, но безъ *ты*.

По мѣрѣ того, какъ употребленіе личныхъ мѣстоименій все увеличивалось,—уменьшалась потребность въ употребленіи полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, и наконецъ эти формы были совершенно вытѣснены изъ живого говора. Мы не имѣемъ возможности опредѣлять съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ грамотахъ XVI—XVII вв. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го л. нерѣдко; такъ, во вкладной 1567 г. мы читаемъ: *далъ еси*; въ новгородскихъ грамотахъ 1577 г.: *дали еси*; 1579 г.: *продалъ еси*; 1614 г.: *выручили еси*; въ Домостроѣ по сп. XVI в.: *ночевала еси*, а тамо *еси* и не *постыла* 75; въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ: *изволили еси* 178; въ Ев. Тяпинскаго: пять талантовъ *мі еси поручилъ*; *жнешь*, где не *сеешь еси*, и *збираешь*, куды не *розсыпалъ еси*.

Впрочемъ современный языкъ сохраняетъ скудные остатки старыхъ полныхъ формъ прошедшаго сложнаго; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ языкѣ пѣсенъ какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на югѣ.

Исторія формъ давнопрошедшаго. Эти формы, какъ указано выше (стр. 164), являются въ памятникахъ въ двухъ видахъ. Формы перваго вида, въ составъ которыхъ входилъ имперфектъ или аористъ вспомогательнаго глагола, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ имперфектомъ и аористомъ; формы же втораго вида сохранялись довольно долго, и, напримѣръ, въ зап.-русск. Страстяхъ Господнихъ XV в. и въ Библии Скорины мы видимъ употребленіе ихъ вполне правильное; Страсти: чули есмо ангелы говорячо къ жонамъ, которые *пришли были* до гробу; найденъ Юсефъ естъ, котораго *замкнули были*; Скорина: *насадилъ былъ* Богъ рай = въ латинскомъ текстѣ: *plantaverat paradisum*; Аманъ *пришелъ былъ* предъ палату = въ латинскомъ текстѣ: *Aman intraverat*; розгневалися суть на Сихема, яко срамоту *былъ учинилъ* Израилеви, и т. п. То же въ московской грамотѣ 1455—1462 г.: *язъ велъ*

был ихъ судити... а ноничя есми ихъ пожаловаль (Ак. Калач. I, 103); въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: которые еретикы *были* покаленися,... всѣ сбѣжали (Р. Истор. Библ., VI, 768); въ грамотѣ 1504 г.: мы *пошли* *были* тѣхъ потесовъ класти, доколѣ грамоты не привезли; въ грамотѣ 1525 г.: Якушъ у поля *сталъ* *был* да отъ поля сбѣжалъ (Ак. Юр. 22, 35); въ грамотѣ 1592 г.: князь *пожаловалъ* *был* судью Филипа, и Филипа въ тѣ поры въ животѣ не стало (Ак. Оед.-Чех. I, 59); въ Исторіи Курбскаго: что ихъ *было* *осталося*, тѣ покорипася; въ Царственной книгѣ XVI—XVII в.: татарове *были* по лѣсу *розбежалися* (печ. изд. 568); въ московской разрядной книгѣ 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др., III, 3): козаки *были* на службу *пошли*, а нынѣ *воротилися*; въ печатной Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: когда Люциферъ вознестися похотѣлъ, ему же не *довелося* *было*, и онъ дѣяволомъ за то учиненъ. Кое-какіе остатки этихъ формъ существуютъ даже и теперь, въ современныхъ говорахъ, съ значеніемъ простого прошедшаго; такъ, въ сказкахъ мы находимъ: *жилъ* *был*; въ онежскихъ былинахъ: эти королю *были* рѣчи не *понравилися*; никого не *наглядѣлъ* тутъ *был*. Повидимому, современные великор. онъ *было* *пошелъ*, одинъ *было* проходій камень *взял* и т. п. также восходятъ къ формамъ давно-прошедшаго; во всякомъ случаѣ стоитъ отмѣтить въ Космографіи Бѣльскаго 1670 г.: Иуда въ тѣ поры какъ Иосіеа продали, *отшвелъ* *было* отъ братіи и *понялъ* жену 46, и у Кантемира: еще не *обтдалъ* *было* народъ, а улица тѣсна была (I, 104).

Исторія формъ сослагательнаго наклоненія. Эти формы нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *быхъ*. Ихъ мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: *аж быхъмъ* что тако *учинили*, *аж бы* миръ твердъ *былъ*, *аж бы* *нахълелъ* правду (смоленская грамота 1229 г.), а *бысте* *пустили* жито (полоцкая грамота ок. 1300 г.), то есть тебе достойно *аж бы* тые люди *казнилъ*, какъ то *бышь* инни людье *боялися*, кто лихую думу *подъдаваесть*; *аж бы* ты у своемъ словѣ *стоялъ*, а нашу братику *проводилъ* *бы*, мы *быхомъ* не *поминали* того коня (грамота рижанъ ок. 1300 г.). Здѣсь формы сослагательнаго накл. употреблены вполне правильно: *аж быхъмъ учинили*—правильная форма 1-го л. множ.; *аж бы былъ*—правильная форма 3-го л. ед.; *бысте* *пустили*—правильная форма 2-го л. мн. Подобныя древнія формы постоянно встрѣчаются въ

большей части памятниковъ до XIV в. включительно; рядомъ съ ними, въ меньшей части тѣхъ же памятниковъ, изрѣдка являются новыя формы, состоящія изъ разныхъ формъ причастія на *мъ* и изъ *бы*—формы 2-го и 3-го л. ед. ч., утратившей свое первоначальное значеніе формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и сдѣлавшейся частицею, которая стала указывать на условность. Послѣдніи получились вслѣдствіе того, что формы причастія на *мъ* уже въ множествѣ случаевъ приняли значеніе глагольныхъ формъ прошедшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ древнія формы сослагательнаго наклоненія съ *бы* стали пониматься какъ формы прошедшаго сложнаго въ сложеніи съ частицею *бы*. Первые памятники, въ которыхъ мы встрѣчаемъ частицу *бы*, относятся къ XIII—XIV в.: Милятино Ев. 1215 г.: *аще бы въ Турѣ быша силы былы* 22; Ев. 1339 г.: *аще бы мя бысте вѣдали* 16, *аще бы слѣпи были* 20 об., *аще бы в Туре быша силы былы* 99; духовная Семена Гордаго: *лихихъ бы есте людии не слушали, слушали бы есте отца нашего владыки*; Ев. 1354 г.: *аще Богъ отецъ вашъ бы былъ любили бы мя есте* 16,—*любили бы мя бысте* 18; Ев. 1358 г.: *грѣха бы не быша имѣли* 13 об., 179, 179 об.; Ев. до 1362 г.: *аще мя бысте знали, знали бы бысте и отца* 122 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *въ дне бы есте пришли* 191; Ев. 1399 г.: *аще бы вы слѣпи были* 13, *аще бы въ Турѣ быша силы былы бы бывшая въ ваю* 75; Мстижское Ев. XIV в.: *аще бы бысте вѣры имали* 8, *аще быхъ не бы имъ дѣлъ створилъ* 10 об., *аще не бы прекратилися дни ты* 55 об., *аще бы ся не прекратили дни тѣ* 71 об.; Ипатскій сп. лѣт.: *вы бы есте повѣдалѣ* 440. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ въ составъ формы сослагательнаго наклоненія входитъ полная форма прошедшаго сложнаго: *лихихъ бы есте людии не слушали*. Въ памятникахъ болѣе позднихъ мы видимъ употребленіе и тѣхъ и другихъ формъ: такъ, въ грамотѣ Витовта 1427 г. мы встрѣчаемъ правильныя формы: *коли быхомъ хотѣли...* или *кому быхомъ призволили*; въ Библии Скорины: *да быхомъ ходили, а быхъ позналъ*; но у Скорины рядомъ и неправильныя: *да бы горели светила, а бы были выбавени люди, сложили бы есте*. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ правильныя формы сослагательнаго наклоненія существуютъ и до сихъ поръ, но въ массѣ другихъ говоровъ они исчезли, и на мѣстѣ ихъ мы находимъ формы прошедшаго сложнаго съ частицею *бы*. Послѣдняя часто является

въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ различными союзами, что ее можно считать составною частью союзовъ; таковы союзы *чтобы, дабы, абы*. Употребленіе ихъ замѣчается уже въ памятникахъ XIV и XV вв.; въ духовной Семена Гордаго: пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родители нашихъ и наша; въ грамотѣ Кей-стута послѣ 1341 г.: *абы* вамъ не заказали; въ молдавской грамотѣ 1388 г.: просимъ, *штобы* есте учинили; въ зап.-русск. Страстяхъ Госп. XV в.: *штобы* есте не отнимали; въ Повѣсти объ Акирѣ по сп. XV в.: уне есть женѣ, *дабы* свой сынъ умерлъ бы, нѣли дабы ей чюжь кормити (срв. моливъ, а *быша* проводили, Новгородская лѣт. 324; про то же названъ Покровъ праздникъ, *што быломъ* знали, Четья 1489 г. 52; того дѣля, *что быша* познали, Ипатскій сп. лѣт. 433).

Кромѣ сложныхъ формъ сослагательнаго наклоненія, древне-русскій языкъ имѣлъ форму 3-го л. ед. этого наклоненія *бы*, безъ формъ причастія, съ значеніемъ было бы: оже *бы* ми баба жива (приписка писца въ Прологѣ XIV в. Син. Биб. № 239), аще *бы* перевозникъ Киѣ, то не *бы* ходилъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Эта форма сохранилась до нашего времени: хорошо *бы* это сдѣлать, и т. п.

Исторія формъ будущаго совершеннаго. Формы будущаго совершеннаго (*futurum exactum*), состоявшія изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *буду*, мы находимъ въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: кто *будеть началъ*, тому платити; аже кто *познаеть* свое, что *будеть погубилъ*, а что *будеть* съ нимъ *погубило*, то же ѣму начнетъ платити, и т. п.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *будуть* тебе люде тую думу *подъдали*, тотъ не у честь тебе дали; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: аще где *буду изрубилъ*, запись; въ духовной Семена Гордаго: что *буду судилъ*, а того вы не восчинаите; кого *буду прикупилъ* или хто ми *ся буде* въ винѣ *досталъ* или хто *ся будетъ* у тѣхъ людеи *земилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ даль ѣсмь волю; въ Ев. 1355 г.: аще *будемъ* грубо *написали*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: аще ли *взялъ будетъ*, елико *далъ будетъ* на немъ; въ посланіи новгородск. архіеп. Геннадія 1489 г.: моглъ бы еси крѣпость свою *нодръжали*, за что *будешь оставилъ* архіепископю; въ грамотѣ 1525 г.: что *будешь слышелъ*, и ты то сказывай прямо, Ак. Арх. Э. I, 144. Съ теченіемъ времени, когда формы причастія на *лъ* уже во множествѣ случаевъ приняли зна-

ченіе глагольныхъ формъ прошедшаго времени, древнія формы будущаго совершеннаго стали исчезать какъ отдѣльныя глагольныя образования, и ихъ составная часть—формы *буду*, *будешь* и т. д.—замѣнилась формою 3-го л. ед. *буде* или *будетъ*, которая стала употребляться какъ союзъ, съ значеніемъ *если*. Таково употребленіе формы *будетъ* хотя бы въ грамотѣ 1579 г.: а чево *будетъ* (я) забыла (прош. вр.) написати, и въ томъ вѣдаетъ Богъ, Ак. Оед.-Чех. I, 216, или въ грамотѣ 1615 г.: а *будетъ* мы учнемъ (будущ. вр.); таково же употребленіе *буде*, *будетъ* въ современныхъ великорусскихъ говорахъ.

Для исторіи формъ будущаго совершеннаго любопытны слѣдующія данныя: еще *буду* гдѣ *описался есмь* (запись Уваровск. Псалтыри 1526 г.; почти то же въ записи Софійск. Миней 1438 г.); еже въ чемъ *буду описался* или *преступилъ* (запись Толков. Ев. 1464 г. Общ. др. письм.; почти то же въ записи Троицк. Златоуста 1557 г.); где *буду погрѣшилъ* (вкладная м-та Макарія въ іюл. книгъ Четьихъ-Миней).

Исторія формъ настоящаго времени. Формы настоящаго времени (съ значеніемъ какъ настоящаго, такъ и будущаго врем.) въ древности имѣли три ряда окончаній: 1) *мь*, *си*, *сть...*, 2) *у* (*ю*), *ишь*, *еть...*, 3) *ю*, *ишь*, *ить...*

Формъ съ окончаніями перваго ряда было мало и прежде, а въ настоящее время они сохраняются въ еще меньшемъ количествѣ: великорусск. (московск.): *дамъ*, *пмъ*, *дасть*, *псть*, *есть*, *всть*, *дадутъ*, *пдутъ*; бѣлор. *дамъ*, *пмъ*, *дасі*, *есі*, *дасть*, *ѣсть* (=есть), *дамó*, *пмó*, *дастѣ*, *пстѣ*, *дадутъ*, *пдутъ*; малор. *дамъ*, *јімъ*, *вімъ*, *дасі*, *јісі*, *вісі*, *есі*, *дасть*, *јість*, *вість*, *дамó*, *јімó*, *вімó*, *дастѣ*, *јістѣ*, *вістѣ*, *дадутъ*, *јідать*, *відать*. Кромѣ того, великорусскія пѣсни удерживаютъ формы *есі*, *естѣ*, и въ разныхъ великорусскихъ говорахъ сохранились формы 2-го л. *дасі*, *псі*, *есі*.

Мѣсто нѣкоторыхъ древнихъ формъ настоящ. врем. глаголовъ *дамъ* и *пмъ* теперь занято соответствующими формами повелительнаго-желательнаго наклоненія съ значеніемъ настоящ. врем. Великорусск. *дашь*, *ѣшь*, малор. *дашь*, *јішь*—не что иное какъ формы 2-го л. ед. повелительн.-желательнаго накл., звучавшія въ древнее время *дажъ*, *ѣжъ*. Само собою разумѣется, причиною измѣненія въ значеніи этихъ формъ послужила фонетическая близость или гожество окончаній *жъ* и *шь*. Точно также великорусскія и бѣлорусскія

формы 1-го и 2-го л. мн. *дадимъ*, *ѣдимъ*, *дадите*, *ѣдите*—собственно формы повелительнаго-желательнаго накл., получившія значеніе изъявит. накл. настоящ. врем. потому, что ихъ окончанія тождественны съ окончаніями формъ 1-го и 2-го л. мн. въ родѣ *бранимъ*, *браните*. Появленіе формъ повелит.-желат. накл. въ значеніи настоящ. врем. относится приблизительно къ XIV в.; по крайней мѣрѣ мы знаемъ три такихъ формы—одну въ Псалтыри XIV в. Публ. Библ. Г. 4: до избытка *ѣши* 5, гдѣ окончаніе *ши* (вм. *шь*) явилось, конечно, вслѣдствіе того, что писецъ хотѣлъ дать русской формѣ церковно-славянскую окраску, двѣ другія (обѣ въ условныхъ предложеніяхъ) въ Новгородской лѣт.: или не *выдадите*, язъ вамъ не князь 267, и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: оже мы *дадимъ* снмъ животь 380 (Хлѣбниковскій и Погодинскій списки здѣсь имѣютъ: *дамы*). Срв. стр. 254.

Рядомъ съ древнею формою 2-го л. ед. настоящ. врем. *хочешь* теперь употребляются формы *хочь* и *хошь*. Первая широко распространена въ великорусскихъ говорахъ и постоянно употребляется въ говорахъ малорусскихъ: живи, коли *хочь* (Кохановская); чи не *хочь* по чарці; коли не *хочь* обідать, такъ...; що *хочь* роби (Квитка); вторая, происшедшая изъ первой подъ вліяніемъ формъ 2-го л. на *шь*, извѣстна только въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ московскомъ; она не отличается большою древностью и мы можемъ указать ее только въ 1-й Новгородской лѣт. по сп. Археографич. Комиссіи XV в.: *хошь*, и ты поѣди, а не въсхошь, ино какъ тебѣ любо 421; памятники XVII в. (между прочимъ Книга о ратномъ строеніи 1647 г.) имѣютъ ее часто. Должно замѣтить, что соотвѣтствующая нашей *хочь* церк.-слав. форма *хошти* (съ *и*, какъ въ повелит. *дажди* и т. п.) также не рѣдко употребляется съ значеніемъ настоящ. врем. (между прочимъ въ Румянц. Лѣствицѣ XII в. 30 об.).

Окончанія настоящ. врем. *у* (*ю*), *ешь*, *еть*..., *ю*, *ишь*, *ить*... сохранились почти вполнѣ, и только въ акающихъ говорахъ, тамъ, гдѣ эти окончанія не имѣютъ на себѣ ударенія, произошло смѣшеніе одного спряженія съ другимъ; такимъ образомъ мы теперь произносимъ, напримѣръ, формы 2-го л. ед. 1-го спряженія (безъ ударенія на концѣ) тождественно съ формами того же лица 2-го спряженія: *встанешь* одинаково съ *любишь*, и т. п.; формы 3-го л.

мн. глаголовъ 2-го спряженія теперь у насъ обыкновенно звучать какъ формы 1-го спряженія: *любятъ*, *смотрятъ*, одинаково съ *пишутъ*. Въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ нерѣдки случаи перехода окончанія 3-го л. ед. глаголовъ 1-го спряженія во 2-ое спряженіе: *гоне, лове*, и т. п.

Къ числу слѣдствій смѣшенія одного спряженія съ другимъ не слѣдуетъ относить такихъ двоякихъ формъ, какъ *бѣгу*, *бѣгутъ* (1-е спряженіе), *бѣжишь*, *бѣжитъ*, *бѣжатъ* Сл. о п. игор. (2-е спр.); *хочу*, *хочешь*, *хочетъ*, *хочемъ*, *хочете* (1 е спр.), *хотимъ*, *хотите*, *хотятъ* (2-е спр.); *чту*, *чтутъ* (1-е спр.), *чтишь* (изъ чѣстишь), *чтитъ*, *чтимъ*, *чтите*, *чтятъ* (2-е спр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ формъ двухъ спряженій, которыя нѣкогда существовали въ языкѣ во всей своей полнотѣ и употреблялись безразлично, съ одинаковымъ значеніемъ (срв. выше, стр. 108). По всей вѣроятности, къ числу глаголовъ, имѣвшихъ прежде два спряженія, относится и глаголь *дышу*: въ древнемъ языкѣ онъ измѣняется преимущественно по 1-му спряженію: *дышешь*, *дышутъ* (однако въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: *дышитъ*, *дышатъ*, *дышащю* и т. п.), тогда какъ въ языкѣ поэтовъ XVIII в. онъ можетъ имѣть формы по 2-му спряженію: *дышатъ*, В. Майковъ; *дышатъ*, Державинъ.

Сверхъ этихъ явленій, въ исторіи формъ настоящ. врем. можно отмѣтить нѣсколько случаевъ вліянія однихъ формъ одного и того же спряженія на другія, а также вліянія на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія прошедшаго. Формы 1-го л. ед. и 3-го л. мн. повліяли на другія формы въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный въ этихъ формахъ былъ отличенъ отъ согласнаго въ формахъ 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го л. мн.; образовавшіяся такимъ образомъ новыя формы нерѣдки въ великорусскихъ говорахъ (между прочимъ, въ московскомъ) и встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ; въ нихъ, напримѣръ, при *пеку*, *пекутъ* слышится *пекешь*, *пекётъ* и т. д. Наоборотъ, формы 1-го ед. и 3-го л. мн. въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытали на себѣ вліяніе другихъ формъ; вслѣдствіе этого, напримѣръ, при *можешь*, *можемъ* получились формы 1-го ед. *можу*, 3-го мн. *можутъ*, распространенныя въ малорусскихъ говорахъ и не чуждыя также бѣлорусскимъ.—Вліяніе на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія мы

находимъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ; такъ, въ древнемъ языкѣ, при неопредѣл. накл. плыти, слыти, дуги (церк.-слав. джти), были формы настоящ. врем. плыу, слову, дѣму; рядомъ съ ними, вслѣдствіе вліянія неопредѣл. накл. и причастія, образовались новыя формы настоящ. врем., господствующія теперь въ великорусскомъ нарѣчій: слыву, плыву, дую (бѣлорусск. дму, дмешь); они извѣстны съ XVI в. (Познанскій сборникъ: слыветь, слывуть).

Далѣе, въ исторіи формъ настоящ. врем. мы можемъ остановиться на судьбѣ формъ 3-го л. ед. и мн. Въ древне-русскомъ языкѣ 3-е л. ед. и мн. или имѣло окончаніе *тъ*, или было безъ этого окончанія: *будеть* и *буде*, *будуть* и *буду*; но формы съ *тъ* преобладали надъ формами безъ *тъ*. Послѣднія въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко; но мы читаемъ въ записи Остромирова Ев.: напише; въ записи Минеи 1095 г.: обряще; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: вѣдае; въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: ѣ, бже, нарицае, бывае, боли, су, и т. п. Само собою разумѣется, формы безъ *тъ* Святославова Сборника и другихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, если не всѣ, то многія,—могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковно-славянскому языку. Въ болѣе позднихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ подобныя формы встрѣчаются, но сравнительно рѣдко (между прочимъ въ новгородской грамотѣ 1315 г.: понду, множ.); въ галицко-волынскихъ памятникахъ они болѣе часты (особенно 3-го л. ед.); такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: ѣ, приходи, достои, су, иму; въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в.: ѣ, буде, купи, прося, вѣсхытя. Формы на *тъ* сохранились во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ въ части великорусскихъ говоровъ ихъ конечный согласный отвердѣлъ (см. выше, стр. 117), а въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ мягкое *т* перешло въ *ц*. Формы безъ *тъ* встрѣчаются также во всемъ русскомъ языкѣ; въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ формы ед. ч. безъ *тъ*, на *е*, очень часты: *несе*, *буде* и т. п. (но *несетца*, *любитъ*, *будуть*); то же можно сказать о юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Литературный языкъ почти не знаетъ формъ безъ *тъ*; нѣсколько находящихся въ немъ глагольныхъ формъ безъ *тъ* какъ-бы утратили свое глагольное значеніе: *нѣту*—нѣсть ту (часто и въ старыхъ памятникахъ), *нѣльзя* (старое *нѣ-льзѣ*)—нѣсть льзѣ,

нѣ-чего, *нѣ*-кого, *нѣ*-чему, *нѣ*-кому (Новгородская лѣт. 256: *нѣ*-чимъ)=нѣтъ ничего и т. д., *нѣ*-што=развѣ, если (договоръ короля Казимира 1483 г.: а *нѣ*што што Богъ измыслитъ, ино имъ... Ак. З. Р. I, № 80; срв. съ *нѣ* въ *нѣ*што—*есть* въ *если*), *буде*=будеть, если, *де* изъ *дѣ*и=дѣиеть, 3-е л. ед. ч. отъ глагола *дѣ*яти говорить.

Формы настоящаго времени нерѣдко имѣютъ значеніе будущаго времени. Употребленіе ихъ съ этимъ значеніемъ началось въ глубокой древности, и въ древне-русскихъ памятникахъ они употребляются почти такъ же, какъ и въ современномъ языкѣ, т. е. однѣ формы настоящаго являются въ нихъ съ значеніемъ настоящаго времени, другія—съ значеніемъ будущаго; сверхъ того, въ нихъ есть нѣкоторое количество формъ, которыя имѣютъ значеніе и настоящаго времени, и будущаго: Остромирово Ев.: слънце *мръкнетъ* и луна не дастъ свѣта 145 об.=померкнетъ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: поѣди ис Переяславля; паки ли не поидеши добромъ, *иду* на ти ратью 406; псковская грамота 1433 г.: насъ части липають, а проѣзду не *дадутъ*, Ак. Юр. № 2; сѣв.-великор. грамота ок. 1490 г.: люди *купятъ* и продають, Ак. Юр. 9; волоцкая грамота 1500 г.: являютъ сю грамоту волостелю и они не *дадутъ* ничего, Ак. Арх. Э. I, 102; разрядная книга 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др. III, 1): *дадутъ*=даютъ. Срв. современн. *бьгу, велю, крещу, рожу, женю, молвлю* и т. п., *рѣшу, обижу* (у В. Майкова 186, 252, 307), поэтическое *паду* (у Пушкина): поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и *падутъ* (наст. вр.); *паду* ли я, стрѣлой пронзенный (буд. вр.); даже форма *будеть*, при различномъ употребленіи, имѣеть значеніе настоящ. врем. (=довольно, достаточно).

Исторія формъ повелительнаго наклоненія. Формы повелительн. накл. (собственно желательнаго) отправляли въ древности, какъ и теперь, функціи какъ повелительнаго, такъ, отчасти, желательнаго и сослагательнаго накл. Формы 1-го л. ед. повелит. н. исчезли изъ употребленія еще въ глубокой древности, и мы находимъ только самыя скудныя остатки ихъ въ языкѣ древне-русскихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (Толстовская Псалтырь XII в.: *бждѣмъ* 184); формы 3-го л. мн. также исчезли и неизвѣстны даже въ остаткахъ; такимъ образомъ до насъ дошли только формы 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го дв. и мн. Формы повелит. накл. въ древне-русскомъ языкѣ имѣли троякія окончанія:

1) нѣкоторые глаголы имѣли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. окончаніе ъ, въ 1-мъ л. мн. *имъ* и во 2-мъ л. мн. *ите*: *дажь*, *дадимъ*, *дадите*; *ѣжь*, *ѣдимъ*, *ѣдите*; *вижь*, *видимъ*, *видите*; *вѣжь* и т. д.; изъ этихъ формъ двѣ въ настоящее время сохраняются въ литературномъ языкѣ: съ значеніемъ повелит. накл.—*вишь* и въ видѣ частицы—*вишь*; форма *дажь* въ значеніи повелит. накл. уже въ XIV в. была непонятна переписчикамъ, и они обыкновенно, вмѣсто нея, писали *даи же*: Поликарпово Ев. 1307 г.: *хлѣбъ нашъ даи же намъ днесъ* 89 об.; Ев. 1355 г.: *даи же ми воды пити, даи же ми воду сию* 14, *даи же славу Богу* 19 и др.; 2) нѣкоторые глаголы имѣли окончанія *и*, *имъ*, *ите*: *гляди*, *глядимъ*, *глядите*; наконецъ 3) остальные глаголы оканчивались на *и*, *ъмъ*, *те*: *веди*, *ведъмъ*, *ведте*.

Различныя формы повелит. накл. оказали другъ на друга вліяніе, и такимъ образомъ создалось нѣсколько новыхъ формъ.

Формы 2-го и 3-го л. на *жь* оказали вліяніе на свои формы 2-го л. мн. и создали новыя формы 2-го л. мн. на *жьте*; такъ, подъ вліяніемъ формы *вижь* явилась форма *вижьте* (Кормчая XIII—XIV в. Рум. Муз. № 230, л. 136 об.; Сборникъ XIII—XIV в. Общ. ист. и древн. 25 об., 33; Чудовской Нов. Зав. 19 об., 34; Ипатскій сп. лѣт. 207); форма *вѣжь* послужила къ образованію формы *вѣжьте* (тотъ же Сборникъ 42, *увѣжьте* 29; *вѣжьте* Чудовск. Нов. Зав. 139 об.; *повѣжьте* Лаврентьевск. сп. лѣт. 68); форма *ѣжь* дала начало формѣ *ѣжьте* (зап.-русск. сб. Син. Библ. XVI в. № 367: *встаньте а ежьте* 435). Затѣмъ формы 2-го и 3-го ед. на *жь* и новыя формы 2-го мн. на *жьте* оказали вліяніе на формы повел. накл. на *и*, *имъ*, *ите*, *и*, *ъмъ*, *те*, что повело также къ образованію новыхъ формъ. Ихъ мы видимъ часто уже въ памятникахъ XIII—XIV в.: гал.-вол. Ев. XII—XIII в. Никольскаго монаст. № 150: *починте мало* 36; гал.-вол. Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *украдь*, *оставте*, *обидте*, *въверзьте*; гал.-вол. Холмское Ев. XIII—XIV в.: *прилежь* (вм. *прилежи*), *наполнте*, *видте*, *встанте*, *будте*, *остантеся*; гал.-вол. Луцкое Ев. XIV в.: *преиьмы*, *сядте*, *плачтеся*; зап.-русск. грамота Кейстута послѣ 1341 г.: *будте*; у Скорины: *поведь*, *приедь*, *помолте*, *молвъ ему*, и т. п. Въ настоящее время подобныя формы широко распространены во всемъ русскомъ языкѣ и могутъ считаться обще-русскими: *встань*, *встанте*, *сядь*, *сядте* и т. п. Рядомъ съ этими формами сохранились (особенно когда

удареніе формы 2-го л. ед. было на конечномъ *и*) и старыя формы: великорусск. люб*и*, любите, смотр*и*, смотр*ите*.

Формы 1-го и 2-го л. мн. на *ѣмъ*, *ѣте* (ведѣмъ) и на *имъ*, *ите* (глядимъ) также оказали другъ на друга влияніе. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ формы въ родѣ ищѣмъ (вм. ищимъ), ищѣте (вм. ищите), вяжѣмъ, вяжѣте; хотя онѣ встрѣчаются только въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что они существовали и въ живомъ русскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ относительно древняго галицко-волынскаго говора можно сказать навѣрное, что онѣ въ немъ были нерѣдки. На это указываютъ такія новыя формы 1-го и 2-го л. мн. повелит. накл., которымъ подобныхъ нѣтъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и которыя могутъ быть названы собственно галицко-волынскими: Христинопольскій Апостолъ XII—XIII в.: не хвалѣтеся 77; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: простѣте, запись; Галицкое Ев. 1283 г.: заколѣте 59 об.; Поликарпово Ев. 1307 г.: отвалѣте; Луцкое Ев. XIV в.: хранѣтеся, творѣте, молѣтеся. Подобнаго рода формы мы находимъ также въ западно-русской Четвѣ 1489 г.: пустѣте, помолѣмся, творѣмъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: подадѣмъ (съ значеніемъ будущ. вр.) 68. Что до современнаго языка, то рефлексомъ новыхъ формъ на *ѣмъ*, *ѣте* (ищѣте, отвалѣте) являются обычныя малорусскія формы въ родѣ ищѣте, отвалѣте, съ *і* изъ *ѣ*, и нерѣдкія въ бѣлорусскихъ говорахъ формы въ родѣ помолѣмся.

Въ свою очередь формы на *имъ*, *ите* (глядимъ, глядите), вмѣстѣ съ формами ед. ч. на *и* (гяди, веди), оказали влияніе на формы на *ѣмъ*, *ѣте* (ведѣмъ, ведѣте) и повели къ образованію новыхъ формъ въ родѣ ведимъ, ведите, беримъ, берите. Послѣднія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: приведите 73, останитеся 230; Архангельское Ев. 1092 г.: метимъ 115 об.; Минея 1095 г.: почерьпимъ 111; Минея 1097 г.: въсьлимъ 313; Путятина Минея XI в.: не кльните, запись; Слово Ипполита объ антихристѣ XII в.: рьците. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ ихъ уже довольно часто; Милятино Ев. 1215 г.: приведите 41 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: поидимъ 31 об., 151 об., побѣгнимъ 90; духовная новгородца Климента: възмите; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: съведитеся 7; грамота рижанъ

ок. 1284 г.: шлите (древн. съльте); Ев. 1317 г. г.: чтите, запись, сбарите, принесите, призовите; Ев. 1355 г.: идите, приведите, рците, въверзите; Новгородская лѣт.: идита, поидите, примите, помозите, и друг. Старыя формы на *ъмъ*, *ъте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и западно-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV вв.: смоленская грамота ок. 1297 г.: будете со мною въ любви; грамота рижанъ около 1300 г.: будѣте готови; они нерѣдки въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.; изъ болѣе позднихъ памятниковъ можно указать въ Познанскомъ сборникѣ XVI в. поведете, тецете; въ великорусской грамотѣ 1542 г.: поѣдете за нами, Ак. Оед.-Чех. I, 89. Съ теченіемъ времени формы 2-го мн. на *ъте*, сохраняющіяся въ малорусскомъ нарѣчій (съ *і* на мѣстѣ *ъ*), были вытѣснены совсѣмъ въ великорусскихъ и въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ формами на *ите*. Формы 1-го мн. на *ъмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчій, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ мѣсто заняли близкія къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ формы 1-го мн. настоящ. врем. съ значеніемъ будущаго. Древнѣйшій случай употребленія формы настоящаго въ качествѣ формы повелит. накл. мы находимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в., гдѣ мы читаемъ: сърящомъ (о изъ *e*) = εἰς δὲ ξώμεθ; въ Прологѣ 1262 г. мы имѣемъ: подражаемъ мудрыя дѣвы 84 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт. не разъ имѣетъ формы настоящ. врем. вмѣсто формъ повелит.: пойдѣмъ, высадимъ дружину свою; рече Мстиславъ дружинѣ своей: пойдѣмъ на ня; станемъ. потягнемъ, ляжемъ, мечемъ, и т. п. Срв. въ Златоструѣ XII в.: рекоша: разбьемъ ключъ да видимъ 68 об.; здѣсь въ разбьемъ, можетъ быть, *ю* означаетъ звукъ *e*. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчій обыкновенно слышится: или пойдѣмъ, сберѣмъ и т. п. (при тульск. пойдѣмъ, съ *e*, и т. п.), или пойдѣмте, сберѣмте, съ двумя личными окончаніями; въ малорусскомъ нарѣчій соответствующія формы обыкновенно оканчиваются на *емо*.

Говоря о формахъ повелит. наклон., мы должны упомянуть о вліяніи на эти формы другихъ глагольныхъ образованій, главнымъ образомъ формъ настоящаго времени. Нѣкоторыя формы повелит. наклон. въ древности имѣли передъ окончаніемъ свистящій звукъ, т. е. въ нихъ слышалось *и*, *з*, *с*, тогда какъ въ формахъ настоящ. врем. слышался или одинъ изъ гортанныхъ *к*, *г*, *х*, или шипящій

ч, ж, ш. Вслѣдствіе вліянія формъ настоящ. врем., формы повелит. накл. съ свистящимъ звукомъ стали исчезать, уступая мѣсто новымъ формамъ или съ гортаннымъ, или съ шипящимъ звукомъ. Такъ явились современныя великорусскія лязь, ляте (по образцу вижь, встань, встаньте), пеки, пеките, помози, помогите, которыя заняли мѣсто древнихъ формъ лязи, лязѣте, пѣци, пѣцѣте, мози, мозѣте и которыя восходятъ къ XIV в.: Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: стрези моего входа 33; гал.-вол. Ев. Верковича: отверги 89 об. Такъ явились современныя малорусскія формы печи, печімо, печіте, бѣлорусская помози, подобныя которымъ встрѣчаются также въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: Лаврентьевск. сп. лѣт.: рчи 76; Ипатск. сп. лѣт.: стережи 456; московская грамота 1525 г.: солжи, Ак. Арх. Э. I, 144; западно-русскіе памятники XVI в. имѣютъ формы съ шипящими почти постоянно: Познанскій сборникъ: помози, стрези; Ев. Тяпинскаго: помози, отсѣчи, речи, стережите; Литовскій Статутъ: Боже помози; рядомъ въ Познанскомъ сборникѣ: помози,—зимо.

Формы повелит. наклон. въ славянскихъ языкахъ издревле отправляли функціи желательнаго и сослагательнаго наклон., по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ. Такое употребленіе формъ повелит. накл. встрѣчается, между прочимъ, въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ. Въ церк.-слав. Супрасльско-й рукописи мы находимъ форму повелит. накл., напримѣръ, въ выраженіи: вспоманемъ добръ дѣтель мѣжь, да *подвижнѣмъ* на подражаніе, гдѣ форма повелит. накл. по значенію соответствуетъ латинскому сослагательному: ut nos *incitemus*. Въ гал.-вол. Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: идеже аще *вълѣзѣте*, ту пребудете; въ гал.-вол. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: вонь же градъ колиждо *вънидѣте*,... ѣдите 105; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: за кормилца 12 гривнѣ и за кормилицю, хотя си *буди* холопъ или раба 4; здѣсь формы повелит. наклон. *вълѣзѣте* и др. употреблены также въ значеніи греческаго и латинскаго сослагательнаго. Въ Вопросаніи Кирика по сп. ок. 1282 г. мы находимъ выраженіе: аще и мѣртвыя *въскрешаи*, не можетъ попомъ быти (Р. Истор. Библ., VI, 46); здѣсь форма 3-го ед. повелит. наклон. соответствуетъ греческому желательному. Главное, повелительное значеніе формъ повелител. наклон. сохраняется ими въ

современномъ русскомъ языкѣ во всей полнотѣ; значеніе же желат.-сослагат. наклон. всѣхъ лицъ и чиселъ въ немъ имѣетъ одна форма, форма 2-го и 3-го л. ед., когда находится въ придаточныхъ условныхъ предложеніяхъ, при подлежащихъ всѣхъ лицъ и чиселъ: *скажи* я ему слово, онъ сдѣлаетъ все; *скажи* ты..., *скажи* онъ..., *скажи* мы..., и т. д.; *заходи*, такъ (онъ) былъ бы дѣловой; какъ мѣсяць ни *свети*, а все не солнца свѣтъ, и т. п. Не лишнее замѣтить, что форма 2-го и 3-го л. ед. съ теченіемъ времени перешла изъ придаточныхъ предложеній въ главныя и стала въ этихъ послѣднихъ употребляться въ качествѣ формы изъявит. наклон. для обозначенія быстро совершившагося дѣйствія; въ грамотѣ 1518 г.: *Феофанъ старецъ съ братьею и староста...* они *возми* образъ Пречистые да *поведи*, Ак. Юр. 30; современн. великорусск. онъ *глядь*, а волкъ передъ нимъ; онъ ему и *скажи*; онъ его *ударь*.

Исторія формъ возвратнаго залогов. Какъ въ литовскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ формы страдательнаго и возвратнаго залоговъ издревле образовывались чрезъ присоединеніе къ формамъ дѣйствит. зал. формы возвратнаго мѣстоименія; но въ то время, какъ литовскій языкъ имѣетъ мѣстоименную форму, прикрѣпленную къ глагольнымъ формамъ и отличную по звукамъ отъ формъ того же мѣстоименія, когда оно употребляется отдѣльно,—въ славянскихъ языкахъ мы видимъ свободное употребленіе формъ возвратнаго мѣстоименія, такъ что глагольная форма употребляется сама по себѣ, а мѣстоименная сама по себѣ; при этомъ послѣдняя можетъ стоять и передъ глаголомъ, и послѣ глагола, и непосредственно рядомъ съ глаголомъ, и черезъ одно или нѣсколько словъ отъ него.

Въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе мѣстоименной формы *ся* (вин. п.) или—рѣдко—*си* (дат. п.; см. выше, стр. 101) предъ глаголомъ было столь же обычно, какъ и послѣ глагола. Оно было свойственно всѣмъ древне-русскимъ говорамъ, и мы читаемъ въ кievской Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: *донецъ же ся миръ състоитъ*, кто *ся* *изоостанеть* въ монастыри; въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: *притыча ся* *приходитъ*; въ новгородской грамотѣ ок. 1262 г.: что *ся* *учинило* *тяже*, гдѣ *ся* *тяжа* *родитъ*; въ московской духовной Ивана Калиты: что *ся* *остало*, *тymi* *ся* *подъятъ* сынове мои; въ духовной Семена Гордаго: хто *ся* *будеть* у *тѣхъ* людии *женилъ*; въ Новгородской лѣт.: *копая* *подъ* *другомъ* *яму* *самъ* *ся* *в*

ню ввалить 271. Рядомъ съ употребленіемъ *ся* передъ глаголомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ *ся* послѣ глагола, какъ непосредственно за глаголомъ, такъ и чрезъ одно слово; въ записи Свято-славова Сборника 1073 г. мы читаемъ: *кончяшяся* книги сия; въ припискѣ къ Юрьевск. Ев.: *възвратяшяся*, *скончяшяся* все дѣло; въ смоленской грамотѣ 1230 г.: ать *управятяся* сами; въ духовной вел. кн. Ив. Ивановича: *подъяатяся*. Свободное употребленіе *ся* во всемъ русскомъ языкѣ продолжалось довольно долго: въ XVII в. мы нерѣдко его видимъ въ памятникахъ южно-русскихъ, въ XVI в.— въ памятникахъ великорусскихъ, въ родѣ московскаго Судебника 1550 г.: чтобы *ся* недѣльщики не *отпирали*, или Домостроя: не *слело* бы *ся*, все то *ся* *приожаеть*, или даже грамотъ: о семь судья рекъ *ся* *доложити* митрополита, *илеиш* ли *ся* на розвѣждіе мужи (1518 г.; Ак. Юр. 30, 31). Великорусскія грамоты его имѣютъ въ формулахъ и въ XVII в.: съ воры *ся* ему не водити (1615 г.; Ак. Юр. 297). Великорусскія пословицы его сохраняютъ даже въ XVIII в.: аще за друга *ся* *поручаешъ*, свою душу другу полагаешъ (сборникъ пословиць 1758 г.).

Въ настоящее время въ значительномъ большинствѣ русскихъ говоровъ мы находимъ *ся* или *си* прикрѣпленнымъ къ глагольной формѣ и поставленнымъ послѣ этой формы,—и только сравнительно немногіе, по преимуществу западные, говоры малорусскаго нарѣчія еще сохраняютъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія.

Памятники XV—XVII вв. даютъ намъ нѣкоторое количество случаевъ употребленія формы возвратнаго залога съ двумя *ся*: Ипатскій сп. лѣт.: а не можемъ *ся* вмѣститися в печерѣ 111; Погодинскій сб. XV—XVI в. № 853: христіана *ся* нарицаешися 90; великорусск. грамота 1518 г.: на розвѣзчика *ся*, господине, ...не шлюся, Ак. Юр. 31; грамота 1600 г.: сказали, что *ся* они въ искѣхъ помирилися, Ак. Калач. I, 525; Ев. Тяпинскаго: чірвонееца бо *ся* нѣбо. Въ нихъ то *ся*, которое не прикрѣплено къ глагольной формѣ, является уже частицею безъ опредѣленнаго значенія. Отсюда употребленіе *ся* какъ-будто безъ всякаго значенія въ великорусскомъ нарѣчіи: грамота 1608 г.: писалъ еси, что будто *ся* ты у отпусковъ былъ, Ак. Арх. Э. II, 178; современн. гляди-ко-*ся*, поди-ко-*ся* (и поди-ко-*сь*), ну-ко-*ся* и т. п.

Исторія формъ неопредѣленнаго наклоненія. Изъ двухъ древнихъ формъ древне-русскаго неопредѣленнаго наклоненія формы на *ти* (*чи*) господствуютъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ въ книгахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, такъ и въ грамотахъ; формы на *ть* (*чь*), напротивъ того, встрѣчаются въ нихъ сравнительно рѣдко. Но чѣмъ болѣе памятники приближаются къ нашему времени, тѣмъ чаще намъ встрѣчаются формы на *ть*, тѣмъ болѣе они получаютъ преобладаніе. Тѣмъ не менѣе формы на *ти* еще вполне обычны во всѣхъ памятникахъ XVII в. Вытѣсненіе ихъ формами на *ть* вполне естественно, такъ какъ языкъ вообще предпочитаетъ употреблять болѣе короткія формы. Въ современномъ литературномъ языкѣ формы на *ти* рѣдки и являются только тогда, когда удареніе стоитъ на конечномъ *и*: *идти*, *нести*, *везти*, *вести*; но и въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними обыкновенно употребляются также формы *нести*, *везти* и т. д.; кромѣ подобныхъ формъ на *ти*, въ литературномъ языкѣ изрѣдка встрѣчаются архаизмы въ родѣ *печи* (*бѣда*, *коль пироги начнетъ печи сапожникъ...*). Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы на *ти* находятся въ полномъ употребленіи; въ другихъ они такъ же рѣдки, какъ въ литературномъ языкѣ, хотя пѣсни сохраняютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчій формы на *ти* не особенно рѣдки. Въ однихъ изъ малорусскихъ говоровъ они господствуютъ, въ другихъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ формы на *ть*.

Формы такъ называемаго супина на *ть* въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ употребляются исключительно при глаголахъ движенія и встрѣчаются довольно часто до самаго конца XIV в.: смоленская грамота 1229 г.: латинину не звати русина на полѣ битися (*о—з*); смоленская грамота ок. 1230 г.: немъчичю нельзѣ позвати на поле русина битися; договоръ Новгорода съ Тверью 1265 г.: ездити звери гонитъ; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: идеть искать кунъ; западно-русская грамота Кейстута послѣ 1341 г.: а быхомъ пустили тѣрговатъ, поидеть торговатъ; псковской Ирмолой 1344 г.: сѣсти ужинатъ, приписка писца; Лаврентьевск. сп. лѣт.: иде учитъ, посла два варяга прикончатъ, мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, снидевѣ ся сама боротъ, пришли есьмы воеватъ, и т. п. (нерѣдко); Палея 1406 г. (нерѣдко). Въ современномъ языкѣ

мы не находимъ никакихъ достовѣрныхъ остатковъ этого супина; есть, правда, въ одномъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ формы неопредѣл. наклон. на *тз*, но онѣ могутъ быть объясняемы какъ древнія формы на *тз* съ отвердѣвшимъ *т*.

Мѣсто супина на *тз* въ настоящее время занято или неопредѣленнымъ наклоненіемъ=супиномъ на *тз*, или неопредѣл. накл. на *ти*. Формы на *тз* у насъ издревле употреблялись рядомъ съ формами на *тз*, въ одномъ съ ними значеніи (см. выше, стр. 165); замѣна формъ на *тз* формами на *ти* также началась въ глубокой древности. Мы, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ Ев.: идѣ уготовати мѣсто 45 об., посла призвати 80 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: не придохъ положити мира 41 (срв. въ церк.-слав. Зографскомъ Ев.: придѣ дати 111). Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ также знаютъ употребленіе неопредѣл. накл.: смоленская грам. 1229 г.: ѣхали твердити миръ; договоръ Дмитрія Донскаго 1372 г.: пошли люди жаловатися, и т. п. Позднѣе, въ памятникахъ XV—XVI в., замѣна формъ на *тз* формами на *ти* встрѣчается очень часто.

Формы неопредѣл. наклон. въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько отличались по звукамъ основы отъ формъ настоящ. вр. и другихъ; вслѣдствіе этого, когда произошло вліяніе вторыхъ формъ на первыя, явилось нѣсколько новыхъ формъ неопредѣл. накл.

Такова форма *итти*, образовавшаяся изъ древней *ити* вслѣдствіе вліянія формы *иду* и т. п. и встрѣчающаяся уже въ великорусскихъ памятникахъ XIV в.: Ев. 1358 г.: внидѣти 66, внидти, проидти 66 об., ийти 75 об., приидти 90, преидти 111 и др.; Ев. XIV в. Публ. Библ. Г. 6: ийти 3, приидти 8; она слышится во всемъ современномъ великорусскомъ нарѣчій (*итти*, *иттить*) и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ.

Такова форма *ийти*, образовавшаяся изъ древней *ити*, вѣроятно, подъ вліяніемъ *найти*, *войти* и т. п. и найденная нами, между прочимъ, въ великорусскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: вѣстахъ *иити* хотя спать 64; она распространена въ великорусскихъ говорахъ и встрѣчается у писателей XVIII в. (напримѣръ, въ «Трутиѣ» Новикова).—Всѣ формы неопредѣл. наклон. глагола *иду* — *ити*, *итти*, *ийти* въ великорусскихъ говорахъ нерѣдко имѣютъ второе окончаніе неопредѣл. наклон. и звучатъ *итить*, *иттить*, *ийтить* (особенно формы возвратн. зал.: *обойтаться*, *разойтаться*, Пушкинъ,

сойтись, Лермонтовъ, и т. п.); изъ нихъ первая не рѣдка въ московскихъ грамотахъ XVII в. (напримѣръ, въ грамотѣ 1609 г., Ак. Калач. II, 674).

Таковы формы въ родѣ *лелчи*, *пекчи*, *мошти*, *пекти*, изъ которыхъ первыя встрѣчаются въ великорусскомъ нарѣчїи, вторыя особенно распространены въ малорусскомъ; великорусскіе памятники XVII в. имѣютъ еще формы въ родѣ *измотчи* (отъ *измоу*; грамота 1609 г.), *уберетчися* (грамота 1616 г.), *постритчися* (*пѣсня* въ записи Рич. Джемса), *стеретчися* (паломникъ Гагара) и т. п.; въ пѣсенникѣ второй половины XVIII в.: *петчи* (отъ *пеку*); въ современн. приалтайскомъ говорѣ: *смотчись* (собраться съ силами); въ этихъ формахъ окончаніе *тчи*, повидимому, образовалось изъ окончанія *чи* подъ вліяніемъ формъ настоящ. врем. съ шипящимъ (*печешь*, *можешь*). Но см. стр. 141.

Такова, вѣроятно, форма *рзати*, при церк.-слав. и др.-русск. *ръзати* (настоящ. вр. *ръжо*).

Исторія причастій. Причастія настоящаго времени въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣютъ форму имен. ед. муж. р. съ окончаніемъ *а* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церковно-славянскій языкъ имѣетъ окончаніе *ы*,—слѣдовательно съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ. Формы въ родѣ *ида*, *мога* еще нерѣдки въ памятникахъ XIV в. (между прочимъ въ грамотахъ и лѣтописяхъ), но потомъ исчезаютъ, когда именно,—за неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ опредѣлить. Въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этихъ формъ, если не считать формы *моа* и нѣкоторыхъ именъ существительныхъ (см. выше, стр. 186).

Мѣсто формъ на *а* очень рано стали занимать новыя формы причастій настоящ. врем. съ окончаніемъ *я*: *ида*, *неся*, которыя образовались вслѣдствіе вліянія на формы въ родѣ *ида*, *неса*—формъ въ родѣ *любя*, *емля*. Формы на *я* мы находимъ какъ въ памятникахъ списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (въ Тріоди 1311 г.: *зовя* 73), такъ и въ грамотахъ и лѣтописахъ; напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ около 1300 г. мы читаемъ: *ида*, *ведя*; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: *повьрря*; въ двинской рядной XIV—XV в.: *рѣя* (=ц.-слав. *река*, др.-русск. *ръка*); въ Новгородской лѣт.: *ида* 40, *река* 193, 208, *жда* 205; въ Ипатскомъ сп. л.: *река* 23. Эти формы на *я* съ теченіемъ времени широко

распространились въ языкѣ и вытѣснили формы на *a*. Изъ послѣднихъ сохранилась лишь одна форма *мога*, извѣстная въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ (*мога*) и, можетъ быть, существующая также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ (В. Майковъ: кто кого смога, такъ тотъ того въ рога).

Причастія на *a*, *я* первоначально были исключительно причастіями настоящ. врем.: прохождааше исцѣля вьсакъ неджѣ, Остромирово Ев. 68 об. (=исцѣляя); прѣбываше задава (=дава) клеврѣта, аще бы искуся (=искушая) пришель, Учителн. Ев. Константина Болгарск. XII в. 98, 102; рака ста не поступаши (=поступая), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11. Но съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, образованная отъ глагольныхъ основъ съ длительнымъ отгѣнкомъ, сохранили свое древнее значеніе, — другія, бывшія по своимъ основамъ въ связи съ глаголами совершеннаго вида, въ цѣломъ рядѣ случаевъ утратили значеніе настоящ. врем. и сдѣлались причастіями прошедш. врем. (=греческ. причаст. аориста). Мы находимъ ихъ уже въ памятникахъ XIII и XIV вв. употребляющимися одинаково съ причастіями прошедш. врем. на *ъ*, *ѣ*; такъ, въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г. мы читаемъ: дѣтскими не исправитъ возма мьзду (=взявъ); въ записи Пантелеймонова Ев. XII в.: исправяче чѣтѣте (=исправивше); въ Прологѣ 1262 г.: мощи ѡя възма Акакии и погрѣбѣ 17, займа ноздри пльваше 50 об., тѣ пойма мя вьсаді въ тѣмницу 83; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: отъѣхалъ городъ повьргя (=бросивъ); въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: створи нарядъ утвердивъся крестнымъ цѣловальемъ с ними и честь возма у нихъ 359, пожага городъ възвратиса 368, посла его пристава къ нему своѣ мужи 384, князь внида в волость пойма города 393, упереди Романъ скопя полкы и вѣха в рускую землю, а володимерци лишася Рюрика ѣхаша.... 396; и т. п.; въ Новгородской лѣт.: иде князь пойма съ собою мужи новгородскыя 201, поиде князь пойма съ собою новгородце 271, соіма ризу 282 и т. п. Въ современномъ русскомъ языкѣ причастныя формы на *я* употребляются въ одномъ значеніи съ формами причастій прошедш. врем., и мы говоримъ приидя рядомъ съ пришедъ, принеся, приведя рядомъ съ принесши, приведши. Нашъ литературный языкъ знаетъ, съ значеніемъ прошедш. врем., только употребленіе старыхъ формъ имен. ед. на *я*;

старыхъ формъ имен. мн. на *че, чи*, встрѣчающихся въ памятникахъ XVII в. (Котошихинъ: поидучи въ походъ=пошедши), въ немъ уже не существуетъ.

Въ судьбѣ причастій прошедш. врем. обращаютъ на себя вниманіе тѣ явленія, которыя имѣють своею причиною вліяніе причастій съ окончаніемъ *съ*, въ родѣ *любисъ, дасъ*, на причастія съ окончаніемъ *з*, въ родѣ *начьнз, възьмз, шьдз*, и наоборотъ. Глаголы, нѣкогда имѣвшіе въ основѣ неопредѣл. накл. носовой гласный: *вззати, начати, клати* и т. п., имѣли въ древности причастія на *мз* и *нз*: *вззьмз*,—ше, *начьнз*,—ше, *кльмз*,—ше. Эти формы были весьма распространены въ старомъ языкѣ и нерѣдки въ памятникахъ; такъ, напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г. мы читаемъ: *эмз, снемз, эмзшо*; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: *вынемшы, розпемзши, почомзши*. Они сохранились въ современныхъ русскихъ говорахъ или въ древнемъ своемъ видѣ, или въ нѣсколько измѣненномъ: *взѣмши* или *взявши*. Рядомъ съ ними, по образцу формъ *любисъ, дасъ*, развились новыя формы съ тою основою, что въ неопред. накл., и съ окончаніемъ *съ*: *взясъ, начасъ, закъясъ* и т. п. Мы находимъ ихъ прежде всего въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: *ясъ 67, изясъ 19, поясъ 231, възясъ 172 об., 331 об., заклясъ 64 об., распясъ 198 об.*; въ Юрьевскомъ Ев.: *ясъ за руку отроковицъ 86*; въ гал.-вол. Ев. Никольскаго монаст. XII—XIII в.: *ясъ по руку слѣпца 83*. Современные русскіе говоры (особенно великорусскіе) употребляютъ ихъ весьма часто, а въ нашемъ литературномъ языкѣ они господствуютъ. — Съ этими формами одинаковы по образованію новыя формы причастій отъ глаголовъ съ основою въ неопредѣл. наклон. на какой-либо согласный, особенно на *д* и *т*. Большая часть старыхъ причастій отъ этихъ глаголовъ на *дз* и *тз* теперь уже исчезли изъ литературнаго языка и замѣнились въ немъ новыми на *съ*; такъ, напримѣръ, старыя формы *ѣдз, ѣдше, сѣдз, сѣдше, украдз, украдше* замѣнились вновь образованными формами *ѣсъ, ѣвши, сѣсъ, сѣвши, украсъ, укравши*; въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ говорахъ эти новообразования распространены еще больше, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: *вѣвши, пришовши*.

Великорусскіе и бѣлорусскіе народные говоры (но не нашъ литературный языкъ) знаютъ еще другія вновь образованныя формы

причастій прошедш. врем., въ которыхъ на мѣстѣ древняго *е* находится *м*: породимши, заплакавши, напоёмши и т. п. (Писемскій, Горькая судьбина: раздышамшись, услышамши, бросимши); они обязаны своимъ происхожденіемъ влиянію формъ въ родѣ *вземъ* *вземше*.

Наконецъ, въ нашемъ литературномъ языкѣ употребляется причастіе прошедш. врем.: *вонзенъ*, *пронзенный* (Пушкинъ), съ *з* вмѣсто *ж* (др. русск. -нъженъ), явившимся въ немъ подѣ влияніемъ большей части глагольныхъ формъ: *пронъзши* и т. п.

Причастія страдательн. зал. прошедш. врем., будучи нечленными, звучатъ у насъ всегда съ однимъ *н*: *дѣлаю*, *дѣлаю*, *дѣлаю*, а будучи членными, могутъ быть и съ однимъ, и съ двумя *н*: *дѣламый* и *дѣлаемый*. Обыкновенно, когда удареніе находится на 3-мъ слогѣ отъ конца, нами предпочитаются формы съ однимъ *н*: *писаемый*, *брошенный*, *связанный*; а когда удареніе стоитъ на второмъ слогѣ отъ конца, мы употребляемъ чаще формы съ двумя *н*: *принесенный*, *приведенный*, *спасенный*, *почтенный*. Русскій языкъ древнѣйшей эпохи не зналъ формъ съ двумя *н*. Они сравнительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ влиянію отпричастныхъ прилагательныхъ на *ннъ*. Послѣднія мы видимъ въ церк.-слав. Саввиномъ Ев.: *повелѣнная* и въ Синайскомъ Требникѣ: *неизглаголаненъ*, — *знааго*, *нерасказаненъ*, *неисписаненъ*, *осужденна*, и др. Нѣсколько такихъ прилагательныхъ мы находимъ въ русскихъ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Минеѣ 1095 г.: *явленная* 64, *недрѣманьну* 137; въ Трїоди постной XII в. Сян. Биб. № 319: *неиздреченными* 17 об., *осквѣрневаемо* 19 об., *въздържанно* 118 об. и т. п. (съ нотами надъ ѳ); въ Апостолѣ 1220 г.: *испытанное*, *благопоказанное* 5 и т. п.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *о оглашенныхъ* 80 об., *неислѣдованого* 213 об., *счтанная* 244 и др.; въ Пандектахъ 1296 г.: *истлѣнныхъ* 47 об.; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: *прежесвящененъ* есть и *совершенъ* 73; въ Новгородской лѣт. есть отпричастное прилагательное *несказанны* 305; въ Волынской лѣт. по Ипатскому си.: *невиданная* рати (род.) 496; въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: *почтенный*, *откровенный*, *откровененъ*, *бездыханный*, *желанный*, *совершенный*, *обыкновенный*, *нежданно-негѣданно* и т. п. Эти отпричастныя прилагательныя оказали влияніе на причастія на

нъ, слѣдствіемъ чего было образованіе причастныхъ формъ съ двумя и, восходящее по памятникамъ къ XIII в.: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: избранныя 105, 124, 124 об.,—ныхъ 124; кievская Псалтырь 1397 г.: избраннымъ 122, окованныя 127 об. и др.; Мстижское Ев. XIV в.: избранныхъ 50, 55 об.,—ны 56; зап.-русск. Четья 1489 г.: препоясанныи 63 об., реченныи 68, исцѣленныи 68 об.

Судьба формъ глагола быти. Въ языкахъ греческомъ и латинскомъ формы настоящ. врем. глагола *быть* въ качествѣ сказуемаго, какъ извѣстно, употребляются довольно правильно; но и въ нихъ есть предложенія, въ которыхъ мы не находимъ сказуемаго *есть*, *суть*; это по преимуществу—поговорки, изреченія, которыя всегда излагаются по возможности кратко: *οἷς παῖδες οἱ γέροντες, οὐκ ἀγαθόν πολυχοιρανίη* (Гомеръ); *οἶνος ἀλήθεια*; *summum jus summa injuria*; *triste lupus stabulis*; *varium et mutabile semper femina*, и т. п. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ, при довольно-правильномъ употребленіи формъ настоящ. врем. глагола *быть*, въ поговоркахъ, изреченіяхъ также замѣчается отсутствіе сказуемаго; такъ, въ нѣмецкихъ поговоркахъ мы иногда не находимъ глагола: *ein mann—ein wort*; *besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dache*. Если мы обратимся къ древне-русскому языку, то увидимъ въ немъ то же: бѣда аки въ Роднѣ (Лаврентьевск. сп. лѣт.); лучше ми смерть ни курское княженіе; злато красота женамъ; не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь (=ежь); орель царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами (Моленіе Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.). Въ другихъ языкахъ подобнаго рода опущеніе формъ *есть*, *суть* не нашло себѣ широкаго распространенія; но въ русскомъ языкѣ оно сдѣлалось обычнымъ и перешло въ обычную рѣчь. Отсутствіе сказуемаго 3-го л. мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: запись Святослав. Сборника 1073 г.: оже ти собѣ не любо, того и другу не твори; запись Святослав. Сборника 1076 г.: идеже криво, братиѣ, исправивъше чытѣте; новгородская грамота 1189—1199 г. по сп. XIII в.: ходити нѣмьчымъ в Новгородъ безъ пакости, ити гостю домовъ, оже родится тяжа... рубежа не творити, нѣмчина не сажати в погребъ Новгородѣ... нѣ смати свое у виновата; смоленскій договоръ 1229 г.: товаръ ѿго свобо(де)нъ на вѣдѣ и на березѣ, ся грамота утвържена

пъчатию (ъ=о, ь=е); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: рядъ мои съ немьци таковъ, вольное тѣргованіе имъ въ Ризѣ; Лаврентьевск. сп. лѣт.: уже мнѣ мужа не крѣсити, добра ли вы честь, нама ихъ не перебороти, земля твоя яко и земля наша, сrete я на бродѣ где нынѣ Переяславль, се дружина у тебе отня, се лежитъ сѣверянинъ а се варягъ а дружина своя цѣла (часто; то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ). Впрочемъ, рядомъ съ этими случаями отсутствія формъ *есть*, *суть*, мы часто видимъ въ старыхъ памятникахъ и ихъ присутствіе; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: ся грамота *есть* выдана; въ грамотѣ рижанъ 1284 г.: ныне то *есть* ведомо, рижяне *суть* невиновати, та правда *есть* промежи насъ и васъ; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: не тако *есть* миръ доконцанъ; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: люба ми *есть* рѣчь, ловища ея *суть* по всей земли, Руси *есть* веселье пити, вѣра наша свѣтъ *есть*, бози ваше древо *суть* и т. п.; въ Моленіи Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.: храбра борзо добудеши, а умныи дорогъ *есть*; кому ти *есть* Переяславль, а мнѣ Гореславль; луче ми *есть* тако скончати животь свои; ино *есть* лодія, а иное корабль; ино ти *есть* уменъ, а ино безуменъ; Ев. Тяпинскаго XVI в.: береме мое легко *есть*, одинъ *есть* вашъ учитѣль, свадьба готова *есть*, якъ аныгели *суть*, хто *суть* братья моя. Въ настоящее время формы 3-го л. глагола *быть* почти исчезли изъ русскаго яз., такъ что мы имѣемъ цѣлый рядъ предложеній безъ сказуемаго. Форма *суть* въ пародномъ языкѣ совсѣмъ не встрѣчается (уродливыя выраженія, въ родѣ яко-бы народнаго выраженія гр. А. Толстого: кто мы такіе *суть*, ему чужды); а форма *есть* употребляется главнымъ образомъ съ значеніемъ *имѣется*, *существуетъ*: *есть* книга, *есть* дѣло, это онъ и *есть*, это они и *есть*, такъ и *есть*, причемъ, будучи сказуемымъ, можетъ имѣть при себѣ подлежащее во множ. ч.: у васъ книги и правила *есть*, грамота 1525 г., Ак. Арх. Э. I, 141; у васъ на тотъ лугъ крѣпости *есть* ли, *есть* у насъ правые грамоты, грамота 1542 г., Ак. Оед.-Чех. I, 87; нужныя вещи всѣ *есть*, Житіе Зосимы Соловецк. по сп. Рум. Муз. № 1; современн. московск.: книги у меня *есть*, *есть* разныя книги (срв. др.-русск. *суть* ми орудия въ Руси=*есть* у меня дѣла, Новгородская лѣт. XIV в. 159; *суть* гради ихъ до сего дне, *суть* у него сынове, Лаврентьевск. сп. л. 12, 26; *суть*

ны с тобою рѣчи, *суть* ми ѣще орудьца, Ипатскій сп. л. 340, 364; также срв. греч. *ἔστι ἕμους καὶ βουσί* и т. п.). Употребленіе формы *есть* съ главнымъ значеніемъ (связки) существовало довольно долго, иногда при подлежащемъ множ. ч. или 1-го и 2-го л. ед. Ев. 1399 г.: азъ и отецъ ѡдино *есть* 14; Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ нихъ же *есть* поляне в Киевѣ и до сего дне (въ другихъ спискахъ: *суть*); Познанскій сборникъ XVI в.: хто *есть* ты, я *есть* гость, я *ест* Бово (даже: велми *ест* ранень *еси*). Между прочимъ любопытно употребленіе ея въ Описаніи турецкой имперіи, составленномъ великоруссомъ во второй половинѣ XVII в.: пушекъ много *есть* лежить и т. п. (часто, при формахъ настоящ. врем.). Оно и теперь существуетъ еще въ нашемъ литературномъ языкѣ, но почти неизвѣстно въ языкѣ народномъ; въ былинахъ: *есть* я старъ казакъ, я неженатый *есть*.

Опущеніе формъ *есть*, *суть* повело къ опущенію формъ *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте* послѣ того, какъ при этихъ формахъ утвердились личныя мѣстоименія (Лаврентьевск. сп. л.: *ты* князь ли *еси*, *азъ* *есмь* мужъ его 65). Оно восходитъ по меньшей мѣрѣ къ XIV в.: Лаврентьевск. сп. л.: *мы* недужи противу вамъ стати 68 (то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ), *азъ* имъ противень 23, се азъ готовъ уже 267, *ты* господинъ, *ты* отецъ 367 и др., безъ *есмь*, *есмъ*, *еси*; Слово о полку игор.: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый *ты*, Игорю; а *мы*, дружина, жадни веселіа. Форму 1-го л. *мы* читаемъ въ записи Уваровск. рукописи 1473—1477 г. № 338: силно *есмь* радъ, коли кончалъ строку послѣднюю. Формы 2-го л. еще не рѣдкость въ XVI и XVII вв.; они находятся и въ московскихъ грамотахъ этихъ столѣтій, и въ зап.-русск. Ев. Тяпинскаго (здѣсь: знаю те, хто *еси* святой Божий; бологий *еси*, Симоне; што страшливы *есте*, и др.); но едва ли въ это время они были для всѣхъ понятны (Сборникъ к. XV в. Син. Библ. № 951: подобаеть істинуму христианину видѣти, что *еси* Богъ 11, камень *еси* Христова церковь 13 об. и т. п., гдѣ *еси*—есть). Нашъ литературный языкъ не знаетъ формъ 1-го и 2-го л., но въ великорусскихъ говорахъ, впрочемъ исключительно въ пѣсняхъ, встрѣчаются двѣ изъ нихъ: ой ты гой *еси*, вы дочери *есте* купецкія, а въ малорусскомъ нарѣчій одна: добре *еси*, мій кобзарю...

Формы *нъсмь*, *нъси* и т. д., кромѣ формы *нъ*—нѣтъ, давно

вышли изъ живого употребленія и уже въ концѣ XIV в. были, повидимому, непонятны. По крайней мѣрѣ писецъ Ев. 1399 г. очень часто (почти постоянно) замѣняетъ древнія *нѣсмь* и пр. сложными *не есмь*: нѣ есть 6 об., нѣ ѡсьмь 8 об., нѣ есмь 22, нѣ есте 11 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт. мы читаемъ: нѣ есмь 227.

Впрочемъ двѣ изъ этихъ формъ сохраняются еще русскимъ языкомъ въ качествѣ частицъ. Нашъ союзъ *если*—не что иное какъ соединеніе формы *есть*, составлявшей нѣкогда самостоятельное предложеніе, съ союзомъ *ли* если (срв. въ записи Словъ Исаака Сирина 1428 г. Публ. Библ.: *есть* пакъ хочеть пойти на нихъ, самъ бываше—если же хочеть...). Великорусская частица *семъ*, обычная въ началѣ фразы передъ мѣстоименіемъ *я*: *семъ* (или *семъ* ка) *я* погляжу и т. п. и какъ будто лишенная значенія, кажется, восходить къ формѣ *есмь*, чрезъ посредство *есьмь*, *есеьмь* (срв. выше, стр. 53); послѣднюю форму мы находимъ въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 37 об.; срв. сербск. *jesam* и *sam*, чешск. *sem* (*a, e* изъ *z* или *z*).

XI. Удареніе.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи русскаго ударенія древнѣйшей эпохи. Хотя греческій литургическій уставъ IX—X вв., давшій начало нашему уставному письму XI—XIV вв., обыкновенно имѣлъ ударенія, тѣмъ не менѣе ихъ нѣтъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ. Одинъ изъ старшихъ русскихъ памятниковъ съ удареніями—Чудовской Новыи Завѣтъ половины XIV в., соединяющій въ себѣ живыя ударенія современнаго писцу великорусскаго нарѣчія съ традиціонными удареніями церковнаго текста. За нимъ слѣдуетъ рядъ памятниковъ XIV и XV вв., или восходящихъ къ средне-болгарскимъ оригиналамъ, или вообще имѣющихъ въ своемъ правописаніи (а слѣдовательно, и въ удареніи) слѣды южно-славянскаго вліянія. Рукописи XVI и особенно XVII вв. съ удареніями представляютъ уже обычное явленіе; одна изъ нихъ—огромный Хронографъ, составленный въ Москвѣ по приказу московскихъ государей и получившій окончательную редакцію въ первой половинѣ XVII в. (послѣдняя часть этого Хронографа съ описаніемъ событій XVI в.—извѣстна подъ названіемъ Царственной книги). Сверхъ того, имѣютъ ударенія всѣ книги церковной печати, московскія, западно-русскія, южно-русскія, какъ свѣтскаго (московская Книга ратнаго строенія 1647 г., Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г., кievскій Лексиконъ Памвы Беринды), такъ главнымъ образомъ церковнаго характера; изъ послѣднихъ ударенія перешли въ новѣйшія церковныя книги.

Въ виду скудости древняго матеріала и неразработанности матеріала поздняго, XVI—XVII вв., мы можемъ говорить о древнѣйшей исторіи нашего ударенія отчасти на основаніи фонетическихъ явленій, въ родѣ опущенія гласныхъ (оно часто свидѣтельствуетъ

объ исконномъ отсутствіи ударенія на опущенномъ звукѣ), а главнымъ образомъ на основаніи сравнительнаго изученія нашего ударенія. Здѣсь намъ приходится пользоваться прежде всего данными по ударенію родственныхъ языковъ, какъ не-славянскихъ: литовскаго, санскритскаго, греческаго, такъ особенно славянскихъ, сохраняющихъ свободу ударенія: сербскаго (чакавскаго нарѣчія), словинскаго и ново-болгарскаго; само собою разумѣется, имѣютъ очень большое значеніе данныя по ударенію какъ церковно-славянскихъ Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ и церковно-славянскихъ стихотвореній IX—X вв., такъ и средне-болгарскихъ и сербскихъ рукописей и печатныхъ книгъ XIII—XVII вв. Затѣмъ намъ необходимо пользоваться данными русскихъ говоровъ, которые въ области ударенія представляютъ очень много отличій отъ нашего литературнаго языка; между прочимъ, весьма цѣнны по своей архаичности данныя по ударенію произведеній великорусской народной поэзіи (пѣсень и пословиць). Однако мы должны имѣть въ виду, что сравнительное изученіе нашего ударенія (какъ и вообще сравнительное изученіе явленій языка) не позволяетъ приходиться къ такимъ надежнымъ выводамъ, какъ изученіе историческое, и потому мы должны ограничиться лишь немногими замѣчаніями.

Природа ударенія бываетъ двоякая. Языки санскритскій и греческій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, имѣли удареніе хроматическое, основанное на повышеніи голоса. Оно извѣстно теперь въ нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ. Современные западно-европейскіе языки имѣютъ удареніе экспираторное, выдыхательное, которое основывается на усиленіи голоса. По всей вѣроятности, въ общеиндоевропейскомъ языкѣ было хроматическое удареніе, для долгихъ гласныхъ то восходящее, или повышающееся ($\bar{a} = a\acute{a}$), то низходящее, или понижающееся ($\bar{a} = a\grave{a}$). Это хроматическое удареніе должно было перейти изъ общеиндоевропейскаго языка въ общеславянскій (какъ перешло въ греческій) и въ немъ превратиться въ хроматическо-экспираторное (едва ли не сходное съ тѣмъ, которое было въ латинскомъ и существуетъ теперь въ литовскомъ и сербскомъ). Русскій языкъ, выступившій на историческое поприще лишь со скудными остатками древнихъ долгихъ звуковъ и потомъ, при исчезновеніи изъ произношенія массы глухихъ (з и ъ), въ одной, сѣверо-восточной, своей части совсѣмъ не приобрѣтшій но-

выхъ долгихъ гласныхъ, въ другой, юго-западной, —пріобрѣтшіи ихъ, повидимому, лишь на короткій сравнительно срокъ, быть можетъ, въ историческое время еще обладалъ удареніемъ хроматическо-экспираторнымъ, но вѣроятно, очень давно замѣнили его тѣмъ самымъ выдыхательнымъ удареніемъ, которое существуетъ въ немъ теперь.

Удареніе можетъ быть свободнымъ и не свободнымъ. Свободное удареніе—то, которое находится въ различныхъ словахъ на различныхъ частяхъ словъ; несвободное удареніе прикрѣпляется къ одному или въ немногимъ извѣстнымъ мѣстамъ словъ: въ однихъ языкахъ мы видимъ его всегда на начальномъ слогѣ, въ другихъ—всегда на концѣ слова (во французскомъ языкѣ); въ латинскомъ языкѣ оно стоитъ на 3-мъ слогѣ отъ конца при 2-мъ краткомъ, и на 2-мъ, когда онъ долгій; въ пѣмецкомъ языкѣ удареніе ставится или на гласномъ корня, или въ главномъ аффиксѣ, вообще на наиболѣе существенной части слова. Свободное удареніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Неполное удареніе наблюдается, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ: въ немъ удареніе не идетъ отъ конца дальше 3-го слога при конечномъ краткомъ и дальше 2-го слога при конечномъ долгомъ. Полнѣйшая свобода въ удареніи наблюдается въ языкахъ санскритскомъ и русскомъ. Въ санскритѣ мы нерѣдко находимъ удареніе на 5-мъ, даже на 7-мъ слогѣ; въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ удареніе на всевозможныхъ слогахъ; такъ, оно находится на 4-мъ слогѣ отъ конца въ словахъ человѣческаго, опро-метью, всенощная, похороны, на пятомъ слогѣ въ милостивые, милостиваго, на 6-мъ — въ всемілостивѣйшему, выдвинувшіеся, на 7-мъ—въ воспитывающіеся, складывающіеся (въ послѣднихъ четырехъ словахъ—со слабымъ вторымъ удареніемъ на концѣ). Сверхъ того, русскій языкъ имѣетъ значительное количество словъ, могущихъ терять удареніе. Именно, цѣлый рядъ существительныхъ, нечленныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ соединеніи съ предлогами становится энклитиками, передавая предлогамъ удареніе: по́дъ нось, за́ мужъ, на́ руку, за́ ногу, бѣзъ толку, по́ двору, па́ берегъ, на́ сторону, на́ сковороду, на́ людяхъ, за́-ново, изъ-красна, изъ-зелена, на́-весельѣ, на́ босу но́гу, прѣ-что, за́-что, для́ чего; срв. въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: на́ горы, на́ мори, на́ брезѣ, на́ землю, по́ ряду, до́ крове, до́ вечера, бѣзо́ чти, во́ имя, на́ люди, на́ се, на́ вы

и т. п.; въ Лѣчебникѣ XVII в. Син. Бабл. № 481: за локоть, на полы, на попель и т. п.; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: въ земли, на земли, отъ земля, до вѣка и т. п.; соврем. ново-болгарскія: на душа, на глава, на ржка и т. п. Небольшая группа глагольных формъ прошедшаго времени (муж. и средн. р. ед. и множ.) также можетъ превращаться—въ соединенія съ *не* и *ми*—въ энклитики: не (ни) былъ, не было, не были, не взялъ, не взяло, не взяли, не бралъ, не брали, не далъ, не дали, не спалъ, не спали и т. д. (еще форма 3 л. ед. не вѣсть, и причастія: не видя, не глядя, не хотя), а другая группа тѣхъ же формъ муж. р. ед.—въ соединеніи съ мѣстоименнымъ элементомъ *ся*—можетъ дѣлаться проклятиками, уступая удареніе мѣстоименію: взял-ся, принял-ся, занял-ся, брал-ся, спил-ся, поклял-ся, завил-ся (рядомъ: взялъ-ся и т. п.). Срв. въ названной выше средне-болгарской Псалтыри: *въмѣнися* 101, *възвратися* 108 об. (аор.). Древняя форма сослагательнаго наклон., нынѣшняя частица *бы*, постоянно употребляется у насъ какъ энклитика: кто-бы, что-бы, онъ-бы, если-бы, сказалъ-бы и т. п. Наконецъ, частица *было* при формахъ прошедш. вр. также является у насъ постоянно въ видѣ энклитики: я пошелъ *было*, я *было* пошелъ и т. п.—По всей вѣроятности, индоевропейское удареніе было столь же свободно, какъ и удареніе санскритское и русское, такъ что русское удареніе въ своей свободѣ имѣеть остатокъ глубокой древности.

Если мы обратимся къ частностямъ, то увидимъ, что русскій языкъ сохранилъ кое-что обще-славянское. Слово, напимѣръ, небо звучитъ у насъ съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ; то же удареніе въ ново-болгарскомъ небо; срв. санскр. *nābhas*, греческ. *νέφος*; слѣдовательно, русское слово сохранило древнее удареніе, находящееся и въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ языкахъ, иначе говоря,—сохранило обще-славянское и даже обще-индоевропейское удареніе. Интересно сравнить русское *стó* (изъ *сѣтó*) съ санскр. *ṣatám*, греч. *ἑχάτον*; русск. *снохá* съ санскритск. *spuśá*, русск. *вѣдра* съ лит. *údra*, съ греческ. *ὕδρα*; русск. *рукá* съ новоболг. *ржкá*, литовск. *гапкá*. Равнымъ образомъ не безъинтересно сравненіе сербск. *чакавк. видрó*, *винó*, *зимá*, *гниздó*, *бидá*, ново-болгарск. *жáто*, *женá*, *горá*, *крилó*, *ребрó* и т. п. съ русск. *ведрó*, *винó*, *зимá*, *гнѣздó* и проч. Если мы взглянемъ на систему склоненій

существительныхъ женскаго рода съ удареніемъ въ имен. п. ед. на послѣднемъ слогѣ, то увидимъ, что подобно русскому, литовскій языкъ ставитъ удареніе различно въ различныхъ падежахъ; напри- мѣръ, при имен. рука, борода, зима мы имѣемъ вин. рѹку, бѹроду, зѹму, точно такъ же, какъ въ литовскомъ, при имен. ranka, barzdà, žemà, вин. пад. звучитъ rãpka, bãrzdà, žẽmà. Точно также, если мы рассмотримъ взаимныя отношенія по ударенію формъ имен. п. ед. мужскаго, женскаго и средняго родовъ нечленныхъ прилагатель- ныхъ, то найдемъ, что и здѣсь литовскій языкъ согласенъ съ русскимъ; такъ, у насъ малъ, малá, máло и въ литовскомъ: gėgas, gegà, gėga.

Разнообразіе ударенія въ русскихъ говорахъ довольно значи- тельно: формы имен. ед. великор. засу́ха и засу́ха, дѣвочка и дѣ- вѹчка, лягу́шка и лягѹшка, дѹчка и дочка́, молонья́ и мо́лонья, бе- сѣда́ и малор. бѣси́да, козѣль и онежск. коза́ль, ло́котъ и бѣлор. локо́тъ, ѳстровъ,—а и бѣлор. остро́въ,—à, ѳзеро и бѣлор. озеро́, имя и бѣлор.-малор. имя́, жура́вль и бѣлор. жо́равъ, малор. журавѣ́ль; вдовѹй и вдовѹй, рѣзвѹй и рѣзвѹй (рѣзѹвъ, Пушкинъ), вѣтхій и ветхѹй (срв. въ московскомъ Апостолѣ 1564 г.: ветхо́му 133, вет- ха́го 136 об.), дѹкій и дико́й, крѣпкій и крѣпко́й, гладкій и малор. гладкѹй, родно́й и родно́й, ста́рый и малор. старѹй; формы косвен- ныхъ падежей: род. ед. великор. во́лка и бѣлор. волка́, быка́ и смо- ленск. бы́ка, бара́на и бѣлор. барана́, никогѹ, ничегѹ и новгор. никѹво, ничѹво, бѣлор. ничѹго; твор. ед. ѹтро́мъ, вѣчеромъ и бѣлор. ут́ромъ, вѣчерѹмъ; имен. мн. великор. во́лосы, гѹси и бѣлор. воло- сы́, гусѹи и т. п. Даже литературный языкъ не владѣеть единствомъ ударенія, и мы употребляемъ (иногда съ различными значеніями) формы имен. ед. дѣви́ца и дѣви́ца, дубѹна́ и дуби́на (В. Майковъ), призра́къ и призра́къ (Пушкинъ), своѹство́ и своѹство́, пѣнье́ и пѣнье́ (Грибоѣдовъ); род. ед. ку́ста и ку́ста, чо́рта и (ни) черта́, вѣпрѹ́ и вѣпрѹ́ (Языковъ); имен. мн. ко́злы и козлѹ́, дѹхи́ и духѹ́, гла́зки и глазкѹ́, ѹшки́ и ушкѹ́, во́лки и волкѹ́ (гр. А. Толстой), ко́ни и конѹ́ (Марлинскій), холмы́ и холмѹ́ (Жуковский), вну́чата́ и вну́чата́ (Грибоѣдовъ), взаѹмы́ и взаѹмы́, по ѹтру́ и по утру́, вы- со́ко и высоко́, свысока́, дале́ко и далеко́, изда́лека, вдале́къ, сча́ст- ливъ́ и, счастли́въ, ле́гокъ и легко́къ (Пушкинъ), слегка́, налегкѹ́, домо́вой и домо́вой, и т. п.

Разнообразіе ударенія въ значительной степени зависитъ отъ измѣненій его, происшедшихъ въ русскомъ языкѣ отчасти въ де-

историческую, но главнымъ образомъ въ историческую эпоху. По нашему мнѣнію, русское удареніе потерпѣло довольно много измѣненій. Эти измѣненія въ значительной степени свойственны и другимъ славянскимъ языкамъ; т. е. русскій языкъ во многихъ своихъ новшествахъ совпалъ съ другими славянскими языками, что понятно: измѣненія въ удареніи во всѣхъ славянскихъ языкахъ произошли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ—отъ исчезновенія глухихъ и *и* въ концѣ словъ и отъ вліянія однихъ именныхъ и глагольныхъ формъ на другія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должно было быть много случаевъ ударенія на концѣ словъ, на гласныхъ основы *й*, *а* и *ї*.

Въ санскритскомъ языкѣ слова съ основою на *й* мужескаго рода, особенно имена прилагательныя, почти всегда являются съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *sūpús* сынъ, *gūpús* тяжелый, *mrdús* мягкій, *svādús* сладкій, *açús* быстрый. Многія изъ греческихъ существительныхъ и почти всѣ прилагательныя на *ος* имѣютъ удареніе также на послѣднемъ слогѣ: *βαρός*, *ἥδός*, *ὄχρος*, *εὐρός*. Въ литовскомъ языкѣ всѣ слова на *us* звучатъ съ удареніемъ на концѣ: *medús* медъ, *supús* сынъ, *viršús* верхъ, *aštrús* остръ, *saldús* сладокъ, *budrús* бодръ, *mandrús* мудръ и т. п. Несомнѣнно, обще-славянскій и затѣмъ русскій языки имѣли значительное количество словъ съ основою на *з*, которыя въ послѣдствіи утратили свое старое склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *о*; также несомнѣнно, эти слова должны были имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, т. е. на *з*. Такимъ образомъ обще-славянскія и русскія слова медъ, сынъ, верхъ, мѣдръ и т. п. должны были въ древности имѣть удареніе на конечномъ *з*.

Литовскій языкъ не имѣетъ почти ни одного слова съ окончаніемъ *as* и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ; это, вѣроятно, новая черта въ литовскомъ удареніи, которая явилась вслѣдствіе вліянія однихъ словъ съ окончаніемъ *as* на другія. Въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ количество словъ съ основою на *й* и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ весьма значительно. Всѣ прилагательныя съ суффиксомъ *ra* постоянно имѣютъ въ нихъ удареніе на концѣ: *rudhirás* красный, *iširás* сильный, *çithirás* свободный; *καθάρος*, *πικρός*, *ἰερός*, *μακρός*. Это заставляетъ думать, что русскія слова, образованныя посредствомъ суффикса *ra*, могли нѣкогда имѣть уда-

рение на конечномъ *з* и только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе исчезновенія *з*, перенесли свое удареніе на ближайшій слогъ; т.-е. что прилагательныя въ родѣ добръ, хытръ, щедръ, сыръ въ древнее время могли звучать: добръ, хытръ, щедръ, сыръ.— Слова съ суффиксомъ *la* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ въ большинствѣ случаевъ имѣють удареніе также на концѣ: *sthulás, salilás, bahulás; ἀμαλός, χθαμαλός, τυφλός*. Возможно, что многія изъ русскихъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ нѣкогда также имѣли удареніе на концѣ: кислѣ, рыхлѣ, теплѣ, причаст. былѣ, жилѣ.— Далѣе, причастія съ суффиксомъ *ta* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ очень часто бывають съ удареніемъ на концѣ: *gatás* пройденный, *ditás* связанный, *çrutás* извѣстный; *βατός, γνωστός, κλυτός*. Русскія прилагательныя и причастія съ суффиксомъ *ta* также могли имѣть удареніе на концѣ: густѣ, пустѣ, тлѣстѣ, лютѣ, святѣ, лигѣ.

Если мы обратимся къ словамъ съ основою на *й*, то сопоставленіе словъ русскихъ съ литовскими можетъ намъ показать, что многія русскія слова съ основою на *й* имѣли удареніе, подобно литовскимъ, на послѣднемъ слогѣ: *paktis*—ночѣ, *žvėgīs*—звѣрѣ, *žasis*—гусѣ, *ašis*—осѣ и т. п.

Такимъ образомъ сопоставленіе данныхъ русскаго языка съ данными другихъ индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что русскій языкъ могъ имѣть удареніе на *з* и *ь*, впоследствии исчезнувшихъ.

На то же указываютъ данныя славянскихъ языковъ. Кіевскіе глаголическіе отрывки имѣють нѣсколько формъ род. мн. съ удареніемъ на конечномъ *з*: грѣхѣ, мѣченикѣ, дѣлѣ, дѣвѣ, силѣ. Новоболгарскій языкъ сохранилъ во многихъ именахъ (имен. ед.) удареніе на конечномъ *з* или *ь*: медѣ-т (т—членъ: церк.-слав. медь-мѣ), джбѣ-т (ц.-слав. джбѣ-тъ), мостѣ-т, димѣ-т, умѣ-т, цвѣтѣ-т, светѣ-т, мжѣ-т (ц.-слав. мжѣ-тъ), дждѣ-т, днѣ-т, днѣ-с (ц.-слав. днь-сь), поштѣ-с, есенѣ-с, (*e* изъ *ь*). Новоболгарскія прилагательныя членныя нерѣдко имѣють удареніе на конечномъ слогѣ, на *м*—ц.-олив. *ы*, въ основу котораго легъ старшій *з*: густѣ-јѣт, добрѣ-јѣт, кривѣ-јѣт, левѣ-јѣт, живѣ-јѣт и т. п., изъ густѣи-тъ, добрѣи-тъ, кривѣи-тъ, лѣвѣи-тъ, живѣи-тъ.

Если мы обратимся къ русскому языку, то увидимъ въ немъ самомъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что глухой нѣкогда имѣлъ на себѣ удареніе: днѣ-сь, ночѣ-сь, ономе-днѣ (=днѣ-сь,

ночь-сь; ономь-дни; мѣстн. ед.); имен. ед. прилагательныхъ муж. р. съ удареніемъ на концѣ, въ родѣ великорусск. сырѡй, удалѡй, жилѡй, густѡй, пустѡй, живѡй, слѣпѡй, сѣв.-великор. крѣпкѡй, жаркѡй, гладкѡй, толстѡй (о изъ з); малорусск. жаркій, живій, густій, товстій (и=ы изъ з). Сверхъ того, въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы находимъ: родѡ-сь 13, мирѡ-сь 46 об.

Вліяніе словъ, въ которыхъ исчезъ неударяемый конечный глухой, повело къ исчезновенію ударяемаго конечнаго глухого; отсюда, естественно, произошло передвиженіе ударенія отъ конца къ началу слова, т.-е. вмѣсто ночи, верхъ, добрті явились формы имен. ед. нѡчь, вѣрхъ, дѡбрь. Само собою разумѣется, такого рода перенесеніе ударенія отъ конца къ началу въ тѣхъ формахъ, гдѣ конечный слогъ состоялъ изъ глухого звука (главнымъ образомъ въ формахъ имен. ед.), могло повліять на удареніе въ другихъ формахъ, гдѣ не было въ концѣ глухого звука. Такъ, представляется вѣроятнымъ, что формы, напримѣръ; род. пад. звѣря, нѡчи вѣрху, часа—формы новыя, замѣнившія древнія звѣри, нѡчи, вѣрху, часа, что они перенесли свое удареніе съ болѣе близкаго на дальнѣйшій слогъ подъ вліяніемъ новаго ударенія въ имен. ед.—звѣрь, нѡчь, вѣрхъ, часть.

Конечно, подобныя новыя формы не вполне вытѣснили древнія. Отсюда въ современномъ языкѣ рядомъ архаизмы и новообразования: великор. бѣгомъ, кругомъ, толкомъ (потолкуемъ толкомъ), шаромъ (покати), малор. слѣдомъ и бѣгомъ, кругомъ, толкомъ, шаромъ, слѣдомъ; Петровá дня, Петровú дню и Петрѡва, Петрѡву; пол-часа и часа (род.); изъ печи, въ печи, въ чести, въ части, на знати, въ любви и изъ пѣчи, въ пѣчи, въ чести, въ части, въ знати, въ любви; первѡй, впервые (срв. спервá), частѡй, зачастую, вплотную, начистую и пѣрвый, пѣрвые, частый, частую, плѡтную, чѣстый, чѣстую; милѡй, удалѡй, лютѡй, Толстѡй (фамилія) и мѣлый, удалмѣй, лѡгнѣй, толстѣй; спрѡста и спрѡста; высокѡ, далекѡ, глубокѡ и высоко,--далеко, глубоко; сѣв.-великор. былѡ, малор. булѡ (при великор. былѡй) и великор. было. Кажется, можно признать вполне вѣроятнымъ, что изъ двухъ вариантовъ въ родѣ вышеприведенныхъ тотъ отличается большею древностью, который менѣе сходенъ съ современною формою имен. ед. на з или ь. Точно также изъ великорусскихъ формъ воротá (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ: вратá, соврем. церковн. и ново-болг. вратá) и ворѡта, знаменá и знамена,

первыя древнѣе вторыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ формъ род. мн. воробѣтъ (изъ воротѣ), знаменѣтъ (изъ знаменѣтъ); изъ великор. формъ твор. мн. имѣ, всѣми и ѣми, всѣми первыя древнѣе вторыхъ, явившихся подъ вліяніемъ формъ множ. ч. ѣхъ, ѣтъ и т. д. (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтъ: имѣ 87 об., с-ними 155, всѣми 72, тѣми 116 об. и др.).

Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ можно предполагать перенесеніе ударенія на одинъ слогъ впередъ, есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ удареніе было, повидимому, перенесено съ конечнаго слога не на 2-й, а на 3-й слогъ.

Это—слова съ полногласіемъ: бѣрегъ, голодъ, гóлосъ, со́лодъ и т. п. На перенесеніе въ нихъ ударенія съ конечнаго на 3-ій отъ конца слогъ (болѣе или менѣе древнее) указываютъ ново-болгарскія данныя и русскія членныя прилагательныя. Въ ново-болгарскихъ говорахъ слова брегѣ-тъ, врагѣ-тъ, гладѣ-тъ, гласѣ-тъ, мракѣ-тъ, прахѣ-тъ, жлебѣ-тъ имѣютъ удареніе на концѣ, на з; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2 мы находимъ форму твор. ед. гласомъ 69 об., 133 и др. (отмѣтимъ также лит. saldús сладкій); въ русскомъ языкѣ, вмѣсто ожидаемыхъ берѣгъ, голодъ и т. д. (изъ берегѣ, голодѣ), имѣ соотвѣтствуютъ бѣрегъ, голодъ. Русское воронѣй показываетъ, что нечленная форма вóронъ имѣла нѣкогда удареніе на концѣ; на то же указываютъ прилагательныя золотѣй, дорогѣй, молодѣй, холостѣй, бологѣй при сопоставленіи ихъ съ нечленными формами зóлотъ, дóрогъ и пр. Всѣ эти слова—мужскаго рода. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода съ удареніемъ на концѣ: брашнó, благó, златó, дръвó, чръвó (срв. въ сербской Шафариковой Кормчей 1646 г.: златó 193; соврем. чакавск. дрéвó), и въ нарѣчій блазѣ; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія слова имѣютъ удареніе на 3-мъ слогѣ: бóрошно, бóлого, зóлото, дéрево, чéрево, бóлозѣ (срв. у насъ серебрó и сѣребро). Не излишне замѣтить, что въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ: градó-съ 75, брашнó 27 об., 44, 148 об. и др., рядомъ съ брашно.

Это—прилагательныя въ родѣ свѣтелъ, грóзень, дóлженъ, дурень, красень, рóвень, сѣлень, смиренъ, чúденъ, чéстенъ. Ихъ варианты: свѣтѣлъ, грозѣнь, должонѣтъ, дурѣнь, красѣнь, ровѣнь, сѣленѣтъ, смиренѣтъ, чудѣнь, ясѣнь, безъ сомнѣнія, сравнительно съ

ними—архаизмы: срв. хитёръ, умёнъ (хитеръ и ўмень, кажется, не существуютъ); но они также не сохранили древняго ударенія; послѣднее должно было быть на конечномъ слогѣ и сохранилось въ формахъ дурной, смирной, чудной, честной (срв. греческія прилагательныя на *νός*: ἀληθινός и т. п.). Вѣроятно, удареніе на начальномъ слогѣ появилось прежде всего въ несуществующихъ теперь формахъ свѣтль и т. д. (изъ свѣтль), которыя оказали вліяніе на паралельныя формы свѣтелъ и т. д.

По всей вѣроятности, мы имѣемъ такія же вторичныя новообразованія въ формахъ твор. ед. сынѡмъ, вѣрхѡмъ. Первичныя новообразованія должны были звучать сынѡмь, вѣрхѡмь (послѣдняя форма у насъ еще существуетъ какъ нарѣчіе), а древнѣйшими формами должны были быть формы сынѡмь (срв. лит. *synimī*), вѣрхѡмь.

Вліяніе однихъ формъ на другія могло произвести измѣненіе ударенія, между прочимъ, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было исчезновенія конечнаго глухаго.

То или другое количество падежныхъ формъ членныхъ прилагательныхъ имѣютъ новое удареніе (то же, что въ имен. ед.): род. ед. сухѡго, дурнѡго, хитрогѡ, и т. п.; въ древнихъ формахъ, какъ видно изъ современныхъ фамилій—формъ род. п. ед., сохранившихъ древнее удареніе: Суховѡ, Дурновѡ, Благѡвѡ, Хитровѡ,—удареніе находилось на конечныхъ слогахъ; срв. третьювѡдни; въ Чудовск. Новѡмъ Завѣтѣ: прочагѡ 146 об.; въ рукописяхъ Крижанича (сѣрба-чакавца): доброгѡ, простогѡ, мудрогѡ, драгогѡ, чистогѡ, и др.; соврем. чакавск. род. липегѡ, равнегѡ, жутегѡ, дат. жутему и т. п. Пѣсенное горючми слезьми, изъ горючими, показываетъ, что формы твор. мн. могли быть съ удареніемъ на концѣ: добрыми, добрымъ и т. п.

Можно указать на рядъ падежныхъ формъ существительныхъ, какъ единственнаго, такъ особенно множественнаго числа, по преимуществу новообразованій, какъ на имѣющія такія ударенія, въ древности которыхъ позволительно сомнѣваться. Такъ, передъ нами, по всей вѣроятности новыя ударенія въ формахъ мн. ч.: погребѡмъ, погребѡми, островѡмъ и т. д. (вліяніе имен. мн. погребѡ, островѡ), учительѡмъ и т. д. (вліяніе имен. мн. учителя), и въ формахъ мѣстн. ед.: въ погребѣ, на островѣ. Сверхъ того, замѣчается вліяніе другъ на друга трехъ рядовъ двусложныхъ существительныхъ женск. р. на *а*: 1) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на концѣ (женѡ—женѣ),

2) съ имен. ед. съ удареніемъ на концѣ и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (рука—руку) и 3) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (суша—сушу). Отсюда двойкія формы имен. ед. великорусск. вѣрба и верба, грѣва и грива, губа (губа—не дура) и губа, почва и почва, вьюга и вьюга, туча и туча, великор. нѣга и малор. нѣга; вин. ед. великор. вѣрсту и версту, избу и избу, зорю и зорю, косу и косу, росу и росу, поду и поду, между которыми очень трудно выдѣлить архаизмы и новообразования. Конечно, появленіе новаго ударенія въ имен. ед. ведетъ за собою появленіе новаго ударенія въ род. и другихъ падежахъ единств. ч.

Далѣе, существуетъ взаимное вліяніе трехъ рядовъ глаголевъ такъ называемаго 2-го спряженія: 1) имѣющихъ всѣ формы настоящаго времени съ удареніемъ на концѣ (пой—пойшь), 2) имѣющихъ форму 1-го л. ед. съ удареніемъ на концѣ и прочія формы съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ (гоню—гбнишь) и 3) имѣющихъ во всѣхъ формахъ настоящаго времени удареніе на предпоследнемъ слогѣ (слышу—слышишь). Отсюда также различіе въ удареніи: вѣртишь и вертишь, катишь и катишь, крѣпишь и крѣпишь, крушишь и крушишь, мѣтишь и мѣтишь, родишь и родишь. соляшь и соляшь, за-творишь и творишь, молотишь и молотишь, воротишь и возвратишь, хранишь и хранишь, говорю—говоришь и говорю—говоришь. Выдѣленіе архаизмовъ и новообразованій здѣсь также затруднительно (срв. въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: съкрушиши 3, смѣтитъ 3, възврататса 5 об., съхраниши 10 об.).

Если мы взглянемъ на великорусское удареніе половины XIV в., то увидимъ, что оно нѣсколько отличалось отъ современнаго великорусскаго ударенія вообще и литературнаго въ частности.

Вотъ особенности въ удареніи именныхъ и глагольныхъ формъ въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ. Слова женскаго рода на *а* нерѣдко имѣли формы имен.-вин. множ. съ удареніемъ на концѣ: жены, сестры, рѣки, слугы, бѣды, главы, овца (срв. въ Уложеніи ц. Алексея Михайловича: жены, сестры; у В. Майкова: сестры, суды, суды; у Ипп. Богдановича: бѣды, войны, суды; у Грибоѣдова: суды, и т. п.; также срв. чакавск. женѣ, сестрѣ). Слова женскаго рода на *ь* сохраняли еще большое количество формъ съ удареніемъ на

концѣ: родит. плоті, немощі, ярості, ревності, мѣстн. по плоті, в часті, в вещи, в немощі, в благості, в кротості, в четверті, вин. мн. двері, похоті (рядомъ: род. нощи, смѣрти, твор. нощью, мѣстн. в нощи, в плоти, им. мн. власти и т. п.). Формы сравнительной степени имѣли относительно часто удареніе на концѣ: болѣ Ионы сдѣ и т. п., боліи, болші (женск. р.), болшіа (множ.), менші, крѣпшіи (срв. соврем. формы положит. степени: большій, меньшій, старшій). Формы 2-го л. мн. изъяснительнаго наклоненія очень часто были съ удареніемъ на концѣ: живете, хотите, можете; пьете, рчете, пропнете, иженете, мните, стоите, разрѣшите, створите, отпустите, ядите и др. (какъ отчасти въ современныхъ говорахъ). Формы неопредѣленнаго наклоненія также были нерѣдко съ удареніемъ на окончаніи: яті, зяті, зяті, сняті, клятися, толщя, жретя, умретя, отврестя, почестя, помощя, огрѣбатися и др. (рядомъ ясти и т. п.). Формы причастій настоящаго, а отчасти и прошедшаго врем., членныя и нечленныя, нерѣдко имѣли удареніе на концѣ или близко отъ конца: имущѣ (мн.), бьющѣ, пьющѣ, зовущѣ, несущѣ, убивающѣ,носящѣ, ядущѣ, лжущѣ (мн.), видящя (ед.), перущя (род.), грядущя, бранящя, толкущему, сѣдящя (вин. мн.), грядущя, творящя и т. п. (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: чьстащѣ); спедшю (дат.), явльшагося и др. (рядомъ: тружающися, могущаго, исходящя и т. п.; пришедше, ошедшема и т. п.; срв. современн. великор. идучи, несучи и т. п.).

Вотъ нѣсколько словъ съ удареніемъ отличнымъ отъ современнаго литературнаго: воля, род. воля, вин. воліа; морѣ, дат. моріа (и море); горѣ; дат. новому, мн. вся нова (и новыи, род. вина нова; срв. пѣсенн. изъ Новя города, новія ворота и т. п.); о лѣвю, лѣвими; вѣчню, вѣчными (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: вѣчнаѣ, средн. р.); дв. ч. о бѣсною; одежею свѣтлю; им. ед. третій (срв. соврем. самъ третей); единъ, едина, едино, вин. единю, им. мн. едині (при единого, единому, о единомъ); онъ, во время оно, оноб, оному, во дни оніа; терплю (и терплю); творю, створю; вѣлю; учиши, учить.

ХII. Заключение.

Мы изложили исторію звуковъ и формъ русскаго языка—главную и важнѣйшую часть исторіи языка — и должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Ходъ развитія русскаго языка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Русскій языкъ древнѣйшей эпохи былъ *однимъ* языкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлился на говоры, изъ которыхъ говоры сѣверо-западнаго угла древней Руси—новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій—выдѣлялись въ отдѣльную группу, благодаря особенностямъ своего консонантизма. Прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти тождественны, и всѣ ихъ отличительныя черты заключались въ различной звуковой окраскѣ очень немногихъ словъ (*дѣжжѣ* и *дѣжчѣ*) и въ различныхъ окончаніяхъ очень немногихъ формъ (*ѣсме* и *ѣсмо*).

Исчезновеніе глухихъ *з* и *ѣ* повело къ раздѣленію русскихъ говоровъ на двѣ группы—юго-западную и сѣверо-восточную. Большая часть древнихъ говоровъ: новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій, западно-русскій, средне-русскій и, вѣроятно, кievскій, утративъ въ массѣ случаевъ глухіе, черезъ это не потерпѣли никакихъ важныхъ измѣненій въ своемъ вокализмѣ; напротивъ того, въ меньшинствѣ говоровъ, точнѣе—въ говорѣ галицко-волинскомъ, исчезновеніе глухихъ повело къ тому явленію, которое имѣло мѣсто въ сосѣднихъ съ ними западно-славянскихъ языкахъ, польскомъ и чешскомъ,—къ образованію долгихъ гласныхъ.

Долгія *е* и *о*, возникшія въ галицко-волинскомъ говорѣ (*нѣчь*, *кѣнь* и т. п.), сначала отличались отъ краткихъ *е* и *о* (*нѣчь*, *кѣнь*), оставшихся въ прочихъ русскихъ говорахъ, только количествомъ, и

вслѣдствіе этого не могли быть сколько-нибудь значительною, рѣзкою особенностью. Но мало-по-малу долгота *e* и *o* повела къ измѣненію качества этихъ звуковъ какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Къ XIV в. въ значительной части галицко-волынскаго говора долгія *e* и *o* превратились въ дифтонги или въ *i* и *y* (*ниць, кунь*); къ тому же времени въ немъ совершился переходъ *ъ* въ дифтонгъ или въ *i* и отождествленіе древнихъ *и* и *ы*. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной группѣ русскихъ говоровъ не имѣло мѣста ни одно изъ названныхъ явленій. Такимъ образомъ произошло обособленіе двухъ частей русскаго языка—юго-западной и сѣверо-восточной, иначе говоря,—окончательное образованіе нарѣчія малорусскаго съ одной стороны и великорусско-бѣлорусскаго съ другой, изъ которыхъ каждое затѣмъ стало самостоятельно развивать дальнѣйшія особенности въ области какъ звуковъ, такъ отчасти и формъ.

Сѣверо-восточная часть русскаго языка въ свою очередь распалась на двѣ группы. Не позднѣе XIV в. получило свое начало аканье, или измѣненіе качества неударяемыхъ *o*, *a*, *e*. Оно явилось въ южной группѣ сѣверо-восточной части, оставшись чуждымъ группѣ сѣверной, и такимъ образомъ великорусско-бѣлорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры акающіе — южно-великорусско-бѣлорусскіе (древній западно-русскій говоръ, смоленско-полоцкій и часть среднерусскаго) и на говоры окающіе — сѣверно-великорусскіе (древній новгородскій говоръ и часть среднерусскаго). Въ XV в. аканье было уже сильно и отдѣленіе другъ отъ друга говоровъ акающихъ и окающихъ уже завершилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало раздѣленіе южной группы сѣверо-восточной части, благодаря переходу въ западныхъ говорахъ этой группы мягкихъ *d* и *t* въ *dz* и *ц*. Такимъ образомъ въ нихъ явилась новая звуковая особенность, оставшаяся почти совсѣмъ чуждою восточнымъ говорамъ той же группы; она вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими звуковыми чертами (постоянная твердость *p*, переходъ твердаго *л* въ рядѣ случаевъ въ *й* и др.) послужила причиною отдѣленія говоровъ бѣлорусскихъ, съ *dz* и *ц*, отъ говоровъ южно-великорусскихъ съ мягкими *d* и *t*.

Каждая изъ названныхъ частей русскаго языка имѣеть крупныя особенности, отсутствующія въ другихъ частяхъ. Напримѣръ, многіе говоры малорусскаго нарѣчія имѣють *i* тамъ, гдѣ великорусское и бѣлорусское нарѣчія сохраняють древнія *e* и *o* (*нѣчь, кнѣчь*—*печь, коня*); наоборотъ, все малорусское нарѣчіе удерживаетъ древнія *e* и *o* въ слогахъ безъ ударенія, замѣненныя въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ черезъ *и*, *а* (*печіи*, мѣстн. отъ *нѣчь, коня*—*пичи, пачи, камі*).

Рядомъ съ такого рода особенностями, отличающими одно нарѣчіе или говоръ отъ другого, есть много важныхъ чертъ, общихъ разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ и соединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Всѣ русскія нарѣчія и говоры сохраняють искенныя особенности русскаго языка—полногласіе, *ж* изъ *д*, *ч* изъ *т*, *л* послѣ губныхъ изъ *ј*, формы дат. ед. прилагательныхъ на *ому* и т. п.

Цѣлый рядъ явленій, развившихся въ русскомъ языкѣ въ историческую эпоху, свойственъ также всему русскому языку. Это—исчезновеніе глухихъ, большая часть слѣдствій исчезновенія глухихъ, переходъ сохранившихся глухихъ въ *o* и *e*, переходъ *e* въ *o*, неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы*, смѣшеніе основъ, смѣшеніе падежей и т. п.

Другія историческія явленія русскаго языка находятся въ болѣе части русскихъ говоровъ. Почти все великорусское, все бѣлорусское и часть малорусскаго нарѣчія имѣють въ концѣ словъ согласные глухіе на мѣстѣ звонкихъ. Все бѣлорусское, все малорусское и часть великорусскаго нарѣчія знаютъ *у* изъ *в* и наоборотъ и имѣють *и*=*h*. Во многихъ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ *ж*, *ш* и *ц* звучатъ твердо. Значительная часть великорусскихъ и всѣ бѣлорусскіе говоры имѣють *e* вмѣсто древняго ударяемаго *ь* и т. д.

Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Уже давно обращено вниманіе на близость сѣверно-великорусскаго и малорусскаго нарѣчій (сохраненіе *o* безъ ударенія и вообще неударяемыхъ гласныхъ). Точно также давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому, что дало поводъ даже включать первое въ составъ второго. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не тре-

буеть никакихъ указаній или доказательствъ. Вообще по своему взаимному сходству русскія нарѣчія могутъ быть соединены въ слѣдующія четыре пары:

сѣверно-великорусское и южно-великорусское,
 южно-великорусское и бѣлорусское,
 бѣлорусское и малорусское,
 сѣверно-великорусское и малорусское.

Около XVI в. русскій языкъ въ значительной части своихъ чертъ, звуковыхъ и формальныхъ, былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Послѣ этого времени къ числу особенностей русскихъ говоровъ не прибавилось ничего важнаго, точно также какъ ничего и не убавилось. Измѣненія произошли только въ территориальномъ расположеніи равныхъ частей русскаго языка.

Малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI в. расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтїи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережья Чернаго моря.

Южно-великорусское нарѣчіе, которымъ говорили жители сравнительно небольшой области между верховьями Волги, Дона, Донца, Днѣпромъ и Окою, съ XVI в. начало медленно подвигаться съ одной стороны на востокъ—къ Волгѣ, съ другой на югъ и мало-по-малу приблизилось къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Сверхъ того, сдѣлавшись, въ лицѣ одного изъ своихъ говоровъ—московскаго, языкомъ правительства, литературы и науки, оно нашло себѣ представителей во всѣхъ концахъ русскихъ владѣній.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе, къ XVI в. уже занимавшее всю сѣверную часть Поволжья, нынѣшнюю Вологодскую, Олонецкую, отчасти Архангельскую, Вятскую и Пермскую губерніи,—съ этого столѣтїя также значительно расширило свои границы. Покореніе Казанскаго царства повело къ движенію въ его предѣлы сѣверно-великорусскихъ колонистовъ, которые затѣмъ двинулись отчасти на югъ (ихъ потомки, мѣняющіе звуки *и* и *ч*, теперь живутъ, между прочимъ, въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ), но главнымъ образомъ на востокъ—въ Привуралье и Сибирь.

Бѣлорусское нарѣчіе, уже выдвинувшееся нѣсколько на сѣверъ— въ смоленско-полоцкую область, послѣ XVI в. почти не измѣнило своихъ границъ. Можно указать лишь на распространеніе его немного на востокъ, въ нынѣшнюю Черниговскую губернію, гдѣ «литовское» нарѣчіе стало слышаться, вѣроятно, не ранѣе начала XVII в., когда эта часть древней Сѣверщины вошла въ составъ польско-литовскаго государства.

Около того же времени — въ XVI—XVII вв.—исчезъ говоръ кievскій и сократились въ своемъ территоріальномъ объемѣ говоры псковской и смоленско-полоцкій.

Слѣды перваго теряются очень рано, въ XII—XIII в., и трудно опредѣлить, насколько онъ пережилъ страшный погромъ Батюга. Памятники послѣ-татарскаго времени, XIV—XVI вв., писанные въ Кіевѣ, не даютъ вполнѣ ясныхъ указаній. Кіевская Псалтырь 1397 г. написана человѣкомъ пришлымъ, великоруссомъ; Ев. 1411 г. (находящееся въ кievскомъ Николо-Пустынскомъ монастырѣ) представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ малымъ количествомъ руссизмовъ (между которыми ѣ въ гдѣ 144 об., нигдѣ 260, прѣшлѣше 44, нѣсть 65, вѣсть 228 об., зьмлѣ 135 об., зьмля 212 об., е въ о беснѣмъ 2 об., на пѣсцѣ 22, въ заповедехъ 152 об. и др.); языкъ вкладной князя Долгодата Долгодатовича 1427 г. (вписана въ Ев. 1411 г.; Срезневскій, Св. и зам. LXV)—официальный западно-русскій; духовная князя Андрея Владимировича 1446 г. (Румянц. Муз.) не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ; грамота князя Семена Александровича 1450 г. (снямокъ съ нея на сквозной бумагѣ находится въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи; издана, неособенно точно, у Антоновича и Козловскаго: «Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по 1569 г.», Кіевъ, 1868), выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и написанная на официальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: всюя отчизнѣ, дидизнѣ, при томъ всюмъ, унѣ (=онѣ), притисъненъемъ, завишенъемъ; но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынской уроженецъ, и вообще служить крайне-слабымъ доказательствомъ принадлежности кievскаго населенія половины XV в. къ малорусскому племени; Кіевскій Помянникъ (Печерской Лавры)

первой половины XVI в. состоитъ изъ длиннаго ряда собственныхъ именъ и имѣеть такую яркую особенность южно-великорусской фонетики, какъ аканье (см. стр. 80), рядомъ съ *д* и *т* изъ *з* и *ж* (см. стр. 132), съ *л* изъ *в* (см. стр. 124), съ *ѣ* изъ *х* (см. стр. 128); онъ даетъ основаніе думать, что во время его написанія въ Кіевѣ слышался говоръ болѣе или менѣе близкій къ южно-великорусскимъ говорамъ. Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV в., нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были къ XVII в. уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ словарнымъ матеріаломъ. Отсюда теперь около Днѣпра типичныя малорусскія уменьшительныя имена собственные на *ико*, съ, *ся*: *Гришко*, *Петрусь*, *Маруся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: *Мьстиша* (=Мьстиславъ?), *Путьша* (=Путята?), *Ратьша* (=Ратьмиръ?), *Святоша* (=Святославъ); срв. въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв., русскихъ и латинскихъ: *Гришко*, *Стешко*, *Яшко*.

Псковской говоръ несомнѣнно еще существовалъ во Псковѣ въ началѣ XVI в.; по крайней мѣрѣ псковская грамота 1483 г. (дошедшая въ копіи XVI в.; Ак. Юр. № 2) и двѣ псковскихъ Пален, 1494 и 1518 г. (Рум. Муз.; вторая—списокъ съ первой), еще имѣють въ своемъ языкѣ псковскія особенности. Но послѣ этого времени мы не находимъ уже никакихъ достовѣрныхъ его слѣдовъ. Причины его исчезновенія во Псковѣ неизвѣстны. Исторія Пскова не указываетъ, чтобы въ XV в. или въ слѣдующихъ онъ испыталъ какіе бы то ни было погромы (кромѣ осады Баторіемъ) или страшныя бѣдствія, вслѣдствіе которыхъ онъ могъ бы лишиться древняго населенія и сдѣлаться удобнымъ мѣстомъ для поселенія переселенцевъ съ юга и востока (впрочемъ псковской лѣтописецъ XVI в. не разъ жалуется на притѣсненія московскихъ чиновниковъ и на запустѣніе псковской земли: «быша дѣяки мудры, а земля пуста», подъ 1528 г.; Полн. с. р. лѣт. IX, 297; писцовая книга 1585—1588 гг. также указываетъ на сильное запустѣніе псковскихъ пригородовъ; Чечу-

линъ, Города московскаго государства въ XVI в., 82). Вслѣдствіе этого намъ приходится ограничиться констатированіемъ факта.

Смоленско-полоцкій говоръ въ началѣ XV в. несомнѣнно еще существовалъ въ Полоцкѣ. Когда онъ исчезъ изъ большей части мѣстъ древнихъ смоленской и полоцкой областей, мы не имѣемъ возможности указать; равнымъ образомъ намъ остаются неизвѣстными и причины вытѣсненія его изъ этихъ областей бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ, явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ.

Изъ литературы предмета.

Сокращенія: Arch. = Archiv für slaviache Philologie; — Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; — Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ; — Р. Ф. В. = Русскій Филологическій Вѣстникъ.

Abel. Gross- und Kleinrussisch. Aus Pechester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie, gehalten an der Universität Oxford. Uebersetzt von R. Dielitz. Leipzig und Berlin, 1885 (срв. „Кіевскую Старину“ 1885 г. № 11).—Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej. Томы II, VII, VIII. Lwów, 1870—80.—Амфилохій архим. Описание Евангелія 1092 г. М. 1877.—Описание Юрьевского Евангелія 1118—1128 г. М. 1877.—Четвероевангеліе Галицкое 1144 г., сличенное съ древнеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатными Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангеліемъ текстомъ 833 г. Три тома. М. 1884 (указатель погрѣшностей въ текстѣ Галицкаго Ев. у Воскресенскаго: Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія. Спб. 1888).—Апокалипсисъ XIV в. Румянцевскаго Музея. М. 1886.—Аппель. О бѣлорусскомъ нарѣчій (Р. Ф. В. 1880 г. № 2).—Archiwum ksiąząt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. I. Lwów, 1887.—Бандуровъ. Евангеліе-апракосъ XIV в. Имп. Публ. Библ. какъ памятникъ древне-русскаго языка (Р. Ф. В. 1905 г. № 2).—Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Часть 2-ая. О кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848.—Бобровъ. Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 г. (Р. Ф. В. 1902 г. № 3).—Богородицкій. Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ. Казань, 1884.—Общій курсъ русскаго языка (изъ университетскихъ лекцій). Изданіе 2-ое. Каз. 1907.—Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.—(Бодянский). Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Эзарха болгарскаго по харатейному списку Моск. Синод. Библиотеки. М. 1878.—Водуэнъ-де-Куртенз. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Воронежъ, 1877.—

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воротынецъ, 1882. — Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886. — Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. — Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. Фонетика. М. 1892. — Brückner. Ein weisrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Arch. IX). — Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Каз. 1896 (срв. „Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г.“, ст. Шахматова). — Лекціи по исторіи русскаго языка. Каз. 1907. — Будиловичъ. Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI в. Спб. 1871 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1872 г. № 8, 11). — Буславевъ. Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 4-е. М. 1875. — Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861. — Васильевъ. Новгородское Евангеліе Имп. Публичной Библиотеки и его западно-русскія владныя (Р. Ф. В. 1902 г. № 1). — Языкъ бѣломорскихъ былинъ (Изв. VII). — Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Оболенскомъ говорѣ (Изв. IX). — Нѣсколько разъясненій (по ударенію). (Р. Ф. В. 1907 г. № 1). — Верхратскій. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen (Arch. III). — Ветуховъ. Еще къ вопросу о частицахъ или присловьяхъ *стани, ста, сто, осу, съ, се* (Р. Ф. В. 1900 г. № 1). — Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой Библиотеки). Казань, 1878. — Волковъ. Отрывокъ Апостола XIII в. (Р. Ф. В. 1890 г. № 4). — О не новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Ев. (Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 12). — Wolter. Einige Eigenthümlichkeiten des Galizischen Aprakosevangelium vom Jahre 1266 (Arch. VI). — Востоковъ. Филологическія наблюденія. Издавъ И. Срезневскій. Спб. 1865. — Особенность просторѣчія (Извѣстія Академіи Наукъ, VIII). — Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre von Kleinrussischen Accent. — Ueber den Accent der Verba im Kleinrussischen (Arch. II). — Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen (Arch. VII). — Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебна-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ („Научный Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы“: Львовъ, 1865—1867, и отд., Львовъ, 1867). — Грумскій. Къ исторіи ударенія въ памятникахъ древне-церк.-слав. языка (Р. Ф. В. 1901 г. № 1). — Дурново. Южно-великорусскія дѣепричастія на *мчи* и

мии (ib., 1902 г. № 3). — Дювернуа. О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 10). — Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1875 (срв. „Отчетъ о 20-мъ присужденіи уваровскихъ наградъ“, стат. Потебни). — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Часть 1-я. Кіевъ, 1889. — Zubaty. Zur Declination der sog. -iä- und -io-Stämme im Slavischen (Arch. XV). — Ивановъ. Обь употребленіи члена въ сочиненіяхъ протопона Аввакума (Р. Ф. В. 1893 г. № 1). — Каринскій. Погодинскій Апостолъ 1391 г. (Р. Ф. В. 1896 г. № 3). — Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка (Ж. М. Н. Пр. 1903 г. № 5). — Обь удареніяхъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ (Изв. VI). — Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1887 г. № 5). — Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893. — Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVI вѣкахъ. Варш. 1896. — Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библиографическій очеркъ. Вильна, 1893. — Что такое древнее западно-русское нарѣчіе? (Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ). — Два наматника стараго западно-русскаго нарѣчія: 1) Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и 2) Католическій Катихизисъ 1585 г. (Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 8). — Западно-русскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Имп. Публичной Библіотекѣ (Изв. II). — О языкѣ такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей (Варш. Унив. Изв. 1894 г. № 2). — Западно-русское сказаніе о Сивилѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. (ib., 1898 г. № 11). — Особенности языка и письма рукописнаго сборника XV в., именуемаго Лѣтописью Авраамки (ib., 1899 г. № 3). — Русскія нарѣчія *домой, долой*. Нѣжинъ, 1895. — Два древнѣйшихъ русскихъ документа Главнаго Архива Царства Польскаго въ Варшавѣ (Древности, труды Археологической Комиссіи Имп. Моск. Археологич. Общ. II). — Козловскій. Исслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія. („Исслѣдованія по русскому языку“, т. I; срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г. № 1). — Kolessa. Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals Житіе св. Саввы (Arch. XVIII). — Колосовъ. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Варшава, 1876. — Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878. — Почему въ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *ю* смѣнилось на *ю?* (Филолог. Зап. 1877 г. вып. 2). — Коробка. Звукъ *дж* въ малорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1895 г. № 4). — Кочубинскій. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + *а*, *р* + *з*, *ь* + конс.

Двѣ книги. Одесса, 1877—78.—Какъ долго жилъ русскій супинъ? (Филолог. Зап. 1872 г., вып. 4).—Крыжановскій. Рукописныя евангелія кievскихъ книгохранилищъ. Изслѣдованіе языка и сравнительная характеристика текста. Кіевъ, 1889.—Крымскій. Филологія и погодинская гипотеза (Кіевск. Стар. 1898 г. № 6—8, 1899 г. № 1, 8).—Древне-кievскій говоръ (Изв. XII).—Купріяновъ. Обзорѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской бібліотеки (Изв. Ак. Н., VI, и отд., Спб. 1857).—Лавровскій П. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.—Описаніе семи рукописей Имп. Публичной Библіотеки (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1858 г., кн. 4).—О русскомъ полногласіи (Извѣстія Ак. Н., VII).—Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Ж. М. Н. Пр. 1859 г. № 6).—О Реймскомъ Евангеліи („Опыты филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 6-го выпуска“. Спб. 1852).—Laronde. Les formations verbales de la première Chronique de Novgorod („Mélanges linguistiques offerts à m. Antoine Meillet par ses élèves“. Paris, 1902).—Le Juge. Das Galizische Tetroevangelium von J. 1144. Eine kritisch-paläographische Studie auf dem Gebiete des Altrussischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1897.—Leskien. Das russische *двумя, тремя, четырьмя* (Arch. I).—Лобода. Русскій языкъ и его южная вѣтвь. Вступител. лекція (Кіевск. Универс. Изв. 1898 г. № 3).—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Изданъ кн. М. Оболенскимъ. М. 1851.—Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1888.—Новгородскія лѣтописи (такъ наз. Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1879.—Лѣтопись Аврамки въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“, т. XVI. Спб. 1889.—Ляпуновъ. Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. Вып. I. Спб. 1900 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1900 г. № 1).—Malinowski. Ueber die Endung des Gen. Sing. masc.-neutr. des pronominalen und zusammengesetzten Declination im Russischen und Kašubischen (Kuhn's Beiträge zur vergl. Sprachforschung, VIII).—Maretić. Slavenski nominalni akcent s obzirom na litavski, grčki i staroindijski (Rad Jugoslav. Akademije, CII).—Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave („Bibliothèque de l'Ecole des Hautes-Etudes“). Paris, 1897.—Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien, 1875—83. Русскій переводъ 3-го тома, подъ редакціею проф. Брандта: „Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ“. 5 выпускъ. М. 1884—87 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г.

№ 4).—Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's („Sitzungsberichte“ Вѣнской Ак. Н., XVI) — Милетичъ. Членъ въ болгарскія и въ рускія языкъ (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVIII).—Михальчукъ. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевск. Стар. 1899 г. № 9).—Мочульскій. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго по пергаментной рукописи XIII в. (Записки Новоросс. Унив., LXII; срв. Записки наук. товар. ім. Шевченка, кн. VII).—Недешевъ. Историческій обзоръ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Р. Ф. В. 1884 г. № 3; срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 6).—Некрасовъ. Замѣтки о языкѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку (Изв. I, II).—Никольскій. О языкѣ Ипатской лѣтописи (Р. Ф. В. 1899 г.).—Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880. (дополненіе: „Rozprawy i sprawozdania“ Краковской Ак. Н. по филологич. отдѣл., X).—Pastnek. Die altrussischen und tschischen Participia auf *a* (Arch. XIII).—Петровъ. О давности малорусскаго языка и степени его самобытности (Московск. Обзорніе 1878 г. № 4).—Повѣсть временныхъ дѣлъ по Лаврентьевскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1872.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1871.—Polanský. Maloruské a české *u* místo *y* (Listy Filolog. XX).—Помяловскій. Житіе св. Саввы Освященнаго въ древне-русскомъ переводѣ. По рукописи Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1890.—Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный. Воронежъ, 1881.—Попруженко. Замѣтки о языкѣ новгородской служебной Миней 1095 г. (Филолог. Зап. 1889 г., вып. 3—4).—Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Томы I—II. Воронежъ, 1876; Варшава, 1880.—Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изданіе 2-ое. Харьковъ, 1889.—Розенфельдъ. Языкъ Святослава Изборника 1073 г. (Р. Ф. В. 1899 г. № 1).—Симони. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русскаго діалектологіи и исторіи языка. Выпуска 1-го часть 1-я. Великорусское нарѣчіе. 1. Общая часть. Спб. 1899.—Smal-Stockij. Ueber den Inhalt des Codex Hankensteinianus. Wien, 1886.—Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen (Archiv für slav. Ph. VIII—XI).—Соболевскій. Изслѣ-

дованія въ области русской грамматики. Варшава, 1881.—Очерки изъ истории русскаго языка. Кіевъ, 1884 (дополненія: Р. Ф. В. 1884 г. № 3, 1888 г. № 2).—Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ (Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Древне-кіевскій говоръ (Изв. X).—Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Р. Ф. В. 1886 г. № 1).—Одна особенность стараго новгородскаго говора (ib., 1886 г. № 4).—Славянское *тысяча* (ib., 1885 г. № 1).—Кирилловская часть Реймскаго Ев. (ib., 1887 г. № 3).—Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897. Нарѣчіе малорусское (Жив. Старина 1892 г.).—Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ (Р. Ф. В. 1905 г. № 3).—Замѣтка о вятскомъ говорѣ (ib., 1906 г. № 1).—Замѣтки въ области русской діалектологіи (ib., 1906 г. № 3).—Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вв. и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка (Труды XI Археологическ. Съѣзда въ Кіевѣ).—Соболевскій и Пташицкій. Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в. Изданіе Спб. Археологическаго Института. Спб. 1903.—Срезневскій И. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. 1-е изд. Спб. 1850; 2-е изд. Спб. 1887.—Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрѣніе. 1-е изд. Спб. 1863; 2-е изд. Спб. 1882.—Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885.—Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Записки Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—1881).—Срезневскій В. Муениъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г. (ib., LXXII).—Тихвинскій. Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в. (Р. Ф. В. 1892—1894 гг.).—Torbiörnsson. Die gemein-slavische Liquidametathese. Upsala, 1901, 1903.—Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1883.—Finck. Ueber das Verhältniss des baltisch-slavisches Nominalaccents zum indogermanischen. Marburg, 1895.—Фортунатовъ. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache (Arch. IV).—Халанскій. Къ вопросу о происхожденіи и синтактическомъ значеніи частицы *-ста* (Р. Ф. В. 1901 г. № 1).—Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. I. О присловьяхъ *-стани*, *-ста*, *-сте*, *-су*. II. О членѣ въ русскомъ языкѣ (Изв. IV, VI).—Царевскій. Пергаменный списокъ Евангелія XIII—XIV в., изъ библіотеки Д. И. Образцова, въ Казани (Правосл. Собесѣдн. 1890 г. № 4—5).—Шахматовъ. Beiträge zur russischen Grammatik (Arch. VII).—Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варш. 1893 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 4).—Къ

исторіи звуковъ русскаго языка (Изв. I, VI, VIII). — Русское и словенское аканье (Р. Ф. В. 1902 г. № 3). — Еъ вопросу о различеніи іота и неслогового і въ исторіи славянскихъ языковъ (ib., 1903 г. № 3). — Еъ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (ib., 1894 г. № 3). — Еъ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 4). — Schmidt Joh. Zur Geschichte des indogermänischen Vocalismus. Т. 2-й. Weimar, 1875. — Шимановскій. Очерки изъ исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв. Варш. 1893. — Шляковъ. Статьи по славянскимъ нарѣчіямъ и русскому языку (Р. Ф. В. 1898 г. № 3, 1900 г. № 3). — Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2). — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889 (срв. Р. Ф. В. 1889 г. № 4). — Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Arch. I). — Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen e, ъ, ѓ in den slavischen Sprachen (ib., V). — Zur Berichtigung der altrussischen Texte (ib., VI).

Другія бібліографическія указанія — см. выше, глава II. Смотри также ст. Котляревскаго: „Объ изученіи древней русскої письменности“ (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.; перепечатана въ „Сочиненіяхъ“ А. А. Котляревскаго, изд. Академію Наукъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка.

	Единств. ч.	Двойств. ч.	Множеств. ч.
Им.	вѣлкѣ	вѣлка	вѣлци, вѣлкове
Род.	вѣлка	вѣлку	вѣлкѣ, вѣлковѣ
Дат.	вѣлку, вѣлкови	вѣлкома	вѣлкомѣ
Вин.	вѣлкѣ, вѣлка	вѣлка	вѣлки
Твор.	вѣлкѣмъ	вѣлкома	вѣлки
Мѣстн.	вѣлцѣ	вѣлку	вѣлцѣхъ.
Зват.	вѣлче		

Им.	конѣ	коня	кони
Род.	коня	коню	конѣ, коневѣ?
Дат.	коню, коневи	конема	конемѣ
Вин.	конѣ, коня	коня	конѣ
Твор.	конѣмъ	конема	кони
Мѣстн.	кони	коню	конихъ.
Зват.	коню		

Им.	путь	пути	путьѣ, путиѣ
Род.	пути	путью, путию	путьи, путии
Дат.	пути	путьма	путьмѣ
Вин.	путь	пути	пути
Твор.	путьмъ	путьма	путьми
Мѣстн.	пути	путью, путию	путьхъ.
Зват.	пути		

Им.	жена	женѣ	жены
Род.	жены	жену	женѣ
Дат.	женѣ	женама	женамъ
Вин.	жену	женѣ	жены
Твор.	женою	женама	женами
Мѣстн.	женѣ	жену	женахъ.
Зват.	жено		

Им.	душа	души	душѣ
Род.	душѣ	душу	душѣ
Дат.	души	душяма	душямъ
Вин.	душу	души	душѣ
Твор.	душею	душяма	душями
Мѣстн.	души	душу	душяхъ.
Зват.	душе		

Им.	кость	кости	кости
Род.	кости	костьюю, костью	кости, кости
Дат.	кости	костыма	костымъ
Вин.	кость	кости	кости
Твор.	костьюю, костью	костыма	костыми
Мѣстн.	кости	костьюю, костью	костяхъ.
Зват.	кости		

Им.	мати	матери?	матере, матери
Род.	матере, матери	матерью? матерію?	матеръ, матери? матери?
Дат.	матери	матерыма?	матерымъ
Вин.	матеръ, матере	матери?	матери
Твор.	матерью, матерію	матерыма?	матерыми
Мѣстн.	матери, матере?	матерью? матерію?	матеряхъ.
Зват.	мати		матеру?

Им.-вин.	имя	имени, именѣ	имена
Род.	имене, имени	имену?	именѣ
Дат.	имени	именыма, именема, именома	именымъ, именемъ, именомъ
Твор.	именымъ	именыма, именема, именома	имеными? имени
Мѣстн.	имени, имене?	имену?	именыхъ, именѣхъ.

Им.	горожяне
Род.	горожянъ
Дат.	горожяньмъ? горожняномъ, горожямъ
Вин.	горожяни, горожяны
Твор.	горожяньми, горожяни, горожами
Мѣстн.	горожяньхъ? горожанъхъ, горожахъ.

Муж. р.

Им.	добрѣи, добрыи	добрая	добрии
Род.	доброто	доброю	добрыхъ, добрыхъ.
Дат.	доброту	добрима, добрыма	добримъ, добрымъ.
Вин.	добрѣи, добрыи, доброто	добрая	добрѣи
Твор.	добримъ, добрыми	добрима, добрыма	добрими, добрыми
Мѣстн.	добротомъ, добротѣмъ	доброю	добрыхъ, добрыхъ.

Женск. р.

Им.	добрая	добрѣи	добрѣи
Род.	доброѣ, добрыѣ	доброю	добрыхъ, добрыхъ.
Дат.	доброи, добрѣи	добрима, добрыма	добримъ, добрымъ.
Вин.	добрюю	добрѣи	добрѣи
Твор.	доброю	добрима, добрыма	добрими, добрыми
Мѣстн.	доброи, добрѣи	доброю	добрыхъ, добрыхъ.

Средн. р.

Им.-вин.	добротомъ	добрѣи	добрая.

Муж. р.

Им.	синѣи, синии	синяя	синии
Род.	синего	синюю	синихъ, синихъ.
Дат.	синему	синима, синиима	синимъ, синимъ.
Вин.	синѣи, синии, синего	синяя	синѣи
Твор.	синимъ, синими	синима, синиима	синими, синими
Мѣстн.	синемъ	синюю	синихъ, синихъ.

Женск. р.

Им.	синяя	синии	синѣи
Род.	синюѣ	синюю	синихъ, синихъ.
Дат.	синей	синима, синиима	синимъ, синимъ.
Вин.	синюю	синии	синѣи
Твор.	синюю	синима, синиима	синими, синими
Мѣстн.	синей	синюю	синихъ, синихъ.

Средн. р.			
Им.-вин.	синеш	синии	синяя.
Муж. р.			
Имен.	тъ, тѣтъ	та	ти
Род.	того	тою	тѣхъ
Дат.	тому	тѣма	тѣмъ
Вин.	тъ, тѣтъ, того	та, тою	ты
Твор.	тѣмъ	тѣма	тѣми
Мѣстн.	томъ	тою	тѣхъ.
Женск. р.			
Имен.	та	тѣ	ты
Род.	тоѣ	тою	тѣхъ
Дат.	тои	тѣма	тѣмъ
Вин.	ту, тоѣ	тѣ	ты
Твор.	тою	тѣма	тѣми
Мѣстн.	тои	тою	тѣхъ.
Средн. р.			
Им.-вин.	то	тѣ	та.
Муж. р.			
Имен.	(и)	(я)	(и)
Род.	ѣго	ѣю	ихъ
Дат.	ѣму	има	имъ
Вин.	и, -ь, ѣго	я, ѣю	ѣ
Твор.	имъ	има	ими
Мѣстн.	ѣмъ	ѣю	ихъ.
Женск. р.			
Имен.	(я)	(и)	(ѣ)
Род.	ѣѣ	ѣю	ихъ
Дат.	ѣи	има	имъ
Вин.	ю, ѣѣ	и, ѣю	ѣ
Твор.	ѣю	има	ими
Мѣстн.	ѣи	ѣю	ихъ.
Средн. р.			
Им.-вин.	ѣ	и	я.

Имен.	дѣва, дѣвѣ
Род.	дѣвою, дѣву
Дат.	дѣвѣма, дѣвома

Вин.	дѣва, дѣвѣ, дѣвою, дѣву
Твор.	дѣвѣма, дѣвома
Мѣстн.	дѣвою, дѣву.

Имен.	язь, я	вѣ, мы	мы
Род.	мене, менѣ	наю	нась
Дат.	мѣнѣ, ми	нама, на	намѣ, ны
Вин.	мене, менѣ, мя	наю	ны, насѣ
Твор.	мѣною	нама	нами
Мѣстн.	мѣнѣ	наю	нась.

Имен.	ты	ва? вы	вы
Род.	тебе, тебѣ	ваю	вась
Дат.	тебѣ, тебѣ, тебе, ти	вама, ва	вамѣ, вы
Вин.	тебе, тебѣ, тя	ва, ваю,	вы, вась
Твор.	тобою	вама	вами
Мѣстн.	тебе, тебѣ, тебѣ	ваю	вась.

Род.	себе, себѣ
Дат.	себѣ, собѣ, себе, си
Вин.	себе, себѣ, ся
Твор.	собою
Мѣстн.	себе, себѣ, собѣ.

II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка.

Настоящ. время.

1-е л.	веду	ведевѣ, ведева	ведемѣ, ведемь, ведемо, ведеме
2-е л.	ведешь	ведета	ведете
3-е л.	ведеть, веде	ведета	ведуть, веду.

Имперфектъ.

1-е л.	ведяхъ	всдяховѣ, ведяхова	ведяхомъ, —ы, —о, —е
2-е л.	ведяше		ведясте, ведяшете, ведяшьте
3-е л.	ведяше, -тъ	ведяста, ведяшета, ведяшьта	ведяху, ведяхуть.

Аористъ.

1-е л.	ведохъ	ведоховѣ, ведохова	ведокомъ, — мы, — мо, — ме
2-е л.	веде	ведоста	ведосте
3-е л.	веде	ведоста	ведоша.

Повелит. накл.

1-е л.		ведѣвѣ, ведѣва	ведѣмъ, — мы, — мо, — ме
2-е л.	веди	ведѣта	ведѣте.
3-е л.	веди		

Будущее сложное.

буду, иму, хочю, начьну вести, весть, и т. д.

Будущее совершенное.

буду велъ, — а, — о, и т. д.

Прошедш. сложное.

ѡсмь велъ, — а, — о, и т. д.

Давнопрошедш.

1. бяхъ велъ, — а, — о, и т. д.

2. ѡсмь былъ велъ, — а — а, — о — о, и т. д.

Сослагат. накл.

быхъ велъ, — а, — о, и т. д.

Неопредѣл. накл.

вести, весть.

Супинъ.

весть, весть.

Причастіе наст.

веда, ведучи, веда, род. ведуча,
ведучѣ, ведуча...
ведаи, ведучия, ведучеи, род. ве-
дучаго, ведучеѣ, ведучаго...

Причаст. прош. склон.

ведъ, ведъши, ведъ, род. ведъша,
ведъшѣ, ведъша...
ведѣи (ведѣи), ведѣшия, ведѣшеи,
родит. ведѣшего, ведѣшеѣ,
ведѣшего...

Причаст. прош. спряг.

велъ, — а, — о.

Причастіе страдат. наст.

ведомъ, — а, — о.

Причастіе страд. прош.

веденъ, — а, — о.

Настоящ. время.

1-е л.	ѡсмь, ѡсми	ѡсвѣ, ѡсва	ѡсмь, ѡсмы, ѡсмо, ѡсме, ѡсмѣ?
2-е л.	ѡси	ѡста	ѡсте
3-е л.	ѡсть, ѡ	ѡста	суть, су.

Настоящ. время.

1-е л.	дамь	давѣ, дава	дамъ, дамы, дамо, даме
2-е л.	даси	даста	дасте
3-е л.	дасть, да	даста	дадять, дадя, дадутъ, даду.

Повелит. накл.

1-е л.		дадивѣ, дадива	дадимъ, дадимы, дадимо, дадиме
2-е л.	дажь	дадита	дадите.
3-е л.	дажь		

УКАЗАТЕЛЬ.

- Абрамъ 145
абы 245.
Авдотья 82, 81, 124, 132
авось 95
Аграфена 85, 130
ажъ 95
азбука 215
аистъ 127
Акатій 132
Аксинья 80
Акулена 85
аларъ 144
Алгинья 85, 124
Алдакея 124
Алдакмыъ 124
Алдогья 124
Алексѣй 72
Алена 32, 81
Алпатовъ 124
Алгухъ 124
Алферъ 32, 63, 81
Алфимъ 124
андель 133
Анисимъ 80
Анофрей 80
Анучинъ 81
аньель 127
апекать 133
Апраксея 72
апрѣль 85
Апуртинъ 81
ать, ать 168
Ахлестышевъ 81
бабенка 185
багать 90
баенка 109
байна 109
баринъ 101
барсукъ 81
барышня 107, 139
батя 184
батушко 185
бачка 98
бджола 105
бѣгъ 66
Безна 112
безмыль 65
безтопочъ 64
безымянный 87
бей, повел. 233, 100
белена 24
бервно 49
бервно 27, 28, 49
берега, мн. 217
берковецъ 145
берно 49, 111
берный 109
берцовый 112
беседа 66
бестыжій 148
бесѣда 271
бншь 82
благодарить 126
б. агодарствуи 95
благословить 126
блажень 63
бласловить 125
блескъ 64
близорокий 150
блоха, блыхъ 47, 59
богаты 126
Богородицынъ 146
Богухвалъ 126
Богущъ 126
бока, мн. 218, 221
бокоуша 142
богѣзный 109
Боушь 126
боязно 109
бойра 218
бойрини, им. ед. 216
бойришникъ 101
брадобрѣй 72
бразда 81
братія, -ья 191, 220,
222
братчина 106
Брашевая 76
бревпо 28, 49, 111
бредъ 64
брежжиться 72
брезгать 64
брѣшу 63
бровя 215
бронить 83
Брошевая 76
брови, род. 58
брѣю 72
Брянскъ 49, 113
буде 246, 249
будеть 250
буква 215
буль 102
Буславъ 126
бути 102
Бухвастовъ 126
Бухряковъ 126
бѣдръ 170, 272
бы 95, 244, 245, 270
было 168, 243, 270
бысть 235
бѣгу, -жишь 248, 250
бѣжество 109
бѣздна 58
бѣйство 109
бѣлена 24
бѣсѣда 90
бюогъ 66
Вазуза 81
Ваня, -ятка 184
Варвара 144
варягъ 20
Васеня 184
Вася 185
Вауха 141
Вахромѣй 129, 144
ваю, вин. 199
Веденей 145
ведра 65
ведро 72, 270
ведѣъ 65, 102
векша 64
великатный 145
вело 250
верблюды 144
веревка 28
Веремія 145
верей 72
вертебъ 120
вертепъ 63
верхъ, 28, 64, 170, 272
верьба 28
верхъ 28
ветошь 64

- веткій 64, 271
ветчаный 106
ветчина 106
вечеромъ 271
взаимный 57
взаимы 271
взяты 212
виноходець 145
вирша 75
вита 82
вишь 251
Віада 53
віварь 142
вісторокъ 54
від- 142
відкіля 87
вінь 142
владнѣць, род. 202
влѣку 71
виѣстяхъ 178
внезапу 100
внутри 146
внучата 271
вобла 142
вобче 65
вова 142
военный 57
вожатый 186
вождь 21
вождятся 22
волокъ 28
Володимерь 70
волторникъ 124
волокъ, волкъ 53
Вольга 142
вольготный 55
вонзень 262
вонъ 96
воовыа 51, 142
воробей 231
Воронезъ 82
вороньё 220
восемь 142
воспа 142
вспода 126
вострый 142, 143
вотчимъ 142
вотчина 142
воть 96, 142
вредъ 23, 68, 71
время 23, 71
временъ, род. 87
всее, -ѣ, род.-вин. 65, 201
всеѣ, дат. 203
всєды 124
всєнощная 63
всѣхъ, род. 189
встрѣча 114
вѣь, мн. 153, 196
вѣьма 167
вусли 126
вн, дв. 206
выму 100
выняты 100
высшій 138
вѣдь 93
вѣжь, -те 251
вѣкоуша 142
вѣса, мн. 218
вѣтрало 185
Вязьма 116
Вячєсловъ 150
Гаврило 185
Ганадей 91
гараздъ 90
Гарасимъ 91
гарачій 90
гдѣ 65, 103, 127
глаза, мн. 218
глазкы 271
гламатая 186
гледы 89
глубже 105
глычу 59
гнѣзда 65
гнєю 47
гнѣдко 185
голка 92.
головешка 63
гончаръ 111
горностаій 98
города, мн. 217, 221
гортань 55
горшокъ 137
горючмя 276
господа 191, 219, 221
господарь, -суд- 125
господине, зв. 191
гость 175
гоцкій 108
гратањь 90
грати 92
гребень 56
Григорій 144
Гриць, -ко 43, 284
грьтань 55
грьбъ 139
грьтань 55, 58
грьть 149 —
гусєнята 184
гусь 273
гыть 149
гзотъ 66
дажь, -шь 251
Даніло 185
дамь, наст. 250
дасть, 3 л. 118
Дѣбранєскъ 49, 113
два 204, 208
двадцать 223
дванадцать 206, 208, 223
дверима, тв. 209
дверь 49
двинуть 29
двома 168, 296
двоу, род. 168, 207
двоуь, род. 168, 207
двушь 207
двуля 166, 207, 222
двушь 207
дѣьма 168
дѣьнадцать 206, 208, 223
дѣьсти 82, 208
— де 96, 127, 149, 250
деверь 72
делесе, род. 90
деревье, -я 220
дєскать 64
дєсна 82, 83
дєсатильникъ 109
длѣ 99
днєсь 47, 273
Добряноскъ 49, 113
дожь 35
дожьць 22, 37
доколя 87
доловь, -ой 94
долото 24
домовь, -ой 94
домъ 168
дѣрять 83
Дорохъ 129
доска 47
досканецъ 112
достоканъ 81, 112
дочере, вин. 201
дочка 271
дочь 97, 217
дошка 137, 138
дошь 22, 37
дошечка 137
дрєбєзьць 72
дрєвній 72
дрємать 72
дружена 85
дружко 185
дружьа, -зья 146, 220, 221
крыва 58, 59
дрыжати 58, 59
дубьѣ 220
Дурново 276
духи 271
душевный 64
дуу 249
дхоръ 112
-дцать 97
дѣвочка 271
дѣвчонка 185
дѣловь, род. 174
дѣля 99
Дѣуинно 142
дѣдєвья 221
дѣдья 219, 221, 222
дышу, -шь 248
Дурній 132
Евгнїя 85
Евдєнья 133
его, вин. 201
едва 31
единъ 31
ее 65, 71, 152, 201
єженка 31
єжь 31, 68
єзеро 31
єкогда, єкому 64
єлень 31
Елїсїй 72
єлка 64
єнь 101
Ермоєнъ 127
єсєнь 31
єси 265
єсли 112, 250, 266
єсми, -о, -м 161, 279
єсмь 167
єсмь, єх. 118
єсмля 161
єство 111
єсте, 2 л. 64
єсть 118, 160, 246, 264
єстя 162
єфимонъ 145
єще 31
єѣ 152
ждать 114
-жды 104
жегуля 143
жєлєза, -оза 24, 143
желобъ 24
жемчугъ 64
женішкѣ, -ище 137
женскій 64
женщина 111, 137
женю 250
жерло 98
жертва 63
жерца, род. 50
жєше 66
жидєнята 184
Жидимонъ 132
жидова 218
Жидьслаичъ 36
жизитель 143
жизный 109
житє 68
жмурить 145
-жь 95

- забіака 283
 завтра 122
 завтракъ 81
 завтрена 122
 загазка 143
 заёмъ 57
 зазуба 148
 заецъ, -яца 99
 закоулокъ 142
 залізо 143
 залоза 143
 замужъ 201
 заправило 185
 запречъ 84
 заря 80, 277
 васъ 96
 заяцъ 99
 звѣздн 65
 звенѣть 47
 звѣзда 29
 звѣрь 273
 зга 112
 здоровъ 102
 здракъ 114
 здрасувѣ 111
 здра 114
 здѣсь 95, 102
 зѣвъ 66
 зегзица 126, 148
 зезуба 126, 148
 зезубо 143
 земель, род. 54
 земельный 54
 земскій 64
 земчугъ 145
 зема 22
 змѣй, -я 72, 232
 зозуля 126, 148
 золовка 27
 золоба 90
 золѣзо 143
 зорить 148
 зоря 80, 277
 зъ 92
 зѣвъ 66
 злбры 145
 зать 175
 затяга 220, 221
 и, вин. 201
 Иванча 184
 Иванъ 142
 Ивона 142
 иѣта, иѣты 258
 Ижеславъ 144
 изба 112
 изощрать 21
 изъ 92
 Илнархъ 80, 144
 имаамъ 167
 иму, 1 л. 237
 иня 271
- иня, дат. 166
 индрикъ, инорогъ 114
 иржа 55
 Ирпа 55
 исподволь 98
 истецъ 183
 истреба 112
 ишоль, -шло 147, 148
 ищель 30, 44
 Івага 53
 Ыльвѣ 55
 ыльняний 55
 ыня 140
 ирвати 55
 иржати 55
 кабатчикъ 106
 кадельница 85
 казачья 220
 какъ 96
 калата 80
 Калуга 76
 калуеръ 127
 камень, -ня 56, 193
 камъ 96
 камн 193
 канархати 150
 капелька 54
 капрнъ 139
 караводъ 126
 Карманнъ 99
 карманъ 81
 Карташовъ 99
 касатка 80
 Катя 184
 кафельный 129
 качанъ 81
 качну 107
 Кашира 81
 квалитъ, кв- 29
 квѣтка 29
 Кледронъскіи 43
 кеиъ, род. 199
 кесемка 138
 Кесь 40
 кирпячатый 106
 Кить 133
 Кіевъ 233
 кій 233
 кіятръ 133
 клесть 64
 клешия 137
 клеши 64
 клехтатъ 106
 княгини, им. 216
 книгочей 217
 княже, зв. 191
 княжья, -зья 146, 219
 княжня 127
 ковада, -н 126, 130
 ковчегъ 63
 когождо, им. 197
- кождо, род. 126, 197
 козель 271
 козы 271
 кобмы, мн. 88
 кола 177
 колячъ 80
 колбачъ 20
 колдн 124
 колебать 72
 колесо 177
 колндоръ 144
 колодезь, -ць 82, 145
 колокола, мн. 218
 колоколь 144
 колмбелъ 72
 колье 220, 221
 колѣни 82
 Коля 184
 конешно 107
 корей 56
 кормчій 217
 корогодъ 126
 королева 63
 корысть 140
 Коенятинъ 145
 косоуръ 142
 Костанкинъ 138
 косятчатиъ, -ящ- 106
 котать 83
 крапва 81
 крви, род. 55
 крестить 49, 54
 крестъ 63
 крестьяна, мн. 218
 крестьянинъ 145
 крещу 250
 кривавъ 58
 крома 87
 крбсонька 83
 крбю 232
 крупятчатый, -ящ- 106
 кры 193
 кривавъ 59
 кривн, род. 69
 крикъ 139
 крыло 139
 крылось 145
 крынка 139
 крью 232
 крышка (=кро-) 59
 кстать 49, 54
 кте 105
 кувшанъ, кук. 129
 кудри 211
 кумовья 221
 княжьр 85
 купель 72
 куры 211
 кудня 129
 кухольный 109
 Къснятинъ 113, 145
- кѣмъ, тв. 187
 лазутчикъ 106
 лакомъ 25
 лапта 81
 лапша 129
 Ларивонъ 142
 ласковъ 81
 ластаться 138
 ласточка 145
 Латина 221
 Латмирова 143
 Латнгора 143
 лебедъ 84
 лебро 144
 леблжій 84
 Левонтій 142
 Левтей 193
 левъ 63
 лежокъ 271
 легче 66
 легчи, неопр. 259
 ледъ, льда 56
 лейстровий 144
 легбать 144
 лепешка 63
 лесора 144
 лещъ 48
 летать 74
 лехчи 259
 лещъ 63
 ли (гляди) 149
 лифа 128
 Лѣфинъ 128
 лицаръ 144
 лишъ 95
 лобъ 48
 Логойскъ 109
 локотъ 271
 локша 129
 Лотыгола 143
 во лузлахъ 178
 Лукерья 145
 лутче 106
 -ль 96
 -льза, -я 87
 Лѣто 55
 лѣваръ 65
 лѣпши 54
 лѣска 65
 лѣстница 112
 любезный 64
 любя 215
 люблжій 110
 макітра 53
 Маланья 91
 Малефей 128
 мальчашка 185
 Мамефа 63, 128
 маненько 143
 Мартыанъ 133
 Маруса 284

- Масальскъ 81
 Матвѣй 72
 матери, вин. 201
 мати, неопр. 92
 мать 97, 217
 медить 90
 медь 170, 272
 мелкій 164
 меля 86
 мене, род. 65
 меновати 92
 менѣ, -я, род. 187
 Меркуль 144
 нефимонъ 145
 Метивбожье 141
 мжурить 145
 мизинецъ 82
 Михайло 185
 мново 126
 мясо 140
 мого, мово, род. 100
 моехъ, род. 186
 мойго, род. 97
 можжевелникъ 142
 мозу, 1 л. 248
 молвию 250
 молитовникъ 54
 молнія 49, 216
 молайчикъ 109
 молоко 211
 молоко 24
 молонья 27, 49, 216,
 271
 моля 148
 москотельный 109
 мотчаніе 90
 мохти 259
 мохъ 48
 мѡу 49, 232
 му, 1 л. 238
 мудръ 272
 мужевья 221
 мужило 185
 мужичшка 185
 мурмане 143
 мущина 111
 мъю 49, 231
 мы, дв. 206
 мы, дат. 97
 мъю 49
 мѣстовъ, род. 174
 мѣти, неопр. 92
 мягокъ 105
 надѣвнвать 66
 надо 149
 нападки 211
 натошакъ 145
 наче 92
 начну 107
 нашестка 64
 наю, вин. 199
 ндравъ 114
 небель 145
 небо, -есть 63, 270
 неводръ 64
 невѣдъ 98
 недоросль 64
 некогда, -кого 64, 250
 некрутъ 145
 Нелидъ 145
 нельга, -зя 87, 249
 немудраціи 110
 ненависть 64
 неслухъ 64
 неучъ 64
 Нефедъ 128, 145
 нефимонъ 145
 неча 126
 нечестивый 108
 нехота 64, 271
 нешто 250
 нигдѣ 65, 103
 ннзшій 138
 Ничипоръ 138
 нишки 112
 нозри 115
 нонь, -че 98
 нонѣ 47
 ночесъ 47, 273
 ночлегъ 64
 ношати 186
 нутро, -яной 146
 нынче 98
 нѣмедкій 108
 нѣтъ, -у 94, 249
 нѣтути, -ь 97
 нятець, -ти 146
 оба 205
 обаполь 97
 обвать 148
 обережати 186
 обернуть 148
 обждать 139
 обижу 250
 облака, мн. 218
 обозъ 148
 обороти 148
 обою, -у 168, 199
 Обрамъ 145
 объѣзаться 148
 объѣзчикъ 136
 объѣдъ 148
 обязать 148
 Овгенія 32
 Овдогья 32, 53, 81,
 132
 оводъ 81
 овторникъ 54
 огни 109
 огонь 63
 Огрофена 85, 129
 одва 31
 одежда 21
 одежа 63
 одинадцать 223
 одинъ 31
 однихъ, -ихъ, род.
 189
 одное, род. 201
 одѣтъ, мн. 188, 196
 одъ 111
 ожина 31
 ожъ, -жъ 31
 озеро 31
 озорной 148
 ойгеть, ойца 109
 оковы 211
 околесница 65
 окромя 87
 Оксинья 80
 оксамить 32
 октенія 32
 Окулена 85
 Олена 32, 68, 81
 олень 31, 56
 Олешь 82
 Олсѣй 32
 олово 31
 Олсудьей 124
 Олтухъ 124
 Олферъ 32, 63, 81
 Олфимъ 124
 ольняной 55
 Ольо 55
 омела 31
 онодксы 127
 ономедни 273
 онѣ, мн. 188, 196
 опека 64
 опеть 89
 Опикауръ 32
 опитемья 32
 оплеуха 142
 опосла 87
 Опраксея 72
 оргень 133
 орель 31
 оржаной 55
 Орша 55
 орябокъ 98
 осѣдланъ 66
 осѣдлый 66
 осень 31
 Осипъ 129
 Ослебатовское 184
 ослѣпъ 66
 Остакъ 129
 острее 47
 остръ, -еръ 53, 170,
 272
 осударъ, оспо- 125
 осуждать 21
 отворить 148
 отместка 64
 ото 66, 96
 отъявленный 148
 Офремъ 32
 Офросѣя 85
 охидна 32
 оченята 184
 очи 207
 очима, тв. 207, 209
 очнутъся, очх- 111
 опль 119
 още 31
 паду 250
 памяты 140
 пани, -ья 76
 паромъ 81
 паса 145
 паутина 133
 пашветъ 133
 пей, повел. 231
 пѣкаръ 64
 пекти, -чи 259
 Пелагея 72, 133
 пелева 24
 пенья, мн. 221
 пепель 56
 первый, перъ- 28, 64
 перепель 144
 перецъ 113
 перстенъ 56
 Перфилий 144
 Перхуръ 129
 перчатка 44
 перша 36
 песокъ 72
 пестъ 64
 петля 82
 Петрусь 284
 пехать 49
 печенѣзьянъ 146
 печь 52
 пешня 137
 пещера 63
 Пилипъ 129
 пища 21
 після 87
 піявка 233
 плачевный 64
 плашма 137
 плащъ 137
 племянникъ 87
 плепорція 144
 плеть 56
 плечима, тв. 209
 плѣтитъ 83
 плошка 137
 Пльсковъ 49, 54
 плыву 249
 плѣтъ 24, 71
 плюшка 137
 новость 126

- подёвка 66
 пожадуй, -ста 95
 позёвывать 66
 позже 137
 позыватый 186
 покажеть 96
 Поладья 133
 полова, -ель 24
 полонь 24
 Полтескъ 98
 полгора 111
 поль 170
 польга, -за 30
 польты 83
 Польша 137
 полъня 221
 Полюдь 145
 помон 212
 помяншко 89
 поперегъ 120
 Пополутъ 145
 портомой 145
 поручникъ 106
 послальникъ 109
 послуса, мн. 196
 посолонь 27
 потатчикъ 106
 потолокъ 55
 потчивать 83, 107
 потшю 83
 похизать 21
 почтенный 64
 предметъ 63
 прибаутка 142
 пригоршня 137
 привезно 72
 прытолка 56, 99
 прытчана 141
 приёмъ 57
 приобрѣлъ 65
 причъ 95
 провозатый 186
 пройда 186
 прокладаться 144
 Прокофій 130
 пролубъ 144
 пронаень 262
 пронащій 106
 проскура 129
 просторный 56
 протомой 145
 протуаръ 145
 протчій 141
 прохладаться 145
 Прохоръ 144
 прочхнуться 112
 прочъ 95
 прыть 120
 прыщъ 139
 прыный 113
 Псковъ 49, 54, 112
- пустать 133
 пустомеля 186
 пустыня 96, 217
 путь 175
 пчела 105
 пшпърь 113
 пъяни, мн. 196
 пѣнье 271
 пѣсельникъ 109
 работа 25
 ради, мн. 196
 радощный 137
 радуміе 150
 ражнѣвати, раз- 29
 раз- 25
 развѣ 25
 раззорить 148
 разянуть 148
 разина 148, 186
 разнощикъ 136
 разумъ 25
 разъвать 148
 ражита 25
 рало 25
 распра 25
 расти 25
 ратай 25, 186
 ребенокъ 90
 ребро 270
 рева 186
 редька 66, 215
 ремень, -мня 56
 ремесло 82
 ржать 259
 рѣзво 105, 107
 рѣзка 125
 рѣща 38
 рка, -у 99, 163
 робенокъ 90
 ровъ, рва 56
 рога, мн. 218
 Родивонъ 142
 рожье 35
 рожье 38
 роз- 25
 розвѣ 25
 розина 148, 186
 розка 125
 розумъ 25
 ролья 25
 ропоть 48
 Рославль 98
 росоль 148
 рости 25
 ротъ, -а 48
 руга 39
 ружье 98
 рукава, мн. 218
 рускій 108
 рудѣ, мн. 205
- ручей 232
 Рѣша 55
 рыболове, мн. 150
 рыгать 139
 рыкать 139
 рынуться 139
 рыскать 139
 рысь 114, 139
 рычать 139
 рѣка, -у 99, 165
 рѣдка 66
 рѣсница 82
 рѣшетчатый 66
 рѣшиться 143
 рѣшу 250
 рябина 93
 рябъ 93
 Рясничанъ 82
 са, прич. 165
 -са 138
 Савастьянъ 91
 Садке 193
 саманъ, -нхъ 188
 самое, род.-вин. 65, 201
 самою, вин. 199
 саманъ, род. 189
 свадьба 104
 сватова, мн. 218
 сватовѣ 220
 сватовья, мн. 221
 сватѣ, мн. 216
 свекрова, -ры 215
 сверепъ 66
 сверло 112
 Свел 218
 свидѣтель 82
 свирѣбъ 66, 82
 свистать 29
 свѣчей, род. 179
 святый 140, 273
 свѣтки 211
 Святславъ 98
 священникъ 109
 себе, род. 65
 себе, дат. 158
 себѣ, -я, род. 187
 сѣла, мн. 66
 сѣдьмой 54
 сее, вин. 211
 сей 230
 селетаръ 144
 селгоду 124
 селезенка 24
 селезень 24, 56
 Селиверствъ 145
 Селгеръ 144
 семь 266
 семья 72
 сентябрь 150
- Сергѣй 72
 сердоликъ 145
 серце, -чатъ 112
 серебро 275
 серязь, -лга 93
 -ся 101, 256
 сидѣть 91
 сись 233
 -скать 149
 скверный 09
 сквозь 93
 скверъ 190
 скирдъ 133
 склянка 112
 скорлупа 98
 скривжеть 58
 скрыпъ 139
 слаже 105
 слаще 137
 слезина, тв. 209
 слюни 211
 слыну 249
 слнза 58
 смеретушка 28
 смоква, -я, им. 215
 снигиръ 82
 во сннхъ 178
 Снитинъ 113
 собирать, -боръ 48
 собѣ, дат. 158
 совѣсть 48
 совѣтъ 48
 соглядатай 186
 содѣть, 1 л. 83
 создамъ, 2 л. 168
 сокира 72, 76
 Соколиный остр. 145
 соловой 231
 соловоротъ 27
 сонце 112
 Сопронъ 129
 Сорочина 218
 сосенка, -сон- 54
 сосу 47
 сосудъ 48
 сосѣди, мн. 198
 сотельный 109
 сотъ, им. 48, 119
 спасибо 127
 спина 113
 Срачина 218
 срѣбный 112
 срѣбро, -ло 23, 144
 -ста 149
 стакашъ 81, 112
 сталовѣръ 144
 старѣшина 110
 стекло 47
 Стекольна 145
 Степанъ 129
 стержень 55

- Стецко 284
 ствртъ 138
 стихвраль 143
 сто 224, 270
 стоило 99
 стокъ 111
 столбъ 120
 стома 166
 сторожа 219
 стлпаца 113
 стража 219
 стражъ 114
 стрезень 55
 стреляный 87
 строкъ 114
 струбъ 114
 стрѣй, стрѣй 231
 стрѣжѣнъ 59
 стрѣля 59
 стрѣл- 114
 -су, -сѣ 149
 суда, нарѣч. 139
 сударыня, им. 216
 судебный 64
 судия 215
 Судъ 20
 Суздаль 143
 сумеречный 28
 Супрунъ 129
 суровскій 145
 сусѣдъ 65
 сусѣда, мн. 198
 сутолка 99
 суть, 3 л. 264
 схимонахъ 149
 счастьявъ 112
 счетъ 136
 -сѣ 149
 -си 139
 сынова, мн. 218
 сыновлѣ 220
 сыну; зв. 191
 сынъ 170, 272
 сыръ 273
 -сѣ 96
 сыкати 92
 съдло 66
 съдѣти 91
 съквѣра 72
 съмѣт, нарѣч. 96
 съмянъ 87
 сърко 185
 съхъ, род. 189
 сюда 139
 ся 256
 такъ 96
 тамъ 96
 тараторить 81
 тароватый 81
 татарова 222
 татрять 90
 тать 175
 тверезный 145
 твоехъ, род. 189
 твѣтъ 143
 те, средн. 101
 тебе, род. 65
 тебе, дат. 158
 тебѣ, -я, род. 187
 телесе, род. 90
 темя 72
 теперъ 91, 149
 теплынь 217
 терзать 30
 тещъ 50, 108, 175
 тетеревей, род. 198
 тетава 82
 тѣтя 65
 теща 47, 63
 Тифиль 128
 тиѣи, род. 215
 тиунъ 39
 то 228
 тобѣ, дат. 158
 тодѣ 127
 тое, род. 65, 201
 тоей, род. 214
 той, им. 230
 толды 124
 топокъ 90
 топеръ 91, 149
 тошнить 137
 треба 87
 тревога 47
 трейтѣй 109
 трема 166, 222
 трескати 64
 трѣсъ 84
 третей 230, 276, 278
 треу, род. 208
 три 194, 208
 тройка 57
 труппа 84
 трывога 59
 трывзна 139
 трывстанка 59
 трѣбѣ 87
 трѣбскъ 64
 трапле 220
 тулубъ, -пъ 120
 тулотка 97
 тутъ 96
 Тѣферъ 128
 тѣиръ 112
 тѣ 227
 ты 265
 тыква 215
 тысяцкѣй 108
 тыхъ, род. 189
 тыща, -онка 99
 ты, дат. 97
 Тѣхверъ 128
 тѣ 188, 196, 209
 тѣсенъ 54
 тѣй, дат. 101, 214
 уболь 33
 Уваръ 142
 увесь 123
 уголь 53
 угольный 54
 угре 20
 удова 121
 ужъ 95
 узелъ, -оль 54
 укропъ 81
 укусъ 39
 уларъ 143
 улизнуть 82
 умершій 66
 умершавя 21
 умершавя 22
 унукъ 120, 121
 ураръ 143
 урождай 141
 урокъ 56
 уса, мн. 218
 усе 121
 усеразъ 93
 уторникъ 120
 въ утрахъ 178
 ухщрение 21
 учебный 64
 учтавъ 108
 ушки 211, 271
 узавяю 22
 Фалексѣй 144
 фаргалъ 129
 февраль 143
 фляинъ 129
 фнифть 129
 флигеръ 144
 флюгеръ 144
 форый 129
 фостъ 128, 129
 фризанъ 146
 Футынъ 128
 Хведоръ 128
 хвистъ 29
 Хима 128
 хитръ, хитѣръ 54,
 272
 Хитрово 276
 Хивря 53, 128
 Ховронья 129
 Ходоръ 127
 холопи 198
 холопы 219
 холщевый 137
 Хома 127, 128
 хоромы 212
 хорный 129
 хоръ 112
 хотца 98
 хохоль 56
 хочу 237
 хочь, хохъ 247
 хошти 247
 хрестить 54, 145
 Хроль 127
 хрусталь 145
 хрушкой 137
 хто 105
 худящій 110
 хуторъ 128
 -ца 107, 138
 цапля 151
 царевна 64
 царъ 111
 цвѣль 29, 66
 цвѣлитъ 29
 цвѣтъ 29, 143
 церква, -я, им. 215
 перьковъ 28
 Цѣна 108
 цо 108
 цоловать 91
 цтя, род. 50, 108
 цѣпъ 151
 чай, -ю 94
 чалъ, -тъ 101
 чаладъ 90
 чанъ 44, 107
 чапля 151
 чары 211
 Чевквнъ 151
 чего 190
 чей 229
 челоувѣкъ 24
 челонъ 24
 чему 95, 168
 чель 151
 черезъ 111
 Череповець 145
 чернецъ 50
 черти 198
 Чертолье 144
 честить 49, 108
 честь 50
 четвергъ, -ры- 28, 64,
 127
 четаре 207
 четырнадцать 98
 четарья 222
 чехвалъ 107
 чечевница 143
 чивый 107
 членъ 24, 63, 71
 чмель 137
 чомъ 95
 чорнобривый 59
 чо, им.-вин. 201
 чтець 50
 чти, род. 50, 108
 чтвѣъ 108

чтѣть 49, 108
что, род. 201
чтобы 245
что, -ишь 108, 248
чу 235
Чуряло 185
чувство 111
чѣсо 108
чѣстивъ 108
чѣстити 49, 108
чѣмъ 187
-ша (=ся) 105
шахъ, -ать 120
Шаша 143
шелемъ, -омъ 24
шеломя 24
шельшина 143
шепчешь 66
шершавый 137

шествовать 63
шесть 64
шесть, шти 56
шея 231
шиворотъ 150
шлемъ 24
шлю 119
шмель 137
шти, им. 119
шти, род. 56
што 106
штѣники 83
шурья 219
щанъ 107
ще 93
щедушный 107
щелка 64
Щепанъ 145
щепка 64

щи 119, 211
щивый 107
щирый 107
що 108, 201
щолка 64
щочка 65
ѣждю 22
ѣждю 37
ѣсть 118
ѣшь 120, 251
ѣшьте 251
э 150
эво, эдакъ, это 31
66
энтоть, эс-, эф- 150
ю, вян. 198
Юрье, -я 192, 217
Юрья 217
ябетьникъ 20

яблоко 47
яблык 58
Явдоха 102
Явтухъ 102
яецъ, яецъ, род.
яечница, ян- 57
яички 211
Яколя улица 36
Якунъ 43
Ярема 102
Ярмола 102
яровчатый 145
Ярофей 102
Ярусалимъ 102
ястребъ 82
Яхямъ 102
яча 82

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	
I. Введеніе	1— 4
II. Источники.....	5—18
III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка .	19—33
Отсутствіе носовыхъ гласныхъ.....	19
Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ ж и ч.....	21
Мягкое л послѣ губныхъ изъ j.....	22
Отсутствіе d передъ л и н.....	—
Полногласіе.....	—
Глухіе з и ѣ передъ плавными	28
Русское начальное о=церк.-сл. ю	31
IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.....	34—38
V. Звуки древне-русскаго языка	39—45
Гласныя.....	39
Согласныя	43
VI. Исторія гласныхъ звуковъ.....	46—102
Исчезновеніе глухихъ	46
Слѣдствія исчезновенія глухихъ	50
Переходъ глухихъ въ чистые.	57
Переходъ е въ о	59
Переходъ ъ въ дифтонги и въ у	67
Отожествленіе ѣ съ е.....	69
Переходъ ѣ въ и.....	73
Аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія .	75
Переходъ е въ а	86
Переходъ а въ е.....	88
Ассимиляція гласныхъ.....	90
Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ.....	91

Стяженіе гласныхъ	99
Измѣненія гласныхъ при вліяніи однихъ формъ и словъ на другія	101
VII. Исторія согласныхъ звуковъ	103—151
Слѣдствія исчезновенія глухихъ	103
Переходъ <i>y</i> въ <i>e</i>	122
Переходъ <i>л</i> въ <i>й</i>	124
Переходъ <i>в</i> въ <i>л</i>	124
Переходъ <i>з</i> въ <i>h</i> и въ <i>j</i>	—
Мѣна <i>ѣ</i> и <i>х</i>	127
Смягченіе согласныхъ	130
Отвердѣніе согласныхъ	135
Образованіе <i>дж</i> изъ <i>ж</i> и <i>тч</i> изъ <i>ч</i>	140
Опущеніе и вставка <i>в</i> передъ гласными	141
Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ	143
Измѣненія согласныхъ при вліяніи однихъ словъ на другія	144
Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ и дѣльныхъ слоговъ	149
Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ	150
VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка	152—168
Формы род. п. ед. и вин. п. мн. на <i>ь</i>	152
Формы косвенныхъ пад. членныхъ именъ прилаг.	154
Формы дат. и мѣстн. п. <i>тобѣ, собѣ, тебѣ, себѣ</i> ..	158
Формы 2-го лица ед. ч. на <i>шь</i>	159
Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на <i>ть</i>	—
Формы 1 го лица мн. ч. на <i>ме</i> и <i>мо</i>	161
Имперфектъ на <i>яхъ, ахъ</i>	162
Давнопрошедшее	164
Причастія наст. вр. на <i>а</i>	164
Неопредѣленное наклоненіе на <i>ть</i>	165
IX. Исторія формъ склоненія	169—233
Смѣшеніе именныхъ основъ (на <i>о</i> и на <i>з</i> , на <i>о</i> и на <i>ь</i> , на <i>о</i> средн. р. и на <i>се</i> средн. р., на <i>о, з, ѣ</i> и на <i>а</i> , твердыхъ и мягкихъ основъ на <i>о</i> , твердыхъ и мягкихъ основъ на <i>а</i> , переходъ именъ съ основами на <i>т</i> и на <i>о</i> въ склоненіе основъ на <i>а</i>).	169
Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ	186
Смѣшеніе падежей (именит. и зват., именит. и винит., род. и винит., род. и дат.-мѣстн., дат. и твор., твор. и мѣстн., дат. и мѣстн.	190

Смѣшеніе чиселъ	204
Смѣшеніе родовъ (потери рода)	209
Вліяніе однихъ падежей на другіе (дател. и мѣстн. п. на <i>къ</i> и т. п., дат.-мѣстн. и творит. пад. ед. ч. на <i>оей</i> и т. п., именит. ед. <i>судья</i>	212
Именит. множ. ч. муж. р. на <i>а</i>	217
Измѣненія въ склоненіи именъ числительныхъ ..	222
Потери склоненія (причастія, сравнит. степень, членъ)	225
Судьба формъ на <i>и</i> и <i>иѣ</i> , <i>иѣ</i> и <i>иѣѣ</i>	229
X. Исторія формъ спряженія	234
Потери глагольныхъ формъ (имперфекта, аориста, будущаго сложн., двойств. числа)	234
Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго	239
Исторія формъ давнопрошедшаго	242
Исторія формъ сослагательнаго накл.	243
Исторія формъ будущаго совершеннаго	245
Исторія формъ настоящаго времени	246
Исторія формъ повелительнаго накл.	250
Исторія формъ возвратнаго залога	255
Исторія неопредѣленнаго накл. (супинна)	257
Исторія причастій	259
Судьба формъ глаголь <i>быти</i>	263
XI. Удареніе	267
XII. Заключеніе	279
Изъ литературы предмета	285
Приложеніе:	
I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка	293
II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка ...	297
Указатель	300

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. И. Соболевскаго,

академика Имп. Академіи Наудъ и профессора Имп. С.-Петербургскаго Университета.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1907.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Не смотря на значительныя измѣненія, наши „Лекціи“ и въ третьемъ изданіи сохраняютъ свой первоначальный характеръ. Мы не гонимся за обиліемъ выписокъ изъ рукописей, если эти выписки представляютъ однообразный матеріалъ, хотя владѣемъ такимъ ихъ количествомъ, что легко могли бы увеличить размеры „Лекцій“ раза въ три. Мы не предлагаемъ ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ и не предаемъ лингвистическимъ мечтаніямъ (вошедшимъ, увы, въ моду въ молодую науку о русскомъ языкѣ). Вообще всѣ наши старанія направлены къ тому, чтобы „Лекціи“ остались тѣмъ, чѣмъ были въ первомъ изданіи,—пособіемъ при изученіи исторіи русскаго языка въ университетѣ.

А. Соболевскій.

196361